

Александр Берзан

КУНАШИР

*Дневник
научного сотрудника заповедника*

Ботаник

Отшельник

Вольный стрелок

Москва 2022

Александр Берзан

КУНАШИР

*Дневник
научного сотрудника заповедника*

Ботаник

Отшельник

Вольный стрелок

Издательство «Перо»
Москва 2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б45

16+

Александр Берзан
Б45 КУНАШИР. Дневник научного сотрудника заповедника. – М.:
Издательство «Перо», 2022. – 376 с.

ISBN 978-5-00204-268-5

Выросший в лесах Сахалина молодой человек, после окончания института, становится ботаником созданного всего лишь год назад заповедника Курильский. И с головой погружается в буйство дикой природы самого южного из Курильских островов – острова Кунашир. День за днём, автор работает в лесах заповедника. Полевые дневники этого научного сотрудника и являются содержанием данной книги.

Для большинства людей нашей большой страны Курильские острова – это цепочка безликих островков, затерянных в бесконечных туманах Тихого океана. И Кунашир – один из них!

Кунашир... Это самый южный из больших Курильских островов. Природа этого острова удивительна! Это бездонный мир дикого леса! Моё детство и юность прошли в лесах Сахалина. Я работал в Поронайском заповеднике на Сахалине, в Лазовском заповеднике в Приморском крае, в Ботчинском заповеднике в Хабаровском крае. Но такой концентрации дикой жизни на одном квадратном метре «лесной поверхности» я не встречал нигде.

Невообразимые лопухи; речки, полные рыбы; медведи, орланы. Лесная жизнь среди вулканов... Многочисленные встречи с реликтовыми растениями, с удивительными птицами и опасными зверями... Полный экзотики лесной мир Кунашира! Затерянные в этом лесном море кордоны заповедника. С утра и до вечера – лес, лес и лес... Это физически тяжёлая и часто, опасная работа.

Эта книга будет интересна тем, кто бредит романтикой путешествий, экспедициями по диким просторам российского Дальнего Востока.

Каждая глава – это год лесной жизни научного сотрудника заповедника «Курильский». Мой кумир Г. А. Федосеев писал об экспедициях геодезистов, о тяжёлой и героической полевой жизни этих людей. А я – постарался простым языком рассказать о лесной жизни научного сотрудника Курильского заповедника. Все встречи с растениями и животными – они абсолютно реальны. Это – буквально зарисовка с натуры! Я старался до мельчайших штрихов, с документальной точностью описать каждую такую встречу. Словами, а не красками, предельно точно нарисовать картину, которую видишь...

Я очень благодарен Алексею Капустьяну, за эту книгу. Без него – ничего не было бы. Я буду благодарен ему за это всю жизнь

ISBN 978-5-00204-268-5

© Берзан А.П., 2022

Содержание

Введение.....	4
Глава 1. БОТАНИК.....	13
Глава 2. ОТШЕЛЬНИК.....	117
Глава 3. ВОЛЬНЫЙ СТРЕЛОК.....	165

Введение

Наш посёлок «Еловое» стоял посреди хаоса сопок, под самым Камышовым хребтом, что в средней части Сахалина. Лесопункт Макаровского леспромхоза. Дома из бруса нашей поселковой пилорамы, крытые дранкой. Вы знаете, что такое дранка? Дощатые заборы огородов, топящиеся дровами печи. Мы не знали вообще, что такое каменный уголь! Восьмилетняя школа. В моем классе было восемнадцать учеников... Больница, пекарня, промтоварный и продуктовый магазины, столовая, детский сад. Клуб. На взгорке перед клубом, высоко на столбе висел громкоговоритель. На всю котловину посёлка он вещал с утра до вечера. Радио – это склянки точного времени каждый час! Это Маяк – все новости нашей страны и мира. Клуб – это кино, каждый вечер. Клуб! Это средоточие поселковой жизни. В клуб взрослые ходили нарядившись, парами, как в театр...

До цивилизации, города «Макаров» в устье нашей Макаровки – сорок пять километров грунтовой дороги, вниз по речке. Речка, у нас – горная.

Сопки, сопки... Целая страна покрытых лишь горелыми пнями и поросших травой, сопок! Сплошными массивами, хвойный лес начинался под хребтом, на уровне нашего посёлка.

С весны, как только сходил снег, как и все мальчишки нашего посёлка, мы пропадали в лесу, на рыбалках. Предметом подражания, у меня были индейцы. Книгу Г. А. Федосеева «Злой дух Ямбуя» мама прочитала нам в младших классах, в качестве семейных чтений. Позднее, я зачитывался другими книгами Федосеева. Я знал, их – все! И это было естественно. Таёжная романтика этих книг была прямо вокруг нас! Она была нашей повседневной, лесной жизнью...

Я, мой младший брат Игорь и мой одноклассник Вовка Казазаев – мы «специализировались» на лесных походах. Нас манил горизонт...

В начале лета, после шестого класса, Шерстнёв Сашка провёл меня с моим старшим братом Сергеем, по тропе через перевал в истоках Сорок второго ручья, на лесопункт Прудный. Для меня – это было путешествие в за-предельно неизведанное.

Под осень, с более старшими парнями Столпецкими Колькой и Петькой, мы с нашим Сергеем перевалили Тумановку и по распадку спустились к речке Горная. Это была таинственная, чужая страна. Местность, где не бывал никто из жителей Елового!.. Речка! Нехоженные человеком берега... Какие крупнющие каменки бросаются на крючок! Первозданная, абсолютно дикая природа...

Май. Раннее утро. Мне четырнадцать. Заспанный, я выхожу на кухню. Мама уже крутится у потрескивающей дровами, печки. Сейчас, весной, коров выпускают пастись так рано...

– Саша! Деточка! – оборачивается ко мне, мама, – Чего поднялся? Иди, поспи!

– Мам, медведь...

– Да, пасётся твой медведь! – ругается на меня, мама, – С самого рассвета пасётся!

Я хватаю взятый у Сергея Соловьёва бинокль и торопливо выхожу на крыльцо. На дворе – совершенно безоблачное, синее небо! А, запах какой! Весна!

Я лезу по широким ступеням лестницы на плоскую крышу сеней. Лестница, в нашем доме – не как у всех. Она – «стационарная», устроена рядом с дверью в дом. Ступени из широких досок.

На, по-весеннему ядовитой зелени крутого склона высоченной Школьной сопки, что гигантской плитой закрывает плато нашего посёлка с севера, я высматриваю чёрное пятнышко и навожу на него круглое поле бинокля. Это – медведь! Я жадно смотрю, как под лучами утреннего солнца, сально лоснится чёрная шерсть на медвежьем

боку! Я долго-долго смотрю в бинокль, на пасущегося над нашим посёлком, медведя. Смотрю, как играют на лопатке бугры его мышц...

С Казазаевым Вовкой мы часто забегаем на Магазиновую сопку, стоящую по другую сторону поселкового плато. Чуть ли не каждый день. Стараясь побыстрее. Каждый день мы стоим над нашим посёлком и смотрим на него с высоты... За много раз, тропинку набили.

– Смотрела, как вы на сопку поднимались! – улыбается мне как-то дома, мама, – Ты прыгаешь вверх, как кабарга. Прыг! Прыг!.. А следом – длинноногий Вовка, как лосёнок.

К концу лета, перед восьмым классом – уже не осталось сопок на горизонте, на которых мы не побывали бы, даже в самых дальних окрестностях нашей, Еловской страны.

...Мы, своей тройкой, шагаем от посёлка, по гряде сопок, в сторону Первого распадка.

– «Путники перевалили через сопку и их взорам открылась величественная картина!» – с пафосом декламирую я, подражая книжным путешественникам.

Высокий, ширококостный Вовка спокойно улыбается мне в ответ.

...Мы стоим высоко – на вершине покрытой ельником, Сирабукской сопки. Мы смотрим поверх острых сопок, далеко на восток, через лежащую далеко под нами котловину с плоским плато нашего посёлка, за острую стену Тумановкого хребта. Там, за Тумановкой, над сопками возвышается грандиозная гора. Покрытая хвойным лесом сопка, на которой стоит гигантский каменный молот, в качестве вершины! Из всех, видимых нам отсюда вершин, мы не были – только на этой.

На следующее утро, мы, своей неизменной тройкой, поднимаемся по Просеке и переваливаем через острый гребень Тумановского хребта. Скатываемся двести метров вниз по крутому травянистому склону – и начинается исток ручья. В чужую страну... По распадку ручья мы спускаемся до речки Горная. Этот путь мне известен, я здесь уже был прошлым летом.

Только теперь – в месте впадения этого ручья в Горную, стоит база лесорубов! Бревенчатые балки, рев трелёвочных тракторов... Лесные, стеснительные подростки, по окраине расчищенной от леса площади, мы обходим стороной человеческое жильё...

– Что встал, Семён? – возле балков, один мужик окликает другого.

– Какие-то мальчишки! – недоумённо отвечает тот, – Вон, там! По краю прошли!

– Шутишь? – сплёвывает его собеседник, – Откуда, им, взяться?

Мы пересекаем лопуховый ивняк долинки Горной и уходим по хвойному лесу дальше, в направлении горы-молота...

Ельники кончились. Выше – кедровый стланик. Мы долго продираемся среди кедрового стланика, вверх по склону... Всё круче становится склон! Вот уже сплошные заросли кедрача прорываются участками голых, каменных плит...

Вот, нам уже приходится карабкаться круто вверх, по краям настоящих скал! Значит, скоро вершина!

Но, однажды оглянувшись через плечо на сопки, на небо – мы понимаем, что у нас уже не остаётся светлого времени, на обратный путь.

– Ну, вот! – расстраиваюсь я.

– Как жаль! – вздыхает рассудительный Вовка, – Возвращаться нужно...

– Ага, – кивает Игорь, – Нам бы засветло перевалить через гребень Тумановки!

Здесь же, среди скал, в кедровом стланике, мы переводим дух. И начинаем скатываться обратно. Нам бы – где время взять?..

Вот. Выбрались! Перекур... Мы устало сидим на узком, как нож, гребне Тумановского хребта. Левая нога свешивается по гладкой каменной плите в нашу Еловскую страну, правая – в сторону Горной.

– Фуууу.

– Ну...

– Ага.

Этот узкий, скалистый гребень – только половина нашего пути домой. На западе, на самом горизонте, красное солнце уже зацепилось за зубья высокой стены Камышового хребта. Через час-другой, прямо под нами, в глубоком распадке Сорок второго ручья, наступят сумерки.

– А! Ничего! – устало улыбаемся мы, спокойно глядя на стоящий на одном уровне с нами, малиновый диск, уже не слепящего глаза, закатного солнца.

– Дальше – и так дойдём! По темноте...

– Ну! Тут – мы и так всё знаем!

– Ага! Тут, мы – у себя дома...

Через год наш посёлок закрыли. Такова участь поселков лесозаготовителей...

Дома стоят. Длинные ряды улиц... Людей нет! Никого... Но уже столько раз, практически каждый год, я прихожу к нам, в Еловое. Наш дом – здесь. Он всегда будет здесь... Сейчас осень. Стоит пасмурный день. Дичь и глушь кругом. Я сижу на синем от ягоды обширном склоне нашей ягодной сопки «Первый распадок» и обзираю окрестности. Вокруг стоит первозданная тишина... До звона в ушах.

– Хм! – хмыкаю я под нос, – На сорок километров вокруг – людей нет!

– Нет, нетак! – поправляю я, сам себя – До людей, вниз по речке – сорокпять километров, по прямой. Анасевер, югизапад – вообще неизвестно... Сколько, я, здесь? Первый день – дошёл из Макарова до Тихони. Второй день – дошёл до посёлка. Сегодня – третий день... Домой, клоповки нарвать надо. Ещё – сходить нужно по речке вверх, на Сирабуку, до Девяносто седьмого. Потом – на Флору ещё, заглянуть... Я – у себя дома.

В этом году – мы шагаем в наш посёлок вдвоём, с моим младшим братом. На ручье Тихоня стоит дощатый балок. Это наша ночёвка, половина пути. Утро нас встречает росистое и солнечное. Уже июль и ручей забит нерестящей-

ся горбушей. Дети леса, мы выдёргиваем из ручья самку горбуши и прямо на галечной косе ручья, на зелёном лопухе белокопытника засаливаем икру. Пять минут! Мы «заправляемся» икрой с хлебом и уже через пару минут шагаем по дороге, под рюкзаками, дальше.

– Саш! – хмыкает Игорь, – Нам и костёр не нужен! Чтобы поесть...

Посёлок Соболиное, чуть севернее средней части Сахалина. Мне – уже восемнадцать. Мы работаем на отводах леса. Всё лето, под руководством лесника Петровича, мы с Юрой, двое практикантов лесного техникума, с ватагой местных мальчишек-девятиклассников, живём в большой избе, стоящей на террасе в месте впадения речушки Приторной в речку «Нерпичья», в пяти километрах дальше табора лесорубов. Это – конец лесовозной трассы. Тупик. Дальше нас – вообще никого нет. Дичь и глушь. Зелёное море тайги...

Каждый вечер, большим кругом подростков, мы сидим на поляне у своей избы, вокруг костра. Темнота вокруг и лес. В непроглядной черноте, в двух метрах под нами, то и дело вспыхивает водой, наша Приторная.

– Шлёп-шлёп-шлёп-шлёп! Шлёп-шлёп-шлёп-шлёп!..

Каждый раз, я только скашиваю, на эти звуки, глаза. Я знаю – это горбуша. Там, в речушке, в крошечной темноте, дерутся горбыли, гоняются друг за другом по мелководью. Нам, детям леса, привычны эти ночные звуки. Сейчас, горбушей забит и наш ручей и сама Нерпичья.

– Шлёп-шлёп-шлёп! Шлёп-шлёп-шлёп-шлёп!..

– Хм! – про себя, хмыкаю я, – А так – будто стая медведей носится по речке! Не отличить...

Лето проходит. Отросли до плеч, мои волосы. Загорел – до бронзовости, как индеец. Петрович привёз на грузовике женщину, из бухгалтерии лесхоза. У нас – проверка.

– Петрович! Маугли! Там! По речке пробежал! – я слышу позади изумлённый голос этой кореяночки.

Это не Маугли, это – я. Промчался босиком по галечной косе Нерпичьей, в одних обтрёпанных снизу брюках,

гонясь за проскочившей вниз по речке, рыбой... Всё свободное от лесной работы время, я пропадаю на речке. Я ловлю огромных гольцов. На примитивнейшую удочку! Удилище из срезанного здесь же ивового прута. Одинарный крючок, с икринкой! Нужно суметь высмотреть осторожную рыбину в шлейфе стоящей по всей ширине речки, горбуши. Нужно подкрасться, буквально раздвигая горбушинные тела ногами и тихо-тихо забросив удочку в воду, изошриться подвести крючок с икринкой прямо к гольцовому носу... Поймать такого гольца — это настоящее искусство!

— Больше кетины! — очередной раз удивляюсь я, сам себе, — Таких здоровенных гольцов — никто из местных соболинцев в глаза никогда не видел!..

Курилы. Остров Симушир. Самая середина цепи Курильских островов. Студенческая экспедиция «Магнолия». Мой первый полевой сезон. Геоморфолог Грабков и мы, два студента второго курса института — почвовед Капустьян и я, ботаник. Мне — двадцать два. Мы «тянем» геоботанический профиль через вершину вулкана «пик Прево».

Дикий, запредельный туризм! Помимо всего, в моём неподъёмном рюкзаке — гербарная рамка. Этот, полуметровый по толщине, «кирпич» газетной бумаги занимает половину объёма моего рюкзака...

И восемнадцать килограммовых мешочков почвенных образцов! Знаете, такие стандартные матёрчатые мешочки, для геологических проб?.. Подниматься по склону с таким весом — ещё куда ни шло, а спускаться — вообще проблема. При шаге вниз, одна нога никак не может выдержать эту тяжесть! Шаг! Ещё шаг!.. Мы трудно спускаемся по каменистому ручью, к морю. Я с завистью наблюдаю на Капустьяна — у него штыковая лопата, которой он копает свои почвенные шурфы. На каждый шаг вниз — он сначала упирается своей лопатой в ступеньку камней, что ниже. Лопата, ему — как верный костыль! А мне — хоть зубами скрипи...

Вечер. Темнота. Своей тройкой, мы устало сидим вокруг нещадно дмящего костерка. Почти касаясь языков пламени, на двух, перекрёстно вбитых в бамбуковый склон кольях, сушится моя, туго набитая «травой», гербарная рамка. Моя большая проблема – среди этой вечной влажности подсушить, сохранить от плесени драгоценный гербарий...

Последние полдня мы валили вниз по высоченному кедровому стланику, к морю.

– Алексей! С утра нужно будет сделать один шурфик, – раздумывает Грабков, неотрывно глядя в огонь, – Там, где Саша нас поджидал, в кедровом стланике. Помнишь?

– Ну., – односложно отзывается Капустьян.

– Ааа., – киваю я, переворачивая гербарную рамку другой стороной, к жару костра, – У куста тиса...

– Какого тиса?! – изумляется Владимир Константинович.

– Ну., – поднимаю я, на него, глаза, – Там, среди кедрового стланика, мне попался куст тиса. Широкий такой! Выше человека, высотой. Из-за него, я там и тормознулся.

– Саша! – смотрит на меня, Грабков, – На Симушире нет тиса!

– Ну, что я, совсем дурак?! – недоумённо смотрю я, на командира, – Тиса не знаю?!

– Я ознакомился с материалами всех предыдущих экспедиций! – артачится начальник, – Нужно было определить границу геоботанического подрайона... Я специально, по ареалу тиса, смотрел! Он заканчивается далеко южнее, ещё на Урупе! Может, ты уставшим глазом... спутал?

– Я?! – захлёбываюсь я, – Тис спутал?!

– Всё, Саша! Всё., – отыгрывает назад, Грабков, – Ну... Тогда, это – ботаническое открытие!

Капустьян расплывается в улыбке: «Ха! Мы тис нашли!».

– Ураааа! – уже голосит он, – Магнолия, на Симушире, тис нашла!

– Ладно. Решено, – распоряжается Грабков, – С утра – сразу на склон, к тису! Нужно его зафиксировать!

Отбой. Я лежу в нашей тесной палатке, в своём спальнике.

– Тис.., – крутится в голове опасливая мысль, – Мог я, его, спутать? Откуда я знал, что официально – его, на Симушире, вообще нет?!. Ну, что я, совсем дурак?!

Завершился очередной рабочий день. Сегодня он был – шикарный, солнечный. Закатное солнце золотит травяной пятачок на берегу моря. На этой терраске стоит наша брезентовая палатка. Догорает рабочий костерок. Ветра нет. На море полный штиль. Измотанный за день, я, на пять минут, забываюсь в палатке.

– Бе-е-е-е-е! Бе-е-е-е-е! – непрерывно несётся с моря.

– Каланы.., – ворочается в голове сонная мысль, – Словно, в стаде овец...

До моего уха, через брезент, от костра доносится голос Владимира Константиновича: «Алексей! Где ты, такого, нашёл?!».

– На картошке! – устало отзывается Капустьян, – Вы же знаете – прошлой осенью, после Филлиса, загнали наш институт в Тымовское! Вечером как-то, на нашей базе, я смотрю – мой напарник по погрузке мешков веточки в газеты укладывает! Я его спрашиваю: «Зачем?». Он говорит: «Себе, в гербарий! У нас, на юге Сахалина, у ив – совсем другие листья!». Вы видели в нашем институте, второго такого студента?! Для меня, лес – это ёлка и берёза! Остальное – трава.

– Поэтому, ты – почвовед! – рассуждает в ответ Грабков, – А он – ботаник.

Грабков с Капустьяном – напарники. За их плечами супертяжёлый полевой сезон на севере Кунашира. Тяжёлое, оно сплачивает навсегда. Они больше, чем друзья, они – свои люди...

Глава 1.

БОТАНИК

С момента создания заповедника «Курильский» прошёл только год. Здесь все – новые и всё ново. Но, для меня, растительность Кунашира – обычное дело. За моими плечами целых три полевых сезона работ экспедиции Магнолия, один на Симушире и два – на Кунашире.

Территорию нового заповедника нужно обустроить. И на Кунашир прибыли сотрудники Амурской лесостроительной партии. Приказом директора заповедника, я придаюсь лесостроителям, в качестве консультанта по местным деревьям и кустарникам.

Сегодня – уже двадцать первое мая! Мы, вместе с лесостроителями, выезжаем «в поля», на юг острова... С низины Серноводского перешейка наш, полный народу, бортовой Зил-157 натужно преодолевает затяжной подъём на высоченный «стол» мыса Четверикова. И сразу, машина сворачивает влево, к большому бетонному дому. Теперь, это – кордон нашего заповедника.

Всё! Приехали! Мы спрыгиваем через борт, на землю. Я озираюсь вокруг: «Да! Сезон весенних проталин пролетел в конторской суете». Прошёл уже месяц, как здесь растаял снег! И сейчас, на небе сияет слепящее солнце. Мне в глаза бросается цветочная радуга! Вокруг – невероятно зелёная трава! Ярко-жёлтый ковёр одуванчиков – просто цветник под ногами!

– Ци-цу-ци-ци! Ци-цу-ци-ци-ци-цу-ци-ци ! – над плоскостью высокого мыса стоит нескончаемый звон жаворонков.

Весна! Весна обрушивается на мою ботаническую голову...

Сходу, я «попадаю в руки» молодому человеку, который оказывается лесником заповедника. «Мелкий», су-

хой, очки, «свердловская» бородка, выцветшая на солнце, брезентовая штормовка... Александр Воробьёв тычет пальцем в каждую новую травинку, у нас под ногами. Его бесконечное: «А, это что?» вовсе меня не раздражает...

– Два дня назад, я по Андреевке ходил! – сообщает он мне, – Там, под пихтами, кустики с тёмно-зелёными листьями. Что это? Не знаешь? Они, еще, цветут. Такими мелкими, жёлтыми цветочками.

– Уже сейчас цветут?! – удивляюсь я.

– Ну! – кивает он головой, – А, что?

– Интересно очень! – хмыкаю я, – Так рано!

Оба предыдущих полевых сезона моих работ на Кунашире пришлось на вторую половину лета и осень. Эта Кунаширская весна, для меня – первая.

– Не знаю даже, – озадачиваюсь я, – Мало информации! Вот, глянуть бы, на них...

– Ну, так пойдём! – Александр лёгок на подъём, – Здесь – рядом!

– Пойдём, – озадачиваюсь я, такому радикальному решению проблемы.

И мы с Александром спешим с плато звенящего жаворонками мыса к лесу, через дорогу...

Колее заросшей лесной дороги, через обширную пустошь, заполненную зарослями курильского бамбука в пояс высотой, выводят нас к Андреевке. Мы поворачиваем влево, вверх по течению и неторопливо бредём вдоль берега этой речушки. Высокий, противоположный склон её распадка покрыт хвойным лесом, с плотным подлеском из бамбука, около ста двадцати сантиметров высотой. Если учесть, что уровень моих глаз – сто пятьдесят пять...

– Вон, они! – показывает вперёд рукой, Александр, – Кустики!

Мы подходим ближе – под тенью толстых, раскидистых пихт, на веточках с продолговатыми, тёмно-зелёными, глянцевыми листьями, светятся мелкие, лимонно-жёлтые колокольчики! Я приседаю рядом с веточками на корточки: цветки сидят прямо на зелёном стебле!

– Первым делом, – прищуриваюсь я, через свои круглые очки, на кустики, – Нужно взять пару веточек! Для гербария.

И я пытаюсь сломать одну веточку... Не тут-то было! Ветка гнётся, словно резиновая. Прямо-таки, неестественная гибкость!

– Вот же, чёрт! – злюсь я, стараясь оторвать вершинку веточки, – В любую сторону!

Наконец, бросив бесплодные попытки, я вытаскиваю, из ножен на поясе, свой огромный тесак и взмахнув им, срубая две вершинки. Открываю определитель растений...

– Это волчник! По-научному «дафна».

– Ну и что? – Александру, это название ни о чём не говорит, – Я, о волчнике, ничего не слышал.

– Его, ещё, называют волчьим лыком! – подсказываю я, – «Волчье» – потому, что ядовито. А «лыко» – я думаю, что из-за вот этой, удивительной гибкости.

– Гибкость я вижу! – кивает Александр.

– В европейской части нашей страны, – пытаюсь я «выдать на гора» всё, что помню о волчьем лыке, – Волчье лыко цветёт густо-розовыми цветками, а у нас – вот! Лимонно-жёлтыми.

– Аааа! – прозревает Александр, – Так бы и сказал! У нас, под Ленинградом, оно именно так и цветёт, розовыми цветками!

Ну, вот. Дело сделано. Надо перекурить, да и двигать в обратный путь. Александр закуривает беломорину. Огибая обширные, зелёные кроны обступивших нас, толстых пихт, синий папиросный дымок, нехотя струится вверх...

Я не курю. Я набираю полную грудь, такого душистого, лесного воздуха.

– Ах! – закрываю я глаза, – Хорошо-то как, в лесу! Наконец-то вырвался!..

Экспедиция «Магнолия». Это легенда! Продукт Владимира Константиновича Грабкова. «Студенческая группа по изучению почвенно-растительного покрова Куриль-

ских островов». Первый свой сезон, осенью после второго курса института, в качестве ботаника этой экспедиции, я отработал на острове Симушир. Вулкан Пик Прево! Красивейший из всех! И невероятно трудный... Мы штурмовали этот вулкан дважды – два геоботанических профиля, через его вершину...

Следующий полевой сезон мы провели на Кунашире. Здесь мы «гнали» геоботанический профиль через вершину вулкана Тятя, на севере острова. В третий полевой сезон мы штурмовали кедровые стланики вулкана Менделеева, в средней части Кунашира. Такой же профиль мы проложили через кальдеру вулкана Головнина, на юге острова.

«Магнолия»! Всё – за свой счёт! И проезд, и продукты, и туристическое снаряжение. И это воспринималось нами нормально. Это, ведь – наше, студенческое хобби... А, сейчас? Подумать только! С шестого апреля, я являюсь штатным ботаником заповедника! Мои ощущения? Ха! Мир перевернулся! Я делаю ту же самую работу ботаника, но только, теперь – мне, за неё, деньги платят! Мир перевернулся!..

– Шур – шур! Шур – шур! – чуть слышно, как где-то высоко над нами, на склоне распадка сопки, рывками продвигается по шершавому стволу ели, дятел.

– Ах, какая благодать!..

– Чу! – словно током, прошибает меня тревожная мысль, – Это не дятел!

Не выказывая тревоги, я сижу, весь обратившись в слух, ещё не уверенный до конца.

Тишину нарушает тихий голос Александра: «Слышишь?». Удивлённый тем, что звуки леса интересуют не только меня, я скашиваю на него глаз: «Ага!». И опять замираю, вслушиваясь в звуки...

– Гогг...

Вот! Моё ухо улавливает этот короткий, едва различимый среди какофонии звонких птичьих голосов весеннего леса, горловой звук.

– Медвежонок? – утвердительно спрашивает Александр.

– Да! – теперь уже без всяких сомнений, коротко киваю я, глазами прощупывая лес на склоне, над нами.

– Уходим, – говорит Александр.

Мы встаём с валёжины и тревожно оглядываясь на подступающий к речушке, лесистый склон сопки, уходим прочь. Я очень доволен тем, что направление нашего отступления совпадает с дорогой на кордон. У нас-то, всей защиты – мой большой тесак...

По дороге через бамбуковое поле, шагающий впереди Александр, на мгновение оборачивается ко мне и хмыкает: «Хорошо то, что хорошо кончается!».

– Ага! – облегчённо киваю я, в ответ...

Дни текут своей чередой. У каждого из обитателей кордона на мысе Четверикова – своё дело. Я – ботаник. С утра до вечера, я занимаюсь «свободной охотой». Под потолком кордона сушатся мои гербарные рамки...

Очередное утро. Я – в свободной охоте... По низкой морской террасе, под мысом Четверикова, разлита голубизна хохлаток.

– Привет, хохлатка сомнительная! – радостно здороваюсь я, – Цветок весны!

– О! Ветреницы! Анемона дебилис! Ветреница слабая! – я внимательно осматриваю россыпь мелких беленьких цветочков, в траве под ногами, – Да, как вас много!

Ярко-жёлтыми звёздами, на свежей зелени весенней травы сверкают цветки одуванчика. Рядом с ними блестят лепестками, ещё более яркие цветки адониса.

– Одуванчик аптечный! Адонис амурский! – щёлкают у меня в голове, названия растений.

Ведь, голова ботаника – это ходячий определитель растений. Вся эта весенняя зелень мне очень даже знакома, по родному Сахалину...

По склонам морского побережья, обильно цветёт уже несколько видов фиалок! Я их, конечно, уже определил! Толстая книга «определитель растений» у меня всегда под рукой. И я уже заложил их в свою гербарную папку...

А, как приятна глазу небесная синева мелких цветочков незабудки!

– Ах! – восторгаюсь я этой синеве, у себя под ногами, – Незабудка сахалинская!

Я так рад весенним цветкам! Привычным движением, я снимаю свой ботанический рюкзачок с плеч и, развязав гербарную папку, бережно укладываю между её газетными листами несколько незабудок...

Всё! Я забрасываю рюкзачок за плечи. Вперёд! Моя зелёная охота продолжается...

Вот! На морской террасе, передо мной стоят две клумбы ярко-жёлтых нарциссов.

– Ах! – изумляюсь я, – Нарциссы! Какие махровые! В жизни, таких, не видал!

Из определителя растений следует, что эти цветы, для дикой природы Кунашира не характерны. Оказывается, они завезены на наш остров человеком, являются одичавшими и в настоящее время произрастают по местам бывших поселений...

Всё. Я убираю гербарную папку в свой ботанический рюкзачок и забрасываю его за спину. Можно идти дальше. А я стою и никак не могу тронуться с места. Я грустно смотрю на нарциссы...

– Вот, что значит, время! – думаю я, – В прошлом, кануло всё. И жилища, и даже, сами люди. Ни-че-го нет... Дикое побережье вокруг. Ничто, уже, не напоминает здесь о былом! Ничто... И только каждую весну, по-прежнему пышно, расцветают две клумбы ярко-жёлтых, махровых нарциссов...

На низкой морской террасе, мой, натренированный глаз ботаника, упирается в кустарник, высотой в рост человека. Не сводя с кустарника заинтересованного взгляда, я с ходу подворачиваю к нему.

Тонкие, зелёные прутики... Молодые листочки, пучками, ещё только выглядывают из полураскрытых почек. Я, в раздумье, трогаю прутики пальцами: «Что же это

такое?». Вот, из почек выглядывают зачаточные, ещё не развитые серёжки!

– Вроде бы, на иву похоже.., – пожимаю я плечами, – Но!.. Какая же, это ива?! Если почки располагаются не поодиночке (очередное листорасположение), как у всех ив, а строго напротив друг друга?! Следующие две почки, также, сидят одна напротив другой, но сдвинувшись на девяносто градусов вокруг оси побега. Классическое супротивное листорасположение!

– Сейчас, посмотрим! – я раскрываю определитель растений...

– Вот, так новость! – через минуту моё лицо вытягивается, – Ива! Оказывается, есть исключение из общего правила! Это – ива!

– Представляешь? – в восхищении, я разговариваю сам с собой, – Ива! Блин, это ива!

Удивительно... Особняком от всего «ивового рода» стоит ива Корионаги. В определителе, она приводится только для Кунашира. И опять – как заносной вид, то есть, вид, завезённый сюда человеком.

– Какая-то японская ива! – вслух размышляю я, – Почему японская? Потому, что в её названии «Корионаги» стоит с большой буквы – значит, это фамилия. Эта ива названа в честь какого-то Корионаги... Эту иву сюда привезли люди! Когда-то... И посадили у своего жилища...

Это ещё одна разгадка для моего «ботанического» ума. Я – очень, ей, доволен!

По скалистым склонам морских террас мыса Четверикова разбросаны малиновые пятна из множества мелких цветков. Я раскрываю свою гербарную папку...

По определителю растений, эти мелкие растеньица – это первоцвет Фори.

– Хм! Опять с большой буквы! – хмыкаю я, промежду делом, – Этот первоцвет назван в честь какого-то Фори! Я думаю, что этот Фори был французом, с ударением на втором слог... Наверняка, это опять кто-то из первооткрывателей Курил.

Яркие краски весны радуют мой глаз и душу. После аскетичной белизны зимы, так приятна эта буйная зелень! Я стою на краю высоченного берегового обрыва мыса Четверикова и смотрю вниз, на покрытый ольховником склон справа от меня. Я смотрю на то, как голые ветки ольховника раскачиваются на тёплом ветру. Ветер сильно тянет по склону снизу, от моря. При каждом его порыве, жёлтые облачка пыльцы срываются с переспелых, свисающих тяжёлыми гроздьями с веток серёжек и плывут мне навстречу... Я качаю головой и восторженно улыбаюсь весне: «Ольха курчавая! Целые облачка пыльцы! Никогда такого не видел!»...

Сегодня утром мы отправляемся на Серноводский перешеек. У лесников кордона Александра Воробьёва и Андрея Архангельского, там – свои дела. Им нужно установить два аншлага, обозначающих границу заповедника. Я же сегодня, как всегда, займусь «свободной охотой».

Бездонное, синее небо! Яркое солнце ослепительно сияет над головой. Кругом – такая теплынь! Через пару часов я понимаю, что мы слишком тепло одеты! Я стягиваю свой синий свитер и привычно, по лесному, завязываю его рукавами, вокруг пояса. Кочкарниковая низменность Серноводского перешейка сплошь поросла низкорослым ольховником. Бесконечные кочки этой равнины покрывает ковёр клюквы. Я сбрасываю с плеч свой ботанический рюкзачок, раскручиваю несколько плетёнок клюквы и торопливо (меня никто не ждёт) закладываю их в свою гербарную папку...

Вокруг меня, розовыми шишечками, обильно цветут плотные заросли какого-то, по колено высотой, кустарничка. Необычное и совершенно незнакомое мне растение! Я открываю определитель растений...

– Восковник опушённый! – через несколько минут, я отрываю глаза от книги, – Классно!

– Восковник опушённый,.. – я «пробую на зуб» новое название.

У меня – очередное ботаническое миниоткрытие! Я, ему – очень рад! Я торопливо шагаю дальше, догоняя ушедших вперёд, лесников...

Здесь же, часто встречается другой, более высокий кустарник! Глянцевые, тёмно-зелёные листочки его кустов заметно красят однотонно-серую, после зимы, равнину перешейка.

– Это – падуб! – прикидываю я, – Падуб морщинистый я знаю. Интересно, а это – какой?

Я сбрасываю с плеч свой рюкзачок и торопливо достаю определитель растений...

– Падуб Сугероки! – вскоре восторгаюсь я, – Первая категория редкости!

Из трёх падубов, встречающихся на Кунашире, этот – самый редкий. Как я понимаю, этот падуб назван в честь какого-то японца Сугероки.

Пологие склоны невысоких сопок, образующие северный борт перешейка, сглажены тёмной щёткой хвойных массивов. Шагать по пружинистой, кочкарниковой равнине перешейка трудно. Но постепенно, мы всё же подходим к лесу...

Это пихтарник. Мы входим под крышу хвойных крон. И я с любопытством озираюсь вокруг. Среди пихт и елей, здесь мне часто встречаются деревья тиса. Многие из тисов имеют диаметр ствола – около пятидесяти сантиметров!

– Ух, ты! – радуюсь я, – Настоящие деревья!

Но, что ещё более удивительно, для меня – вокруг так обилен и хорош подрост тиса! Из своего опыта я знаю, что у тиса, с возобновлением, дела везде обстоят плохо.

– Какой подрост! – то и дело, удивлённо качаю я головой, – Какой подрост!.. Я, такой подрост у тиса, вообще нигде не видел!

Здесь же, под моими ногами – масса бутонизирующей клинтонии!

– Клинтония удская! – радуюсь я своей старой знакомой, – Здравствуй, легенда! Здравствуй! Как, тебе, я рад!

Клинтония – это легенда работ экспедиции нашей Магнолии на вулкане Тятя. Легенда!.. Это растение из семейства лилейных. Своими листьями, оно очень напоминает черемшу и ландыш. Но, на высокой стрелке её цветоноса красуются неестественно белые колокольцы! При их описании, в литературе, применяется выражение «фарфоровые колокольцы». Удивительные цветки!

Мы шагаем дальше...

Вскоре, я вижу «вытянувшиеся» под тенью пихт, веточки «краснокнижного» падуба морщинистого. Они привлекают моё внимание алыми ягодками.

– Хм! Откуда сейчас, весной, у падуба – спелые ягоды?! – искренне недоумеваю я, присев на корточки, – Сейчас – весна! Цветут – ещё только самые ранние, весенние виды! Но и они – ещё только цветут! А, у этого падуба – уже спелые ягоды!

Я беру пальцами ягодки: «Вон, какие спелые, налитые!». Несколько минут я не знаю, что и подумать...

– Неужели, эти ягоды висят с прошлой осени?! – вдруг, догадываюсь я, – Ну, точно! А, какие ещё могут быть варианты?!

– Ха! – уже окончательно убеждаюсь я, в своей правоте, – Так – они прошлогодние! Вот, это, новость!

Я поднимаюсь на ноги.

– Хм! – хмыкаю я, оглянувшись на ягодки последний раз, – Надо же! Прошлогодние... А, такие свежие, сочные! Просто, не верится...

В пятом часу дня, на обратном пути домой, мы напрямую режем закруглённые склоны сопок, образующих южный борт Серноводского перешейка. Здесь, лесистые распадки затоплены сплошным ковром черемши! Этот ковер черемши – так плотен, свеж и сочен! Обойти стороной эти «луковые» заросли – нет никакой возможности. И мы шагаем напрямую, под сочный хруст черемши, словно по нескончаемой гряде лука, в своём огороде.

– Хрясь! Хрясь! Хрясь!

Эта неприятная процедура режет мне нервы. Поджав губы, я зло шагаю вперёд, по черемше, по черемше, по черемше...

– Гав-гав! Гав! Гав-гав-гав!

Где-то впереди, залаяла Воробьёвская Люська. Поднимаясь дальше по днищу широкого распадка, через пару минут, мы подходим к вырытой в его склоне норе!

– Гав! Гав! Гав! – весело мечется возле неё, рыжая собака Александра.

– О! Нора!

– Лисья нора!

– Ага!

– Гав! Гав! Гав!

Метров двадцать не доходя до норы, Люська игриво облаивает лисёнка! Зверёныш величиной с кошку. Я смотрю на лисёнка и отворачиваюсь. С его мордочки, особенно в уголках глаз, гроздьями свисают шарики набухших клещей. Отталкивающее зрелище!

Лисёнок ещё не понимает, что человека, а, тем более, собаку – нужно бояться. У него сильный рефлекс на движение и это «чудовище» бодро пристраивается за нами, следом!

– Стойте! – оборачивается назад Александр, – Он за нами бежит!

– Ну! – соглашается Андрей.

– И что с ним делать?! – озадачиваюсь я.

– Кыш! – цыкает на лисёнка, Александр, – Иди отсюда! Но для лисёнка, наши цыканья ничего не значат.

– Блин!

И мы шагаем обратно. Хорошо, что рядом! Александр насильно запикивает лисёнка в его нору, и мы торопливо рысим прочь, вверх по днищу распадка...

– Ну, что? Не видно?

– Нет! Не видно!

– Вроде, оторвались.

Но впереди, Люська уже снова заливается игривым лаем: «Гав-гав! Гав-гав!». Через пятьдесят шагов по распадку, мы натываемся ещё на двух лисят!

– Чёрт бы вас побрал! – матерится Александр, – Люська, нельзя! Пошли, говорю!

Эти лисята – очень «разнокалиберные». Старший размером с небольшую собачку, а его брат – раза в два мельче. Старший лисёнок уже всё понимает – он забился под валёжину, шипит и фыркает оттуда, наносящуюся вокруг с радостным лаем, Люську.

– Гав! Гав-гав!

– Чиф! Фыр!

Его «фырки» приводят нашу собачку в состояние восторга.

– Гав-гав! Гав-гав-гав!

– Нельзя, говорю!!! – кричит на собаку, Александр.

И весёлая, длинношёрстная, жёлтая «лисичка» Люська, нехотя подчиняется своему хозяину...

А, младший лисёнок – ещё совсем глупый, для него «все люди – братья»!..

Двадцать шестое мая. Втроём, с Александром и Андреем, мы выдвигаемся в кальдери вулкана Головнина. Здесь будет база одного из четырёх отрядов лесоустроителей. По пологому внешнему склону кальдеры, мы шагаем по колеям дороги, всё выше и выше. Кругом склоны, покрытые бамбуком и одиночными, корявыми елями...

Ближе к гребню появляются заросли ольховника. Вот! Ниже по склону, метрах в тридцати от дороги, среди тёмно-зелёного моря ольховника, розовым облачком выделяются какие-то кусты! Я останавливаюсь на дороге и бросаю на них пристальный взгляд, из-под своего рюкзака.

– Ух, ты! Это – вишня!

Мы идём тяжело грузёные, под рюкзаками. У меня нет сил заниматься сбором гербария. Сегодня – просто перебазировка, просто транспортный день...

Вот и гребень. Мы выходим на ровный пятачок.

– О! Какая смотровая площадка!

– Ага! Всё вокруг видно!

– Вся кальдера! И не только...

– Перекур!

Мы опускаемся на ковёр низкой травы и высвобождаемся из тугих объятий своих рюкзаков. Пять минут заслуженного отдыха... С этого места открывается шикарный вид! Вся обширная котловина кальдеры перед глазами! После вулкана Тятя, это – наверняка, самое красочное место Кунашира.

Внутренние склоны кальдеры зеленеют бамбуковыми березняками. Прямо напротив нас, через противоположный гребень котловины, с северо-востока, широкой тёмной полосой вовнутрь переваливает сомкнутый массив хвойного леса. На днище грандиозного котла кальдеры возвышаются две островерхие сопки – центральные купола. Огибая их с севера, широкой синей подковой простирается спокойное зеркало озера Горячее. С нашей стороны куполов, в белеющей потёками известковой породы воронке, парит небольшое кратерное озеро Кипящее.

Сегодня стоит чудесная погода. И дальше, на запад, за кальдерой, за тёмно-синей полосой морского пролива, возвышается цепь высоких гор Хоккайдо. Какая грандиозная панорама! Ярко-зелёные склоны кальдеры вулкана Головнина, с голубыми озёрами внутри, тёмно-синий Кунаширский пролив и всё обрамляющий, задний план из высоченных, чисто-белых, снежных гор Японии.

– Ух! – не выдерживаю я, – Красиво как!

– Ну, – кивает, всегда сдержанный Андрей Архангельский.

– Да, красиво, – соглашается Александр...

– Смотри – горы Японии полностью снегами завалены!

Белые.

– Ну. Белоснежные...

– Хм! Япония! Страна восходящего солнца! – хмыкаю я, – На западе! Скажи кому...

– Ну, – кивает Воробьёв, – Для нас – там солнце заходит!

– Если они – страна восходящего солнца, тогда мы – кто?!

– Скорее, это мы – страна восходящего солнца.

– Смотри для кого! – из-за наших спин раздаётся голос рассудительного Андрея, – Для китайцев и для всей другой Азии, они – действительно страна восходящего солнца.

Через пять минут, мы снова влезаем в ляжки своих рюкзаков, поднимаемся на ноги и начинаем спускаться по тропе, в кальдере...

По мере спуска бамбуковый березняк постепенно заполняется высокими кустами кедрового стланика. Сплошной покров бамбука замещается зарослями багульника. Как ни крути – это уже подгольцовый пояс растительности...

– Чудо кальдеры вулкана Головнина! – улыбаюсь я и окликаю идущего передо мной, Воробьёва, – Саш! Знаешь, в чём настоящее чудо кальдеры вулкана Головнина?

– Ясно, блин! Такие виды – даже на Кунашире редкость! – отзывается тот, – Каждый старается сфотографировать эту красоту!

– Нет! – категорически протестую я, – Совсем не это! Это ботаническое чудо! Настоящее!.. Как я упал! В прошлом году! Ты представь: до этого, наша группа Магнолия исследовала высотную поясность растительности на склонах вулканов Тятя и Пик Прево, вулкана Менделеева. Закон высотного распределения растительности! По мере подъёма в горы, пояса растительности в строгом порядке сменяют друг друга. Пояс лесов сменяется поясом криволесья из кедрового и ольхового стлаников. Выше – пояс криволесья сменяется поясом гольцов...

– И что?

– Ха! Год назад мы начали спускаться в кальдере вулкана Головнина... Заметь – спускаться! И я вижу, что по ходу нашего движения, хвойные массивы уступают место бамбуковым березнякам, которые ниже, в свою очередь, сменяются зарослями кедрового стланика и багульника... И, наконец, мы выходим к берегам Кипящего, вообще лишённым растительности. Голая земля, один камень. Голец! Голец, в самой нижней точке рельефа! Когда, он должен быть – в самой верхней... Высотная поясность наоборот! Представляешь?! Всё – вверх ногами!

– Ха-ха-ха! – в голос ржёт, всё схватывающий на лету, Воробьёв, – Это было круто! Вся геоботаника, в твоей голове перевернулась вверх ногами!

– Ну! – тоже смеюсь я, – Это теперь, начитавшись научных трудов по вулканизму, я знаю, что распределение растительности вокруг сольфатар вулканов соответствует нормальной высотной поясности, только – не снизу вверх, а от периферии к центру.

– Ха-ха-ха!

– Вот так-то! – хмыкаю я, под рюкзаком и улыбаюсь, – От окраины к середине! Даже, если это получается, как здесь – сверху-вниз. От окраины источника, блин, к его центру...

– Теперь и я буду знать! – улыбается мне Александр, – Этот вулканический сюрприз...

Вот, уже и нос мой – забивается резким запахом сероводорода! На это, я только коротко втягиваю в себя воздух, чтобы проверить. И тут же выдыхаю обратно: «Фу!». Запах тухлых яиц в кальдере – это нормально, это обычно. Так и должно быть. В тухлом дурмане сероводорода живёт каждый, кто сюда зашёл. Я это знаю. Здесь, в кальдере – наша группа Магнолия стояла лагерем, год назад.

Кальдера действительно представляет собой гигантский котёл, на днище которого шипят газами и клокают поля сольфатар. Его внутренности защищены от ветров высокими бортами. Газы накапливаются в котле, особенно в безветренную погоду, особенно ночью...

Тропа хорошо натоптана. Мы легко спускаемся по ней на днище котловины. Теперь нам нужно пройти по колеям зарастающей дороги с километр влево, в дальний угол кальдеры...

Пришли! Мы стоим среди молодого березняка и озираемся по сторонам. Здесь – обширная, ровная площадка, рядом с истоком речки Озёрная. Промыв, в древности, огромный распадок в глинистом склоне кальдеры, эта речка вытекает из озера Горячее на запад, в сторону Кунаширского пролива.

Первым делом – снять рюкзаки...

– Фууу!

– Пришли.

Я озираюсь по сторонам. Среди молодого березняка, рядом со мной стоит деревце. Метров пять высотой. Оно уже всюду цветёт! Розовыми, яблоневыми цветками.

– Ух, ты! – восторгаюсь я, – Как цветёт!

И я, первый шаг от своего рюкзака, естественно, делаю к нему...

– Вишня сахалинская! – через минуту поясняю я живо интересующемуся ботаникой, Александру, подняв лицо от своего определителя, – Во время цветения, листочки лишь наполовину выглядывают из почек – это характерный признак вишни сахалинской! Из трёх вишен, что растут у нас, только эта начинает цвести до распускания листьев!

Я разговариваю с друзьями, уже вынимая из своего ботанического рюкзака гербарную папку...

Шаг в сторону – и вот! Низкие, в пояс высотой, кусты бересклета.

– Смотри! – удивляюсь я, – Здесь, бересклет – уже с полностью раскрытыми листьями! Ха! Он, уже цветёт!

Кустики бересклета обильно цветут! Мелкими, зелёными цветочками...

А уже, под моими ногами – вся земля устлана ковром тёмно-зелёных, кожистых, округлых листочков!

– Ах! Грушанка! – восхищаюсь я, – Сколько её, здесь! Она бутонизирует!

– Да-аа! – соглашается со мной Воробьёв, от своего рюкзака, – Здесь, в кальдере – значительно теплее.

Мы устраиваемся на ночлег: заготавливаем побольше дров, для долгого, ночного костра, с подветренной стороны натягиваем полог. Но, весна есть весна – с последними лучами заходящего солнца стремительно улетучивается тепло дня! Я натягиваю на себя всю одежду, какая только у меня есть. Но всё-равно, вскоре становится откровенно холодно. Да, ещё потягивает промозглый ветерок...

Пришла ночь. Спальных мешков, у нас, нет. А, без спальников, спать без костра – просто, невозможно! Я попробовал – зубы начинают лязгать громко и неудержимо... Периодически просыпаясь от огнём обжигающего

холода, мы всю ночь поддерживаем наш костёр. Кажется, эта ночь не кончится никогда...

Наконец, первые лучи, перевалившего через восточный гребень кальдеры, солнца золотят верхушки окружающих нас берёзок! Появившиеся невесть откуда, лесостроители приступают к обустройству лагеря. Как трудолюбивые муравьи, они тащат по березняку оставшиеся от старых построек полугнилые брусья и сооружают из них основания для больших брезентовых палаток...

А я? Я – охотник за растениями.

– Так! – я окидываю заинтересованным взглядом закрытые лиственным лесом склоны кальдеры, – Я использую сегодняшний день для обследования окрестностей!

Сегодня, я попробую выглянуть из кальдеры на охотское побережье острова. Александр говорит, что туда ведёт хорошая тропа, проложенная по противоположной стороне распадка Озёрной.

Сбор гербария заповедника – всего лишь одна из моих обязанностей. Ещё, я должен выявлять и картировать места произрастания редких видов растений. А, ещё – я фиксирую даты фенологического развития всяких трав, кустарников и деревьев. А, самое главное – я должен пополнять и пополнять списки растений, растущих на территории заповедника. А, это значит, что мне нужно ходить, ходить и ходить. «Волка ноги кормят» – эта поговорка обо мне.

Речка Озёрная, вытекающая из озера Горячее в сторону Охотского моря, своим распадком прорезает западный борт кальдеры. Заброшенная и заросшая бамбуком, по средней части северного склона распадка, вьётся старая тропа. Склоны распадка, на всём своём протяжении, покрыты смешанным, пихтово-берёзовым лесом. Высоченный, плотный подлесок из курильского бамбука, здесь – практически, повсеместен! Очень часто встречаются деревья широколиственных пород. Особенно част дуб монгольский. Мне, часто, не очень понятно, какой лес стоит вокруг меня – то ли бамбуковый березняк, то ли бамбу-

ковый дубняк. То здесь, то там, видны чёрные, ребристые стволы калопанаксов! Это дерево с листьями клёна – из легендарного семейства аралиевых, родной брат элеутеорокка, аралий, женьшеня...

Насыщенность кальдеры ботанической экзотикой поражает всякое воображение!

– Ботанический сад! – в восторге, качаю я головой, – Это – просто, огромный ботанический сад! Коллекция всевозможных деревьев и кустарников...

Каждое утро, меня будит резкий запах сероводорода. Каждое утро! Этот запах становится особенно резким к утру, накапливаясь на днище гигантского котла кальдеры в течение безветренной ночи.

– Фу!.. Просыпаться от запаха тухлых яиц в нос! – раздражённо думаю я, вяло и сонно выбираясь из огромной брезентовой палатки лесостроителей, – Это круто!

Вокруг – раннее утро. В бездонном, синем небе уже сверкает ослепительный шар солнца. Трава, кругом – густо серебрится белым инеем. Желая стопроцентно убедиться в этом, я приседаю и трогаю пальцами травинки, сплошь покрытые белыми кристалликами льда: «Блин, точно иней!.. Ночной заморозок! Да, ещё какой!.. Удивительно!». И поражаюсь ещё больше: «Сегодня уже двадцать восьмое мая!».

Я торопливо одеваюсь в рабочую одежду и делаю шаг от палаток, под кроны берёз окружающего леса. Шаг – и листья наполовину скрывают меня, второй шаг – и меня вообще нет...

– Сегодня отправлюсь вдоль берега Горячего! – решаю я, – Дальше – видно будет.

Смысл моего петляния по лесам один – это ботаническая разведка...

На озёрной террасе моё внимание привлекают молодые, по пояс высотой, всходы гречихи, листья которой бесформенными трюпочками висят вниз, словно обваренные.

– Не понял! – хмурюсь я, – Горец сахалинский. Что, с ним, такое?

Подойдя вплотную, я внимательно осматриваю растения...

– Да, ведь, они обморожены! – вспоминаю я утреннюю, всю белую от инея, траву.

Я оглядываюсь вокруг. Куда ни взглянуть – всюду видны обмороженные, повислые верхушки гречихи!

– Блин! И красоднев тоже!

Заморозок прихватил и большинство «кустов» красоднева! Я трогаю пальцами его, словно обваренные, узкие листья...

Через несколько минут хода, я нахожу обмороженные всходы чемерицы!

– Чемерица?! Как, такое, может быть?! – изумляюсь я, стоя по пояс в бамбуке, перед тёмно-зелёной куртиной её всходов, – Уж, чемерица – она мороза вообще не боится! Её всходы появляются из-под снега, на проталинах – первыми!

Но, стоило первым лучам солнца коснуться травы – как белый иней на листьях превратился в обильную росу. Всё стало мокро, вокруг! Я шагаю по лопухам и бамбуку и недовольно кошусь на свои мокрые руки и мокрые брюки... А завядшие верхушки гречихи мгновенно затушевались весенним буйством прочей зелени.

– Ци-ци-цу-ици! Ци-ци-цу-ици-ци-ци-цу-ици! – в небе, бесконечными трелями стрекочут, заливаются жаворонки.

– Вот, тебе и всё! – думаю я, оглядываясь вокруг, – Весна – есть весна!..

Ближе к вечеру, в самом дальнем от моря углу кальдеры, на песчаном пляже озёрного берега, я озадаченно стою перед таким стопроцентным обитателем морских берегов, как морской подорожник.

– Подорожник камчатский! – приседаю я на корточки, перед розеткой густо опушённых листьев, – Как это понимать?! Где морской берег, а где ты!

Я распрямляюсь и смотрю вокруг, на склоны гигантского котла кальдеры...

– Тебя, сюда – можно только занести! – качаю я головой.

– А, почему бы и нет?! – пожимаю я плечами, через несколько минут, – Говорят, что в довоенные времена, на берегах озера Кипящее люди собирали серу. А, сразу после войны, на месте где мы сейчас стоим лагерем, много лет стояла наша пограничная застава. Над Озёрной была дорога к морю. Значит, там было активное транспортное сообщение. Повозки, лошади, телеги... Так что, занос сюда семян морских растений под подковами лошадей, да и самих растений морского подорожника, с морским песком для строительства – это самая простая версия.

– Хм! – хмыкаю я, уже другими глазами оглядывая днище кальдеры, высокие борта этого котла, просторную гладь озера Горячее, – Ничего уже нет! Ни японских фанз, ни строений советской заставы, ни лошадей, ни телег, ни самой дороги... Людей! Блин, людей уже нет! Полное безлюдье! Всё кануло в прошлом... И только морской подорожник растёт в глубине острова, куда он, сам – никак забраться не может...

Прошло всего несколько дней с момента нашего появления в кальдере – и вот! Деревья вишни, стоят – все в цвету! Поодиночке разбросанные по внутренним склонам кальдеры, они стоят большими, бледно-розовыми шарами, на фоне бледной зелени сплошного ковра бамбука...

Я стою на днище кальдеры и рассматриваю их в свой восьмикратный бинокль...

– Красиво! – тихо восторгаюсь я, и снова качаю головой, – Ах, как красиво!

На днище посередине кальдеры возвышаются две сопки, высотой метров сто пятьдесят каждая. Это купола. Я стою у их подножия, рядом с котловиной озера «Кипящее». Сегодня мне нужно подняться на вершину ближайшего к озеру купола. Я не спешу. Я, в бинокль, осматриваю склон купола...

Днище кальдеры и нижнюю половину купола покрывают сплошные, низкие заросли багульника. Не того, о котором поют в песне: «Где-то на сопках багульник цветёт,

кедры вонзаются в небо». В той песне поётся о рододендроне сихотинском, который растёт по сопкам Приморья. Я сам видел, как он цветёт, розовыми цветами. Красиво! Там, в народе, его называют багульником. Но наш, настоящий багульник, по определителю растений называется «багульник болотный»... В реальности – это пружинистый ковёр грубых, корявых веточек, высотой не выше колена, с брусникообразными листьями сантиметровой длины, на вершинках.

Верхняя часть купола представляет собой россыпь, из которой кое-где выглядывают серые глыбы древней лавы. На самой вершине купола я вижу маленькие, на таком расстоянии, кустики кедрового стланика.

Вложив бинокль в футляра и внимательно присматриваясь к низкому ковру багульника вокруг себя, я начинаю, не спеша подниматься по склону, всё выше и выше...

Вот и шлаковая россыпь начинается. Значит, половина склона уже пройдена. Неожиданно, из-под моего туристического ботинка, из ковра шикши, на свет божий выворачивается толстая, чёрная головёшка!

– Хм! – озадачиваюсь я. – Головёшка!

Я приседаю на корточки и внимательно рассматриваю её. Это – обугленный кусок сука кедрового стланика, сантиметровой пять толщиной. С каждым моим следующим шагом вверх по склону, таких головёшек становится всё больше...

– Ого! – наконец, осеняет меня правильная мысль, – Здесь был пожар!

Головёшки уже поросли мягким, зелёным ковром шикши – значит, пожар бушевал здесь много лет назад. И горели, здесь – заросли кедрового стланика.

– Склоны этих куполов, раньше, были покрыты кедровым стлаником! – наконец, оформляется умная мысль у меня в голове, – А, я – второй год ломаю голову, выискивая строгий порядок в распределении растительности в кальдере! Какие, блин, закономерности?! Здесь всё сметено огненным ураганом! После пожара здесь царит хаос!

Я отыскиваю укромное местечко на вершине купола и в раздумье опускаюсь на ковёр шикши. Он – сантиметров десять толщиной, но такой густой и мягкий! От постоянно тянущего прохладного ветерка, со спины – меня прикрывает низкий и плотный куст кедрового стланика...

– Что-то, здесь, не так! – прислушиваюсь я, к себе, – Действительность не соответствует тому, «чему учили»! Обычно, чем выше в гору – тем ниже температура воздуха. Поэтому, логично, что весна продвигается снизу вверх по склону. А, сейчас – всё наоборот! У подножия купола, у багульника не было ни одного бутона! В средней части склона наблюдается массовая бутонизация и появляются первые цветки. А сейчас, на вершине купола, вокруг меня – всё бело от цветков! Как, всё это, понимать?!

Через несколько минут память опять возвращает меня в сегодняшнее утро. Перед глазами снова стоит белая от инея, трава...

– А что?! – пожимаю я, плечами, – Эту странность в фенологии кальдеры можно объяснить только одним – весенними заморозками! Ночами и особенно в тихие, предутренние часы, холодный воздух скапливается на днище гигантского котла кальдеры. Холодные ночи!.. А, вершины куполов находятся на одном уровне с бортами кальдеры и остаются недостижимыми для ночного холода. Конечно здесь, в дневные часы, тепло солнечных лучей сдувает ветерок, но, зато, и ночами не бывает чересчур холодно!

Я сижу на мягком, зелёном ковре шикши, на гребне купола и смотрю вниз. Я рассматриваю подкову озера Горячее, раскинувшегося вокруг моей сопки.

– Хм! – хмыкаю я, – Бирюзовое озеро!

Озерцо такого цвета есть в кальдере Крашенинникова, в средней части острова Симушир. Мне, Капустьян о нём рассказывал. Они туда с Грабковым, вдвоём ходили...

Бирюза... Знаете, какой это цвет? Дымчато-зеленоватый. Синий, забелённый белой дымкой... Ветерок покрывает обширную подкову водного зеркала озера мелкой

рябью. Эта водная гладь так причудливо раскрашена! Середина озера – тёмно-синяя. Отступя от берегов метров на двадцать, разбросаны обширные пятна от голубого, зелёного до почти белого цвета. Целая мозаика пятен разноцветной воды!

Я долго-долго смотрю вниз, на водную гладь озера. Она так притягивает взгляд...

Но нужно идти. Я нехотя поднимаюсь и шагаю по гребню купола, в обратную сторону. Я выхожу на южный склон купола. Окончание его снесено воронкой кратерного озера Кипящее. Я потихоньку спускаюсь к озеру...

Здесь, чистые россыпи вулканического шлака чередуются с невысокими кустиками кедрового стланика...

– О! Рододендрон Чоноски! – радостно улыбаюсь я, невзрачным кустикам, – Здравствуй!

Легендарный рододендрон! Первая категория редкости! В нашей стране, он растёт только на Кунашире. А, на Кунашире, он растёт – только здесь! Самая настоящая ботаническая редкость! Экзотика...

Основной ареал этого рододендрона находится в горах Японии. А, назван он – в честь японца Чоноски. Когда-то, русский ботаник Максимович работал в Японии. Целых четыре года! Он не имел права перемещения по Японии и образцы местной флоры ему приносили местные жители. Японец Чоноски приносил Максимовичу массу растений из горных районов Японии... В благодарность этому японцу, через много лет, уже ставший академиком и проживающий в Петербурге, Максимович назвал в честь Чоноски красивейший японский клён и вот этот, высокогорный японский рододендрон.

– Привет, рододендрон Чоноски! – разговариваю я с рододендроном, осторожно трогая его бледно-зелёные листочки, покрытые густой щетиной коротких волосков, – Максимович – таки, увековечил твоё имя, Чоноски!

Тоненькие, сильно разветвляющиеся веточки рододендрона плотно-плотно растут друг к другу. Так, что этот кустарник напоминает собой кочку, высотой по моё колено.

Невзрачные, жмущиеся по россыпи вулканического шлака между валунами древней лавы, кустики этого рододендрона тяготеют к самым ветробойным участкам склона.

– В ботанике есть понятие – «подушковидная форма», – качаю я головой, – Как точно сказано! Подушка – ты и есть, рододендрон, подушка!

Весь облик этого рододендрона – яркое свидетельство приспособления к жизни в условиях высокогорных россыпей, на постоянном ветру, в снегах...

Южную часть днища кальдеры занимает обширный массив ели. Тёмной, зубчатой стеной, этот ельник резко выделяется на фоне окружающих его склонов, покрытых бледно-зелёными зарослями бамбука и багульника. Лесостроители собираются заложить в этом ельнике пробные площади, чтобы охарактеризовать этот лес. В этом и заключается их работа.

Вечером, в командирской палатке, я просматриваю конспекты прочитанных мною зимой в библиотеках Южно-Сахалинска и Владивостока, научных статей и книг по ботанике Кунашира.

– Николай! – говорю я инженеру, – Ты послушай, что писал ботаник Воробьёв, в своей книге «Растительность острова Кунашир» о ельнике, в который мы завтра пойдём!

– И что же он там писал? – поднимает свои глаза от карты, лесостроитель Клячкин.

– Это был шестьдесят второй год. Почти двадцать пять лет назад... Вот! Он пишет: «...Молодой ельник в кальдере Головнина имеет такую густоту, что без топора пройти через него невозможно!»! Другого ельника, в кальдере – нет. Значит, они прорубались именно сквозь этот ельник! Каково, а? Они прорубались!

– Понятно! – улыбается моей эмоциональности, инженер, – Завтра посмотрим. На то, мы – и лесостроители...

Утро. Мы, вшестером, подходим к массиву ельника...

С трудом продравшись между трёхметровыми кустами кедрового стланика, на полтора метра затопленными густым бамбуком, переплетённым «проводами» ак-

тинидии, мы ныряем под плотную стену еловых лап и... оказываемся в совершенно другом мире! Вокруг кипит яркий, солнечный день, а здесь – стоит сумрак! Кроны елей, без просветов, заполняют всё пространство неба, над головой. Из-за чрезвычайной густоты массива, здесь, под кронами, не смогло выжить ни одно растение! Вокруг нас – только стройные стволы елей, да чистая лесная подстилка из еловой хвои. Ботаники, такие ельники называют мёртвопокровными.

Опять же, из-за такой густоты, у деревьев происходит раннее отмирание нижних ветвей. Поэтому стволы елей, до высоты добрых пятнадцати метров – стоят совершенно ровные и без сучков!..

Диаметры стволов деревьев – около двадцати пяти сантиметров. Получился участок стройного, как говорят, «строевого» леса.

– Этот чистый ельник из ели Глена, – вскоре констатирует инженер, – Дело рук человека!

– Хм! – эмоционально озадачиваюсь я, – Почему это – «человека»?

– Ты – сам посмотри! Во-первых, он – вообще без примеси! Можешь пройти, куда хочешь – деревьев других пород, здесь нет! Ни одного! В дикой природе, такого, не бывает.

– Да? – недоверчиво прищуриваю я, глаз.

– Во-вторых, массив – совершенно одновозрастной. Ты веришь в одновременное прорастание семян исключительно ели Глена, на такой обширной площади?

– Нет! – немного подумав, отрицательно качаю я головой.

– Я тоже! – улыбается мне инженер-лесоустроитель, – Саня, ты посмотри кругом! Голые склоны! Нигде, на склонах кальдеры, нет вероятных семенников! Более старших деревьев ели Глена, которые осеменили бы эту площадь своими семенами. Их – не просто мало, а их нет, вообще!

– Точно! – думаю я, – Логично! Семена должны были откуда-то взяться!

Рабочие-лесостроители приступают к обработке пробной площади. У меня – другая задача...

Пока – я не очень нужен лесостроителям. И я решаю побродить по ельнику...

Ближе к центру массива, из хвойной лесной подстилки кое-где торчат пятисантиметровые трубки прелых стеблей бамбука.

– Хм! – недоумённо хмыкаю я, – Бамбук! Здесь что, рос бамбук?

– Конечно! – через минуту, снова хмыкаю я и делаю вывод, – До ельника, здесь всё было покрыто бамбуком!

А, вот – останки сучьев кедрового стланика! Эти короткие, смолистые обломки сучьев ещё долго способны выдерживать курильскую сырость. Я трогаю носком своего туристического ботинка лежащий на лесной подстилке, метровый отрезок дугой изогнутого сука: «Кедровый стланик!.. Хм! А, наш ельник – он возник не на пустом месте! До него, эту площадь занимали повсеместные в кальдере, заросли кедрового стланика и бамбука!».

С этой новостью, я возвращаюсь к инженеру.

– Хм! – совсем как я, хмыкает тот в ответ, – Тем более! Массовое возобновление ели на площади, плотно заросшей бамбуком и кедровым стлаником! Такое вообще нереально!

Каждому лесоводу известно, что заросли бамбука делают практически невозможным возобновление хвойных! А, здесь – чистый ельник и таким обширным массивом.

– Понятно! – киваю я, – Конечно, люди посадили! Что тут думать?!

Под завершение, чтобы инструментально снять характеристики древостоя, рабочие спиливают несколько модельных деревьев. Я сижу у свежего пня с карандашом в руке.

– Десять, пятнадцать, двадцать,.. – я считаю годовые кольца на спиле, количество колец – это количество лет.

– Девяносто три года! – делаю я заключение.

На спиле так наглядно виден мизерный прирост в первые сорок лет жизни!

– Ясно дело! – прикидываю я, – Это период – когда, из-за густоты насаждения, деревца боролись между собой за каждый глоток света.

Зато, какой мощный прирост толщины ствола, в последние сорок пять лет!

– Александр! – ко мне подходит инженер, – Что сидишь?

– Удивительно! – я поднимаю на него лицо, – На спиле видна вся жизнь дерева! В какие годы ему было плохо, а когда стало хорошо! Вот, смотри! Вон, какие тонкие кольца в молодости! А потом...

– Хм! Так оно и есть! – кивает лесоустроитель и улыбается мне, своими опытными глазами, – Заметил? Ты рас-суждаешь о жизни дерева!.. Это хорошо.

– Я?! – артачусь я.

– Ничего, Саша. Скоро ты поймёшь, что они, – инженер хлопает по стволу стоящей рядом, ели, – Действительно живые!

Я сижу у пня и провожаю, удивлённым взглядом, спину уже шагающего к рабочим, лесовода...

Новый день. Лесоустроители ставят очередную пробную площадь, на этот раз – в молодом, бамбуковом березняке. Я, естественно, с ними...

Никак не могу привыкнуть к «деревянному» возрасту! Рабочие срубили очередную «модель». Это – берёзка. Длинная жердь, диаметром тринадцать сантиметров. Я только что закончил считать её годовичные кольца.

– Хм! – изумлённо хмыкаю я, – Шестьдесят!

Мне, самому – через два месяца будет двадцать шесть лет. Жердь диаметром тринадцать сантиметров, более чем вдвое старше меня! Как мне, к этому, относиться?!

А вот, пришло и моё время! Вот, для чего, я придан лесоустроителям! На этой пробной площади совместно произрастают два вида берёзы. Вообще-то, они хорошо различаются, по листьям. Но, поди – попробуй выяснить, какая это берёза, когда ближайšie берёзовые листья шелестят над тобой на высоте добрых четырнадцати метров! Как, в этих условиях, проводить таксацию?!

Однако, я дьявольски находчив! Для определения древесной породы я пользуюсь... биноклем! Так мы и работаем, в паре – я, в бинокль, рассматриваю листья в берёзовой кроне, высоко в небесах и кричу инженеру, который стоит с таксационной ведомостью в руках: «Берёза плосколистная!». Таксатор замеряет своей мерной вилкой диаметр ствола этой берёзы и кричит, следом за мной: «Шестнадцать!». Так и работаем...

- Берёза каменная! – кричу я.
- Четырнадцать! – вторит мне таксатор.
- Берёза плосколистная! – кричу я.
- Шестнадцать! – вторит таксатор.
- Берёза каменная!
- Четырнадцать!

По лесу несутся наши парные крики...

Странная, надо сказать, картина. О такой таксации я никогда не читал в учебниках и не встречал, такую, на практике...

Июнь! Второго июня, я неожиданно замечаю, что лес, как-то разом, покрылся листвой! Ветви берёз, с полностью распустившимися листьями, по-летнему полощутся по ветру. Буквально на глазах, раскрываются, поднимаются вверх всходы высокотравья!

Вечером, в командирской палатке лесостроителей, я закладываю в гербарные рамки собранные за день растения. Инженеры стоят, склонившись над разостланными по длинющему столу картами. Они намечают места новых пробных площадей...

Вдруг, туго натянутый брезент палатки громко загудел, густым басом!

- Гуууууууууууу!

Как ошпаренные, мы выскакиваем из замкнутого пространства палатки, наружу! Встревоженной кучкой, мы стоим среди березняка и озираемся по сторонам. Но, вокруг – никого нет! Ни одной живой души... Кроме, также выскочивших наружу из других палаток, лесостроителей.

– Гууууууууууу! – все палатки нашего лагеря продолжают гудеть, словно шаманские бубны.

– Аааа! – наконец доходит до нас, – Трясёт!

– Землетрясение!

– Вот что, это!

– Тьфу ты, чёрт! – в сердцах плюёт начальник отряда, – А я понять не могу!

Через пару минут всё затихает. Палатки перестают гудеть. Мы, гурьбой, снова лезем обратно, каждый делать своё дело.

– А, как мы сыпанули-то! – вспоминает кто-то, – Из палатки!

– Это рефлекс, – отмахивается инженер, – Так человек, всегда реагирует. На неизвестное...

– Да! – соглашается второй, – Необъяснимое – оно первым делом вызывает панику...

Землетрясения, на Кунашире – вещь обыденная. В месяц, трясёт – по несколько раз. Каждый из нас, например, знает, что если трясёт мелко и так, словно мимо твоего дома, по улице, проезжает тяжёлый бульдозер – это четыре балла... Вот только, землетрясение в палатке сопровождается, я бы сказал «необычным побочным эффектом»...

Через несколько дней, мы отправляемся на юг острова. Там меня ждут пробные площади другого отряда лесостроителей. Ведь, у нас – чёткое распределение ролей. Лесостроители ставят пробные площади и обрабатывают древесной, а я, на их площадях, описываю кустарники и травостой. А, что? Лесостроителей и не должны интересоваться травы и кустарники – им подавай производственные характеристики леса: формулу древостоя, средний диаметр ствола, высоту основных ярусов леса, запас древесины...

По тропе в бамбуке, над минеральной речкой «Озёрная», мы проходим на побережье Охотского моря. К устью Озёрной тропа выходит очень высоко по склону. И мы спускаемся на литораль моря по высокому травянистому обрыву. На валунах у морской волны разворачиваемся влево...

На полпути до мыса Ивановский мы замечаем, что в море – из воды едва выступает небольшое каменное плато. С этой плоскости, во все стороны, в воду бросаются нерпы!

– Ух, ты! – радуемся мы, – Нерпы! Нерпичье лежбище!
– Интересно!..

Через час, на краю невысокого плато мыса Ивановский, я радуюсь ботанической находке! Это – весьма необычная фиалка!

– По цветку понятно, что ты – фиалка! – я сижу на корточках перед растеньицем и разговариваю с ним, раскрывая определитель растений, – Только, вот, какая ты, фиалка? Это – вопрос...

Эта фиалка имеет совершенно не свойственный фиалкам фиолетовый, почти чёрный цветок и узкие листочки, на длинных черешках.

– Так... Фиалка маньчжурская! – объясняю я цветку, – Вот ты кто!

Я очень рад новому растению в моей коллекции... и в моей голове. У ботаника, голова – ходячий определитель, в котором удерживаются сотни и сотни названий растений и их признаков...

Тут же, розовым ковром, по невысокой скалке морской террасы, цветут первоцветы.

– О! Первоцветы Фори! Привет! – улыбаюсь я знакомцам, разглядывая малиновые полянки, – Хм! Кем же ты был, Фори? Наверняка – каким-нибудь коком или врачом на кораблях первооткрывателей Курил!

Лагерь южного отряда лесоустроителей расположен на высокой морской террасе, в километре южнее мыса Ивановский. Мы пересекаем стол мыса и выходим на поляну, среди дубняка. Здесь база лесоустроителей. В тридцати шагах дальше, водопадом метра три высотой, с террасы, на песчаный пляж моря, обрывается ручей. Отсюда и название ручья – «Водопадный». Здесь я буду работать ближайшую неделю, и жить...

Утро. В составе каравана из шести человек, я шагаю с лесоустроителями по плоскости мыса Ивановский, на

север – обработать их пробную площадь, заложенную в бассейне здешней речки. Она называется «Кривоножка».

– Хм! Ну и название у тебя, речка! – хмыкаю я, – За что ж тебя, так?

Я бреду последним – на мысе, я задержался. Чтобы захватить в гербарий два экземпляра водосбора. Удивительно крупными, синими колокольцами, он цветёт по взгорку стола мыса. Кустики тёмно-зелёных, плотных листьев – всего около десяти сантиметров высотой. И ярко-синие колокольцы, величиной сантиметров восемь!

– Вот, это цветок – так, уж, цветок! – бормочу я себе под нос, торопливо упаковывая экземпляры между газетными листами гербарной папки, – Водосбор вееролистный!.. Ты – не водосбор, ты целая глоксиния!

Садоводы называют водосбор аквилегией. Точно также звучит и латинское название водосбора. Но, мне больше по душе – русское название. Водосбор! Правда, красивое имя?

Вдоль охотского побережья острова, широкой лентой вытянулись корявые, бамбуковые дубняки из дуба зубчатого. Дуб, у нас – редкий вид. Красная книга! Подлесок из плотных зарослей бамбука, здесь практически, повсеместен. Однако, бамбук не выносит переувлажнения почвы и по свободным от его зарослей, мокрым ольховникам в сырых поймах ручьёв, сейчас всё бело от колокольцев. Тройка тёмно-зелёных листьев напоминают вороний глаз. Но вместо чёрного глаза – белоснежный трёхлепестковый колоколец!

– Триллиум камчатский! Всё бело!!! Какое массовое цветение! Красиво, как! – я бросаю восхищённый взгляд вбок, вдоль ручьевой поймы и бросаюсь догонять свой отряд.

Днище распадка Кривоножки раскрывается перед нами лизихитоновым ольховником, который имеет здесь прямо-таки, классический облик. Тёмная, переувлажнённая почва, сейчас – буквально скрыта ковром белых капюшонов лизихитона! Лизихитон – родственник всем

известной каллы. Только крупнее. И листья крупнее, и белый кашошон.

– Вот, это дааа! – восторгаюсь я, – Всё бело! Какой праздничный вид у ольховника! Как первомайская демонстрация трудящихся!.. Класс!

Мы гуськом, один за другим, пересекаем нарядный распадок такой праздничной Кривоножки и выбираемся на другой его склон, в пихтарник. Пихтарник – чистый! Все сто процентов окружающих нас стволов – это пихта. Инженер Андрей делает стандартную пробную площадь – это квадрат, пятьдесят на пятьдесят метров...

Чем приятно, мне, работать в хвойных массивах – так это тем, что здесь почти нет травы и нет кустарников! Если говорить проще – мне, здесь, почти нечего делать! Быстро управившись со своими делами, я лежу под пихтами, на лесной подстилке из опавшей хвои. И с чистой совестью, наслаждаюсь летним лесом, жаркими лучами прорывающегося сквозь пихтовые лапы солнца, щебетом птиц...

Очередное утро. Солнце жарко искрится в безоблачном небе! Опять всем отрядом, мы уходим восточнее нашего лагеря, в бассейн речки Сенная. В этом районе, всё пространство пологих склонов покрыто бамбуковыми березняками. Лесостроители закладывают пробную площадь огромных размеров – квадрат, сто на сто метров. Целый гектар! Но иначе, в этом редкостойном лесу, не набрать нужных для статистики, двести стволов лесообразующей породы.

В ботанических статьях, описывающих строение тропических лесов, пишут, что обилие лиан там так высоко, что многие деревья, не выдерживая их веса, просто-напросто ломаются. Понятно, что мы сейчас не в тропиках, а на юге Кунашира. И что передо мной – березняк, на полтора метра затопленный бамбуком. Но, насчёт лиан – замечено точно! Под весом карабкающихся вверх актинидий и гортензий, все берёзы стоят – согнутые в три погибели! Я перестаю грести по бамбуку к очередному дереву и стою, хватая ртом воздух. Вытираю рукавом мокрое лицо

и смотрю на этот, буквально задушенный лианами, лес, в котором каждая берёза – как штангист, с трудом удерживающий штангу...

Новый день. Сегодня у нас новая пробная площадь. И новые удивления – для меня! Во-первых, поразительны размеры дерева вишни сахалинской! Диаметр ствола этого дерева – никак не меньше семидесяти сантиметров! Штатной мерной вилкой лесоустроителей, у меня никак не получается замерить такой диаметр. Дело в том, что шкала вилки короче, чем диаметр ствола дерева! Вишни такой толщины – я в жизни не встречал...

А, ещё – два дерева бересклета! Именно «деревя»! Потому что их диаметры – двадцать и двадцать три сантиметра! И высота, у обоих – одиннадцать и одиннадцать с половиной метров. Широкие, шарообразные кроны...

– Какие же, это – кустарники?! – запрокинув голову, смотрю я в эти кроны, снизу вверх.

Оба дерева бутонизируют. Страхуясь от ошибок, я буквально обнюхиваю их соцветия...

– Са-ня!!! Эге-гей!!!

Это – меня зовут лесоустроители. Раздвигая перед собой высоченные заросли бамбука, минут через пять, я подгребая к ним. Для инструментального снятия всевозможных промеров, лесоустроителям необходимо, для каждой породы деревьев, свалить модельное дерево. Дерево средней высоты и среднего диаметра ствола. И вот – «модель» срублена. Столпившись, все стоят у сваленного дерева.

– Саня! Мы, это дерево – не знаем. Это что-то из местных, – говорит инженер, – Что это?

Я тоже осматриваю «объект». Передо мной, в бамбуке, лежит дерево солидных размеров. Диаметр ствола на уровне груди – тридцать четыре сантиметра. Прямой ствол. Гладкая, крепкая, светло-серая кора. Компактная крона занимает лишь самую верхушку. Высота дерева – двадцать метров. На концах ветвей – бутоны полусформировавшихся, многоцветковых, рыхлых соцветий. Я раскрываю свой определитель...

Поражённый ответом, я вновь и вновь «прохожу» лабиринт признаков. И каждый раз упираюсь в одно – это сирень! Моё воображение рисует палисадники, с высокими кустами цветущей сирени. Кус-та-ми! Но никак не стройными деревьями, диаметром ствола в тридцать четыре сантиметра!

– Это... сирень сетчатая! – не очень уверенно, сообщаю я ждущей вокруг меня, бригаде.

В ответ – красноречивое молчание.

– Ты что, Сань? – прерывает затянувшуюся паузу, один из рабочих, – Мы, хоть и не ботаники, но тоже, не мальчики!

– Ну! – вторит ему, другой, – Мы и на Амуре работали, и в Приморье. Там, знаешь какие леса?!

– Точно говорю вам – сирень! – не сдаюсь я, вцепившись в свой определитель растений, – Вот! Смотрите!

– Мы, что? Сирени не видели? – хмурится третий рабочий.

– Кстати! – вспоминает инженер Андрей, – Мы тут, у вас, дзелькву нашли! Это дерево такое, близкий родственник вяза. Ты знаешь, такое?

– Нет! – я отрицательно качаю головой.

– Вот! В списках флоры Кунашира оно вообще не указывается! А, мы – нашли! Стопроцентно дзельква! Мы её, по Приморью знаем! Мы много чего, в лицо знаем!

– А, ты нам говоришь – сирень! – говорит рабочий.

– Но, вот! – стою я, на своём, – Определитель только одно даёт! Что это – сирень!

– Ладно! – после паузы, командует народу, Андрей, – Что замерли? За работу, мать вашу!

Все расходятся, завершать обработку площади. Молча. Я тоже лезу в бамбук, на площадь. В моей душе остаётся неприятный осадок...

На самом дальнем краю площади темнеет зелёной, раскидистой кроной старый тис.

– Ка-кой тис! – прикидываю я, издаലെка, – Ему, наверняка, несчётное количество лет!

Раздвигая кожистые листья бамбука перед лицом, я подгребаю к дереву. Измерить диаметр ствола тиса – совершенно не понятно, чем! Стандартная, заводская мерная вилка лесостроителей имеет шкалу шестьдесят сантиметров, она для этого тиса слишком коротка. А, мне – так хочется знать его диаметр!

– Что же делать? – озадачиваюсь я и решаю, – Измерю, пока, рулеткой длину окружности ствола, а вечером подумаю, что с этим делать...

Сегодняшняя площадь – на удивление, богата редкими растениями! Вот, уже несколько раз, в бамбуке, мне под руку попадает аризема! Это – ближайшая родственница лизихитона и каллы. На Кунашире, она – очень редкая! Почему я так думаю? Потому, что я вообще первый раз вижу это растение! А я, здесь – знаю почти всех...

А, ещё – здесь полно деревьев широколиственных пород! Особенно черёмухи...

Вот! Впереди просматривается дерево с раскидистой кроной из зонтов огромных, сложных листьев. И я прищуриваю на него свой глаз. Широкие, зелёные опахала этих листьев играют в лучах солнца, на высоте добрых десяти метров над моей головой. У этого дерева листья сучены на концах толстых ветвей. Ствол покрыт крепкой, как камень, слегка бугорчатой корой. Стоя под деревом, я долго всматриваюсь в его крону...

– Орех?! – прикидываю я, – Практически, все признаки, на лицо...

Но, что-то удерживает меня от категоричного ответа.

– Так – ничего не понять! – хмурюсь я, – Нужно бы, пальчиками потрогать.

Я подпрыгиваю и начинаю карабкаться по стволу дерева, вверх...

Метрах в пяти-шести над землёй, в средней части ствола, пальцы моих, вытянутых вверх рук натываются на что-то колючее!

– Тссс! – больно уколотившись, я отдергиваю руку и смотрю на это место.

Над головой, бугорки коры под моими пальцами, оканчиваются какими-то остриями! Я запрокидываю лицо вверх, к уже недалёкой кроне и ужасаюсь: «А, что творится выше! Всё – в огромных шипах!».

– Ёшкин ты, кот! – осенённый догадкой, я расслабленно зависаю в развилке ветвей, – Это же аралия высокая!

– Хм! Это дерево – аралия! Скажи кому – не поверит! – несутся мысли в моей ботанической голове, – Я карабкался по стволу аралии!.. Ну и что, что на юге Сахалина, это – высокий куст, до трёх метров высотой?!

В некотором замешательстве, я спускаюсь вниз...

Невероятно! Но вечером, в огромной землянке лесоустроителей, я рассчитал математическую формулу! По ней, измерив длину окружности ствола дерева, можно узнать его диаметр! Причём, в отличие от мерной вилки лесоустроителей – с точностью до сантиметра! Это потрясающе! У меня, по математике – всегда были только тройки...

По этой формуле, диаметр ствола сегодняшнего огромного тиса составляет семьдесят сантиметров.

– Так! Семьдесят сантиметров! – размышляю я, – Класс!.. А, может быть тис – ещё толще? А, интересно, какого диаметра, на Кунашире, достигает ель? А пихта? А какое дерево, на нашем острове – вообще самое толстое?

– Сколько вопросов... Теперь нужно будет измерять все толстые деревья! – решаю я...

Новый день. Утро выдаётся чудесное. Над нашими головами – бездонная синь небес и искрящееся солнце. Мы, вдвоём с инженером Андреем, отправляемся по прорубленному затёсками визиру лесоустроителей, вглубь острова. Нам нужно описать типы леса, которые пересекает этот визир. Прямо от лагеря, мы гребём на восток по бамбуковому морю, затопившему обширный массив клёна красивого. Плотный бамбук – по грудь.

– Кленовник! – окидываю я, взглядом, окружающий лес.

– Хм! – громко хмыкает на это, Андрей.

– А что? – не сдаюсь я, – Лес из ели – ельник, лес из пихты – пихтарник, лес из ивы – ивняк. Значит, лес из клёна – кленовник.

– Хм! – искрит глазами, инженер, – А если лес – из сосны?! Сосняк?

– Да! – задираюсь я, в процессе гребли по бамбуку.

– В геоботанике, Саня, не всё соответствует математической логике. Вот, лес из дуба называют не дубняком, а дубравой! А сосновый бор?!

Но, я не собираюсь сдаваться! У меня в голове – железная логика.

– Вот и плохо, что так называют! – упрямо закипаю я, – Всё должно быть по одним правилам!.. Вот, скажи мне, почему в определителе латинское название «ель иезская» соответствует русскому названию «ель иезская», а латинское «герань иезская» имеет русское название «герань хоккайдская»?! Где логика? А латинское «земляника иезская»? Почему бы её не назвать хоккайдской, как герань? Так нет же! Она по-русски называется «земляника иезская»!

– Ха-ха-ха! – искренне смеётся надо мной, инженер, – Это всё – твоя молодость! Покоя она, тебе не даёт!

Все клёны – примерно одного возраста, около двадцати четырёх сантиметров диаметром стволов...

Но, ведь, я ещё веду и фенологию! Чтобы узнать, какую фенофазу поставить клёну, я, наученный вчерашней историей с аралией, не ограничиваюсь созерцанием кленовой листвы с земли и карабкаюсь по стволу одного из клёнов вверх, в крону. Едва моя голова показывается над плоской, словно гнездо орлана, зелёной кроной клёна, как я понимаю, что уже опоздал.

– Опоздал! – громко злюсь я, с дерева, – Вот, так – всегда! Пока догадаюсь – всё! Уже поздно!

– Ха-ха-ха! – смеётся внизу, над моими эмоциями, инженер Андрей.

В фенологии клёна красивого, я все эти дни добросовестно ставил фазу распускания листьев. Кто же мог

знать?! Оказывается, у этого клёна цветки имеют зелёную окраску и на фоне зелёных листьев кроны дерева абсолютно не выделяются! И вот сейчас, вокруг моего лица, всё пестрит от множества щитков полностью раскрытых зелёных цветков... Я досадливо морщусь: «Блин!.. Нужно менять все записи за предыдущие дни!».

Во второй половине дня, во всё также затопленном бамбуком лиственном лесу, мы наталкиваемся на дерево ботрокариума!

– Ботрокариум спорный! – «визжу» я под деревом, от счастья, – Высшая категория редкости! Высшая!

Ботрокариум – крайне редкое дерево! Он – ближайший родственник той самой свидины, что в массе создаёт зелёные бордюры на улицах наших городов. Я подпрыгиваю вдоль ствола и вцепляюсь руками в нижнюю ветку.

– Ты куда?! – изумляется инженер.

– На дерево! – бурчу я и карабкаюсь по стволу вверх, в крону ботрокариума, – Теперь уж – меня не проведёшь!

И – не зря! Здесь, всё покрыто щитками бутонов!

– Ну как? – искрит глазами Андрей, снизу-вверх, – Не опоздал?

– Вот-вот зацветёт! – громко говорю я ему, сверху, – А, снизу – даже не заподозришь!

– Интересная у тебя, Сань, работа! Цветочки, лютики! – смеётся надо мной инженер, – А у нас – высота древостоя, таксация, запас древесины... Одно грубое производство!

Сидя в плоской кроне ботрокариума, я оглядываюсь вокруг, на кроны других деревьев. С этого уровня я вижу, что кругом цветут многие деревья! Всё цветёт!.. От деревьев не отстают и кустарники.

– А что? – я пожимаю, на это, плечами, – На дворе – уже начало лета!

Уже сегодня, я воплощаю своё вчерашнее решение в жизнь – кроме всех прочих своих забот, я ещё и вычисляю диаметры стволов. Диаметр ствола самого толстого, за сегодняшний день, ботрокариума равен тридцати сантиметрам...

Всё в том же лесном море, у какого-то ручья, нам встретился толстенный тис. Диаметр его ствола – семьдесят шесть сантиметров!..

Вечером, на широком тетрадном листе в клетку, я построил диаграмму. Теперь, сюда, я буду заносить все диаметры стволов, измеренных за день деревьев, по породам...

Вот и неделя пролетела! Пришло время моего возвращения в кальдере вулкана Головнина. Опять вереницей, под рюкзаками, мы шагаем по скалистому побережью. Нам нужно добраться до устья минеральной речки «Озерная»...

– Саня! – предлагает мне лесник с Алёхино, Андрей Терновой, – Сейчас – отлив. Давай пройдем на лежбище! На нерп посмотрим.

– А что? – загораюсь я, – Давай!

Мы оставляем свои рюкзаки на гальке морского берега, под скалами и по колено в воде, бредём по мели, к нерпичьему плато. Дно выложено плоскими плитами скал. Здесь – близко!..

Добрались! Естественно, все нерпы – уже давно соскользнули в воду! Их блестящие от воды, круглые головы высунулись на поверхность со всех сторон!

– Фу! Фу! – коротко фыркают они, прочищая ноздри.

– Как мокрые арбузы! – смеюсь я, рассматривая нерп, – И не боятся же!

– Они – в воде! – улыбается Терновой, – В воде они уверенные, не боятся.

Мы осторожно бродим по плоским плитам нерпичьей залёжки...

Превышение плит над уровнем воды – совсем мизерное! Сантиметров двадцать. Кругом, в углублениях каменных плит, стоят лужицы мочи.

– Ну и запах! – я удивлённо морщу нос, – Воняет, как в сарае! В коровнике!

– Ха! А, ты что хотел? – смеётся Андрей.

– Я? Здесь же – море! – развожу я руками, – Я... думал, что у нерп – всегда чисто. Что они в воде испражняются.

– А, на лежбищах морских котиков? – спрашивает Терновой, – Думаешь, чтобы нужду справлять – каждый котик, с пляжа, в море отплывает?! Это же животные! Там, где скопление животных – там, всегда, как в сарае!

Андрей Терновой – бывший метеоролог, до заповедника он работал на какой-то дальней метеостанции.

– Всё-равно! – упрямо не сдаюсь, я.

Этот запах скотского сарая – главное впечатление, какое я вынес, из посещения нерпичьего лежбища.

Почти по колено в тёплой морской водичке, мы возвращаемся к своим рюкзакам...

И уже скоро, с огромных валунов моря, мы карабкаемся по крутому, травяному склону над устьем Озёрной, к началу тропы в кальдере. На середине обрыва, прямо перед моим лицом, в густом разнотравье голубеют цветки герани!

– Ой! – радуюсь я, своей старой подружке, – Герань пушистоцветковая! Зацвела!

Здесь же, в мешанине стебельков зелёной травы, белеют колокольчики нашего, дальневосточного ландыша.

– Ландыш! – улыбаюсь я, – Привет!.. Уже цветёшь!..

С высоты тропы над Озёрной, мне бросаются в глаза разительные перемены в растительном мире её распадка! Теплолюбивые деревья и кустарники, наконец, ожили! Калопанакс выпустил из почек, пока ещё небольшие, свои клёноподобные листья. Листья магнолий, в длину – уже достигают двадцати сантиметров! А, так распространённый здесь, дуб монгольский – почти полностью раскрыл свои листья! Обильно цветёт калина вильчатая. На площадях, свободных от бамбука, она образует густой и высокий подлесок...

– В закрытом от ветров распадке Озёрки, развитие растительности – не менее, чем на неделю опережает открытые прохладному весеннему ветерку, пространства юга острова! – прикидываю я, стоя на тропе, напололам режущей по горизонтали северный склон распадка, – Здесь всё уже распустилось!..

Скоро, в маленькое оконце в густой листве дубов, моему взгляду с тропы открывается спокойное водное зеркало Горячего, кальдерные купола.

– Вот и кальдера! – радостно сообщаю я своему спутнику. А, вот – и резкий запах сероводорода, в нос!

– Фу! – морщусь я, шагая под рюкзаком по тропе, – Как экзотично!.. Все лесные запахи перебивает!

– Кальдера! – шагая впереди, только разводит руками в ответ, Терновой...

Утро. Как всегда, я ухожу на маршрут. Я вновь в свободной охоте. Сегодня, меня интересует распадок Озёрной. В устье речушки, я перехожу по шатким жёрдочкам, изображающим мосток, на противоположный берег. Два шага по тропе – и высокий бамбук, практически, скрывает меня! Стена его шуршащих, кожистых листьев – на уровне моих глаз...

Вот. Я «проплыл» метров шестьсот по тропе над Озёрной. Теперь – я хочу перебраться на противоположный склон распадка. Для этого нужно спуститься на его днище. Я схожу с тропы и долго сваливаю по довольно крутому, бамбуковому склону, в речку...

Всё! Внизу речка. Дернина заканчивается метрах в полутора от днища узкого, глиняного каньона. По мокрому откосу, я соскальзываю прямо в речку. Метр шириной. Я стою, в своих туристических ботинках, по колено в бурлящей, голубой воде. Прямо у моего лица, на сочащейся влагой и поросшей ковром зелёного мха метровой отвесной скалке, красуется камнеломка.

– Хм! Камнеломка!.. – хмыкаю я.

– По Сахалину мне знакома камнеломка сахалинская! – прищуриваю я, глаз, – С продолговатыми, цельными листьями. На Тяте была обычна камнеломка почколистная, с округлыми, крупнозубчатыми листьями. Но, эта!.. У этой, листья – глубоко лопастные, напоминают листья клёна. Только нежные, тоненькие больно.

Продолжая стоять прямо в тёплой воде речки (ступить больше некуда), я снимаю с плеч свой ботанический рюкзачок и достаю определитель...

– Хм! Это – камнеломка Форчуна! – радуюсь я и тут же озадачиваюсь, – Второе слово названия растения пишется с большой буквы. Значит, это не просто «форчуна», типа «удача», а это – фамилия. Эта камнеломка названа в честь какого-то Форчуна! Интере-есно!.. Кто этот Форчун?

Я встречаю эту камнеломку впервые. Это значит одно: на Кунашире – это очень редкое растение.

Из Озёрной, по крутому склону, я долго и трудно выбираюсь вверх по заросшему лиственным лесом, противоположному склону её распадка...

Всё! Метрах в пятидесяти выше по склону надо мной нависает тёмная стена пихтарника. Густой и высокий, в рост человека, подрост пихты не позволяет мне видеть, что делается впереди. Видимость, практически, отсутствует! Мне становится тревожно на душе. И я разворачиваюсь вправо, вдоль стены хвойника, вдоль склона распадка...

– Ах, какой запах! – я носом втягиваю воздух, – Так сильно пахнет ландышем!

Но, ландыша, я нигде не замечаю! И озадачиваюсь: «Что же, тогда, так сильно пахнет?!». Я начинаю, с интересом озираться вокруг, в поисках источника запаха...

И далеко ходить, мне – не приходится! Под моими ногами и выше по склону – сплошной ковёр кустарничка, с кожистыми, вечнозелёными, «рододендроновыми» листьями. И весь этот ковёр сплошь покрыт щитками соцветий мелких, белых цветков!

– Скиммия ползучая?! – узнаю я кустарничек и удивляюсь, – Скиммия! Никогда не думал, что ты так потрясающе пахнешь!

Оба моих предыдущих полевых сезона на Кунашире, мы встречались со скиммией осенью. А, сейчас! От цветков этого кустарничка – всё бело вокруг! Мелкие, белые цветки скиммии собраны в щитки соцветий. Весь воздух наполнен густым ароматом этих цветков! Так похожим на запах ландыша.

– Ах, какой аромат! – снова восхищаюсь я.

– Шшшшш! Аааааа! – длинно вдыхаю и выдыхаю я, воздух.

Я не дышу этим воздухом – я пью этот густой, ландышевый аромат! За сегодняшний день – это самый приятный сюрприз.

– Хм! – улыбаясь, я смотрю себе под ноги, – Тридцать сантиметров от земли! Ближайший родственник бархата! Надо же! У такого крупного дерева – и такой мелкий родственник!

Одновременно с белыми хлопьями соцветий, многие веточки скиммии украшены яркими, алыми ягодками.

– Хм! Ягоды прошлогоднего урожая! – улыбаюсь я, – Это мы уже проходили! Как у падуба!

Я вынимаю из ножен свой огромный тесак и срезаю две веточки скиммии, для гербария. Теперь – нужно аккуратно расправить листочки между листами газетной бумаги. Усидчивости мне, не занимать...

Я шагаю по краю пихтарника дальше, всё-также вдоль распадка, и стараюсь вдохнуть поглубже этот ароматный воздух.

– Шшшшш! Аааааа! Ах, какой запах!

Мой взгляд скользит по стволам деревьев, листьям кустарников, стеблям трав... Одновременно с этим, работает мой «ходячий определитель»: «Падуб морщинистый... вчера заложил; подмаренник северный... попозже возьму, сейчас ещё рано; вишня сахалинская... уже есть в гербарии; калина вильчатая... уже есть; берёза Эрмана, она же – берёза каменная... сейчас – рано, попозже возьму; малина сахалинская... ещё не цветёт, попозже возьму». Такая уж работа, у охотника за растениями...

Чуть ниже и впереди по склону, просматривается тело старого оползня. Мой натренированный глаз «прилипает» к тёмно-зелёной куртине, вроде бы ничем не приметных, деревцов. И тут мой, заикленный на определении растений, «ходячий определитель» даёт сбой!

– Это, ещё, что такое?! – хмурюсь я, сворачивая к деревцам.

Деревца – молодые. Стволик самого старшего – диаметром около восьми сантиметров. Высота куртины не превышает четырёх метров. Деревца ещё не плодоносят. Общим видом, они напоминают вишню. Кора стволиков тёмно-зелёная, живая, как у ольхи курчавой. А, листья... листья берёзовые! Они грубые, крупные, свисают с ветвей вниз, с сердцевидным основанием листовой пластинки...

– Бог ты мой! – восторгаюсь я, – Это же берёза Максимовича! Высшая категория редкости! Какая удача!

Берёза Максимовича, в нашей стране, встречается только на юге Кунашира. Эта берёза имеет высшую категорию редкости. И не только в нашей Красной книге, но и в международной – тоже!

– Какая находка! – радостный, я торопливо сдёргиваю с плеч свой ботанический рюкзачок.

Притрагиваясь к веточкам, я обхожу всю куртину.

– Да! Сомнений нет! Это – берёза Максимовича!

Я выдёргиваю из ножен тесак и после долгого выбора, срезаю две вершинки веток, для гербария. Приседаю на корточки, развязываю гербарную папку и аккуратно расправляю берёзовые листочки между листами газет.

– Сегодня – счастливый день! – радуюсь я.

Всё! Дело сделано. Я забрасываю рюкзачок за плечи. Дальше, по моему курсу – сплошная стена хвойного леса. Я, туда – не хочу. Тревога заставляет меня заворачивать маршрут, и в конце-концов, я спускаюсь прямо вниз по склону, обратно в речку. Всё-таки, шляться по лесам в-одиночку – тревожно это, беспокойно на душе...

Подо мной – Озёрная. Здесь – глинистый грунт. И бурливая речка промыла в нём глубокий каньон. Я съезжаю по скользкой глине прямо в тёплую, бурлящую воду и с трудом выбираюсь из скользкого, глубокого, глинистого оврага Озёрной...

В нижней части крутого склона, я неожиданно выбираюсь в заросли кустарника! Этот кустарник – такой высокий, что человеку, под ним, можно шагать не пригибаясь.

– Калина вильчатая! – громко разговариваю я, сам с собой.

Я шагаю между кустами, словно по аллее парка. Белые лепестки калины – уже массово опадают. Белым снегом, они сплошь покрывают почву, вокруг!

– Вот, это, даааа! Всё бело вокруг! – с удивлением озираясь по сторонам, я бреду по этому парку, как в сказке, – Лепестковая зима! Никогда, такого, не видел...

Но мне нужно подняться выше по склону – там идёт наша тропа, что вьётся над Озёрной. Я снова разворачиваюсь вверх по склону и вхожу в высоченные и густые заросли бамбука. Мало того, что здесь очень трудно лезть «против шерсти», но – и не видно ничего! Кругом, всё затоплено высоким бамбуком! У меня становится нехорошо, на душе. Тревога, колокольчиками звенит в голове и я, наконец выбравшись на тропу, категорично разворачиваюсь по ней в сторону кальдеры, к лагерю...

День клонится к вечеру. Я – в лагере...

С каждым днём побеги высокотравья становятся всё выше и выше. И я, наконец, озадачиваюсь мыслью: «А, как быстро они растут? Например, за сутки – они насколько вырастают?». На реализацию идей – я скор. Тут же, вблизи нашего лагеря, я делаю зарубку на стволе дерева ивы.

– Это – сегодняшняя высота аралии сердцевидной, – прицениваюсь я, к зарубке, – Посмотрим, как быстро, она растёт!

В отличие от аралии высокой, этот вид аралии – травянистый. Каждую весну, проклюнувшись из толстого корневища, мощные побеги этого растения тянутся к солнцу, достигая двух метров в высоту...

На несколько дней, мне нужно выбраться из кальдеры вулкана Головнина на кордон на мысе Четверикова. Я шагаю по тропе, по внутреннему склону кальдеры...

Подъём довольно крутой. Примерно на середине склона я делаю перекур. Тяжело дыша, я оборачиваюсь назад и окидываю взглядом уже открывающийся в полной красоте гигантский котёл кальдеры. Сейчас, здесь – всё, словно бе-

лым снегом, припорошено. Купола, да и всё днище кальдеры – стоят белые-белые! Оказывается, так цветёт багульник.

– Багульник! – изумлённо качаю я головой, – Белые сопки! Никогда такого не видел!..

Перевалив через гребень, я начинаю спускаться по внешнему склону кальдеры. Шагать под гору куда легче!.. Вот и наша, центральная дорога. В гордом одиночестве, я шагаю по грунтовке влево, в сторону мыса Четверикова. Кругом стоит холодное молоко плотного тумана.

– Со стороны Тихого океана пришли холодные, мёртвые туманы, – прикидываю я, – На этой стороне острова температура, днём, держится не выше плюс шести градусов. Мокро и холодно... Теперь я знаю, как определить, что на улице плюс шесть градусов – при этой температуре, изо рта человека идёт пар, при дыхании!..

Сырое молоко тумана стоит недвижно. Я шагаю по грунтовой дороге и посматриваю по сторонам.

– Рост растений, на тихоокеанской стороне Кунашира, практически остановился! – пытаюсь я сформулировать в голове, перемены в природе, – Вон! На открытых туману морских террасах, березняк – до сих пор стоит голый! Его листочки, как две недели назад проклюнулись из почек – так и стоят! По сей день!..

Вот и бетонный корпус кордона заповедника. Здесь, двадцать первого мая, мы начинали полевые работы!..

Во второй половине дня, я сбегал с мыса Четверикова вниз, к морю. Какие, вокруг, разительные перемены! У подножия мыса, где я закладывал в гербарий хвощ и фиалки – за эти пятнадцать дней вымахала двухметровая стена белокопытника, крапивы и купыря! Покрытые низким ковром бамбука, взгорки мыса, пестреют массой малиновых соцветий ятрышника!..

Базирующиеся на кордоне москвичи – орнитологи говорят, что на вершине вулкана Менделеева цветёт рододендрон. Он цветёт крупными, жёлтыми цветами.

– Это – рододендрон золотистый, – думаю я вечером, вспомнив их рассказ, – Из наших рододендронов – толь-

ко у него крупные, жёлтые цветы. Кстати, на вершинах вулканов, которые я посещал, я его ни разу не встречал!.. Ну, да ладно! Вулкан Менделеева стоит в средней части Кунашира. Это – не заповедник. Мне хватит работы и без него...

У меня – перебазировка на кордон «Алёхино». Мой путь лежит через лагерь лесоустроителей, в кальдере вулкана Головнина...

Кальдера! Перекур, в лагере. Я отвлекаюсь на минуту, чтобы проверить свою зарубку. Сегодня, через трое суток, высота аралии увеличилась на тридцать пять сантиметров.

– Значит, – прикидываю я вслух, стоя перед зарубкой, – За сутки – больше одиннадцати сантиметров роста! Это, если не забывать про наступивший июньский холод!

Гружёный, под рюкзаком, я прохожу по тропе над Озёрной к морю и здесь, разворачиваюсь на север. Теперь – скакать по валунному охотскому побережью, до кордона заповедника в местечке «Алёхино». Мне, сегодня, не до зелёной охоты – я прыгаю с камня на камень, с камня на камень...

Утро. Я выхожу из двери балка Алёхинского кордона. Передо мной распахнута миниатюрная Алёхинская бухта. Выдающаяся горбом в море, лесистая сопка справа, напоминает гору Артека. Аю-даг, по-моему. Стоит высокая облачность. На море тихо.

С самого утра, у меня – поток гербарных сборов! Я закладываю «траву на сушку». Сегодня, вся моя работа проходит на низкой морской террасе бухты местечка «Алёхино». Стоит пасмурный день. Парит. Сквозь туман прогревает солнце. Душно и влажно. Как в бане...

– Земляника! – я опускаюсь на корточки, в цветочную радугу разнотравья, – Цветёт!

Определитель показывает мне, что у нас, земляника – «иезская». Я выкапываю четыре экземпляра земляники, в гербарий. В шаге – клевер, в шаге – вика, в шаге – ландыш...

– Кстати! – я разговариваю сам с собой, подбираясь к ландышам своими грязными руками, – Ландыш, у нас,

называется «ландыш Кейске»! С большой буквы – значит, назван в честь какого-то Кейске. Наверняка – он тоже японец.

К вечеру под потолком и этого кордона будут висеть мои, до предела заполненные образцами растений, гербарные рамки!

В разнотравье, среди зарослей морского шиповника, мне встречаются и сиреневые пирамиды соцветий кокушника, сантиметров тридцать пять – сорок высотой.

– Кокушник камчатский! Привет! – радуюсь я, – Семейство орхидные, третья категория редкости! Раньше, тебя называли любкой камчатской.

Вскоре, я нахожу очень крупный экземпляр кокушника! Сиреневая пирамидка его соцветия существенно возвышается над окружающим разнотравьем.

– Ух, ты! – я восхищённо стою перед сиреневым султаном, – Ка-кой!.. Вот это орхидея!.. А, что? Я, ведь, могу тебя измерить!

Я торопливо достаю свою рулетку: «Высота – пятьдесят четыре сантиметра! Кокушник! Да ты – гигант!».

Невдалеке стоят чудесные кусты красоднева! За огненно-рыжие колокольцы цветов, в Сахалинском детстве, мы их называли рыжиками.

– Интересно, а сколько будет – этот красоднев? – озадачиваюсь я, примеряясь рулеткой к стрелке с рыжими колокольцами...

– Сто двадцать два сантиметра! Красоднев Миддендорфа, сто двадцать два сантиметра! – радуюсь я, – Это впечатляет!

Слева, из-под скалы, на песок песчаного пляжа морского берега, бьёт родник горячего источника. Парящий ручей извивается по пляжу, в сторону моря. Недалеко от берега ручья, среди местинки разнотравья, стоят кусты ирисов. И я вижу крупный, пурпурный цветок.

– Ирис! И уже цветёт! – восторгаюсь я, – Какой цветок! Крупнющий!

– Ну, здесь-то – всё понятно! Это влияние горячего источника! – качаю я головой, – Это называется «фенологическая инверсия»!..

Вечереет. Я на кордоне. Один...

День за днём подрастающий травостой, уже достиг высоты ста пятидесяти пяти сантиметров! Это – уровень моих глаз. Обзор резко ограничился. Рыскать по лесам в-одиночку стало совершенно неуютно. Лесная жизнь Кунашира, вдруг открылась мне совершенно неожиданной гранью: внимательно посмотрев вокруг себя, я вдруг осознал, что холодок тревоги, исподволь точивший мою душу последние дни – совершенно не напрасен. Здесь, всё говорит о близком присутствии медведей! Куда ни брось взгляд...

Утро. Балок Алёхинского кордона. Сегодня, я уйду на обследование лесных окрестностей местечка Алёхино. Потому что морские террасы мною уже отработаны.

Я один. Как всегда, один. От устья речушки Алёхина, я заворачиваю в широкое «устье» её распадка... На ровных участках я мало что вижу впереди себя. Поэтому, я стараюсь двигаться вдоль склонов – тогда я, хоть, вижу, что делается с трёх сторон от меня.

Вот, впереди, среди зарослей бамбукового дубняка, выделяется толстый ствол дерева!

– Ух, ты! Какой! – я гребу по бамбуку, к этому гиганту...

Над уровнем высокого, по грудь, бамбука, на добрый метр возвышаются разрозненно стоящие повсюду, побеги какалии мощной...

Всё! Догрёб! Я упираюсь в вертикальную колонну светло-серого ствола.

– Бархат! – я трогаю аккуратные, пружинящие под пальцами, желваки коры, – Пробка!

Пробковый, мягкий ствол – это гарантия того, что это – бархат сахалинский, а не ясень.

– Эгей! Это я здесь! – предостерегающе кричу я, озираясь по сторонам.

Я закрепляю конец своей жёлтой, матёрчатой рулетки за заусеницу коры и начинаю продираться по лопухам, вокруг колонны ствола...

Всё! Вот конец моей рулетки.

– Так, два метра тридцать пять сантиметров! – громко говорю я, сам себе, – Если разделить на число «Пи», то получится диаметр ствола. Диаметр ствола этого бархата... семьдесят пять сантиметров! Класс! Это – самый большой диаметр бархата, в моей диаграмме!

Видимость закрывает буйная пышность широколиственного леса, и тревога колокольчиками звенит в моей голове. Но, работу никто не отменял. Я шагаю дальше...

Вот и новый образец, в гербарий! Я снимаю рюкзачок и приседаю над ним, чтобы вынуть гербарную папку. Но, теперь – я с головой утонул в бамбуке! Быстро распрямившись, я настороженно верчу головой по сторонам.

– Эгей! Это я, здесь! – громко кричу я и прислушиваюсь к лесным звукам.

И снова ныряю к рюкзаку...

Теперь, я закладываю растения в папку аккуратно, но быстро. Мои пальцы торопливо распрямляют листочки растения на газете... А я, тем временем, настороженно процеживаю ушами окружающий лес, на предмет подозрительных шорохов.

– Чу!

Я торопливо вскакиваю и осматриваюсь по сторонам!

– Фу-ууу! – выдыхаю я, – Показалось. Всё тихо... Эгей! Это я, здесь!

И я снова ныряю в бамбук, к своей гербарной папке... Наверное, со стороны это выглядит смешно, но только не для меня.

В бассейне речки Алёхина, сплошь покрытом массивами хвойного леса, заросли бамбука не имеют сплошного распространения. Но, это – только хуже для меня! Там, где нет бамбука, его заменяют заросли лопухов, уже поднявшиеся выше человеческого роста. Лопухи напрочь затопили распадок речки! Но, другого пути, у меня нет...

– Эгей! Это я, здесь! – громко кричу я, – Это я здесь, иду! Осмотревшись, я обречённо лезу в лопухи, ближе к речке. Тревога звенит в моей голове...

Вот! В буйстве лопухов и обширных крон лиственных деревьев, я вижу, что с противоположного склона распадка, над речушкой нависает удивительно толстый ствол дерева! Настороженно озираясь по сторонам, руками раздвигая зелёные зонты и листья лопухов, я пробираюсь к нему...

– Клён?! – искренне изумляюсь я, – Кто бы мог подумать! Клён мелколистный!.. Какой ты огромный, клён!

Совсем недавно, этот клён имел название «клён красивый». Теперь – название заменили. Мне, это очень жалко – такое красивое было название! Даже переполняющая меня тревога, не может перекрыть восхищения этим «деревянным» монстром. Я вынимаю свою рулетку и, закрепив её конец в трещинке коры, проламываюсь по бурьяну вокруг ствола...

– Всё! Три метра и восемь сантиметров! – громко говорю я, – Значит, диаметр ствола... девяносто девять сантиметров!

Этот диаметр почти вдвое превышает наибольший диаметр клёна, в моей диаграмме! Я – очень этому, рад! А, тем временем, мои глаза с тревогой стреляют вокруг – как бы, в этих дебрях, не столкнуться с медведем!

– Эгей! Это я иду! – громко оповещаю я, окружающий лес.

В этих криках, как и в том, что я постоянно, громко разговариваю сам с собой – посыл один: «Услышит – уйдёт!». Главное – заранее предупредить медведя о своём присутствии. Я шагаю дальше...

Вскоре, я торможусь у болотинки, на середине сырого днища речного распадка – передо мной стоят гигантские, зелёные розетки огромных, бананообразных листьев.

– Лизихитон! Листья какие у него, здесь, огромные! – громко изумляюсь я и озадачиваюсь, – Интересно, сколько они... в длину?!

И я разматываю свою рулетку, по срединной жилке «бананового» листа...

– Вот, это, дааа! – громко говорю я, – Сто тридцать сантиметров! Точно, как у банановой пальмы! И это – длина только одного листа! Это – только радиус розетки! Значит, диаметр «куста» лизихитона – два метра шестьдесят сантиметров!

Вскоре, я вываливаюсь из зарослей речки вправо, на обширное поле, покрытое ковром злаков. Злаки, здесь, мне – всего по колено!

– Фуууу, – облегчённо выдыхаю я, – Какой обзор!

И я сворачиваю из дебрей лопуховой поймы, на это поле. Это обширное поле сплошь покрыто ирисами! Я шагаю по полю. Вокруг меня – море этих тёмно-синих, крупных цветов!..

Дойдя до противоположного края поля, я подхожу к подножию крутого склона распадка. Здесь – спелый, хвойный, елово-пихтовый лес, с покровом из папоротников. Куда ни глянь – вокруг стоят удивительно толстые стволы елей! Один за другим, я измеряю рулеткой их толщину..

Самый толстый из стволов – девяносто пять сантиметров! Но, в отличие от приземистого клёна, это – высоченная ель! Запрокинув голову к небу, я восхищённо осматриваю пышущую здоровьем, коричневую колонну чешуйчатого ствола. Шатёр еловой кроны, реет парусом в недостижимой высоте, где-то в поднебесье.

– Ель аянская! – громко говорю я, похлопывая ладонями по железным, коричневым бляхам её коры, – Ну и здорова же ты, ель!

Уходящая в небо, живая колонна елового ствола ощутимо притягивает меня к себе. Так бы и стоял, прижавшись к ней ладонями! Наверное, это – энергетика...

От очередной еловой колонны меня отрывают истошные птичьи вопли! Я недоумённо прислушиваюсь к пронзительному, скрипучему верещанию: «Это, ещё, что такое?!». Я крадусь среди коричневых колонн еловых стволов, на вопли...

Наконец, я вычисляю их источник! Вот! Высоко над моей головой, в сухом, прелом стволе ольхи волосистой, чернеет круглое отверстие дупла.

– Это – дупло большого пёстрого дятла! – вслух, прикидываю я.

Словно в подтверждение моих предположений, в хаосе сучьев еловых крон чуть выше по склону, стремительно промелькнула птица! И сходу, прилепилась на ствол ольхи, метра за два до входа в дупло.

– Кек! – коротко и резко вскрикивает она, коротко дёрнув головой, – Кек!.. Кек!

– Вот он! – прищуриваюсь я, – Точно! Большой пёстрый дятел!

Птенцы в дупле, совершенно не стесняясь, верещат на весь лес! Как я понимаю, они требуют корма...

– Конечно! – громко рассуждаю я, не сводя глаз с дупла, – А, чего, им бояться? Попробуй, доберись кто, до них!

Покрутившись под ольхой, я продолжаю свою работу...

Под лесом, я переваливаю через гребень распадка вправо и в верховьях соседнего, выходящего прямо на балок нашего кордона, распадка, среди частокола стволов елей и пихт, я замечаю ствол тиса! Он вишнёво-красный и толстый. Я подворачиваю к нему: толстый ствол дерева, внутри – совершенно пуст!

– Барабан! – громко говорю я.

Ствол тиса действительно напоминает мне барабан, вернее, вертикальную трубу. Толщина стенок этой трубы не превышает пятнадцати сантиметров.

– А, жаль! – расстраиваюсь я, вынимая рулетку из рюкзака, – Трудно даже представить, сколько этому старцу лет!

– Так! – прикидываю я, – Диаметр его ствола – сто четыре сантиметра... Значит, его радиус составляет пятьдесят два сантиметра. Годичные кольца у тиса, такие тонкие, что без бинокюляра – не подсчитать, примерно три на миллиметр... Получается, тысяча пятьсот шестьдесят лет! Круто!

Я шагаю по лесу, дальше...

– Полторы тысячи лет, – через минуту, пробую я, на слух, эту цифру и согласно киваю головой, – Круто! Это круто!

Далеко внизу, под моей сопкой, сквозь просветы между кронами деревьев, чернеет рубероидная крыша Алёхинского кордона. Я начинаю спускаться по лесистому склону вниз, к дому...

Вот, впереди, подо мной, постепенно вырисовывается крупное дерево! Я прищуриваю на него, свой ботанический глаз: «Обширная крона... крупные, широколопастные листья напоминают клёновые».

– Хм! Калопанакс! – улыбаюсь я и по мере спуска, начинаю подрабатывать к дереву, по ходу вытаскивая рулетку.

Калопанакс семилопастный – дерево из семейства аралиевых, родственник аралий, элеутерококка и легендарного женьшеня.

– Диаметр ствола – семьдесят один сантиметр! – громко разговариваю я, сам с собой, – Круто! Для калопанакса – тем более...

Вот и крыльцо нашего небольшого, Алёхинского кордона.

– Фууууу! – я выдыхаю воздух, – Всё хорошо. Можно расслабиться...

Вечер. У меня – обычные заботы по перекладке собранных за день образцов растений, из гербарной папки в рамки, на сушку. И невесёлые мысли, о дне прошедшем:

«Шарахаюсь от каждого куста! А, ведь, я – на работе... Ну и что, что без напарника? Я не могу сидеть на кордоне и просто не выходить в лес! Работать надо! Надо... Ну, а что говорит внутренний голос? Внутренний голос говорит, что я играю с огнём! Рано или поздно, но встреча с медведем произойдёт! Дело – только во времени. Ведь, всё довольно просто – занимаясь свободной охотой, я двигаюсь по лесу зигзагами, как челнок, процеживая местность. При энном количестве медведей на этой площади, я всё-равно на кого-нибудь нарвусь! Дело – лишь

во времени. Не сегодня – так завтра, не завтра – так послезавтра...

Весёлые расклады, нечего сказать! Двигаться бы мне по лесу – по прямой линии! Тогда, вероятность встречи с медведями не была бы такой высокой...».

Утро. Я выхожу на крыльцо балка Алёхинского кордона: наступает хороший, погожий день. Рабочий день!

– Шшшшшшш! – я делаю глубокий вдох, такого ароматного, лесного воздуха, – Ах, какой запах!.. Нужно собираться в лес. Сегодня нужно будет крутнуться по дальним окрестностям бассейна речки Алёхина».

Я гоню прочь тревогу: «Меньше сентиментальности! Вчера обошлось – обойдётся и сегодня!».

Брезентовые брюки, туристические ботинки, свитер под брезентовой штормовкой, лыжная шапочка на голове, тесак на поясе, ботанический рюкзачок за плечами. Что ещё нужно охотнику за растениями?!

– Вперёд! – командую я сам себе, – Труба зовёт!

Склоны сопок, прикрывающих долину речушки Алёхина с севера, покрыты сомкнутыми массивами хвойных лесов. Я шнуркую от дерева к дереву, от дерева к дереву. Чем заинтересуется мой ботанический глаз – туда и поворачивают мои ноги.

Зигзагами, я продвигаюсь вдоль склона речной долины. Вокруг – мёртвопокровный пихтарник. Под ногами – чистая лесная подстилка, из хвои. Ею совершенно гасятся звуки моих шагов. Я плыву между пихтовыми стволами в полном безмолвии! Как призрак! Эта, напряжённая тишина режет мне слух, и я часто кричу, оповещая лес о своём присутствии.

– Эгей! Это я, здесь! – ору я на весь лес.

Через пару минут, я снова горланю на весь лес: «Эгей! Это я, здесь иду!»... Вот, впереди, среди частокола светло-серых пихтовых стволов, вырисовывается тёмно-вишнёвый, гладкий ствол тиса!

– Тис!

Я сворачиваю к дереву...

Ощупываю руками гладкую поверхность ствола – живой, полновесный ствол!

– Тис! Какой ты толстый! – громко говорю я, тису, – И даже – не барабан! Молодец!

Я достаю из рюкзачка рулетку...

– Так! – громко разговариваю я, сам с собой, – Девяносто шесть сантиметров!

Оглядываюсь по сторонам – стволов тиса, на этом участке хвойника, так много!

– Ух, ты! – удивляюсь я, – Не меньше двух единиц в составе древостоя!

Нормальным языком, это означает, что тиса – не менее двадцати процентов от количества стволов! Два ствола из десяти!..

А, вот! Впереди – толстенный ствол ели! И я подворачиваю к ней.

– Ка-кая! – я восхищённо шлёпаю ладонью по бляхам коры, – Сколько же, твой диаметр?

Я разматываю жёлтую ленту своей рулетки, обходя вокруг ствола...

– Ого! – я смотрю на деления рулетки, – Три метра сорок два сантиметра! Значит, диаметр – сто девять сантиметров!

– Сто девять! – визжу я, – Рекорд породы!

На удивление толстый ствол ели, почти без збега, ровной колонной уходит ввысь.

– Ох! Какая же ты! – я опять, восхищённо качаю головой и с сожалением отнимаю руки от елового ствола.

Дерево ощутимо притягивает меня к себе, своим здоровьем и силой. Так бы держал руки и держал, и держал...

В очередном распадке, среди бледно-серых, гладких стволов пихт, резко выделяется очередной толстый тис! Ядрёный ствол этого дерева темнеет красной медью гладкой коры. Разматывая свою рулетку, я обхожу вокруг ствола.

– Так!.. Твой диаметр – восемьдесят один сантиметр! – громко сообщаю я тису.

А, вон! Рядом! Ещё тис! И, даже, большего диаметра!

– Так... девяносто два сантиметра! Здорово! – радуюсь я и тут же огорчаюсь, – Вот, только, ты – барабан.

– Как жаль.., – я успокаивающе похлопываю тис ладошью, по гладкой коре.

Мне, действительно, его жалко. По накопленному за эти дни материалу, я могу сказать, что тисы толще восьмидесяти сантиметров – все пусты. Они – не просто дуплисты! Их толстые стволы представляют собой вертикальные трубы. Я думаю, что это – болезнь старости, в этом роду долгожителей...

От моего внимательного глаза не укрывается тот факт, что сегодня – едва ли не каждый второй ствол пихты расчерчен медвежьими когтями! Часто, под сумраком леса, мне в глаза бросаются дорожки положенных медвежьими лапами редких соломин вейника. Сегодня, сеть этих медвежьих набродов так густа! Такого, на Сахалине, не увидишь. Моя тревога усиливается, и я постепенно заворачиваю круг своего маршрута вправо. Я и так, сегодня, забрался – чёрт знает куда...

В тыльной части бассейна речки, я упираюсь в старые вырубки. Здесь, когда-то рубили лес. Делянки заросли молодняком пихты и берёзы. Я лезу напрямик...

Но, через этот жердняк замучаешься прорываться! Такой частокол, в своей лесной жизни, я ещё не встречал! Подёргавшись пару минут между вертикально стоящими жердями стволиков, я круто сворачиваю вниз по склону...

И через десяток минут сваливаюсь в распадок речки! Днище распадка покрывает высокотравный ольховник. Здесь – такой густой подлесок, из высоченных кустарников! Сплошные заросли бересклетов, сирени, гортензий, смородин... А лопухи! Видимости – практически, никакой! И я часто хлопаю в ладоши и громко кричу. Мои хлопки: «Бах! Бах! Бах!» и вопли: «Эгей! Это я иду! Это я, здесь иду!» далеко разносятся по лесу...

Наконец, впереди, в просветах крон затопленных снизу лопухами огромных, баобабообразных вязов, показалась чёрная крыша Алёхинского кордона!

– Фуууу! – измученный за день тревогой, я с трудом перевожу дух, – Всё хорошо... Вот и сегодня! Я отработал в полную силу. И сегодня всё обошлось...

Новое утро. Я ухожу из местечка Алёхино на север, в район, где тоже ни разу не был. Где-то там, на склонах сопки, с юга подступающих к озеру Песчаное, меня ждёт работа на пробных площадях третьего отряда лесоустроителей. Я знаю точку на карте...

На Алёхино я больше не вернусь – к ночи планирую выйти на кордон, что стоит на мысе Четверикова.

Я шагаю по лесной дороге из Алёхино. Кругом – буйство южного, смешанного леса. Моя дорога – это глиняный туннель в джунглях! Здесь, раз в месяц, проезжает вездеход. Кроны деревьев смыкаются над головой, неба не видно!..

Вот! Скользя по глиняной кромке гусеничной колеи, я буквально упираюсь в толстенный берёзовый ствол!

– Берёза Эрмана! Какая огромная! – я снимаю рюкзак на землю и достаю рулетку, – Диаметр ствола... девяносто семь сантиметров! Круто!

Этот диаметр намного улучшит показатели каменной берёзы, в моей диаграмме...

Дорога начинает петлять по склонам пологих сопки, среди массивов спелых, елово-пихтовых лесов. И вот, уже по обе стороны дороги высятся стройные стволы высоченных елей. Своими вершинами, эти ели подпирают само небо! Таких высоких елей, я ещё не встречал!

– А что, если замерить их высоту? – озадачиваюсь я, – Ведь, у меня – с собой высотомер!

Я распаковываю, на дороге, свой рюкзак и оставив его, шагаю с прибором в ельник. Вот! Я отмериваю от ствола ели ровнёхонько двадцать метров, разворачиваюсь и нацеливаюсь высотомером на её вершину...

– Тридцать три метра! – я даже смаргиваю и не верю своим глазам, – Тридцать три? Тридцать три!.. Это самые высокие деревья, на всём Кунашире!

Вволю нарадовавшись и обтрогав руками не один толстый, еловый ствол, я, наконец, выбираюсь обратно, на

дорогу – нужно шагать дальше, меня ждёт работа на площадях...

Через полчаса дорога выныривает из-под хвойных лесов. Дальше – пологие склоны сопки покрыты лишь зарослями бамбука, с кое-где одиноко стоящими, мощными деревьями дуба монгольского.

– Даааа! – прицениваюсь я, к этим пространствам, – Придётся погрести! Никуда не денешься...

Вот! Прямо с дороги, я вижу огромный дуб! Я вхожу в стену бамбука...

Раздвигая руками листья и стебли бамбука перед лицом, я наконец подгребаю к широченному стволу. Задираю лицо вверх – ветром, у этого гиганта обломило половину вершины. Но, от этого, он не кажется менее огромным!

– Ух, тыыы... Сколько же, ты, диаметром? – громко разговариваю я, стоя у колонны дубового ствола по плечи в бамбуке, – Сто восемь сантиметров! Вот, это, даааа!

Необходимость обозначать своё присутствие в этом лесу, заставляет меня постоянно и громко разговаривать, сам с собой...

Коллеи заросшей, вездеходной дороги опять виляют под тень хвойного леса. В распадке ручейка, прямо у дороги, высится очередной деревянный гигант.

– Бог ты мой! Калопанакс! – я, в изумлении, обхожу вокруг ствола дерева, трогая пальцами его, отслаивающуюся толстыми, вертикальными тяжами, кору, – Глазам не верю!.. Сколько же, твой диаметр?!

Ствол дерева, мощной колонной уходит вверх. Я достаю свою рулетку.

– Сто девять сантиметров! – кричу я через минуту, – Подумать только! Рекорд породы!

Я шагаю дальше...

Метрах в семидесяти от дороги вправо, в колке хвойника, скрипучими, пронзительными голосами, на весь лес верещит хор птичьих глоток! Такой же хор я слышал позавчера, на Алёхино. Только, сегодняшний галдёж – куда как пронзительнее!

– Орут-то как! – заинтересованным взглядом, я обща- риваю окрестности, – Чьи же, это?

Слева, над редкими кронами бамбукового склона, к колку хвойника, стремительным, ныряющим полётом проскочила чёрная птица! Размерами и окраской, она похожа на ворону. Вскоре, с той стороны, раздаётся её прон- зительный и протяжный крик: «Ки-ииии!».

– Желна! – раскрываю я глаза, – Так, это – твои птен- цы, так голосят!

– Ки-ииии!

Этот крик, хватающий за душу острой тоской, я ни с чем не спутаю – это желна, чёрный дятел. В детских сказ- ках, леденящие сцены с бабой Ягой, озвучивают именно этим криком.

– Ки-ииии! – несётся над лесом, тоскливый крик.

– Желна! – издалека, с дороги, улыбаюсь я дятлу, – В Японии, ты официально считаешься очень редкой пти- цей! Очень, очень редкой!

– Ки-ииии! – кричит желна.

Через несколько минут, я шагаю по дороге, дальше. По обеим сторонам сухо шелестит листвой безбрежное бам- буковое море...

В пойме следующего ручья, я натываюсь на нового ре- кордсмена! «Натываюсь» – не то слово! Как можно нат- кнуться на исполина?! Он виден издалека. Он на голову выше окружающего его леса!

– Вяз японский! – громко разговариваю я с деревом, – Второе твоё название – вяз долинный... Цельные листья, напоминающие берёзовые... Ох, ты и здоров! Сколько же, твой диаметр?!

Я лезу в рюкзак за рулеткой...

– Окружность ствола четыре метра и два сантиметра! – громко говорю я, себе, – Это значит, что диаметр ствола – сто двадцать восемь сантиметров! Самое толстое дерево на Кунашире! Рекорд! Урааа!

Я шагаю, по колее дороги, дальше...

Впереди – новый гигант!

– Вяз японский! – кричу я, опуская на дорогу свой рюкзак.

– Диаметр – сто двадцать пять сантиметров! – через пару минут снова кричу я, – Мне, сегодня, везёт на огромные деревья!

Час за часом, я шагаю по колее зарастающей дороги, периодически замеряя диаметры стволов особо толстых тисов, калопанаксов, клёнов, дубов... А, вот, пихта – большого диаметра не достигает! Инженер Андрей сказал мне, что пихта генетически предрасположена к гнили, у неё мягкая древесина. Пихта теряет товарную ценность уже к восьмидесяти годам жизни... Во всяком случае, самая толстая, измеренная мной, пихта имеет диаметр всего семьдесят восемь сантиметров.

Но, зато, сегодня – мне встретилась ель, диаметром ствола сто семнадцать сантиметров! Сто семнадцать! Это потрясающе огромное дерево! Кажется, что крупнее этой ели, деревья быть не могут...

Всё по дороге, наконец, я выхожу на пологие склоны, обращённые к озеру «Песчаное». Здесь растут чахлые, вторичные березняки. Хилые, трёхметровые берёзки торчат из полутораметрового «моря» бамбука. Всё это «счастье» покрывает обширные площади, в прошлом занимаемые темнохвойными лесами.

Всё! Я в точке! Здесь, я должен свернуть с дороги под прямым углом влево и двигаться в сторону озера Песчаное. Там – площади лесоустроителей. Я схожу с дороги и гребу, гребу по бамбуку! Гребу нескончаемо долго...

Мало того, что я ничего не вижу и не слышу! В этих плотных и высоких зарослях бамбука, совершенно нет движения воздуха! Духота – невыносимая! Чахлые берёзки поражены каким-то насекомым – вредителем. Пожирающие листья мелкие, зелёные гусеницы, от резкого сотрясения деревьев, при моём «проплывании» по бамбуку мимо них, катапультируются по тонким паутинкам, вниз. И нескончаемым потоком, сыпятся мне на шапочку, за воротник, на очки...

Я устаю отбиваться от опутывающей лицо и очки паутины, от омерзительных гусениц за шиворотом. Да и сама гребля по бамбуку – занятие не из лёгких. Пот заливает мне глаза и очки, дрожащей капелькой постоянно висит на кончике носа...

Впереди, прямо на моём пути, среди бамбуково-берёзового моря, чёрным исполином возвышается огромный тис! Через пяток минут, весь в мыле, я, в изнеможении вываливаюсь из бамбука под дерево.

– Фуууу! – хрипло выдыхаю я, воздух.

Тень обширной, густой кроны тиса, не даёт расти бамбуку. Здесь – ничего нет, и я вываливаюсь в эту пустоту! Неуверенно пройдя на непослушных ногах, по голой земле шагов пять, я валюсь спиной к широкому, красному стволу гиганта...

Только через несколько минут, чуть отдышавшись, я начинаю шевелиться, развязывая рюкзак...

Как и следовало ожидать, этот тис – не исключение из общего правила.

– Ты, тис – тоже барабан! – громко разговариваю я с деревом, разматывая жёлтую ленту рулетки по стволу, – Хотя и очень огромный! Сколько же, твой диаметр?..

– Так!.. Четыре метра шесть сантиметров на рулетке. Это... сто двадцать девять сантиметров! Вот, это, даааа! Таких толстых тисов – больше, нигде нет! Ни в Приморье, ни в Хабаровском крае...

– Сколько же, тебе, может быть лет? – озадачиваюсь я, чуть позже, – Диаметр – сто двадцать девять. Значит, радиус составляет шестьдесят пять сантиметров. Значит, возраст... примерно тысяча девятьсот пятьдесят лет. Почти две тысячи лет! Это круто...

Я громко разговариваю с тисом, поглаживая его гладкую, отливающую красной медью, кору: «Ну, ты тис, даёшь! Ты живёшь уже две тысячи лет! Как же много ты видел... Пихта живёт – лет сто двадцать, максимум. Ель живёт триста пятьдесят лет. Значит, Кунаширские хвойники сменяются раз в триста – триста пятьдесят лет. Зна-

чит, за две тысячи лет сменилось шесть поколений ельников! Шесть раз, вокруг тебя, полностью сменился лес! Тис! Ты самый старей из всех живых, на Кунашире!».

Чуть отдохнув, я шагаю из-под тисовой кроны, в бамбук. Опять, меня с головой захлестывает духота и паутина бамбукового моря...

Наконец, бамбуковый березняк кончился! Я стою в начале, полого уходящего в сторону далёкого невидимого озера, распадка. Дальше – всё покрыто дремучим, хвойным лесом. Там, где-то внизу, в хвойниках – моя пробная площадь. Вторая, за сегодняшний день. Я начинаю спускаться в распадок, по его днищу. Постепенно, он становится всё глубже...

Наконец, я останавливаюсь. Какое-то необъяснимое, шестое чувство! Глянув влево, глянув вправо, я замечаю, что отдельные наброды медведей, по травяным склонам распадка стекаются на его днище и у моих ног превращаются в свежую, натопанную тропу. Тропа, по днищу, ныряет в высокие заросли, стоящего перед моим лицом монолитной стеной, высокотравья.

– Я стою на свежей медвежьей тропе! – просчитываю я, – Она уходит по днищу распадка, вперёд...

Дальше, вниз, простирается затопленный лопухами наполовину своей высоты, смешанный лес...

Острое чувство тревоги, с которым я устал бороться за сегодняшний день, отдельными мгновениями перерастает в панику. Я с трудом удерживаюсь от того, чтобы не броситься назад. Оглядываясь по сторонам и прислушиваясь, я выбираюсь из распадка назад и ухожу своим следом, обратно. Туда, откуда пришёл...

Вечер. Как всегда, многолюдный кордон заповедника, на мысе Четверикова. Сюда я выкрутил по лесу, к концу дня.

– Вот и ещё один рабочий день прошёл! – хмуро думаю я, глядя на море с высоченного мыса, – Сорвалась работа на второй площади. Как ни крути – всё-равно придётся туда идти... Странно всё это – ведь, я в лесу вырос. Что мо-

жет выбить меня из колеи?! Уже несколько раз, меня захлёстывает настоящая паника! Когда я стою у черты управления собой. Постоянная борьба с собственным страхом истощает психику...

– Саня! – кто-то зовёт меня от дома.

– Ладно! – плюю я под ноги, – Поменьше сентиментов! День прошёл – ну и чёрт с ним!..

Утро. До сих пор, на тихоокеанской стороне острова, стоят плотные, холодные туманы. Температура постоянная – и днём, и ночью плюс шесть градусов. Это тепло для весны, но не для лета! Сыро, безветренно и холодно.

Одет я соответственно погоде: под плотной, из палаточного брезента, штормовкой скрыт толстый свитер. На голове – тёплая лыжная шапочка. Ещё более грубые, чем штормовка, брезентовые брюки заправлены в мои неизменные туристические ботинки.

Холодная морось густо сыпит на кроны деревьев. И на мою голову...

– К чёрту всё! – решаю я, – Обошлось вчера – обойдётся и сегодня!

Я уйду по дороге обратно, в сторону озера Песчаное, доделывать не выполненную вчера работу...

Плоскость высокого плато, лежащего за Андреевкой, покрыта ковром низенького бамбука. Сейчас, здесь всё пестрит от множества соцветий ятрышника!

– Ух, ты! Сколько ятрышника! Самый разгар цветения! – восторгаюсь я и улыбаюсь, – Тоже, ведь, орхидея! Хоть и слишком, для нас, обычная.

Ятрышник остистый на Кунашире – такой же массовый вид, как лютик на Сахалине. Я и до этого, конечно же знал, что хвостатые цветки этой орхидеи бывают разной окраски! Но, чтобы такое разнообразие?! Я шагаю по плато в сторону нужной мне дороги и смотрю себе под ноги: самый многочисленный вариант окраски ятрышника – малиновые цветки. Но есть и более яркие – синие с крапчатым зевом, фиолетовые...

– О! Белый ятрышник! – я изумлённо наклоняюсь над чисто-белым соцветием.

Колеи зарастающей дороги ведут к лесу. Это – моя дорога. Я шагаю по колеям...

По пути, я замеряю диаметры стволов нескольких толстых тисов. Самый толстый из них имеет диаметр ствола сто семнадцать сантиметров.

– Сто семнадцать! – громко разговариваю я, сам с собой, – Это, конечно, не сто двадцать девять, но – тоже, очень здорово! Это подтверждает, что толстые тисы, более метра диаметром ствола, на Кунашире – совсем не единичны!

Я всё посматриваю на деревья черёмухи. Их, здесь – масса! Одни из них – стоят прямо у дороги.

– Черёмуха айнская! – громко отмечаю я, – Массово бутонизирует! Несмотря на такую погоду...

Я подхожу к одному из деревьев черёмухи и дотягиваюсь до его нижней ветви. Она вся покрыта длинными кистями бутончиков!

– Интересно! – прикидываю я, – А, сколько цветков может быть в одной кисти?

Пудобнее перехватив одну из кистей, я начинаю считать бутончики: «Один, два, три... восемьдесят. Подумать только! Восемьдесят цветков в одной кисти! Я думал, пятнадцать – восемнадцать..., но чтобы восемьдесят! Невероятно!». Через минуту, успокоившись от удивления с черёмухой, я шагаю по колее заросшей дороги, дальше...

Вот! Пришёл. Это – точка поворота, с этой дикой дороги. Тут – мне нужно свернуть под прямым углом вправо, в направлении озера. Я поворачиваю и заглубляюсь в бамбук... Здесь – обширные площади бамбука! Я снова, как вчера, долго и трудно гребу, по слегка понижающемуся в сторону Песчаного, бамбуковому морю...

Общий уклон местности становится круче. Чахлый, бамбуковый березняк постепенно замещается спелым хвойным лесом. Здесь, на лесистых склонах сопок с южной стороны озера, я с трудом отыскиваю пробную пло-

щадь лесоустроителей. Я стою на прорубленном визире посреди хмурого, захламлённого хвойного леса и осматриваюсь по сторонам...

Я наклоняюсь и поднимаю с дернины лесной подстилки, срубленную секирой лесоустроителей, вершинку лабазника. Она – также свежа и зелена, как и вершинки побегов, растущих рядом.

– Хм! – скептически хмыкаю я, – Если посчитать – её срубили две недели назад! Когда лесоустроители рубили этот визир. Две недели! А, вот! Листья – даже, не подвяли! Они совершенно свежие!.. Что ж, ты, хочешь? Такая погода! Сыро и прохладно... В таких условиях, определить свежесть следа по сломанному листу – дело безнадёжное и даже глупое.

Пробная площадь характеризует буреломный участок спелого, елово-пихтового леса. Густой подрост неприятно ограничивает видимость. Между гладкими, светло-серыми колоннами пихтовых стволов, лениво перетекают седые пряди тумана. Я стою и недоумённо смотрю на них: «Странно это! Туман стоит не над лесом, а – прямо между стволами деревьев!». Моё «Эгей! Это я здесь!» гулким эхом, скачет между колоннами стволов.

– Бух! Бух! Бух! – хлопаю я в ладоши.

– Какое, сегодня, громкое эхо! – поражаюсь я, – Каждый хлопок в ладоши – как выстрел! Удивительно...

Настороженно озираясь по сторонам, я брожу по площади с дневничком и авторучкой в руках, описывая травостой и ярус кустарников...

Вскидываясь на каждый шорох, я осторожно расправляю листья растений, которые закладываю в гербарную папку. Одних из них – я не знаю, их названия буду определять на кордоне, в спокойной обстановке. Другие же – представляют интерес для гербария заповедника, коллекция...

Всё! Страхи – страхами, а работа сделана. Ура!.. Возвращаться на кордон обратным следом, мне – так не хочется! Бесконечная гребля по просторам бамбукового моря отталкивает меня огромными затратами физических сил.

Да, мне, это – и не интересно! Бить ногами, в четвёртый раз, одну и ту же дорогу.

Пробная площадь оставляет в моей душе тяжёлый осадок – тёмный, дикий участок буреломного леса. По днищу распадка, полого уходящего к озеру, я направляюсь дальше, вниз. Песчаное где-то там, за лесом...

Вскоре, начинается сырой ельник из ели Глена. Подлеска из кустарников – здесь, нет вообще. Основания стволов елей и валёжник покрывает ковёр зелёных мхов. Кругом – покопки, покопки, покопки... Это медведи кормятся лизихитоном.

– Эгей!!! Это я здесь иду! – часто кричу я.

Очередной раз крикнув и прислушавшись к гулкому эху, я делаю вперёд несколько шагов и в изумлении, застываю на месте – в десятке шагов, даже не взглянув на меня, ленивой трусцой, дорогу мне перебегают лисица! Слева-направо, я тупо провожаю её пристальным взглядом. Не поднимая опущенной к земле морды, рыжая, неслышной тенью, исчезает среди еловых стволов...

Опомнившись, я усиленно смаргиваю, пытаюсь прогнать наваждение: «Будто меня – вообще, нет! Я только что орал, как недорезанный! Такое эхо!.. Как, всё это, понимать?!». В полном недоумении, постояв несколько минут и так и не решив, как реагировать на эту невероятность, я делаю новый шаг по распадку, дальше...

Минут через сорок сквозь переплетенье веточек чахлого ольховника, впереди начинает проблёскивать спокойная гладь озера. Мой распадок раздаётся в стороны, открывая взгляду обширную котловину озера.

– Фуууу! – я облегчённо перевожу дух, – Ура! Песчаное! Самое опасное, на сегодня – позади...

Берег Песчаного, неожиданно для меня, оказывается топким! Немного отступив от берега под ольховник, ближе к подножию склона, я разворачиваюсь вправо и бодро шагаю вдоль озера, в сторону Серноводска, домой.

Среди густого ковра осоки, передо мной покачиваются абсолютно чёрные колокольцы цветков!

– Рябчики! – радуюсь я, – Привет!

Это – не птица, боровая дичь. Это – растение, из семейства лилейных. Оно называется «рябчик камчатский». Я сбрасываю свой ботанический рюкзачок прямо в высокую осоку и закладываю в гербарную папку несколько экземпляров рябчика... Обычно, каждое растение рябчика бывает увенчано одним – двумя колокольцами.

– Ах! – восторгаюсь я, – Три цветка! И вон! Ещё три!.. А, вон! Даже, четыре цветка! Рябчик с четырьмя цветками!

Тревога отступает на второй план, и я, с увлечением, бросаюсь в ботанические чудеса.

– А, вот! Какие огромные фиалки Лангсдорфа!

Я выхватываю свою рулетку: «Пятьдесят сантиметров, высота! Ни-че-го себе! Это – настоящий гигантизм!». Вокруг – столько чудес! И я, всё закладываю и закладываю растения, к себе в папку...

Однако, болотистый ольховник, в конце-концов, мне надоедает. Осмотревшись по сторонам, я решаю с большей пользой использовать свой холостой проход с места работы домой.

– Дальше – одно и то же! Прочешу-ка я, лучше, вот эти склоны сопки! – примериваюсь я к спускающимся к озеру склонам, – Получится, практически, по пути!

Резко свернув вправо, к спускающемуся к озеру лесистому склону, я бодро шагаю по сочному ковру осоки, к подножию сопки...

Постепенно, этот ковёр начинает раскачиваться, в такт моим шагам. Всё сильнее, сильнее, сильнее... На ходу, пристально всматриваясь вверх, в кроны склона, я слишком поздно замечаю это! До склона остаётся шагов двадцать!

Не останавливаясь, я, наоборот, ускоряю свой шаг. Ситуация срывается! Я бросаюсь вперёд! Мои ноги ступают в пустоту. Я, с размаху, заваливаюсь животом на зыбко расплывающийся подо мной зелёный ковёр травки! По инерции, в воде, моё тело продолжает движение вперёд... и вот, наконец, пальцами вытянутых вперёд рук, я цепляюсь в дёрн травянистого склона сопки.

Подтянувшись на руках к склону, я встаю в воде вертикально. И ногами, не нахожу дна! Глубина! Ухватившись за небольшие кустики, я руками вытягиваю себя на крутую, травяную стену склона.

– Уххх! Страху-то! Блин!.. – вполголоса матерясь, я лезу по травке вверх по склону, хватаясь за кустики руками, – Кто мог подумать, что здесь – ложный берег?! Чёрт бы его побрал!

Вода, бойкими ручейками, стекает с одежды на траву...

– Блин! – злюсь я, – Сухого места не осталось! Чтоб ты сдохло!

Метров двадцать крутого подъёма – и склон сопки переламывается. Подтягиваясь руками по травяному склону вверх, на его гребне, я, буквально носом, упираюсь в стену толстеного ствола дерева!

– О! – в одно мгновение, оцениваю я экземпляр, – Какая берёза!.. Сколько же ты диаметром?!

Мокрый до нитки, я, с хлопаньем, сажусь на дернину и достаю из ботанического рюкзака рулетку.

– А, рюкзачок-то – воду держит! В нём – всё сухо! – радуюсь я, – Так! Три метра сорок сантиметров на рулетке, это... сто восемь сантиметров, диаметр! Класс! Рекорд породы! Как ни крути – ты самая толстая берёза Эрмана, в моей диаграмме!

Я поднимаюсь на ноги и осматриваюсь по сторонам: вокруг стоит смешанный лес. Все неровности рельефа скрыты трёхметровым морем высокотравья.

– Интере-есно! – загораются у меня, глаза.

В этом лесу, я повсюду вижу выглядывающие из лопухов своими кронами бархаты, вязы, клёны... А вот! Участок одной черёмухи! Но, всё затоплено лопухами!

– Уф.., – вздыхаю я.

Делать нечего, я лезу в лопухи.

– Черёмуха айнская! Пятьдесят один сантиметр! – кричу я, на весь лес.

Раздвигая плотную стену зарослей какалии, я продираюсь по лопухам от одного ствола черёмухи к другому.

– Черёмуха! Пятьдесят два сантиметра! – кричу я, в лопухах.

– Ах! Суперчерёмуха! – горланю я и восхищённо раскручиваю свою рулетку вокруг ствола дерева, – Это – самая толстая!

– Черёмуха! – горланю я, – Пятьдесят девять сантиметров! Рекорд породы!

Но, наверняка, это – предел черёмухового возраста. Это дерево находится на грани естественной смерти, от старости. Оно, просто, дряхлое! Оно – едва живое...

Зигзагами виляя от одного, заинтересовавшего меня ствола, к другому, я продвигаюсь по склону. Плотная стена листьев какалии, сосюреи, лабазника, белокопытника и другого высокотравья, пожалуй, вдвое выше меня! Ничего не видно! И я часто кричу, оповещая окрестности о своём присутствии.

– Эгей!!! Это – я, здесь! – горланю я.

Разворачиваюсь вверх по склону и шагаю из лопухов смешанного леса, в пихтарник. Сочащаяся влагой лесная подстилка совершенно скрадывает звуки моих шагов!

– Бах! Бах! Бах! – мои хлопки в ладоши, гулками выстрелами разносятся по лесу.

– Вот громкость! – удивлённо качаю я головой, – Как из пушки!

Это несколько ободряет. Но, по-прежнему, тревога молоточками стучит в висках и край штормовки с левого бока, загнут за рукоять моего огромного тесака, оставляя её открытой. Когда становится совсем страшно – моя рука впивается в рукоять ножа. Холод металла остужает мою панику, поддерживает стойкость духа...

Вот – вмятины в ковре мха... А, вот здесь – медведь, перескакивая через валёжину, сорвал с неё когтями, мох. Его стебельки ещё, даже, не распрямились! Я, в раздумье, поглаживаю этот мох, пальцами...

– Медведь прошёл здесь – только что? Или это обман погоды? – думаю я, – Попробуй, определи! Такая погода, сырость и прохлада... Да и вообще! В здешнем лесу, такое

зверь бросается по уходящему вправо, гребешку распалочка. Но, уже через несколько прыжков, вычислив, что я – один, он доворачивает и во весь опор, спускается мне навстречу.

В голове проносится: «Ко мне!».

– Аааааа! – истошный, животный крик рвётся из моей груди.

Коротким движением руки, я выдёргиваю из ножен тесак. Ужас страха и ярость отчаяния охватывают меня. Окружающий лес перестаёт существовать, только стон тяжёлых прыжков и бурая туша медведя. Широко расставив ноги, выставив перед собой руку с ножом и чуть подавшись вперёд, я жду, не сводя со зверя глаз. А, он – стремительно и молча стелется под уклон, прямо на меня.

– Раздавит! – проносится в голове, – Как дорожный каток!

Медведь торопится и уже в следующую секунду, с бешеным рёвом, насккивает на меня.

– Рррраааааа!

– Ааааааа! – дико закричав, я прыгаю навстречу налетающей, бурой туше.

В ответ, зверь принимает на каких-нибудь полметра вправо. Гориллоподобно вздыбившись, он, с рёвом, пролетает мимо. В полёте, он разворачивает своё туловище так, что всегда остаётся лицом ко мне. Два мощных маха передними лапами! Правой!левой!

– Шшухх – шшухх! – в когтях, громко шипит воздух.

Каким-то чудом, я успеваю отдёргнуться назад. Воздух, с шипением рассекается перед самым лицом! Вслед за медведем, я прокручиваюсь на месте, на сто восемьдесят градусов.

– Рррраааааа! – поедая меня глазами и яростно ревя, он неистово тормозит, вперив когти в лесную дернину.

Но инерция столь большого тела безжалостно волочёт зверя под уклон по склону, за толстую берёзу.

– Не оставил! – проносится в голове, – Убьёт!

Наконец, пересилив инерцию, медведь бросает своё тело вперёд! Но, между нами – толстая колонна берёзо-

вого ствола. Бешеный прыжок вперёд – и яростно реву-щая голова вывешивается в широкую развилку берёзы, на уровне моего лица.

– Ррррааааа!

– Брошусь бежать – будет давить в корнях, как мышь! – холодно просчитывает мозг.

– Аааааааа! – с диким криком, я прыгаю вперёд, к берёзе и всю свою силу вкладываю в удар.

Рубящий удар моего тесака придёт наискосок, по медвежьему рылу. Я тут же отпрыгиваю обратно. Но! С удивительной быстротой, медведь выворачивается вокруг колонны толстого ствола! И теперь – между нами ничего нет...

Медведь бросается ко мне, я вижу белки его выпученных глаз.

– Ррррааа! Ррррааа! Ррррааа! – он орёт в лицо, бешеными выдохами!

Чуть вздёрнувшись передней частью тела, без замаха, короткими движениями снаружи вовнутрь, он парно бьёт передними лапами. Правой!левой!

– Шшуххх – шшухххх! – в когтях, громко шипит воздух. Я уворачиваюсь! Когти мелькают ужасающе близко!

– Паа-шшёллл! – с истеричным криком, я опять рублю тесаком по морде.

Моя, вытянутая вперёд в момент удара, правая рука оказывается в зоне досягаемости медвежьих когтей. Вздёргивание!

– Шшухххх – шшухххх!

Плотный брезент моей штормовки взрывается с лёгкостью папиросной бумаги. Я отскакиваю на шаг. Медведь стремительно наступает! Страшный, низкий рёв: «Ррррааааа!».

– Паа-шшёллл! – надсадно ору я, в медвежьих глазах.

Словно отрезвляясь, медведь отшатывается от человеческого крика в лицо, но уже в следующее мгновение, словно устыдившись показанного страха, он, с ещё большей яростью, бросается вперёд.

– Ррррааааа! – страшный рёв и вздёргивание!

– Паа-шщёллл! – снова, с истошным криком, я рублю по медвежьей морде.

Парный удар передними лапами! Правой!левой!

– Шшуххх – шщуххх!

Уклоняясь от удара правой лапы, я, как в боксе, «насаживаюсь» на встречный удар левой...

Но и тут! Я дьявольски изворотлив! И меня достают только когти! Снова штормовка, с поразительной лёгкостью, лопаётся на мне, как мыльный пузырь.

Я не успеваю отскакивать! Медведь надвигается значительно быстрее! Вздёргивание! Яростный, низкий рёв: «Ррррааааа!». Время замедляется...

о Теперь уже мельница медвежьих когтей становится для меня второстепенной – весь мир заполняет яростно ревущая, огромная башка медведя! Она видится мне, как надвигающийся на меня огромный, мшистый пенёк.

– Ррррааааа! – бешеный рёв.

– Шшуххх – шщуххх! – шипит в когтях воздух.

– Паа-шщёллл! – в ужасе, с надрывным криком, я успеваю рубануть по морде ещё раз.

И больше – уже ничего не успеваю. Я скручиваюсь туловищем, снова уворачиваясь от удара правой лапы. И всё-таки, неизменно попадаю под встречный удар левой. И теперь, это – уже не когти...

Удар в плечо, как невесомую пушинку, срывает меня с земли. Я ощущаю горизонтальный полёт! Медвежья морда – рядом! Она сопровождает меня в полёте! Рефлекторно расставив руки, я падаю на четвереньки, правым боком к медведю. Припав на передние лапы, медведь тут же хватается пастью локоть ближайшей к нему руки. Словоно разряд тока проскакивает по моему телу, и правая рука перестаёт существовать.

– Всё! Конец! Как быстро.., – стучит в висках...

Смерть, почему-то, не наступает... Пелена апатии лопается, как мыльный пузырь! В моё сознание врывается яростный медвежий рёв!

– Рррраааааа!

– Нож! – взрывается в моей голове, страшная мысль.

Я, в ужасе, шарю по мелкой лесной осочке вокруг, глазами – и в полутора метрах вижу длинную, белую полосу лезвия! Бросаюсь к ней! Наугад хватанув там, где должна быть рукоять, я вскакиваю навстречу яростному рёву.

– Рррраааааа!

Расставив передние лапы и припав к земле метрах в трёх выше по склону, медведь яростно ревёт, поедая меня бешеными глазами. Его колотит крупная дрожь. Расставив ноги и слегка пригнувшись, выставив вперёд руку с тесаком, я молча жду, готовый подороже отдать свою жизнь...

– Рррраааааа!

Резко оттолкнувшись от земли всеми четырьмя ногами одновременно, медведь прыгает... назад!

– Рррраааааа! Припав к земле и не переставая яростно реветь, медведь сторожит моё движение. Меня сверлят его бешеные глаза. Закаменев в страшном медвежьем рёве, я не шевелюсь, выставив вперёд тесак...

Снова, оттолкнувшись от земли всеми четырьмя ногами одновременно, зверь отпрыгивает назад.

– Рррраааааа!

И опять сторожит меня, надсадно ревя и поедая бешеными глазами...

Третий раз, медведь прыгает назад полупереворотом, через плечо! И на махах, стремительно уходит туда, откуда пришёл. Я стою в прежней позе, сжимая в руке тесак, и смотрю на удаляющуюся бурую, квадратную, медвежьёю спину. В прыжках, она качается как маятник: вверх – вниз, вверх – вниз, вверх – вниз, вверх – вниз, вверх – вниз...

Всё! Тяжёлые прыжки медведя затихли... Сам я – действую не менее быстро: вгоняю в ножны тесак, сжимаю в кулак и разжимаю кисть правой руки – руку, я не чувствую! Её словно нет! Но пальцы слушаются.

– Значит, не всё плохо! – проносится ободряющая мысль.

Правый рукав быстро набухает тёплой кровью. Я разворачиваюсь и срываюсь в бешеный бег по лесу. Каждое болтание правой руки причиняет тупую боль. Я, на бегу, ловлю эту руку левой рукой и прижимаю к груди, словно куклу. Главное, сейчас – как можно резче разорвать расстояние между нами...

И это мне удаётся! Через несколько десятков метров, пихтарник неожиданно обрывается передо мной крутейшим лесистым склоном высокого борта Серноводского перешейка. Это – обрыв метров тридцать! С наваленными поперёк склона, сучкастыми стволами елей и пихт, с забитым кустарниками пространством между ними. Весь этот бурелом доверху перевит лианами актинидии! Адская смесь!

С ходу, не раздумывая, грандиозным прыжком, я «выстреливаю» себя с обрыва в воздух, над этой баррикадой хлыстов, кустарников, лиан и лопухов. Сейчас, реальность насадиться на белые штыки сучьев – меня не интересует вообще! В три невообразимых прыжка, я «пробиваю» этот склон и оказываюсь на столе равнины перешейка. И бросаюсь бежать дальше.

Тут же, путь мне преграждает ручей! В глубокой, выбитой в болоте, траншее. Я, с ходу, прыгаю через неё...

Через десяток метров по этой болотине – следующий ручей! Этот – пошире первого, его не перепрыгнуть. Длинным прыжком, я, с ходу, влетаю в середину ручья! Каскад брызг – выше головы! Глубина – по пояс. Двумя рывками, я выдёргиваюсь из траншеи этого ручья...

Дальше – болотистая равнина, в белом молоке тумана. Я бегу по кочкам...

Упругий ковёр болота стремительно отнимает силы. Ноги быстро становятся ватными и непослушными.

– Догонит в таком состоянии – в болото вобьёт! – стучит в голове трезвая мысль, и я перехожу на торопливый шаг.

– Ху-ху! Ху-ху! – держу я дыхание, в такт быстрым шагам.

Я часто оглядываюсь через плечо, на свой, отчётливо видный на болотине, след. Меня беспокоит реальность медвежьего преследования. Но, сзади всё спокойно. И я всё дальше ухожу от склона, от леса, на равнину...

Метров через пятьсот, в густом тумане, я выхожу к совхозному стаду. Коровы, широкой россыпью, лениво тянутся по равнине, мне навстречу...

– Фуууу! – глубоко вздыхаю я.

Коровы, одна за другой, цепочками проплывают и слева и справа, мимо меня. Вот, я уже в середине стада! Это меня окончательно успокаивает... Бросаю короткий взгляд на правую руку – кровь, с кончиков пальцев, больше не капает. Это – тоже хорошо...

Вот, впереди, обозначились и совхозные дойки. Два строительных вагончика «на колёсном ходу» стоят на берегу, по другую сторону Серноводки. Но, это – меня не волнует вообще. Совершенно не выбирая брода, я, с ходу, вхожу в загаженную коровьим навозом, илистую речку...

Подхожу к вагончику. Два пастуха открывают дверь навстречу, на метровой высоте железного, арматурного крыльца.

– У вас, чистой воды не найдётся? – интересуюсь я, глядя на них снизу – вверх.

– Е... ес-ть..., – удивлённо тянет один, разглядывая меня.

Второй разворачивается в вагончик. Не дожидаясь воды, здесь же, у крыльца вагончика, я снимаю на землю свой ботанический рюкзачок и осторожно стягиваю, через голову, свою штормовку.

– Даа! – хмыкаю я, – Одни лохмотья! Как клоун! То-то, на меня смотрят!

Цельный брезент штормовки прорван по животу длинными, вертикальными прорывами.

– Хм! – недоумённо качаю я головой, – Когда он, мне живот вспорол?! Целых два раза полоснул... Интересно – оба раза, четыре когтя прорывали, а пятый – только оставлял длинный, белый след!

Про правый рукав и говорить нечего – он посечён вдоль, на узкие полоски и в довершение, почти вырван с корнем, со стороны спины.

– Это – когда он меня в плечо ударил, лапой! – оцениваю я, молча.

Капюшон штормовки, на уровне правой щеки, прорван горизонтально, словно несколько раз ножницами прорезан.

– Вот, блин! – матерюсь я, сам с собой, – С самого края! Здесь же – он подрублен, брезент в два слоя!.. По горизонтали! Прорвал, как бумагу! Как так? Ведь, капюшон свободно на плечах лежит, за головой!.. Ещё сантиметр – и лицо порвал бы...

Я, морщась, стаскиваю через голову, свой толстый, синий свитер... И достаю из рюкзака военные перевязочные пакеты. У меня, их – целых три штуки! Я – предусмотрительный! Я, на такую встречу, рассчитывал...

Один из пастухов, наконец, выходит на высокое крыльцо вагончика, с кружкой воды. Локоть моей правой руки раскрывается кровавой лоханью обширной раны.

– Блин! Клыками засадил! – думаю я, морщась, – Здесь – главная проблема. Да и вообще, этой руке досталось...

Я киваю на свою окровавленную руку и снизу-вверх, прошу пастуха: «Помоги перевязаться, а? Нужно от самого плеча мотать! А левой рукой – мне так неудобно!». Мужчина, на крыльце надо мной, переламывается в поясе, едва сдерживая спазмы и круто повернувшись, бросается обратно, в вагончик!

– Хлоп! – захлопывается дверь.

– Во, блин! – взрываюсь я, – Какие мы все, нежные! Мы крови боимся!

– Блин!.. – кое-как, бурча проклятия себе под нос, я туго перевязываюсь.

Сам. Кое-как натягиваю на себя, эту же одежду. Потому что, другой одежды – у меня просто нет.

Так, дело сделано. Теперь – прошагать пару километров по грунтовой дороге, до кордона на мысе Четверикова...

– О! Саня пришёл! – высыпают в коридор многочисленные обитатели бетонного кордона.

– Что принёс? – весело интересуется Сергей Ольшевский.

– Я? – не понимаю я его, – Ничего.

– А, что на груди держишь?

– А, это.., – доходит до меня, – Руку!

– Что? – теперь уже, не понимают меня, – Какую руку?!

– Свою руку! – взрываюсь я, – Собственную! Меня медведь побил... Отлежаться бы...

– Что? – взвизгивает, оказавшийся на кордоне, главный лесничий Горлач, – Я тебе, блин, покажу Кузькину мать! Я, блин, тебе отлежусь!.. Виктор! До доек его! Там молоковозы в посёлок ходят! В больницу его! Быстро!

...Самосвал ЗИЛ быстро мчит по хорошей грунтовой дороге. На скорости, деревья по её обочинам, сливаются в сплошную зелёную массу. Разговорчивый шофёр всё время, безудержно, о чём-то болтает. Глядя на стремительно стелющуюся под колёса серую ленту дороги, я ухожу в себя, возвращаясь в такое недалёкое прошлое. В голове тяжело ворочаются обрывки мыслей: «Жизнь продолжается... Как страшно я кричал! Никогда не думал, что могу так страшно кричать... С жизнью простился... Не верится, что живой... Не верится... Не верится...».

Я вздрагиваю и широко распахиваю глаза – слабо светит ночная лампа, я лежу на белой койке в коридоре больницы. Передо мной стоит девушка в белом халате. Она держит в руках поднос со шприцами.

– Ти-хо! Нервный! – громким шопотом, командует мне медсестра, – Других – добудиться не могу! А тебя – прикоснись ватным тампоном, так ты вскакиваешь, как подорванный! Время антибиотик колоть.

– А! – обмякаю я и послушно поворачиваюсь на бок...

Перевязка. Доктор – женщина средних лет в белом халате, старается отлепить присохшие к моей руке бинты.

– Отмачивать придётся! – морщится она.

– Вы, только осторожно! – лепечу я, – Вы осторожно! Вы только тихонечко!

– Да?! – нервно взрывается она, – Ты, это, своей медведице скажи!

Через одиннадцать суток меня выписывают из больницы, «на заживление». Я, ведь – молодой и ходячий. Только теперь, я получил доступ к своей лесной одежде, в которой поступил.

– Боже мой! – я трогаю засохшую грязь брезентовых брюк, словно залитый бетоном, не гнущийся от сохшейся крови, рукав толстого свитера...

– Первым делом, нож! – с трудом, я вытягиваю из ножен заржавевший тесак и с болью разглядываю глубокие зазубрины на его лезвии, – Словно толстую проволоку рубил... Ладно, нож, пошли домой!..

Ночь. Дом. Я один. Я выключаю свет, и комната погружается в темноту. Отбой...

Через пять минут я вздрагиваю и открываю глаза! Застекленев, я лежу и вслушиваюсь в окружающую темноту...

– Фу! – тяжело думаю я, – Крыша едет. Всего боюсь...

– Я боюсь тишины, – понимаю я.

Но я – умный. С дурной головой, я встаю и шагаю в коридор за пустым, цинковым ведром, из-под воды. Я ставлю ведро у своей койки, на его дно я ставлю большой, механический будильник.

– Звук – звук! Звук – звук! Звук – звук! – громко, на всю комнату, тикает будильник.

И я засыпаю. Теперь я сплю с включённым светом...

К нам, в заповедник, прибыли на практику две студентки из МГУ, две Марины. Они – ботаники. Это значит, что своё окончательное «заживление» я буду проходить в лесных условиях. Бортовой грузовик заповедника быстро мчит нас на юг Кунашира. Он должен довести нас до развилки в кальдере вулкана Головнина. А, пока – по грунтовой дороге, мы пересекаем низменную равнину Серноводского перешейка. Здесь – массово цветут ири-

сы! Сливающаяся на скорости в сплошное, синее месиво масса крупных колокольцев ирисов, так восхищает меня!

– Красота какая! Экзотика! Где, такое, увидишь? – я смотрю на это чудо природы с борта мчащегося по дороге ЗИЛа...

К вечеру мы – в кальдере! Мы – это я, две студентки-москвички и наш, заповедниковский медвежатник Перовский. Михаил Дмитриевич – человек бывалый, за его плечами ружьё. Оба эти обстоятельства вызывают во мне чувство уверенности в завтрашнем дне...

Между колеями зарастающей дороги, что пролегает по днищу кальдеры, колосится бамбук!

– Марины! – говорю я студенткам, – К какому семейству относится курильский бамбук?

Марины внимательно рассматривают рыхлые, грубозернистые метёлки бамбука.

– К семейству злаковых!

– Конечно!

– Точно!

– Ну... Смотри – здесь всё как у мятлика! – совещаются между собой, Марины, – Только, гораздо крупнее.

– Грубее, – я бы сказала.

Я улыбаюсь, слушая поток их восклицаний...

Кальдера. Утро. Я просыпаюсь от резкого запаха тухлых яиц!

– Сероводород! Как всегда..., – бормочу я, выбираясь из нашей палатки наружу.

– Саша! – окликает меня, снаружи, Перовский, – Девчонки к озеру пошли, умываться! Ты сбегай! Скажи, что водой из озера – чистить зубы нельзя!

– Понятно, Михаил Дмитриевич! – я понимаю важность момента и спешу к озеру, по тропинке в высоком, по плечи, бамбуке.

Марины ещё только приближаются к берегу Горячего. Здесь небольшой пляж из крупного, желтоватого песка. По мелководью, в озеро вдаётся обширная куртина трост-

ника. Безветренно. Озеро, мелкой волной, наплёскивает на песок...

– Марины! Вы уже видели здешний фокус? – интересуюсь я.

– Какой? – оборачиваются на мой голос, девушки.

– Смотрите! – я намыливаю свои руки и жестом фокусника, вставляю растопыренные пальцы в чистейшую воду озера.

По мере погружения, мыльная пена, с лёгким шипением, мгновенно растворяется в воде! Вода озера остаётся по-прежнему чистой и прозрачной... Не шевельнув ни единым пальцем, я вынимаю руки из воды и жестом фокусника показываю их девушкам: «Вот! Даже смывать не надо!».

– Да, нууу! – изумлённо тянет одна Марина, – Это как?!

– Интере-еесно..! – тянет другая Марина.

– Хм! – хмыкает первая, – А, что? Удобно!

– Вы, только, зубы в этой воде, не чистите! – вспоминаю я, увидев тюбик с зубной пастой в руке ближайшей Марины.

– А, что? – недоумевают студентки.

– В прошлом году, когда мы здесь, в кальдере, нашей Магнолией стояли, – объясняю я, – Я имел неосторожность несколько дней подряд зубы в озере чистить! Как раз, вот здесь!

– Ну? – прищуривается на меня, первая Марина.

– И как? – осторожно интересуется вторая Марина.

– Все пломбы выпали! – развожу я руками, – Мы, для еды, всегда берём воду из ручейка. Он – по дороге, метрах в ста не доходя до нашего лагеря. Там и зубы чистим!

– А-аа! Мы его вчера проходили!

– Понятно! – улыбаются девушки, – А здесь, значит – потрясная кислотность воды! Если зубы выпадают... Купаться-то, в ней, можно?

– Все купаются! – беззаботно отзываюсь я, – Никто не жаловался...

– Ладно. Ты иди. Мы сейчас придём! – отсылают меня Марины, – А, зубы – мы пойдём чистить в ручей!

Мы завтракаем и сворачиваем рюкзаки – у нашей четвёрки переход на Алёхино. По тропе над Озёрной, нам нужно выйти на охотское побережье. А, там – на север, по валунам, по валунам...

Сегодня – обычный для Кунашира, пасмурный день. С тропы над Озёрной, особенно контрастно видны перемены в растительном мире, произошедшие за время моего отсутствия. Например, вишня сахалинская уже имеет вполне сформированные, зелёные ягоды.

А, ещё, оказывается, что сейчас – самое время цветения магнолии! Мы стоим на сжатой зарослями бамбука тропе над Озёрной и задрав лица к небу, всматриваемся в кроны деревьев. Высоко над нашими головами, в лопушистых кронах магнолий, видны крупные, белые цветы! Одни из них уже отцвели, другие – ещё находятся в бутонах...

– Надо бы забраться на дерево! – делает предложение, Перовский, – Цветок достать.

Надо-то – надо! Но, кто полезет? А, я – не уверен в своей правой руке. Всё-таки, заживление... Ну, да ладно! Подпрыгнув, я зависаю на нижней ветке магнолии. Я вижу вертикально вниз и прислушиваюсь к своей, туго стянутой бинтами в локтевом сгибе, руке.

– Вроде, в порядке! – думаю я, – По крайней мере, не больно.

И я лезу вверх, в крону...

Я отыскиваю полностью раскрытый цветок. Не чрезмерно перезревший, но и не «только что из бутона». Я срубаю тесаком ветку с цветком и осторожно сбрасываю её в руки, ждущего внизу, Михаила Дмитриевича. И тут же спускаюсь, следом.

Вот и земля! Я спрыгиваю на тропу и присоединяюсь к «коллегам», с интересом разглядывающим цветок. Мне, он – тоже вдиковинку. Не каждый день цветы магнолии в руках держишь!.. Большой! Грязно-белого цвета, толстые, мясистые лепестки... Но почему-то, этот крупный цветок, на меня, особого впечатления не производит! Видимо, как ботаник, я уже настолько наполнен информацией об этом

чуде природы, что «созерцание природы» уже не даёт мне ничего нового.

А, вот, запах! Какой густой и сильный аромат исходит от этого цветка! Этот восхитительный запах хочется вдыхать снова и снова!.. Магнолия так и отложилась в моей памяти – потрясающим ароматом своего цветка...

Выстроившись цепочкой, под рюкзаками, мы шагаем по тропе над речкой, дальше...

К распадку Озёрной, с нашей стороны, примыкает небольшой отвилок. На днище этого распадка, далеко под нами, стоит крупное дерево с округлой, развесистой кроной. Оно, буквально, всё бело! От шапок соцветий... Мы стоим на повороте тропы. Я спорю со студентками, насчёт «объекта». Четыре курса МГУ! Они – готовые ботаники. У нас – профессиональный спор...

– Может, рябина смешанная? – прикидывает вторая Марина, – Сейчас – самый сезон её цветения.

– Нет, не похоже.., – прищуриваюсь я, с тропы вниз, в свои круглые очки, – У рябины листья сложные.

– Марина, у тебя глаз зоркий! – говорю я той Марине, которая стройная и спортивная, – Ты, листья видишь?

– Нет, – отрицательно качает она головой, – Далековато отсюда.

– Если не рябина... Что ещё, может так цвести? – недоумевает другая, более крупная Марина.

– Может, черёмуха? Она – тоже, белым цветёт! – отзывается первая Марина.

– Нет! – сразу «зарубаю» я, её вариант, – У черёмухи айнской – свисающие вниз, длиннющие кисти цветков! Восемьдесят цветков в кисти!

– Так уж и восемьдесят! – сомневается первая Марина.

– Точно! – горячусь я, – Я сам считал, месяц назад... А, у этого – круглые зонтики цветков или щитки!

– Ну, что ещё может цвести, в это время? Больше – нечему! Наверняка, рябина! – упорствует вторая Марина.

– Да, нет же! Отсюда, конечно, далековато, но у этого листья – мелкие! – спорит первая Марина и щурится

вниз, – Во всяком случае, они – одиночные, а не сложные, как у рябины!

– Я, конечно, не специалист в деревьях, – не выдерживает, молча стоящий на втором плане, Перовский, – Но... может, легче туда слазить?

– Туда?! – недоумённо оборачиваюсь я, к нему.

– Туда?! – растерянно смотрят на нас, девушки.

– А что? Я – ничего! – отступает на шаг, Михаил Дмитриевич, – Я – только предложил! Но... так можно спорить до бесконечности.

Здесь, в отвилке второстепенного распадка, образовался уютный затишок. Здесь – полнейшая защита от ветра, тумана и прочих погодных невзгод. Поэтому, этот крутой распадок затоплен высоченным бамбуком. Бамбук переплетён лианами актинидии. И я не строю ни малейших иллюзий: «Спуститься вниз – ещё, куда ни шло! А, как выбираться обратно?!».

– Ну., – блестят глаза, у Перовского, – Как-нибудь вылезешь! Мы будем ждать, сколько надо...

Собравшись с духом, через минуту, я делаю шаг вниз, в бамбук. Ещё на тропе, я разворачиваюсь «лицом к скале» и крепко вцепляюсь руками в проволоку бамбуковых стеблей. Бамбук – в рост человека!..

– Эй! – через пять минут, кричит с тропы, окончательно потерявший меня в бамбуке, Перовский, – Са-ша! Ты живой?!

– Живооооо! – кричу я, отплёвываясь от паутины и тяжело дыша, – Здесь я!

Очень крутой склон, скользкая проволока бамбуковых стеблей...

С трудом продравшись по зарослям бамбука на днище распадка, я пробираюсь к дереву. Густой бамбук – в рост человека! Я стою и задрав лицо вверх, всматриваюсь в крону «объекта»...

И моя душа сладко замирает: «Ах! Это ботрокариум! Ботрокариум! Цветёт-то как!.. Вот, это, даааа! Никогда не видел».

– Это ботрокариум! – горланю я вверх, в сторону тропы.

– Что? – едва доносится до меня ответ, не понимают меня, студентки.

– Бо-тро-ка-ри-ум! – ору я им, из бамбука.

Но они – всё-равно ничего не понимают, из моего крика.

Я вытаскиваю из ножен свой тесак и срубаю четыре кончика веточек, с шапочками соцветий. Для гербария заповедника. Ботрокариум в цвету! Это круто. Эта ботаническая изюминка Кунашира имеет характерное жилкование листьев. Не обращали внимания на жилкование листьев у свидины?! Тонковеточный кустарник, что делает бордюры вдоль городских улиц. Жилки – не ветвятся! Они загнуты дугами, по листовой пластинке. У ботрокариума, жилкование – такое же. Ведь он – её ближайший родственник.

Теперь – в обратный путь. «Против шерсти», я долго и упорно бьюсь в бамбуковых зарослях, делая короткие перекуры и снова, шаг за шагом поднимаясь всё выше по склону, к тропе...

На тропе меня смиренно ждут две Марины и Перовский.

– Вот! – тяжело дыша, мокрый от пота, дрожащей рукой, я протягиваю им свой букетик, – Ботрокариум! Высшая категория редкости!

– Ух, ты!

– Ботрокариум спорный... Интересно!

– Точно, экзотика! Кунаширская экзотика. Два молодых ботаника, две Марины, внимательно рассматривают веточки дерева... А я, прямо на тропе раскрываю свою гербарную папку и закладываю в неё два образца ботрокариума...

Последний поворот морского берега. Перед нами открывается бухта. Это и есть местечко «Алёхино». Мы ночуем в небольшом балке. Это – кордон нашего заповедника. Здесь хорошо! Мы – народ походный, нам много не надо. После тяжёлой работы, под защитой стен, так спокойно спится...

– Тик-тик, тик-тик, тик-тик..., – под утро, меня настойчиво будит монотонное тиканье настенных часов.

– Часы... Мы – на Алёхино... Это кордон... Какие часы? – тяжело ворочаются, в моей сонной голове, мысли, – Здесь, часов нет... Это – не часы! Это капли, с крыши! Дождь! Значит, сегодня можно поспать подольше...

Дождь набирает силу на протяжении всего дня! Вертикальные столбы водяной пыли, покачиваясь, нескончаемой чередой медленно движутся на фоне темнеющего леса. Вот, уже и ветер налетает! Я прислушиваюсь к его резкими порывам...

– Это – циклон! – думаю я, глядя в небольшое окно, за которым полощет непогода, – Он, быстро – не перестанет...

Ненастье уходит только через двое суток. Двое суток замкнутого пространства! Проснувшись очередным утром, мы, уставшие от безделья, с радостью видим над сопками Алёхинской бухты голубое небо! Быстро собираемся в дорогу. Сегодня, к вечеру, выйдем на кордон, что на мысе Четверикова.

Яркое-яркое утро вокруг! Под рюкзаками, всей четвёркой, мы бодро шагаем мимо устья речки Алёхина. Яркое солнце играет в синем небе! Яркая зелень умытой природы радуется вокруг нас! Всё играет солнечными зайчиками, скверётся, цырчит и благоухает...

На песчаном пляже бухты, у высокого, каменного моста через речушку, лежат, лениво жуя жвачку, местные чёрно-белые коровы.

– О! Гольштинофризская, молочная порода! – улыбаюсь я коровам, – Самая породистая корова на Сахалине. Специально завозили...

Не переставая жевать, коровы провожают нашу, дружно шагающую мимо них, четвёрку, своими ленивыми взглядами. Сразу за мостиком, лесная дорога начинает втягиваться в затопленный лопуховым «лесом», пологий распадок...

Мы проходим не больше тридцати метров от мостика! Когда мой, настороженный слух улавливает шлёпанье в зарослях ручейка, совсем рядом с нашей дорогой!

– Шлёп-шлёп, шлёп, шлёп...

Студентки Марины весело болтают с Перовским о всяких московских новостях. Звуки окружающего леса никого из них не интересуют!

– Ну, конечно! – понимаю я их, – Михаил Дмитриевич – тоже москвич! У них – общие темы... Но, блин! Если б я был бы один – я бы сказал себе, что это – медведь!

– Что делать?! – бьётся в моей голове, торопливая мысль, – Здесь же, коровы – вот они, рядом совсем! Цивилизация! Да и вообще! Говорят, что по окрестностям Алёхино бегают целое стадо местных подсвинков! Если я сейчас зайкнусь о медведе, а в ответ, из лопухов высунутся весёлые пяточки поросят – надо мной, целый год, весь заповедник смеяться будет!

Мы так и продолжаем шагать, по колеям лесной дороги. Студентки Марины беззаботно болтают с Перовским о Москве, я же – нервно кошу глазом на стену лопухов, по левую сторону дороги.

– Поросята или медведь? Поросята или медведь?.. – одна мысль стучит в голове.

Всё разрешается само собой! В лопухах ручья прямо напротив нас, раздаётся ошалелый медвежий рев!

– Ррррррррааааа!

Идиллия искроносного, солнечного утра исчезает бесследно.

– Хррряск! Хррряск! Хррряск! Хррряск! Хррряск!

Тяжёлые прыжки надвигаются на нас! Сочный грохот проламываемой стены лопухов стремительно нарастает! Крутнувшись навстречу медвежьему рёву и грохоту лопухов, мы оказываемся перед непроницаемой, трёхметровой, зелёной стеной стеблей и листьев.

– Ррррррррааааа!

Ничего не видно!

– Хррряск! Хррряск! Хррряск! Хррряск! Хррряск!

Ужасающий грохот низвергаемых лопухов – уже в двух шагах, буквально перед лицом! Мои пальцы впиваются в стальную рукоять тесака, из горла рвётся истошный,

предостерегающий вопль: «Э-э-эйийй!». Немедленно сориентировавшись на мой крик, медведь, под прямым углом, сворачивает в сторону и, не показываясь из лопухов, с рёвом несётся по лопухам, мимо нас.

– Рррррррраааа! Хррряск! Хррряск! Хррряск! Хррряск! Хррряск!

Всё-также ревя и круша лопухи, медведь, на махах, уходит на близкий, противоположный склон распадка.

Всё стихло. Лопухи – выше нас! Ничего не видно! Здесь можно ориентироваться только по звукам...

Кажется, инцидент исчерпан.

Но, медведь уже снова бросается в атаку: «Рррррррраааа!». Кошмар первой атаки повторяется в точности!

– Рррррррраааа! – снова остервенелый медвежий рёв!

Снова стремительно нарастает тяжёлый грохот обрушиваемых лопухов: «Хррряск! Хррряск! Хррряск! Хррряск! Хррряск!».

Снова моя рука впивается в железную рукоять ножа.

– Э-э-эйийй!

И снова, невидимый в лопухах медведь, ориентируясь по моему истошному воплю, разворачивается в зарослях, буквально в нескольких метрах перед нашими лицами.

– Ррррррррааааа!

– Хррряск! Хррряск! Хррряск! Хррряск! Хррряск!

Громя лопухи, медведь с рёвом снова уходит на противоположный склон распадка...

Мой мозг не может переварить весь этот бред!

– Что ему нужно?! – стучит в моей голове, такая глупая мысль, – Почему он не уходит?! По-че-му?!

– Бахххх! – взрыв выстрела раскалывает лес.

Громом обваливается мёртвая тишина.

– Зззззззззззззз...

Комариным звоном, она звенит в ушах.словно, одним щелчком тумблера, выключили звук...

– Вон там, в окошке мелькнул! – приглушённо говорит мне, Михаил Дмитриевич.

Он по-совиному, сильно раскачивает головой из стороны в сторону, пытаясь что-то рассмотреть в буйстве листвы южного леса.

– Девчонки! На кордон! – не глядя, цыкает он через плечо, – Живо!

Времени на красивые обороты речи – нет. В любое мгновение, всё может завертеться опять, в непредсказуемом вихре. Мы ждём, обратившись в слух...

– Хак! Хак! Хак! – вдруг, медведь подаёт голос!

Он начинает хакать, на противоположной стороне распада.

– Хак! Хак! Хак! Хар! Харрр!

Его отдельные выдохи постепенно становятся всё чаще. И, в конце-концов, его хаканье перерастает в скрипучий и тонкий рёв.

– Харрр! Рррррааа! Ррррраааа! Ррррррррааааа!

Этот рёв становится всё громче и выше по тону, пока не переходит в непрерывный, тонкий вой, на фальцете!

– Рррреееееееееееееееее!

– Воет!.. Он что? Дразнится?! – первое, что приходит мне в голову.

Тоже обескураженный, Перовский в ответ пожимает плечами, всматриваясь в мозаику листвы...

– Медвежонок! – вдруг, с удивлением, говорит он и тычет пальцем в мешанину леса, – Вон! На дереве!

– Фу ты, блин! Так, всё просто! – проносится в моей голове, – Теперь же всё понятно!

И сразу, приходит осознание непоправимой вины: «В медведицу стреляли! Вот же, блин!». Но, сделанного – не воротись...

Идут минута за минутой. Мы по-прежнему стоим на дальней колее дороги, в двух шагах от непроницаемой стены лопухов и слушаем лопухи. Нам обоим ясно, что нужно проверить результат выстрела. Если медведь ранен – на траве останутся капли крови.

Надо быть самоубийцей, чтобы без собаки, лезть в дебри лопухов, к раненому медведю! Но выбора у нас, соб-

ственно, нет – где-то, в десятке километров, в этом лесном море работают люди! И научники заповедника, и лесная охрана, и лесостроители... Они могут быть и на нашем участке острова. Раненый медведь! Трудно придумать что-то худшее!

Лопухи смыкаются над нами. Осторожно раздвигая зелёные зонты белокопытника, мы крадёмся с Перовским под лопухами, к противоположному склону распадка. Чуть впереди, с ружьём наизготовку – Михаил Дмитриевич. Я – в двух метрах сзади и правее. Отец напутствовал меня, когда я уезжал работать в заповедник: «В лесу – будь не ближе трёх шагов от первого человека! Чтобы медведь не сбил всех сразу». Я сторожко схватываю глазами, каждый бугорок лесной поверхности. Напряжённо, до звона в ушах, вслушиваюсь в шорохи...

– Вот тут, она стояла! – вполголоса говорит мне Перовский, озираясь вокруг, – Прямо по лопатке бил!.. Неужели смазал?!

Сверху, по стволу ольхи, к нам спускается чёрный медвежонок! Я достаиваю его коротким, мимолётным взглядом – нам, сейчас, не до зверят. С любой стороны, в любое мгновение, на нас может броситься бурое чудище!

Неуклюжий и головастый, размером с небольшую собаку, медвежонок что-то жалобно бормочет, путается лапами в завалах черешков порушенного медведицей белокопытника и... деловито пристраивается за моими ногами!

– Рефлекс на движение! – механически отмечаю я, про себя, – Как у лисят, на Четверикова!

Хоть и маленький, но ведь, зверёныш! Куснёт ещё, чего доброго!

– Пошёл! – брыкаю я, на медвежонка ногой, назад, – Пошёл!

Жалобно глянув на меня снизу-вверх, тот обиженно отходит от меня и... пристраивается за ногами Михаила Дмитриевича! Перовский, также, как и я, брыкается на медвежонка...

- Нет! – хмуро отвечаю я, – Вроде, смазали.
- Крови нигде нет, – поясняет Михаил Дмитриевич на ходу, уже развернувшись по колею дороги, вправо.
- Как смазали?! – откровенно расстраивается, Марина. Азартная улыбка сбегает с её лица.
- Это – хорошо! – наоборот, радуюсь я, – Что смазали.
- А, то – бегай, ищи подранка, по всему лесу! – разъясняет студентке свою радость, Перовский.
- Мы шагаем, втроём, по дороге обратно...
- В дверях Алёхинского кордона, мы наталкиваемся на первую Марину. Она, с нами – не разговаривает! И видеть, и знать, нас – она не хочет тоже!
- Что случилось, Марина? – пытается выяснить проблему, Перовский, – По дороге на кордон, что произошло? Со зверем столкнулась, или упала где? Что?
- Зачем вы его убили?! Работниками заповедника называетесь! – чуть не со слезами на глазах, окрысывается на нас, девушка, – Вы, так – всех стреляете?! Ходите и убиваете?!
- Мы? Марина.., – виновато обороняется, Михаил Дмитриевич, – Она на нас напала! Сама напала!
- Ну и что?! Зачем убивать каждого, кто на вас зарычит?!
- Не убили, мы никого!.. Крови нет! – Перовскому удаётся вставлять в короткие паузы между жаркими Мариниными тирадами, свои оправдания, – Смазал я!
- Вот, Саша подтвердит! – громкая фраза Перовского остаётся последней, в этих воплях.
- Повисает пауза. И все поворачиваются ко мне.
- Мы не нашли крови. Нигде! – оправдываюсь я, – Мы всё обыскали. Весь склон и распадок... Я думаю, что смазали.
- Да?! – не очень верит Марина, – Вы животных убиваете! Как вы можете?!
- Точно! Мы весь склон обыскали! – снова обороняется Михаил Дмитриевич.
- Саша! Ну, скажи ты ей! – умоляет он, меня.

Я – сам, изумлённо таращусь на Марину, пытаюсь свети концы с концами в голове. Открыв рот, я ошарашенно гляжу – то на Перовского, то на Марину и думаю: «Блин! Какие разные! Две Марины, две студентки, две москвички... Даже, имена – одинаковые! А, на проверку – две противоположности... Одной – кровь подавай! Адреналин! Убить животное – для неё восторг. Другая – форменный Гринпис! Разорвать готова! И её не интересует – кто на кого бросился...».

Опять Алёхино. Утром, всей нашей четвёркой, мы опять направляемся по той же, грязной и глинистой дороге, в сторону озера Песчаное. Вот уже плавно поднимаемся от Алёхино на небольшую седловину между сопками. Здесь – у меня работа, на площади лесостроителей...

Вот, точка! Здесь надо сворачивать с дороги в лес, на площадь.

– Вы идите! – говорит нам Перовский, – Я вас, позже найду. Хочу следы, дальше, на дороге за сопкой, посмотреть! Если медведица жива – то должна на переходе через дорогу, по грязи наследить.

Он остаётся на дороге, а я, с обеими Маринами, круто сворачиваю в бамбуковый пихтарник, вправо...

Вот! Я нашёл площадь лесостроителей! Пробная площадь поставлена в березняке. Этот лес имеет большую примесь деревьев широколиственных пород. Здесь – богатый подлесок из разных кустарников. Половину площади занимает язык сплошных зарослей высокого бамбука. На второй же её половине, на влажной и плодородной почве – мы натываемся на целую полянку цветущей орхидеи!

– О! Это кремастра изменчивая! – радуюсь я.

Кремастра – удивительно красивая орхидея! У неё – два тёмно-зелёных, груборебристых, вечнозелёных, прикорневых листа. На стрелке цветоноса, высотой около тридцати сантиметров, располагаются довольно крупные, до трёх сантиметров длины, малиновые колокольцы. Цветки собраны в рыхлую, одностороннюю кисть. И – так ароматно пахнут!

Марины – вообще в восторге от кремастры! Оказывается, они собирают материал для курсовых работ и тема их курсовых – развитие дальневосточных орхидных! Кремастра, для них – настоящая удача!

– Саша! – взахлёб, рассказывает мне через несколько минут, первая Марина, – Ты посмотри! У кремастры – корневище состоит из цепочки маленьких бочоночков, с нитками перемычек между ними! Это классическое чёткообразное корневище! Такое, у орхидных, имеется только у кремастры. Мне нужны образцы...

У меня – своя работа и я отхожу с кремастровой полянки...

Описав травостой и ярус кустарников на пробной площади, я стою рядом с копошащимися в почве с кремастрами, студентками и настороженно присматриваюсь к молчаливому сегодня, окружающему нас лесу. Сейчас, меня интересует одно – какую весть принесёт с дороги Михаил Дмитриевич? Есть свежие следы медведицы или нет? Она ранена или нет? Она вместе с медвежонком или нет?

– Ш... – ши, ш... – ши, – минут через тридцать, мой настороженный слух выхватывает из какофонии лесных шорохов и писков фрагменты далёкого шелеста чьих-то шагов.

– Чёк.., чёк, – едва слышно, изредка потрескивают мелкие сучки, под чьей-то тяжёлой ногой...

– Кто-то идёт по лесу, – понимаю я, – Нашим следом!

– Шии, шии, шии, шии,.. – шелест размеренных шагов постепенно нарастает...

Вот уже и копающиеся в почве девушки, услышали эти шаги и вопросительно подняли на меня, свои лица.

– Саша! Кто-то идёт?

– Ну.

– Кто это?

– Не знаю! – нервно дёргаю я плечом, – Михаил Дмитриевич... или медведь!

Ситуация, для меня – совершенно не смешная. Если, это – медведица-подранок нас тропит?! Что, тогда, делать

мне?! В лесу, от медведя – не убежать. Значит, опять бросаться на него с ножом?! Опять?!

Ощущение обречённости охватывает меня...

– Ших, ших, ших...

Вот, уже, отчётливо слышен каждый шаг! Ближе, ближе, ближе!..

Напряжение моих нервов достигает предела. Моя рука впивается в железную рукоять тесака.

– Эгеееей! – предостерегающе кричу я, предательски срывающимся голосом.

– Оооо! – сейчас же, доносится до нас низкий бас Перовского.

– Фуууу.., – я закрываю глаза и отпускаю железо рукояти.

Напряжение мгновенно спадает, и я едва не валюсь, на подгибающихся ногах, в образовавшийся вакуум...

– Всё нормально! – спокойно говорит Перовский через минуту, подходя к нам, – Сегодняшние, свежие следы – всюду по дороге! Медвежонок её нашёл! Они, вдвоём, за развилкой, всю дорогу истоптали... И следы крупного медведя – там же! Может, это отец медвежонка. Во всяком случае, они знакомы. Он их не преследует, относится спокойно...

– Фу! – думаю я, – Всё хорошо! Я очень рад.

Скоро, Марины заканчивают изучение строения кремастр, и мы выбираемся на дорогу. Всей своей четвёркой, мы снова шагаем по колеям вездеходной дороги, дальше, пересекая остров поперёк...

Седьмое августа. Следом за лесоустроителями, мы перемещаемся с юга Кунашира на север, в Тятинское лесничество заповедника. Рыбацкий балок всё также стоит на низкой морской террасе. Здесь, была база нашей студенческой экспедиции «Магнолия», два года назад. И единственный, уцелевший от посёлка, дом, что стоит наверху, на плато высокой морской террасы. Сейчас, каждый из этих домиков занят своим отрядом лесоустроителей. И там и там – нас рады видеть. Все знают, что мы делаем общее дело...

Очередной рабочий день. Сейчас август! Погода стоит отличная! Сегодня «горит» солнечный, погожий день. Мы шагаем с лесостроителями, по прорубленному затёсками визиру, на их очередную пробную площадь. Впереди – инженер. У меня за спиной – неизменный ботанический рюкзачок. Визир ведёт нас между небольшими сопками, поодиночке разбросанными по подножьям горной громады вулкана Тятя. Сплошные массивы бамбуковых хвойников перемежаются прослойками чахлах марей.

Высокие, раскидистые кусты гортензии, стоят в цвету – все белые! Это – август! Пока лесостроители закладывают свою пробную площадь в бамбуковом пихтарнике, я закладываю в свою гербарную папку растения, для гербария заповедника. Сейчас – самая пора для сбора гербария! Травы затвердели, листья деревьев и кустарников стали прочными, каждый второй из них – цветёт! Самая пора...

Я укладываю между газетными листами веточки берёзы Эрмана, малины сахалинской, актинидии коломикта, гортензии... У нас, ведь – две гортензии! Гортензия метельчатая – высокий кустарник, а гортензия черешчатая – высокая лиана. Обе гортензии, сейчас, цветут, большими шапками белых цветков...

В разнотравье маленькой мари, я отыскиваю неизвестный мне вид бодяка! Судя по тому, что я вижу его впервые – это очень редкое растение, на Кунашире.

– Бодяк гребенчатый! – поднимаю я радостное лицо, от определителя растений, – Новый вид в гербарий заповедника! Новый вид в Летопись природы! Новый вид – мне в голову!..

Новый день. На террасах морского побережья, в окрестностях Тятино, мы с первой Мариной увлечённо собираем растения для гербария. Здесь повсеместен низкий покров бамбука. И невероятное разнотравье, вокруг! Самые разные злаки, осоки, клевера! У меня – постоянно грязные, от земли, руки. Указательный палец моей левой руки глубоко потрескался сбоку, на сгибах! Это – от едкого сока разных лопухов и трав. Оказывается, это – профессиональное, верный признак сборщика растений...

– Непальская! Эта герань – непальская! – Марина улыбается мне, подняв лицо от толстой книги – определителя растений, – Сколько, у нас, гераней, вообще?!

– Четыре! – отвечаю я, – На Кунашире встречаются четыре вида.

– Хм!

– Ну, смотри! – я начинаю загибать пальцы, – Две большие – пушистоцветковая и хоккайдинская, и две мелкие – сибирская и вот эта, непальская.

Массовые сборы трав отнимают, теперь, всё моё время. Под потолками обоих домиков висят гирлянды моих гербарных рамок. Это – мои сборы...

Очередной, погожий день. Дело идёт к осени. Наконец, вызрели огромные листья разных лопухов! Лопухи! Под этим народным названием имеются ввиду около десяти видов высокотравья! Обе Марины оказались классными профессионалами! Их теоретические познания в ботанике, да и практические умения, меня часто изумляют. Вот, что значит – МГУ! Я учусь у Марины Машковой тонкостям определения злаков и осок, работе с бинокляром. Подумать только – тяжёлый бинокляр, она привезла с собой, из Москвы! В рюкзаке! Самолётом! Через всю страну! Для обычного человека, это – форменная шизофрения...

– Марина! – хватаюсь я за голову, – Ты мне скажи – как мне засунуть в гербарий огромные зонты белокопытника! А, борщевик! А, дудник медвежий!

– Частями! – на мгновение, отрывается она, от своего бинокляра.

Марина определяет какую-то осоку.

– Как?! – не понимаю я её.

– Представь себе, что сейчас – девятнадцатый век. Ты – европейский ботаник! – разглагольствует Марина, даже не отрываясь от бинокляра, – Первооткрыватель! Ты приплыл из своей Европы, на паруснике, к папуасам! И тебе нужны образцы листьев тропических пальм, в гербарий какого-нибудь Берлина.

– Так-так! – она замирает, над своим бинокляром...

– Ну! Представил! – жду я, продолжения.

– Ха-ха-ха! – смеётся надо мной Марина, – Я видела такие гербарные листы! Там, всё – по частям, и по гербарным листам! Первый гербарный лист – это фрагмент листовой пластинки; второй гербарный лист – часть листового черешка и плоский кусок коры пальмы; третий гербарный лист – часть соцветия... А, как иначе? Куда ты, лист пальмы, целиком засунешь?! Они, ими, крыши своих лачуг покрывают!

– Ладно, ладно! – улыбаюсь я, – Я всё понял!

Новый, яркий, солнечный день. Такие дни, в августе, на Кунашире – не редкость. Сегодня, мы опять работаем с лесоустроителями, на их площадях. Инженер специально поставил площадки в пихтарнике таким образом, что они образуют экологическую серию. По этому ряду площадей – так наглядно видно, что состояние зарослей курильского бамбука зависит от густоты пихтарника! На первой площадке – пихтарник редкий. Здесь всё заполнено бамбуком! По грудь... На последней площадке, в самом густом пихтарнике – бамбук вообще полностью вытесняется! Жалкие остатки! И замещается папоротниками, плаунами и мелкой, таёжной осочкой...

– Тень – великое дело! – хмыкаю я, озираясь по сторонам, на этой площадке, – Здесь, бамбука и след простыл!

В сравнении с растительностью юга острова, север Кунашира – довольно беден. Сирень, дубняки с магнолиями и многое-многое другое, здесь уже не встречается. А, насколько меньше лиан! Но, зато – здесь всё покрыто великолепными хвойными лесами! Это огромные массивы настоящих ельников и пихтарников...

В обширной пойме речки Тятина, лесоустроители заложили площадь. Она характеризует высокотравный, пойменный ивняк. Так что, сегодня мы работаем в лопухах! Сплошные лопуховые дебри! Размеры деревьев ивы просто удивительны! А, я неисправим – я достаю свою жёлтую, матёрчатую рулетку, ценный подарок инженера-лесоустроителя, и ищу сучок на морщинистой колонне ивового ствола, за который смогу зацепить её конец...

– Ива Урбана! – кричу я на всю, затопленную на три метра снизу лопухами, пойму, – Диаметр ствола сто двадцать сантиметров!

Это, действительно, круто. Самый толстый ствол ивы, на сегодняшней площади – сто двадцать два сантиметра. Пока...

На этой же площади, я измеряю высоту яруса вейника: «Высота вейника Лангсдорфа – двести сорок четыре сантиметра!».

– Почти два с половиной метра! – прищуривается на меня, инженер, – Вот, это, ярус вейника! Такого, на материке, не бывает.

А вот! В состав зарослей высокотравья входят местинки незнакомого мне, растения! С сиреневыми шапочками соцветий, на верхушках. Я достаю из ботанического рюкзака свой определитель растений...

– Это – сосюра Фори! – радуюсь я, – Новый вид в мою копилку! Ура!..

А уже через минуту, я показательно возмущаюсь: «Опять, дорогу мне пересекает этот Фори! Всё-таки, кем ты был, Фори?!»

Двадцать пятое августа. Сегодня яркий и солнечный, хотя и ветреный, день. Обе студентки Марины благополучно отбыли в свою Москву. Лесостроители – тоже выполнили свою работу и съехали... Все разъехались. Всё стихло... Я остаюсь один. Но, работы, у меня – завались! Массовая гербаризация. Так что, моя работа продолжается...

С первых чисел сентября, в лесу начала распространяться осенняя раскраска листьев! Красные, малиновые листья герани, волжанки, василистника, рябины... Красиво! А вот, заросли лопухов жухнут, редуют на глазах. Это – осень!..

На вертолёте, я забрасываюсь в местечко «Урвитово». Это – широкая бухта, с северной стороны вулкана Тятя...

У меня в голове вынашивается шальная идея – отыскать тот самый, найденный Грабковым два года назад, гигантский калопанакс. Тогда, мы, своей группой «Магнолия», тянули геоботанический профиль с вершины вулкана Тятя на побережье. И на правом притоке речки Птичья

Владимир Константинович вытащил нас с Алексеем Капустяном на правый борт распадка этого ручья. И там мы увидели деревянного исполина, на голову возвышающегося над окружающим лесом. Это был огромный калопанакс! Калопанакс – гигант...

Ярким, солнечным, осенним утром, вдвоём с военным напарником, мы отправляемся в поиск. Сначала – по тропе вдоль побережья, отмахиваем километра четыре... Вот и устье речки «Птичья»! Какой, здесь, грандиозный водопад! По размерам, Птичья ничуть не меньше самой крупной речки Кунашира – Тягиной. И вот этот, бурлящий поток воды, шириной метров пятнадцать, обрушивается вниз отвесным карнизом водопада, с высоты метров в десять! Стена, с рёвом низвергающейся воды – это завораживающее зрелище! От удара этого потока о поверхность воды в яме, поднимается туча брызг! Создающийся при этом, постоянный поток воздуха гонит водяную пыль от водопада низом, прямо нам в лицо.

– Как от садящейся вертушки! – смеётся мой военный напарник, отворачивая лицо от мокрого ветра.

– Ну! – улыбаюсь я, – Красиво как!

Под водопадом постоянно горит яркая, сине-жёлтая радуга...

Такой отвесный водопад, в самом устье! Он обрекает целую речку на полное безрыбье. Вот, сегодня – двадцать шестое сентября. Повсюду, на Кунашире, речки заполнены нерестящейся кетой. А, здесь – рыба может зайти лишь в первую, да и то, скалистую яму, выбитую водопадом. Короткий, грубовалунный, каменистый перекат отделяет её от солёных волн океанского прибоя...

Я сижу на вершине огромной как дом, каменной глыбы, лежащей в середине устьевого переката речки, перед первой волной прибоя. Прямо передо мной – перекал речки и водопадная яма! Я заворожён смотрю, как толща прозрачной воды в яме постоянно крутится мощным водоворотом, против часовой стрелки. Наконец, высвобождаясь от объятий водопада, она изливается на перекал.

А, навстречу воде, по перекату – неторопливо движутся неисчислимые орды рыбы! Одна к одной, одна к одной... Многими рядами, в три слоя...

– Куда, это всё, идёт?! – задумываюсь я, уже после нескольких минут созерцания этого непрерывного шествия рыбных полчищ, в водопад.

Яма – это котёл, заполненный рыбой. А, кета – всё идёт и идёт...

– Говорят, глубина этого котла – шестнадцать метров! – кивает на водопад, мой напарник.

– Но, всё-равно! – не понимаю я, – Он же – не бездонный! А, всё уходит – как в прорву! Главное – я не вижу, чтобы какая рыбина обратно уходила! Всё – только в водопад!

– Ну! – соглашается со мной напарник.

Всё! Перекур закончен. Мы поднимаемся по правому берегу речки, до впадения первого притока и заворачиваем в его распадок. Ручей – совсем небольшой и мы бредём по днищу распадка, прямо по воде...

От нас, по ручейку, разбегается рыба мелочь!

– Смотри! – недоумеваю я, – Форельки!

– Ну! – спокойно кивает на это, мой напарник.

– Через водопад – ничто подняться не может! – объясняю я, своё недоумение, – Откуда, здесь, рыба?!

– А что? Форельки в море скатываются?

– Нет! Они постоянно живут в речке.

– Ну, вот! – смеётся напарник, – Им водопад – никаким боком! Что он есть, что его нет. Они живут в своём ручье.

– Тогда, откуда они взялись?

– Ну... Может, когда-то, этого водопада, в устье речки, вообще не было?

– Такого огромного водопада? – сомневаюсь я.

– А, что? В древности! – не унимается напарник, – Лет, так, восемьсот, назад! Вот, форельки и живут! С тех пор!

– Ну, не знаю..., – отзываюсь я, продолжая шлёпать по воде ручейка.

Распадок затоплен лопухами. Сейчас – осень. Черешки белокопытника стали такими хрупкими, что эти огром-

ные зелёные зонты обрушиваются на землю при любом толчке! Мы шагаем под сочный хруст обрушивающихся позади нас, лопухов...

– Смотри! – показываю я рукой, – У аралии сердцевидной – зонтики уже созревших ягодок! Они – чёрные!

– Это осень, Саша! – философски соглашается со мной, напарник.

Мы продвигаемся по днищу распадка всё дальше и дальше. И справа, и слева – высокие, поросшие лесом склоны. Отсюда, с днища, совершенно не видно, что делается наверху.

– Должно быть, где-то здесь! – наконец, говорю я, хотя ничего, вроде бы, не изменилось вокруг.

И мы начинаем выбираться из распадка по заросшему лесом и лопухами, крутому склону...

Выбрались. Вокруг всё, по-прежнему, закрыто кронами деревьев и лопухами! Никак не осмотреться! Нужно пройти по этому, буреломному лесу несколько сотен метров вперёд, прежде чем что-то станет ясно. Мы медленно продираемся сквозь сплошные заросли рябинника. Это такой, тонковеточный, густой кустарник, в пояс высотой... Лес на этом участке сложен молодыми деревьями бархата и черёмухи...

Но, вот – впереди, среди этого лиственного леса, постепенно начинает вырисовываться гигантское дерево!

– Ух, ты! – удивлённо тянет напарник.

– Ага! – визжу я, – Это он! Точно он, калопанакс!

Мы, постепенно приближаемся... Древесный исполин – вдвое выше уровня крон окружающего его леса! Большинство его огромных сучьев обломано ураганами. Поэтому, крона дерева смотрится укороченной, компактной.

Подойдя поближе, я уже не сомневаюсь, что это он, тот самый калопанакс! Я обхожу вокруг мощной колонны его ствола, глядя вверх, в реющую высоко в небесах, крону. Пошлёпываю по отслаивающейся толстыми, вертикальными пластами, коре, ладонью: «Здравствуй! Калопанакс! Не думал, что когда-нибудь снова встретимся! Так стран-

но я нашёл тебя! Просто шёл – и нашёл... Здравствуй, дорогой!» Я снимаю с плеч свой неизменный, ботанический рюкзачок и достаю из него рулетку. Тщательно замеряю окружность ствола этого древесного экспоната...

– Три метра пятьдесят пять... Значит, диаметр ствола – сто тринадцать сантиметров! Так, оно и есть! Я боялся, что тогда, два года назад, допустил ошибку в твоём измерении. Тогда, в Магнолии, у нас и рулетки-то, с собой не было! Длину окружности твоего ствола, мы замерили верёвкой...

– Подожди чуть! – прошу я своего друга, доставая из рюкзака высотомер, – Я, сейчас, его высоту замерю!

Я отмеряю рулеткой, от ствола калопанакса, положенные двадцать метров, разворачиваюсь и прицеливаюсь на его вершину...

– Высота двадцать пять метров!

– А, другие деревья – сколько?

– Ну, давай, замерим, – киваю я и шагаю к соседнему бархату...

– Пятнадцать с половиной!

– А ёлка? Ты ёлку замерь!

– Так, ель иезская... Шестнадцать метров!

Метрах в тридцати, я вижу ещё два толстенных ствола! Продравшись сквозь цепкие заросли рябинника, я раскручиваю ленту своей рулетки вокруг первого ствола...

– Калопанакс, девяносто три сантиметра! Второй... семьдесят два сантиметра!

Возвращаясь обратно, мы снова проходим под старым калопанаксом. Я с сожалением отрываю свои ладони от колонны его ствола: «Ну и здоров же ты, старый монстр! Так не хочется, от тебя уходить!». Но, нам нужно идти! Чуть постояв под калопанаксом, мы уходим к своему распадку, своим следом. Я всё оглядываюсь через плечо, на властелина здешнего леса: «Чем чёрт не шутит! Может и ещё когда встретимся? Живи ещё, бездну лет!».

ОТШЕЛЬНИК

Весна. Шестого апреля, на тяжелом вездеходе геологов, мы заезжаем в лес. С молодым лаборантом Олегом Чудаевым, мы будем обживать нижний домик, на Тятино. В этом году нас – трое. Потому, что у меня – полугодовальный лайчонок Загар. Загар – осенний, в своём балке, в Южно-Курильске, я прожил с ним всю зиму.

И вот – заезд! Стоит сырой, туманный день.

– Ррруухх! Рррууухххх! – низким басом ревёт ГТТ, на ухабах бездорожья.

Мы заезжаем по снегу. Можно сказать, что кругом – ещё стоит зима. Открылись ещё только первые проталины, по низкой морской террасе. Я ничего этого не вижу – я сижу на сиденье, внутри ГТТ и держу на кленках свою собаку.

– Грог! Грог! – лязгают траки о железный борт вездехода.

Они грохают – словно пушка стреляет. Словно, по голове долбят. У меня мозги закипают. Это – у меня, у человека! Я представляю, каково собаке. Загар прячет уши мне под куртку. С головой зарывается у меня подмышкой. Но, там долго не просидишь – душно... Какая это, ужасная пытка, для собаки – езда на вездеходе...

Всё! Остановились. Приехали! Не веря в своё счастье, мы выбираемся наружу.

После зимнего безлюдья, промёрзший до основания, балок выглядит неприветливо. Вездеход тяжело, в несколько приёмов, сдаёт задом к двери и замирает.

– Дух! Дух! Дух! Дух! Дух! Дух! – работает дизель ГТТ, на холостых оборотах.

Мы с Олегом торопливо разгружаемся и тяжёлый вездеход, плавно качаясь на ухабах, устремляется в обратный путь. Стоя у балка, мы провожаем его взглядами...

Утром, я вижу, как он, несколькими рывками, отдирает напроочь примёрзший к стене, спальник!

А, непогода разыгрывается всё пуще! Весна, кажется, кончилась, не успев начаться.

– Дзинь-здинь! Тррррр-тррррр! – тихо дребезжит под порывами ветра, плохо закреплённое оконное стекло.

Я стою и смотрю в окно – за стеклом, ветер гонит по-зёмку. В её завихрениях то и дело мутнеют, теряются очертания берега нашей бухточки...

Надо что-то делать! Тентом от палатки, мы отгораживаем от общего помещения балка угол с печкой и входной дверью. Брезента хватает с избытком, от пола до потолка!..

Свернувшись полукольцом, я лежу под самым-самым потолком, на нарах, сделанных рыбаками прямо над печкой. По-моему, эта этажерка нар предназначена для сушки мокрой одежды рыбаков. Летом. А, сейчас – нам бы выжить, не до размышлений.

В двадцати сантиметрах, перед моим лицом – раскалённая до красна труба нашей буржуйки. Наша печка чадит – безбожно! Мы топим её пенопластовыми поплавками от рыбацких сетей. Как продолговатые дыньки, сантиметров по тридцать, они дымят чёрным дымом, но и греют – невероятно! Два поплавок – и плита нашей печки становится малинового цвета.

Я чуть приподнимаю руку и поправляю лист жести, которым закрывается прореха между печной трубой и досками плоской крыши. При порывах, ветер играет краем этого листа жести, насаженного на трубу поверх шифера. С каждым порывом, ветер задувает мне в лицо свежий воздух с улицы. Я доволен – здесь хоть и дымно, но, зато, тепло.

– Фуууу! Олег! – говорю я, сквозь дым, вниз, – Наконец-то, мы – в тепле!

– Ага! – отзывается Чудаев со второго этажа нар, подомной, – Можно немного расслабиться!

Наступает утро следующего дня. В нашей, отгороженной брезентом половине балка, окон нет. Но и не высоко

вываясь за брезент, по вою и порывам ветра за дощатыми стенами, я понимаю, что природный катаклизм, «на улице» – продолжается! Отвернув край брезентовой стенки, я проникаю в нежилую половину нашего балка. Здесь – откровенно холодно! Пар уверенно идёт изо рта!

– Как в морозильнике! – думаю я, быстро осматриваясь по сторонам.

В одних носках, по холодному полу, я прокрадываюсь к оконцу.

– Дзинь! Тррррр!

Через дребезжащее под порывами ветра, оконное стекло я смотрю, как, прячась от секущей позёмки за пучками прошлогодней травы, копошатся какие-то птички. Открывшиеся уже было на террасах побережья проталины, опять закрыло снегом! И идущие пролётом с юга многочисленные птички, снова оказались в зиме...

Вот, прячась за пучок соломин колосняка, через который упругий ветер непрерывно гонит белые струи снежной крупы, ссутулившись навстречу позёмке, прыгают какие-то птички. Прыг... прыг... А, как ветер бьёт!..

Тяжёлое зрелище. Я не выдерживаю и отхожу от окна. Снова пробираюсь под брезентовую перегородку, в наш тёплый угол и забираюсь на нары над печкой, под самый потолок. Наш дощатый домик сотрясается от ударов ветра...

Непогода отступает только через день. Постепенно возвращается весна. В общем-то, на Кунашире, она – яркая, солнечная и быстрая. Выглянув наружу, я вижу, как подтаявшие снизу мощные надувы снега, собравшиеся прямо напротив нашего домика по гребням высокой морской террасы, обрушиваются небольшими лавинками. Словно извиняясь за ужас пролетевшего циклона, жарко пригревает солнце...

Наша дощатая дверь, неожиданно, распахивается настежь! В дверном проёме стоит высокая фигура. Парень имеет облик шотландского шкипера. Высокий, поджарый, длинноногий, почти рыжий. Двустволка в руке. Ко-

роткая, рыжая, шкиперская бородка. Короткая куртка из серого, шинельного войлока. Крупинки белого снега искрятся на чёрных голенищах раскатанных болотников...

Это Михаил Дыхан, орнитолог из заказника, на Шикотане. Под весну, он привёз мне подержанную двустволку-горизонталку, с самодельным прикладом из берёзы.

– Вы, тут, ещё живые?! – запалённо дыша, интересуется он, ещё даже не переступив порога.

Его лицо блестит бисеринками пота.

– Михаил! – радуемся мы с Олегом.

– Конечно!

– Конечно, живые! А что?

– Вас, здесь, съедят! К чёртовой матери! Я с Саратовки... Весь день иду по медведям! Ну, всё! – думаю, – Сожрали!

– Да, нет! – недоумённо переглядываемся, мы с Олегом.

– Всё тихо, кругом. Вот, печку топим...

– Тихо?! – изумляется Дыхан и коротко тычет пальцем, через левое плечо, – Слышишь, лает?

Я наостряю уши – и точно, слышу далёкий лай собаки!

– Гав-гав! Гав!..

– Это Шнырик! Последнего погнал с террасы, метров двести до вас, не доходя! Вы, блин, хоть, по сторонам смотрите!

– Да?! – мы недоумённо переглядываемся, – Блин...

– Вот, дела...

Постепенно, Михаил успокаивается...

– Ладно! Пойдём, что ли, на медведя глянем?! – предлагает он, – Если он, ещё не ушёл.

И мы, вчетвером (Михаил, я, Олег и мой лайчонок Загар) торопливо шагаем за порог. От нашего балка, мы выбираемся по склону высокой морской террасы, на прямую наверх. На гребне террасы, на снегу под чахлым ольховником, только что накрутили медведь и собака. Но, самих их – здесь, уже нет. Я брожу по свежему, пятисантиметровому снежку и рассматриваю следы. Когтистые медвежьи следы, на мокром снегу, так свежи...

– Видишь? – говорит Дыхан, – День стоит жаркий, пригревает солнце. Вот, медведи и потянулись из снежных завалов леса, на проталины морского побережья.

– Ага! – киваю я в ответ.

Мы решаем, назавтра – пройтись, осмотреть дальние окрестности...

Новый день удаётся на славу! Солнечный и безветренный. Мы собираемся и выходим из нашего балка.

– Сейчас посмотрим, как твоё ружьё бьёт! – с добродушной улыбкой, оборачивается ко мне Михаил, – Вон! Видишь? Бочка из шиповника торчит.

Метрах в пятидесяти от нас, ближе к подножию высокой морской террасы, лежит древняя бочка из-под горючего.

– Ну! – я гляжу на бочку.

– Думай, что это – медведь! Давай!

Я нервно прицеливаюсь.

– Ба-ахх! – короткий гром выстрела раскалывает застывшую тишину дикой природы.

Мы подходим к лежащей в шиповнике, бочке. Дыхан трогает пальцем дырку в её огненно-красном, ржавом торце и подбадривает меня: «Нормально бьёт! В самый раз попал»...

По низкой морской террасе, по колеям заросшей дороги, мы проходим два километра на восток, к устью Ночки...

Вот и речушка, она бойко скатывается в первую волну океана. Мы разворачиваемся влево и входим в её распадок.

– Сань! – кивает Дыхан на деревца, словно снегом, усыпанные белыми, распустившимися цветочными почками, – Как, они называются? Раньше всех зацветают!

– Ага! Раньше! – улыбаюсь я, – Это ива! Полное название «Ива козья». Дерево моего детства... Я вырос в лесном посёлке, в средней части Сахалина. Мы её вербой называли. А, эти почки – котиками. Они такие беленькие! И шерстистые. Шёрстка нежная, как у кошечки. Так и говорили: «Котики на вербе распустились! Весна пришла!». Это первейший феноиндикатор весны...

– У нас, на Шикотане, их тоже вербой называют! – улыбается Михаил.

– Так и у нас, в Южно-Курильске, её вербой называют! – говорит Олег.

– Ну, видите, как! – улыбаясь, я развожу руками...

Через пару километров, уже в верховьях Ночки, мы подходим к одинокой сопке, что возвышается в развилке этой речушки с её правым притоком. У подножия склона, Дыхан смотрит вверх – на стволе толстой берёзы чернеет массивный нарост.

– О! Смотри, чага!

– Ого! – удивляюсь я, – Какая! С ведро, будет!

– Как бы, её достать?! – озадачивается Михаил.

– Ну! – киваю я, – Нам бы очень пригодилась, чай пить! До чаги высоко. По стволу берёзы не забраться – сучьев нет.

– Подождите, – говорит Дыхан, снимая ружьё с плеча, – Сейчас достанем! Вы смотрите, куда куски полетят.

– Ба-аххх! – коротко, с хрипом, бьёт выстрел.

Мы с Олегом бросаемся собирать по траве и лесномухламу, куски чаги...

– Хорошая! – довольно киваю я, рассматривая поднятый кусок, – В самом соку!

Мы шагаем по склону сопки вверх. Взбираемся на её голую вершину, чтобы определить свой дальнейший путь. Отсюда открывается обширная панорама: все просторы, перед нами, занимают болотистые мари, обрамлённые гольми, сейчас, ольховниками.

– Вот по этим открытым площадям, мы и срежем вот туда, напрямую на Тятинку! – решает Дыхан, – А то, под массивами хвойников – снег ещё лежит глубокий и рыхлый.

В его размышлениях – чёткая логика. Мы спускаемся по склону сопки, в нужную нам сторону...

Мы бредём в раскатанных болотниках, по колено проваливаясь в подтопленный снизу сантиметров на двадцать водой, снег!

– Чпок! Чпок! Чпок...

– Блин! – морщится Дыхан, – С осени мари замёрзли льдом! Зимой снег лёг прямо на лёд.

– Ну! – подхватываю я, – А сейчас – талая вода стоит на льде! Она не может впитаться в мёрзлую землю.

Чтобы выбросить ногу на очередной шаг вперёд – её, ещё, нужно вырвать из узкого и глубокого «стакана» набрякшего водой, снега!..

– Стой! – вдруг цыкает на нас Дыхан, – Медведи!

Два тёмных зверя, галопом срываются впереди нас, с середины мари! Они мчатся к лесу, один за другим. Впереди – медведь помельче, по пятам за ним – медведь, что побольше...

– Медведица с медвежонком! – уточняет Михаил.

«Мелкий» медведь, с ходу влетает в пихтарник и не задерживаясь растворяется в его черноте. А крупный медведь резко тормозит, метров за десять до чёрной стены леса. Крутнувшись к нам правым боком и опустив голову к земле, он замирает...

Стоим и мы. После некоторой суматохи, мы стоим и разглядываем медведя в бинокли. Через паутину веточек низкого ольховника...

С первого взгляда – кажется, что медведь пасётся. Но, мне в бинокль видно, что зверь стоит, совершенно не шевелясь, почти уткнувшись носом в снег под лапами, словно окаменев. Мой Загар вертится у нас под ногами. Никуда идти, он – особо, не хочет...

– Сторожит! – шепчет в свой бинокль Дыхан, – Нас сторожит...

Пауза затягивается. Среди зарослей чахлого ольховника, едва достигающих высоты нашего роста, мы чувствуем себя не очень уверенно – в случае чего, никуда не залезешь и ничем не закроешься. Медведица стоит в прежней позе...

– Давайте, назад отойдём! – оборачивается к нам Дыхан, – Не будем судьбу испытывать.

Мы медленно, по колено в снегу, отступаем назад...

По широкой дуге влево, мы обходим марь с медведями и продолжаем свой путь, дальше...

Последний отрезок пути к речной долине Тягиной, мы пробиваем напрямую, через обширный массив пихтарника. Именно «пробиваем»! Снега, здесь, много – по пояс! И он рыхлый и пушистый!

– Блин! Зима! Здесь настоящая зима! – кипятится Михаил.

– Ну! – вторю я ему, – Под кронами пихтарника ничего не тает!

Пихтарник – буреломный. Снег – как зимой! Рассыпчатый и рыхлый, он не держит вес человека. Мы идём гуськом, след в след. Первым, конечно же, Дыхан, потом я и замыкающим – Олег...

– Блин! Да, чтоб тебя! – постоянно матерится Дыхан.

Михаил оборачивается и показывает мне свою ногу. И я вижу дыру в его болотнике. Провалившись в корягах очередной раз, он пробил суком, свой болотник!

– Блин! Это плохо! – думаю я, – Мы, весь день – идём по воде!

Но, делать нечего... При всей своей стройности, Дыхан – самый тяжёлый из нас. Он, как лось рухает в снег на всю длину своих длинных ног, на каждый второй шаг...

Уже пошёл пятый час дня! Солнце откровенно клонится к западу. Мы вываливаемся из «зимы» пихтарника на проталину надпойменной террасы Тягиной и высаживаемся в рядок по лежащему на её гребне, толстому стволу вяза. Растут по речным поймам, такие вот, огромные деревянные баобабы.

– Фуууу!

– Перекур, пять минут! – говорит Дыхан.

– Да! – соглашаюсь я.

– Нужно немного передохнуть..., – бурчу я, устраиваясь на этом толстом бревне.

Теплоooo! Так хорошо пригревает весеннее солнышко!..

С высоты нашего пригорка, нам открываются ближние просторы речной поймы. Здесь, вдали от морского побе-

режбя, ещё повсюду лежит снег. Слева, с нашей стороны речной долины, в пойму выдаётся язык пихтарника. А, между нами и этим хвойником простирается обширная, заснеженная поляна, с толстенной, развесистой берёзой, стоящей ровно посередине. Вокруг нас «горит» весна!

– Чвик! Чвик! Чвик! – справа в пойме, весёлыми звонками вскрикивают поползни.

Медово пахнет распутившейся вербой, пахнет нагретой солнечными лучами, прелой листвой... Я закрываю глаза: «Хорошо как!»...

– Саня! – вдруг, азартно шепчет мне, Михаил, – Медведь!

– Где?! – вскидываюсь я.

– На краю пихтарника! Сейчас выйдет на нашу поляну!

Я шарю полем своего бинокля по белоснежной поляне и черноте окружающего её хвойника... и ничего подозрительного не замечаю.

– Не вижу!

– Вон! – коротко тычет пальцем, Дыхан, – Пятно бурое, за первыми пихтами стоит!

Но я, всё-равно, ничего не вижу!

– Ладно! – сдаюсь я, мысленно, – Почему я не вижу того, что другие, которые без очков – видят сразу?!.. Придётся подождать, пока он выйдет на голое место.

Я принимаю к своему биноклю и замираю...

И вот, в семидесяти метрах под нами, на противоположный край сверкающей белизной снега поляны, из-под пихтовых лап, чёрными шарами выкатываются двое медвежат-сеголетков! За ними, тяжёлым галопом несётся великовозрастный лоботряс! Это пестун – угловатый в движениях, поджарый подросток. У него такие, несуразно длинные ноги и уши!

– Как велосипед! – улыбаюсь я, в бинокль, и уже прищуриваюсь на другое, – Сильный наст! Они совсем не проваливаются!

Дурашливо мотая из стороны в сторону головой, пестун гоняется по насту, за медвежатами. Те – спасаются от него

на деревьях! Словно соревнуясь друг с другом, медвежата бешено носятся по краю поляны, взбираясь вверх по стволам пихт. Стремительно, прыжками, они взлетают по вертикальным колоннам их стволов! Именно взлетают! Я смотрю в бинокль, как медвежонок подбегает к стволу очередной пихты. Вот, он, держась у комля за ствол когтями, резко отталкивается вверх по стволу задними ногами и при этом, разжимает передние лапы. Получается – прыжок вертикально вверх! В верхней точке прыжка, он хватается за ствол когтями передних лап. И уже опять толкается вверх задними ногами и отпускает передние...

– Ух, ты! – изумляюсь я, – Ствол пихты – без веток, ровный как столб! А он – прыжками, по нему вверх!

– Раз! Два! Три! Четыре!.. – полсекунды и медвежонок уже сидит на самой макушке высокой пихты!

Посидев немного в верхушке, зверёныш ещё стремительнее съезжает вниз! Лишь у самой земли притормозив когтями.

– Вот, это даааа! – у меня открывается рот.

Раз за разом, я смотрю, как увеличенный оптикой, медвежонок на верхушке – просто разжимает передние лапы и падает вниз вдоль ствола пихты, лишь управляя своим падением когтями передних лап! И только в метре от земли – он тормозит когтями по-настоящему. Земля! Медвежонок отваливается от ствола и что есть духу, мчится по насту к другой пихте. Зверёныша уже и след простыл под этой пихтой, а сверху, следом за ним, ещё только сыпется мусор из обломанных им веточек, сучков и бляшек коры...

А, на земле его старается догнать великовозрастный братец – пестун! Но, не тут-то было! Юркий медвежонок уворачивается от него и в мгновение ока, взлетает вверх по гладкому столбу ствола очередной пихты...

– Вот, это цирк! – думаю я, в бинокль, – Никогда такого не видел!

Из-под чёрных лап пихт, наконец, выступает медведица. Внимательно осмотрев окрестности поляны, она спо-

койно и уверенно проходит на самую середину белоснежной поляны и опускается животом на снег.

– Ей жарко! – понимаю я.

– Какая она, здоровая! – шепчет Михаил, – Матёрая...

– Ну! – соглашаюсь я.

Теперь – мы лежим на прошлогодней траве проталины, за нашим толстеньким стволом и смотрим на медвежью семью через его край...

Разморенная жарким солнцем медведица, как медуза, расплывается по снегу, бесформенным комом... Но, проходит минута-другая – и вот, уже, её нос поставлен вертикально! Зверюга задумчиво, длинно тянет носом воздух, заторможено окидывает взглядом ближайшие окрестности. Нам, на слепящем своей белизной снегу, её тёмно-бурая туша смотрится чёрной...

Проходит несколько минут. Словно без костей, медведица медленно «переливается» на спину и расслабляется, разбросав в стороны все четыре ноги...

– Вот, это, даааа! – я, с замиранием сердца, смотрю в бинокль это лесное кино...

Тем временем, великовозрастный дуралей угнал медвежат в пихтарник! И здесь, на поляне перед нами, всё стихло...

Пестуну, видимо, надоело «играть с детьми» и он, горбатым велосипедом, мчится из хвойника на поляну, к матери...

Однако, при всём желании поиграть, видимо имея горький опыт общения с медведицей, он не бросается, сломя голову, в её объятия! На всём скаку заложив вираж вокруг развалившейся мамыши, он каким-то образом вычисляет её хорошее настроение и только тогда, угловато ввязывается в борьбу.

Медведица встречает его лапами, всё-также развалившись на спине. С боем протиснувшись между передними лапами мамыши, подросток лежит у неё на груди и тормозит её зубами за плечи, за шею...

Проборовшись несколько минут и видимо, выдохшись, пестун с трудом вырывается из когтистых объятий медведицы и горбатым галопом, уносится в пихтарник...

Солнце уже клонится к зубчатой гряде леса, на западе. А наша медвежья семья – и не собирается уходить с поляны! Единственно реальный, для нас, путь домой – закрыт!..

– Ладно! – думаю я, – Нет худа, без добра! Придётся дальше смотреть это кино! Кино про лесную жизнь.

И я снова приникаю к окулярам своего бинокля...

Фу! Кажется, все наигрались, набегались и належались! Медведица поднимается с наста и волной встряхивает свою шкуру. Встряхивает так, что снежная пыль, высоким облачком, заискрилась в лучах заходящего солнца! Медведица, спокойным шагом, направляется по поляне вправо, в пойму, напрямую к речке. Добежав впереди неё, до берега и не найдя переправы, один медвежонок поворачивает вправо и, в поисках брода, торопливо мчится вдоль берега, вверх по речке. Получается – в нашу сторону!

– Быстро на дерево! – цыкает на нас, Дыхан.

Мы с Олегом зыркаем по сторонам – и не видим ни одного приемлемого варианта!

– Быстрее! – коротко оглянувшись на нас, снова шипит Михаил.

Я и сам понимаю, что скоро – медвежонок нас подхватит! Медведица, естественно, бросится его защищать! Но – не стрелять же её! И мы решительно бросаемся с Олегом, к стволу ближайшего вяза. Ствол – очень толстый и гладкий! Попробуй, залезь! Первым, мы выталкиваем вверх, в мощную развилку, Олега. Потом, я вцепляюсь в протянутую сверху руку Олега, а Дыхан подталкивает меня сзади... Теперь мы, вдвоём с Олегом, в две руки, вытаскиваем в развилку Михаила. Всё! Мы все – на дереве!

Только теперь, мы оглядываемся на медведей... Но, оказывается, всё разрешилось само собой! Медвежонок уже вернулся обратно, к семье. Медведица, не выбирая дороги, с олимпийским спокойствием, лезет прямо в речку!

Я, с ужасом смотрю с вяза, как медвежата, пометавшись туда-сюда по метровому снежному надуву берега, отчаянно прыгают с него прямо в кипящую воду и торопливо гребут через бурную Тягину. Там – такое течение! Среди бурунов воды, мне видны только головы плывущих медвежат! Медведица уже перебралась через речку, вброд. Ей плыть не нужно, она большая...

– Мамаша, называется! Как шла – так и пошла!.. Бедные! – мысленно, про себя, жалею я зверёнышей, – Ей захотелось через речку – и её совсем не заботит, смогут ли медвежата преодолеть это течение! Оказывается, в природе никто не заботится о своих детях. Это только в сказке – все добрые и заботливые...

– И не заболеют же! – бурчит Дыхан в свой бинокль, словно прочитав мои мысли, – Вот, кого бог здоровьем не обидел!

Медвежья семья ушла. А, нас – очень поджимает время! Мы торопливо спускаемся с нашего «баобаба» и широким полукругом срезаем язык медвежьего пихтарника. Солнце окончательно растопило снег! На каждый второй шаг проваливаясь по пояс, мы торопливо крадёмся друг за другом. След в след. Глубокий, зернистый снег совершенно не держит нас...

Как только хвойник заканчивается, мы скорее подворачиваем правее, к речке, на проталины речной поймы.

– Фууу! Наконец-то выбрались! Из этих снегов.

– Ну, кажется, всё! – радуемся мы.

– Теперь – дай бог ноги, до дому!

Мы бодро вышагиваем по голым проталинам...

Через полкилометра торопливого хода, в спелом пойменном ивняке, я замечаю, что, стоящий впереди нас, мой лайчонок Загар, что-то усиленно вынюхивает около небольшой лужи.

– Загар! Ну! Что тут у тебя? – любопытный, я с ходу подворачиваю к нему.

Оказывается, Загар интересуется горячим следом молодого медведя! Этот зверь скрылся ещё до того, как мы

его увидели. В луже стоит муть от его прыжка. Выплеснутая на край дернины, вода наполняет углубление от медвежьей ноги...

Но, мне некогда стоять и раздумывать! Мы и так припозднились сегодня. Скоро наступят сумерки. В природе уже разлито предвечернее успокоение.

– Вперёд! – подгоняет Михаил, – Труба зовёт!

Ещё в конце марта, Юра Кулинский и Андрей Анисимов, проезжая на снегоходе вверх по Тятиной, километрах в четырёх от устья речки обнаружили дупло рыбного филина. Испуганная рёвом Бурана, птица выбросилась из дупла – и этим, его выдала. В дупле была кладка из двух яиц...

И вот теперь, двадцать девятого апреля, мы втроём, пришли сюда специально – как орнитологу, Дыхану нужно познакомиться с совиным дуплом. Мы стоим и издали, в бинокли, рассматриваем дерево с дуплом...

Это – настоящий «баобаб», толстенная ива. В средней части её ствола чернеет провал дупла. Мне, в бинокль, хорошо видна серая, трещиноватая кора дерева...

– Саня! – оборачивается ко мне Дыхан, – Что это за дерево? Мне знать надо, для Летописи. В этих деревьях филины дупла устраивают.

– Это ива Урбана, – отзываюсь я.

– «Урбана» – от слова «урбанизация»? – уточняет Дыхан, – Типа, «ива городская»?

– Нет! – отрицательно трясу я, головой, – В определителе слово «Урбана» – стоит с большой буквы. Значит, это – фамилия. Эта ива названа в честь какого-то Урбана.

– Понимаю! – кивает Дыхан, – А что? Простая русская фамилия, Урбан!

– Хм! Смешно, – улыбаюсь я, одними глазами, – Здесь, на Курилах, каждое второе растение названо в честь первооткрывателей и членов команд их фрегатов. Фамилии, знаешь, какие заковыристые? Прево, Фори, Вильямс, Миддердорф, Селькирк!

– Ладно, ладно, Сань! – успокаивает меня, Дыхан, уже снова глядя в бинокль, – Это я так, зубоскалю, от делать

нечего. Урбан... по-моему, это венгры... Видишь – белые пёрышки трепещут в щелях коры, ниже входа в дупло?

– Ага! – отзывается я, от своего бинокля.

– Это – пуховые перья филина! Верный признак того, что дупло жилое! По крайней мере, таковым было до недавнего времени. Давай, подойдём чуть ближе!

И мы приближаемся к дереву, осторожно шагая по валунам речного берега. Опять тихо стоим и смотрим в бинокли...

– Пока тихо, – прикидывает Дыхан, – Давай, ещё ближе!

Вот, мы уже стоим почти под ивой...

– Саня! – тихо говорит мне Дыхан, – Видишь? Кора, по краям входа в дупло, вся измохрочена, висит узкими ленточками?

– Ну! – шепчу я в бинокль, разглядывая месиво розовых завитушек ивовой коры.

– Это – филин её полосует! Он, когда прилетает к дуплу, когтями вцепляется в его край. Это второй верный признак того, что дупло жилое!

Однако, птица всё не вылетает!

– Вот, блин! – пыхтит на это, Михаил, – Кажись, облом.

– Может, она нас не услышала? – предполагаю я.

– Кто?! Филин?! – недоумённо оборачивается на меня Дыхан.

Я остаюсь стоять, а Михаил карабкается по стволу ивы, вверх...

Заглянув вовнутрь дупла, он начинает свирепо материться: «Блин! Да чтоб его! Мать твою!..». Из потока его отборных матов с дерева, мы с Олегом уясняем одно – дупло пусто! Ни кладки, ни филинов...

– Если б самка ушла от нас заранее – в дупле лежала бы кладка! – говорит уже громко, не таясь, Дыхан, – А тут – ничего нет! Значит, дупло бросили раньше, не мы – причина...

Какая досада! Но, делать нечего... Описав устройство филинячьего дупла, Дыхан спускается по стволу ивы вниз, и мы продолжаем наш маршрут...

Пролетел очередной рабочий день. По тропе над поймой Тятиной, своей тройкой, мы возвращаемся с верховьев речки. Яркий, весенний день уже клонится к вечеру.

– Фуууу! – устало думаю я, – Весь день на ногах! Как волки... Скорее бы дойти...

Мои мысли прерывает жаркий шёпот Михаила: «Медведь!».

– Где?!

– Вооон! Видишь? В пойме пасётся! – Дыхан тычет пальцем вниз, напротив нас.

Мы стоим на самом краю обрыва, над речной долиной. Через сетку ветвей ивовых крон речной поймы, почти напротив нас, я едва угадываю бурое пятнышко. Торопливо навожу на него свой бинокль.

– Точно, медведь! Молодой.

Поджарый и голенастый, в поле моего бинокля стоит пестун. Какие у него, уморительно длинные уши! Узкая морда опущена к земле. Изредка переступив с ноги на ногу, подросток надолго замирает снова...

– Кормится!

– Ага.

Неторопливыми движениями передней лапы, медведь ковыряет какие-то корешки. Весенний ветерок перебирает длинные пряди волос, свисающие вниз с его живота. Густая и длинная, зимняя шерсть ровно лежит на боках, плечах, холке...

– Какие длинные пряди волос, свисают у него с живота! – удивлённо комментирую я, – Как у яка, на Тибете! Я, на картинке, видел.

– Да! – соглашается Михаил в свой бинокль, – Красив! Нечего сказать.

– Олег! На, посмотри, – я передаю бинокль Чудаеву.

Ветерок гонит наш запах вверх по речке, вдоль речной долины, стороной.

– Вы стойте здесь! – азартно шепчет нам Дыхан, – А, я – с подветра забегу!

Он торопливо уходит, обратно по нашей тропе, подковой огибающей извилину речной долины. Я неотрывно смотрю в свой бинокль, на медведя...

Вот! Зверёныш насторожился! Напряжённо подняв нос чуть вверх, он ловит ветерок... Заволновался!

– Чёрт! Нас подхватил! Какой нюх надо иметь! – изумляюсь я, – Ведь, наш запах – его тянет вообще стороной!

Медвежий подросток, развернувшись по ветру, торопливо шагает по ивняку прочь. Его шаги всё быстрее, быстрее... И вот он, уже, стремительно мчится вверх по пойме, вдоль речки, почти в ту сторону, куда ушёл Дыхан.

– Нет! Мишка не успеет! – вычисляю я и облегчённо улыбаюсь, – Точку их пересечения медвежонок проскочит раньше!

Увидеть молодой труп этого «чуда» мне совсем не хочется...

Скоро, опять же по тропе, к нам возвращается Дыхан.

– Не успел! – в горячке, балагурит он, – Он так лихо подорвал!

И я не замечаю, в его весёлых глазах, грусти по этому поводу...

– Я и так знаю, что ты не успел! – думаю я, не подавая виду, – И это – так хорошо!

Мы трогаемся дальше. Последний в нашей тройке, я тайком оглядываюсь сверху, на речную долину: «Какой ты осторожный, медведик! Дай бог тебе ещё – лет двадцать жизни!».

Олега Чудаева забрали на военную службу. Просто, приехал на вездеходе его отец-милиционер, обнял Олега за плечи и сказал: «Сын! Собирайся. Нужно Родине послужить». Пять минут на сборы – и Олег уехал в армию...

У Дыхана – своя программа работ. У меня – своя. Теперь, мы работаем втроем – Михаил, я и Загар. Мы по-прежнему обитаем в рыбацком балке, на Тятино.

Изо дня в день, мы приходим в наше жилище – только к вечеру. Изо дня в день, устало присев перед печкой, Дыхан растапливает нашу буржуйку. А я, тем временем,

развожу в большой, алюминиевой миске жидкое месиво: одна часть сухого молока, одна часть яичного порошка и одна часть муки. Соль и сода, и я выливаю всё это на смазанную маслом, горячую сковородку. Очень скоро получается полная сковородка густого как пирог, яичного омлета! Своим тесаком, я режу этот пирог на три равных сектора, от центра к краям. Нас же, трое? Трое! Одна часть Михаилу, одна часть мне и одна – Загару...

Командировка в заповедник у Дахана закончилась, он ведь работает на Шикотане. Он уезжает в Южно-Курильск, в цивилизацию. Мы остаёмся, с Загаром, вдвоём...

Пятнадцатое мая. Ко мне, на Тятино, приехали Сергей Олевохин и Юра Кулинский. Как и договаривались, сегодня мы отправляемся вокруг подножий вулкана Тятя. Не с востока, вдоль побережья, а с запада! Нам нужно подняться в верховья Тятиной, перевалить в верховья птичьей и по ней – спуститься до устья. Переночуем в кордоне на Урвитово и вернёмся на Тятино по побережью. Большой поход! Мы идём с ночёвками, под небольшими рюкзаками. С этой стороны вулкана – ещё никто не проходил! Никто! Вот в чём романтика...

С нами идут и наши собаки – мой Загар, его брат, лайчонок Кулинского и худосочный кобель-лайка с Филатовки. Его зовут Шнырь. В это время года очень хорошо передвигаться по Кунаширу – снега уже нет, а лопухи ещё не поднялись. Речные поймы, стоят – совершенно пустые!

По тропе, мы проходим четыре километра вверх по Тятиной. И вскоре упираемся в обширный хвойник мамашиного языка. Это название так и прилепилось к хвойному лесу, на поляне которого, весной, мы с Дыханом и Чудаевым наблюдали за медвежьей семьёй. Шнырик незаметно вильнул за деревья и скоро, метрах в пятидесяти сбоку от нас, раздаётся его редкий, вроде бы даже ленивый, лай. Не обращая внимания на этот лай, мы шагаем своим путём. Наши подростки-лайчата весело резвятся рядом с нами.

На повороте речной долины мы, незаметно для себя, углубляемся в пихтарник мамашиного языка. Путь нам

пересекает маленький лесной ручеёк, бегущий прямо между корнями пихт.

– Ррррррррррр!

Раздельное, металлическое «Ррррррррр» раскатом прокатилось из-за покатога холмика за ручейком и растаяло между стволами ёлок и пихт... От этого железного «Ррррррр» у меня холодеет душа. Оно напомнило мне звук пускового двигателя, на трелёвочном тракторе!

Мы стоим, как вкопанные, перед ручейком. Наши лайчата послушно стоят у наших ног, а храбрый Шнырик делает вид, что сейчас, больше всего на свете, его интересует прошлогодний листочек у его ноги...

– Это – медведь! – говорит Кулинский.

– Ну! – соглашаюсь я, – Это медведь ревел!

Через минуту, мы приходим в себя.

– Ну?

– Что нам делать, дальше?

Сергей принимается науськивать собаку: «Шнырик! Взять! Взять, Шнырик!». Мы, с Кулинским, его откровенно не понимаем.

– Серёга! – говорит Кулинский, – Ради чего? Пошли, обойдём!

– Вон! Голая пойма слева! Совсем рядом! – вторю ему я.

Но Олевохина, если шлея под хвост попала, ничем не остановить: «Чего это я, в обход пойду?! Шнырик, куси, куси!».

– Саня! Медвежонок! – удивлённо говорит мне Юра.

– Где? – я пытаюсь что-то разглядеть в чёрных тенях пихтарника.

– Вон! На дереве сидит, видишь? – тычет рукой Кулинский в хвойник, прямо перед нами, – А под деревом – медведица стоит!

Я шарю полев своего бинокля под кронами... Но ничего, кроме чёрных теней, различить не могу.

– Смотри внимательно! – говорит мне Кулинский, – Сейчас туда Шнырик подлезет.

– Ага! – оживляюсь я в бинокль, – Вот! Шнырика вижу...

Я не успеваю договорить, как что-то коротко сдвигается в черноте под кроной, и Шнырь, стрелой вылетает из-под дерева. И мчится к нам! Не задерживаясь возле нас, он пулей пронесится мимо!

– Вот, это, да! – изумляюсь я, на это, – Вот, это, прыть!

Больше, Шнырик под дерево – не ходок. Он крутится у наших ног и весь его вид говорит: «И что вы там интересного нашли? Пойдёмте отсюда скорее! Кругом так много интересного, а вы – тут торчите».

– Пошли! Обойдём по пойме! – опять предлагает нам Юра.

– Конечно, пошли! – соглашаюсь я.

– Зачем?! – упрямится Сергей, – Пошли напрямую! Какого чёрта! Я – не буду обходить!..

После пары минут препирательств, не обращая больше внимания на Олевохина, мы с Кулинским и собаками разворачиваемся круто влево и через пятьдесят шагов, вываливаем в пустую пойму речки. Здесь – сказочный обзор! Широким полукругом, мы огибаем массив мамашиного языка, по проталинам. Сергей, всему свету назло, идёт пихтарником.

– Ну и пусть! – раздражённо думаю я, изредка слыша треск сучьев под его сапогами в хвойнике, где-то напротив нас, – Сожрёт – твоё дело!..

Верховья речки. Маленькая, травяная полянка. Пятачок между большими елями. Здесь заканчивается обширная пойма Тятиной. Она резко переходит в узкий, лесистый распадок с крутыми и высокими склонами. Неожиданно, моим глазам открывается чёрный пятак выжженной земли, у моих ног.

– О! Кострище! – понимаю я.

– Это прошлогодняя ночёвка лесостроителей! – скоро соображаю я, – Они тут стояли, когда этот участок обрабатывали.

Две метровые, обугленные со стороны костра, рогульки торчат по краям кострища. На их чёрные рога надеты две пустые, консервные банки...

Юрий с Сергеем, не задерживаясь, ушли вперёд. А мы с Загаром стоим на этой полянке. Вокруг меня кипит, бушует весна! Полянка – вся голубая!

– Ах, хохлатки! – улыбаюсь я цветкам, – Сколько вас, тут! Ковёр! Цветки весны...

Я приседаю на корточки... У каждого растеньица, на цветоносе – редкая, односторонняя кисть голубых, губастых цветков. А, как они пахнут! Хохлатка – это запах нашей, Кунаширской весны...

Вдруг, я замечаю, что одна из хохлаток имеет кисть белоснежных цветков!

– О! – поражаюсь я, – Белоцветковая форма! Вот, это, да! Никогда не встречал!

Я быстро опускаю свой рюкзак на землю и несколько раз щёлкаю затвором фотоаппарата... Как красиво смотрится белоснежная гирлянда цветков, на общем фоне синей полянки хохлаток! Какие кадры! Настоящее чудо природы!

Но, отставать нельзя. И я бросаюсь догонять наш караван...

Зажатая узкими берегами, и раньше беспокойная речка – теперь бушует между больших валунов. Шум и грохот белых жгутов воды забивает уши...

Очередной раз, нам нужно перебираться на другую сторону речки! Я, первым, прыгаю через бушующий перекат, с валуна на валун, с валуна на валун...

– Саня, ...дь! – едва перекрывает шум переката, голос Юры.

Моё внимание целиком сосредоточено на моих прыжках. Это – опасно. Промahnуться, мне – никак нельзя... До моего сознания не сразу доходит этот крик.

– Саня! Медведь! – голос Кулинского звенит сзади.

Я перестаю прыгать и торможусь на очередном валуне, посреди речки. Оглядываюсь на Кулинского. Со зверским лицом, Юра тычет пальцем мимо меня! Я кручусь обратно – и моё лицо вытягивается! Шагах в тридцати, прямо у воды, в валунах противоположного берега, копошится

большой медведь! За многоголосым шумом воды, он нас тоже не слышит! Стоя на валуне посреди речки, я принимаю к биноклю...

Медведь спокойно ковыряется между крупными валунами берега. Он удивительно толстый и неповоротливый. Ну, просто, живой, бурый бочонок! Бочка! Переваливаясь через очередной валун, он застревает между камнем и стволиками куста ольхи и лениво дёргая задней, правой ногой, долго не может её освободить...

– Ну, надо же, так растолстеть! – я «болею» за медведя, в бинокль, – Ему, даже, двигаться трудно!

Мои «научные наблюдения» портит, отважно перебравшийся через бурный поток речки, Шнырь. Я вижу, как, подскочив к медведю по валунам берега, он гавкает: «Гав!». Медведя словно подменили! Стремительным движением, он бросает своё тело от среза воды на крутой и очень, очень высокий, поросший дерниной и редкими деревьями, склон речного распадка. С поразительной лёгкостью и быстротой, он, на махах, уходит вверх, по косогору! Я смотрю в бинокль, как он мчится, прыжками, прямо вверх по склону! Всё прыгает, прыгает, прыгает...

Худосочный и лёгкий Шнырик болтается далеко позади, никак не поспевает за медведем!

Наконец, они оба, медведь и собака, переваливают гребень сопки. Всё!

– По-ра-зи-тель-но! – я недоумённо опускаю бинокль, – А, я говорю «неуклюжий!», «толстый!»... Вот, это, дааа...

День переваливает за полдень. Мы трудно и долго поднимаемся вверх по бурунному распадку Тятиной. Надо бы уже определиться – не пора ли, нам, уже сваливать из распадка речки на седловину? За вулкан. Она отделяет речку Тятину от речки Птичьей, является их водоразделом. Но, как увидеть седловину?! Чтобы что-то увидеть – надо вылезать из распадка наверх...

И я просчитываю парадоксальное, на первый взгляд, решение – чтобы увидеть, что творится справа от каньона речки, нужно лезть на его противоположный, более вы-

сокий склон! Оставив рюкзак с караваном, я в одиночку карабкаюсь влево, по сочащейся влагой, покрытой зелёными мхами, скальной стене...

– Фу! Скала закончилась!

Выше – покрытый бамбуковым пихтарником, крутой склон распадка... Я оглядываюсь через плечо, через распадок.

– Увы! Не видно. Ещё рано! Надо подняться выше...

И я снова лезу вверх по склону, теперь уже по бамбуковому пихтарнику. Склон крутой и я помогаю себе, цепляясь руками за проволочные стебли бамбука...

Неожиданно, перед моим лицом – отвал земли!

– О! Вроде бы, нора! – озадачиваюсь я, – Но... размеры!

– Это же берлога! – осеняет меня, мысль.

От одной этой мысли, потянуло холодком по спине. Я вспоминаю, что вокруг нас живут медведи. И торопливо озираюсь по сторонам. Но кругом, на крутом склоне, молча стоят, серые стволы пихт и хвойные верхушки густого подроста. Всё спокойно. Любопытство берёт верх, и я заглядываю в берлогу...

Внутри берлоги ничего нет! На полу – только глинистая почва. Потолком служит дернина, корни бамбуковых зарослей! Плотно переплетённые между собой, прочные корешки бамбука образуют прочную дернину, сантиметров десять толщиной...

Сразу за входным отверстием в берлогу, находится небольшая спальная камера.

– Здесь зимовал молодой, небольшой медведь! Размером с человека, – прикидываю я, – Ладно. С берлогой – всё! Время не ждёт!

Я снова оглядываюсь через каньон речки, в сторону седловины. И передо мной – открыто лежит пологая низина, между громадой конуса вулкана с одной стороны и цепью горных вершин хребта Докучаева, с другой. Вся седловина – как на ладони!

– Да! – понимаю я, – В самый раз! Нам пора вылезать из речного каньона Тятинки!

По крутому склону, я быстро сползаю обратно, к речке.
– Всё! – говорю я поджидающим меня на валунах, Юре и Сергею, – Седловина – как раз, напротив нас!

Я вытаскиваю из ножен, на поясе, свой тесак

– Тюк! Тюк! – я делаю затёску на кривом стволе ольхи, саблей выгибающемся из боковых зарослей в распадок речки.

– Саня! Зачем? – смеётся надо мной, Юра.

– Может, пригодится?! – дёргаю я плечом, – Это – метка. Место, с которого нужно сворачивать на седловину!

– Правильно, Сань! – одобряет Олевохин, – Такое место нужно пометить...

Мы подхватываем свои рюкзаки и все вместе, лезем вправо, на менее высокий склон речного каньона. Здесь, в верховьях речки, заросли бамбука – такие высокие!

Но, нас выручает сезон года! Сейчас, здесь – повсюду лежит плотный, слежавшийся снег. Заросли бамбука и кедрового стланика – все под ним! Широкой лентой, язык снега спускается к нам в каньон, прямо с заснеженной вершины круглой сопки, что стоит рядом.

– Это – сопка Вильямса! – прикидываю я, – Я по планшету смотрел.

– Ну, да! – соглашается Кулинский.

По метровому языку снежного надува, как по мосту, мы шагаем цепочкой друг за другом, над бамбуками. Летом, здесь не пройти – гора полностью покрыта непролазными зарослями бамбука и кедрового стланика. А, сейчас – легко! Пять минут – и мы стоим на плотном снегу, у самого подножия сопки!

– Смотрите! – говорю я, – Как этот тяжёлый снег придал и бамбук, и кедровый стланик!

– Ага! – отзывается Юра, – До самой земли продавил!

– Давайте, на вершину сопки Вильямса поднимемся! – предлагает Сергей.

– Давайте! С вершины оглядеться можно будет! – понимает его, Кулинский.

– Ну! – кивает Олевохин, – Наметим, куда дальше идти!

Вбивая грубые канты своих литых болотников в крутой снежный склон, шаг за шагом, мы продвигаемся к близкой вершине.

– Наверно, именно такой снег называют фирном? – спрашиваю я у Кулинского.

– Да! – соглашается, в прошлом крымский турист, Юра, вбивая носок болотника в плотный снег, – Смотри, как ветрами его напрессовало!

Мы быстро выдыхаемся. Десять шагов – и ноги становятся ватными от переутомления. Частые остановки уже не помогают. Десять шагов – и нет больше сил...

Вершина сопки! Мы проходим несколько десятков шагов по вершине, на другую сторону сопки. Стоим на утрамбованном ветрами, плотном снегу и смотрим вниз, на седловину, раскинувшуюся между нами и громадой вулкана. Мой глаз прочно прилипает к склонам вулкана. Взгляд перебегает с одного барранкоса на другой. А, их – нет числа...

– Да-ааа! Целая страна! Так вот какая, твоя обратная сторона, Тятя!

– Обратная сторона луны! – улыбается Кулинский, – Никто её не видел, до нас!

– Разве что, с вертолёта – прикидывает Олевыхин.

Глубокие ущелья барранкосов, сейчас заполнены снегом. Поэтому, они – белые. Прямо от седловины, вверх по склонам вулкана, уходит безбрежное зелёное море кедрового стланика. Склоны вулкана разрезаны плавно расходящимися в стороны от вершины, узкими полосками барранкосов. Зелёный вулкан и белые барранкосы...

– Красиво...

– Ага.

Но, солнце уже собирается садиться за вершины хребта Докучаева! На западе, за нашими спинами.

– Вечереет... А, мы – находимся среди снегов! – холодок тревоги щекочет мне нервы, – Здесь не заночуешь! Нужно торопиться.

Далеко внизу, под нашими ногами, на седловине, в последних лучах солнца, миллиардами солнечных зайчиков искрится обширная водная поверхность.

– Так блестит, лужами и озерцами, тундра, в иллюминатор самолёта! – улыбается Кулинский.

– Холодный блеск! – опасливо замечаю я, – Так блестит вода, на снежной равнине. Как бы, там, не был лёд!

– Нет, Сань! – не соглашается Сергей, – Это, просто, косые лучи заходящего солнца! Они холодные, сами по себе.

Мы начинаем спускаться вниз, к седловине. Хватаюсь за саблевидные ветви задавленного тяжестью снега ольхового стланика, мы быстро съезжаем по насту, по крутому склону сопки. На седловине, заросли бамбука, освобождённые из снежного плена, уже поднялись и ошетинились во все стороны. И только овражек извиляющегося по левой окраине седловины ручья, заполнен плотным снегом.

– Этот ручей течёт уже к Птичьей! – прикидывает Олевихин.

– Ну! – соглашается Кулинский, – Это – единственный, сейчас, лёгкий путь для нас. Подгоняемые приближающимися сумерками, мы, три человека и три собаки, торопливо шагаем по извилистой ленте наста...

Через километр пути, наш снежный овраг кончается! Вернее, кончается заполняющий овраг ручья, снег. Сам же овраг, всё увеличиваясь в размерах, превращается в, средних размеров, распадок, на склонах которого растут берёзки. Снаружи, к распадку, вплотную подступает бамбуковый пихтарник. По днищу распадка, по недавно освободившимся от снега, галечным косам ручья, пробиваются многочисленные ростки белокопытника.

Отлично! Для ночлега – есть все условия! Это вода, свободная от снега почва под палатку и защита от ветра. Нужно ещё одно, очень важное – дрова. Но вокруг – уже почти темно! Мы останавливаемся на изгибе русла, под склоном оврага. Над нами, с гребня высятся острые пики

елей. Здесь мы добудем дрова, а места для палатки и костра – более, чем достаточно.

Всё! – решаем мы, – Здесь будем ночевать.

Мы сбрасываем на гальку свои рюкзаки. Торопливо ломаем с ёлок сухие сучья, для костра...

Вот и костёр запылал! Измотанные за, такой длинный день, наши собаки, забиваются под кусты кедрового стланика, рядом с костром. Мы – сами толком не отдохали весь день, а про еду и говорить нечего. Вешаем два котелка с водой, над огнём. Пока греется вода, мы ставим палатку. Палатка, у Юры, хорошая – лёгкая, шёлковая. Приятно в руки взять. Не то, что наши, заводские брезентухи! Их бы – только трактором с места на место перетаскивать, а не на себе, по лесам носить.

Через пару часов, мы, уже сытые, сидим у костра. Накормлены и наши, уставшие и от этого такие раздражительные, собаки. Поев, они снова забиваются в кедровый стланик и затихают там. Юра – тоже, сразу уходит в палатку. А, мы с Сергеем жмёмся ближе к теплу костра. Здесь, на высоте, рядом с границей снегов, очень даже «не май месяц». Грудь обжигает огонь костра, а спину обжигает холод. Ощущение одинаковое...

Мы изредка перебрасываемся короткими фразами или вообще молча, замороженные пляской языков пламени, смотрим в костёр...

Мы сознательно тянем время. Стучать зубами в палатке с самого вечера – слишком долгая попытка...

Но ночь, всё-равно, сильнее нас. Под утро, борьба со сном становится невыносимой. Наконец, мы забираемся в промёрзшее нутро палатки и забываемся сном в её могильном холоде...

Раннее утро. Ещё до первых лучей солнца, мы просыпаемся, от холода. Выбираемся из палатки и бросаемся разводить костёр. Кругом – белым снегом серебрится иней сильного заморозка!..

Вот, в воздух потянулась робкая струйка дыма. С солдатским котелком в руке, я, босиком, семеню к журчаще-

му в десяти метрах, ручью. Я выбираю чистые от снега проталинки. Под голыми ногами, хрустят заостреневшие ото льда за ночь, листочки пробившихся на свет божий, растений. Лужицы талой воды схвачены сантиметровым слоем свежего, сегодняшнего льда.

– Бррррр! – зябко передёргиваю я, плечами.

В суете приготовления пищи и попутного сворачивания лагеря, мы встречаем солнце! Вот, уже, в его лучах заиграли, заискрились заиндеветавшие всходы белокопытника. Быстро, прямо на глазах, теплеет воздух.

Всё! Мы трогаемся по распадку нашего ручья дальше, в путь. Сегодня – нам надо выйти на побережье, к устью Птичьей.

Вот и Птичья! Первый брод! С трудом перейдя речку вброд, мы понимаем, что следующего брода, у нас – может не быть. Уж больно Птичья глубока и бурлива. Даже здесь, в верховьях...

Резко нарастает высота стен речного каньона. В этом скальном ущелье беснуется водный поток. Мы крадёмся вдоль скальной стенки ущелья, сзади в ноги поддаёт тугой поток воды. Вода – под самый обрез болотников! Я шагаю первым...

Сзади визжат наши собаки! Держась правой рукой за стенку, я останавливаюсь и оглядываюсь назад. Наши собаки стоят на конечном камне поворота ущелья. Перед ними – несётся мимо, стремительный поток воды.

– Дальше, по скале – им не пройти! – понимаю я.

Я возвращаюсь назад. Против течения – это вдвое круче!

– Саня! Пусть собаки сами о себе заботятся! – бурчит на это, Кулинский, – У таёжников, собака не должна быть обузой!

– Точно, Саня! – вторит ему Олевохин, – Пусть, с детства не привыкают! Пусть – сами!

Я, молча, грабастаю одной рукой своего Загара к груди и снова крадусь по потоку вниз, рядом со стремниной, второй рукой придерживаясь за скальную стенку...

На следующем повороте ущелья, сзади нас опять визжат наши собаки! Я, молча, разворачиваюсь и крадусь к ним, против течения. Мой Загар уже ждёт, когда я приближусь. Я протягиваю руки, собака с готовностью позволяет мне взять себя и не рвётся от моей груди, пока я борюсь с водным потоком, вдоль скалы...

На очередном повороте каньона я вдруг замечаю, что и Кулинский, и Олевохин бредут за мной против течения, чтобы забрать своих собак с последнего выступа скалы...

Но, скоро мы осознаём, что сплавляться вдоль стенки каньона – нам, просто, непозволительно! Как с точки зрения затрат времени, так и – затрат физических сил. Мы решаем двигаться поверху, рядом с речным каньоном. По крутому и высокому склону, мы выбираемся наверх, из каньона Птичьей...

Здесь – сплошной хвойный лес, пихтарник. Весна, сюда – ещё не дошла, и всё закрыто глубоким снегом. Ночной заморозок сыграл нам на руку, и этот наст спокойно выдерживает вес человека!

Дальше – мы легко шагаем среди пихтарника, широко лавируя между светло-серыми колонами пихтовых стволов.

– Звук! Звук! Звук! Звук! – наст, только, коротко взвизгивает под каблуками наших болотников.

– Как легко идти под уклон! По насту! – радуюсь я, – Как легко дышится весенним лесным воздухом!..

Впереди, среди чёрной густоты крон хвойника, угадывается изменение в рельефе! Наш склон уходит вправо, к вулкану. Мы останавливаемся, чтобы осмотреться.

– Нужно правее! – говорит Кулинский, – К вулкану ближе идти. Там – меньше глубина распадков! Легче, будет, их поперёк брать.

– Логично! – соглашаюсь я, – Нужно правее взять.

– Зачем правее? – на ровном месте, ершится Олевохин, – Идём, как шли!

– Но, так же лучше! – кипятится в ответ, Кулинский.

– Кому лучше? – ещё больше бычится Сергей, – Тебе лучше – ты и иди! А, я пойду там, где считаю нужным!

– Ну и шагай! А, я – пойду сюда! – отрезает Кулинский. Никто не собирается уступить другому..

По мне – так прав, конечно, Кулинский. Но, так нельзя! Не должен отряд разваливаться на части и каждый идти туда, куда его понесёт! Не должен! Но Олевыхин разворачивается и уходит прямо, шагая вдоль речного каньона. Кулинский разворачивается и уходит вправо, к вулкану. Я закрываю глаза и думаю: «Блин! Классная команда! Дружная! Куда один – туда и все!.. Чтоб вы сдохли! Мама, почему я хожу в походы с несовместимыми людьми?!». Я разворачиваюсь вправо и спешу догонять Кулинского..

Июнь, мы с Загаром, по-прежнему обитаем в рыбацком балке, на Тятино. Каждый день, мы совершаем дежурную прогулку к речке. На конец удилица из длинного, ивового прута, я привязал леску. На леске, у меня – маленькая, зимняя блёсенка, с большим тройником. В речке – тьма рыбной мелочи! Это мальма. Как и на Сахалине, здесь, на Кунашире между собой, эту рыбку мы называем форелькой. Она вырастает сантиметров до тридцати. Но, обычный размер мальмы, ловящейся на мою удочку – пятнадцать сантиметров. Причем, мальма, постоянно обитающая в речке, отличается яркой окраской, с преобладанием красных и желтых крапинок. Мальма, заходящая в речку с моря – она серебристая, имеет серо-стальную окраску.

В речке Тятина, также полно кунджи. Весной, из моря в речку идёт молодая кунджа. Массово! Это серебристые, до двадцати сантиметров, рыбки с малиновыми плавниками. Эта кунджа – вся одинаковая размерами. Они не бывают больше или меньше, они все – как одна!

Наше с Загаром дежурное блюдо – жареная на кулинарном жире, эта рыба мелочь. Глаза бы мои, на неё не смотрели! Каждое утро, я провожу «тест на голодность» моей собаки – я подношу к носу Загара оставшуюся с вечера сковородку жареной рыбы. В ответ, тот презрительно кривит верхнюю губу и выразительно глянув на меня снизу – вверх, обиженно отходит в дальний угол нашего балка.

– Так! – уверенно делаю я «официальное заключение»,
– Не голодный!

Определённое время дня, у меня уходит на сбор растений для гербария заповедника. Но, основное время, я трачу на наблюдения за лесной жизнью, что сама-собой, безостановочно течёт вокруг нас. Особенно, мне нравится лежать за стволом ивы, на взгорке около устья Тятиной и в бинокль, следить за утками. Как они кормятся, отдыхают, чистятся...

Вот и сегодня – мы весело шагаем с Загаром к устью Тятиной, на наше место. То тут, то там, по низким зарослям морского шиповника перепархивают мелкие птички. Встречный ветерок тянет на нас различные запахи леса, и любопытный Загар везде суёт свой нос.

Но, сегодня – он как-то странно себя ведёт! Он стоит чуть впереди меня, на нашей зарастающей дороге и смотрит с неё вбок – в сторону подножия высокой морской террасы. Я подхожу к нему, по колее. Пробежав по колее вперёд шагов пять, он опять останавливается и смотрит вбок...

– Что бы это значило? – озадачиваюсь я.

Я подношу к глазам бинокль – у подножья террасы, уже позади нас, на полянке среди низкого, морского шиповника, сидит лисица! Всё её существо выражает лень и сонливость. Глянув на нас с Загаром ещё раз, лисица, не вставая, лениво чешет задней лапой, за ухом...

С наслаждением зевнув в полный рот и со вкусом потянувшись, рыжая встаёт и неторопливой рысцой трусит среди кустов шиповника.

– Лиска отправилась на охоту! – я опускаю свой бинокль, – Н-да. Что тут сказать?

Увиденное дышит на меня неторопливостью, неспешностью лесной жизни, текущей вокруг нас. Мы осторожно прокрадываемся на наш пригорок. Устроившись на заранее уложенных здесь досках, я осматриваю устье речки, в бинокль...

Вот! В речной заводи кормится парочка свиязей, селезень и утка. Самочка серенькая, селезень – куда как

более нарядный, с красной шапочкой на голове. Мне нравится, что эти уточки очень легки на подъём и до изящности, ловко держатся в воздухе.

Неожиданно, на эту же заводь пикируют несколько озёрных чаек! Эти чайки, с чёрными головками, имеют вид крачек. И также крикливы и агрессивны! Одна из чаек сразу же начинает теснить связей. Уточки, в компании чаек, чувствуют себя неуверенно. Они пугливо жмутся к берегу...

Наконец, уточка не выдерживает наглости чайки и торопливо выбирается с водной глади на травку берега. Селезень же, ещё немного отступив под напором чайки, вдруг, резко вздёргивается в воздух. Сразу же успокоившись, он опускается на зеркало заводи, буквально в паре метров позади чайки.

Меня удивляет столь резкая перемена в моральном состоянии селезня! Только что, мгновение назад, он пугливо крутил головкой, торопливо отстраняясь от чайки. Но! Едва оказавшись в воздухе, он преобразился в уверенную в себе, спокойную птицу...

Ночь. Я просыпаюсь от того, что под дверь нетерпеливо повизгивает мой Загар. Собака просится на улицу. Сонный, я открываю дверь – и моя собака стрелой уносится в крошечную черноту. Я тоже выхожу за дверь. На улице тянет промозглый, сырой ветер.

– Ду-духххх!

В двадцати шагах грохочет, бьёт океанский накат. Не видно – ни-че-го!

– Духххх! Ду-духххх!

Я дрожу от обжигающего холодом, ветра, но стою и жду собаку...

– Наверно, лисичку погнал, от балка!

– Духххх! Ду-духххх!

– За-гааааар! – ору я в ночь, через минуту, – Пошли домой! Ко мне! Загар!

– Духхххх! Ду-духхххх!

Собака появляется из черноты ночи под мои ноги – только, минут через пятнадцать...

Июль. Ночи стали такими тёплыми! А, у моря – такая влажность! Духота...

Каждую ночь, через множество щелей, в наш дощатый балок набивается целое облако комаров! А, никакой «химии», чтобы бороться с ними, у меня нет. Мы, ведь, с Загаром – дикие! Мы – дети природы...

– Я читал, что в старые времена люди боролись с комарами с помощью дыма! – вспоминаю я, – Дымокур! Нужно попробовать сделать дымокур!

В сумерках, перед вечером, я решил попробовать выгнать из нашего дома комаровую тучу. Я растапливаю печку и закрываю заслонку...

Мы с Загаром стоим на улице...

Через пятнадцать минут, наш балок наполнился белым дымом – до пола! Я распахиваю настежь дверь. Мы с Загаром по прежнему стоим на улице и ждём, пока дым рассеется...

Вот! Я прищуриваюсь в дверь – в доме ещё полно дыма, но, по-моему, там уже можно дышать!

– Загар! Вперёд! – командую я.

И мы заскакиваем в помещение... Но! Там нас встречает – целое облако комаров!

Я понуро выхожу на улицу и обречённо думаю: «Они залетели туда раньше нас! Как их можно выгнать дымом?! Если в дыму они чувствуют себя лучше, чем мы!».

Вечером, я гашу фитилёк свечки, и наш балок погружается в полную темноту. Я укрываюсь своим летним спальником.

– Зззззззз! Зззззззз! – тут же, со всех сторон, раздаётся звон крадущихся ко мне, комаров!

Под спальником, мне – невыносимо жарко! Но, только стоит приоткрыть спальник – в любую щёлку, под него проникают эти мелкие твари...

Жарко! Но, я терплю, под спальником... Пока не усну. Среди ночи, во сне, я раскрываюсь – и тогда наступает комариный пир...

Каждое утро, я поднимаюсь с нарных досок, опухший от комариных укусов. Особенно, огнём горят кисти рук! Хорошо, что я уже привык к комарам! Опухоль и жжение быстро и бесследно проходят.

Каждое утро, первым делом, я шагаю к нашему оконцу – посмотреть погоду. Каждый раз, здесь, об оконное стекло, бьётся, в надежде вылететь, несколько десятков жирных и красных, наполненных моей кровью, комаров. Толстые, как бомбовозы, они даже лететь толком, не могут!

– Ну, как? – злорадно интересуюсь я у них, – Ночные кровопийцы! Напились моей крови?

И я, с чувством исполняемой мести, с удовольствием, медленно давлю каждого из них о стекло, одним пальцем. Вытекающая из брюшка каждого комара, алая капелька моей крови, алым мазком, размазывается по оконному стеклу. День за днём... Окно – как окно! Ничего особенного...

Прямо к фасадной стене нашего балка, по-хозяйски подкатывает вездеход! Это лёгкая ГТСка сахалинских вулканологов! Их база стоит в дальнем конце Южно-Курильска. Из вездехода начинают выбираться весёлые мужчины в зелёных штормовках и милостивые женщины, в энцефалитных костюмах. Человек восемь! И почти каждое лицо – мне знакомо!

– Здравствуйте! – радостно кричу я всем, открывая дверь балка.

– О! Саша! – несётся в ответ.

– Привет!

– Здравствуй! Здесь живёшь ты?!

– Да! С апреля! С Загаром, – отвечаю я.

– Лесной отшельник! Ну, тогда мы у тебя поселимся!.. Примешь? Мы – на выходной! Вот, вырвались!

– Конечно! – радуюсь я, – Места на всех хватит!

– Ребята! Доставайте рюкзаки, посуду! Нужно уху варить! – командуют женщины, – В каком мешке, у нас, картошка?

Мы, с Загаром, гостям несказанно рады. Особенно, когда эти гости – с родного Сахалина, с новостями из цивили-

зации. Это – научная интеллигенция! Мы с Загаром бросаемся к задку вездехода, помогать мужикам выгружаться. Тем временем, женщины исчезают в дверном проёме нашего балка. И половина мужчин, что понесли в помещение мешки – тоже. И всё там, как-то, стихает...

– Степаныч! – вскоре, слышится оттуда, женский голос, – Иди, глянь!

Следом за начальником, я тоже захожу вовнутрь – все гости, столпились у нашего окна.

– Саша! Комаров, у вас тут... много?!

– Да, хватает! – довольный, отмахиваюсь я рукой, – А, где их, нет?! Этого добра – везде полно! Ведь, у самого моря живём! Здесь – сыро ночью и душно!

– Ну? – вполголоса, совещаются вулканологи, между собой, – Что будем делать?

– Давай, на Саратовский кордон?

– Конечно!

– Лучше, уж, туда!

– Здесь – съедят, за ночь!

Ко мне подходит начальник: «Саша! Мы, всё-равно, на транспорте, сейчас проскочим до Саратовки – оглянуться не успеем! Решили туда перебазироваться».

– Да?! – я недоумённо хлопаю ресницами, – Здесь – места много! Вы расположиться хотели...

– Да, ладно!

– В другой раз!

– Ещё увидимся! Какие, наши годы?!

И вулканологи начинают бодро забрасывать обратно в свой вездеход, свои мешки и рюкзаки...

Через минуту – отбытие! ГТС вулканологов, как стремительно появился, так стремительно и исчезает, вдали...

Ти-ши-на... Опять, вокруг нас с Загаром – абсолютная тишина дикой природы.

– Шшшшшшшш, Шшшшшшшш, – только шипит, набегающая на песок берега, океанская волна...

Несколько растерянные, мы с Загаром заходим в наш балок. Я смотрю на наше окно...

И вдруг! Только сейчас! Я вижу, что оконные стёкла густо покрыты красными мазками и целыми каплями засохшей крови!

– Блин! – ужасаюсь я, сам, – Всё окно – в кровянице! Красное...

– Уффф... Перепугали, мы с тобой гостей, Загар, – вздохнув, говорю я стоящему рядом со мной, Загару, – Теперь – ни новостей, ни новых лиц! Опять – только мы с тобой, на пол-острова...

Июль – середина лета. Зацвёл морской шиповник. Роза ругоза! Шиповник морщинистый. У него – крупные, густо-розовые цветы, с такими мясистыми лепестками! Заварка к чаю у меня кончилась уже давно. Я рву в чайник розовые лепестки шиповника. Каждый день...

Один раз я перестарался. Нарвал полчайника лепестков!

– Тьфу ты, блин! – в сердцах матерюсь я в своём балке, отхлебнув чаю из кружки, – Будто одеколону в рот вылил! Оказывается, перебор – это тоже плохо!

Я – ботаник. Я знаю всякие разные травы. Я пробую заваривать в чай разные растения... Пробовал побеги зверобоя... Трава – она и есть трава! Пробовал засовывать в чайник соцветия лабазника. Лабазник – ведь, единственный из наших лопухов, который из семейства розоцветных. Да и Юра Кулинский говорил как-то мне, что лабазник в чай заваривают... Ничего хорошего!

И листья малины я пробовал. И голубики... Знаете, что мне понравилось?! Листья брусники! Вечнозелёные, мелкие, кожистые. И вид, у них – совсем не презентабельный. Но чай из листьев брусники – душистый и классный! Даже, если перебор, даже если их, в чайнике – много...

Но, за брусничным листом – нужно специально идти! А низкие заросли морского шиповника – прямо вокруг нас! Ими заполнены террасы морского побережья. И, незаметно для себя самого, я остановился на лепестках шиповника. Главное – не жадничать, главное – чтоб перебора не было...

Запас моего психического равновесия стал иссякать! Мы, с Загаром, живём прямо на морском берегу. Фоном всей жизни, здесь – является грохот прибоя. А, у нас, прибой – океанский! Днём, он не мешает, а, вот, ночью! Не мешает только первое время. Месяц. Второй...

– Бух! Хуххх.., Бух! Хуххх.., Бух! Хуххх..

Среди ночи, я открываю глаза – в душной, крошечной темноте, раз за разом, бьют пушечные залпы океанского наката.

– Бух! Хуххх.., Бух! Хуххх.., Бух! Хуххх..

– Как, тут, спать?! – раздражённо думаю я.

В абсолютной тишине ночи, эти залпы – просто оглушительны!

– Бух! Хуххх.., Бух! Хуххх..

Они, действительно, орудийные! Вот, очередной океанский вал ударяется о песчаный пляж нашей бухточки, своим дальним-дальним концом!

– Бух!

Это, пока – далеко.

– Бух! Бух! Бух!! Бух!! Бух!!! – гром обвала стремительно нарастает.

– Буххх!!! – с треском раскалывается самый мощный удар!

Прямо, по моей голове!

– Бух!!! Бух!! Бух! Бух!..

Грохот ударов наката пролетает дальше, мимо нашего балка и постепенно затухает в другой стороне. Это – всё-равно, что спать рядом с рельсами! По которым, на полном ходу, несутся скорые поезда...

Каждое утро, я встаю с тяжёлой, квадратной головой...

– Дальше, так жить – нельзя! – тоскливо думаю я, каждое утро.

Утро. Как всегда, тяжёлое утро... Я бреду с Загаром от нашего балка на высокую морскую террасу, обследовать верхний дом, на Тятино. Этот единственный дом остался на месте бывшего посёлка. Это, практически, рядом. Там

базировались лесоустроители, в прошлом году. Но все другие люди обходят его стороной.

Дом стоит в понижении, метрах в восьмидесяти за гребнем высокой морской террасы. Вокруг него – обширный пустырь высокотравья! Дом утонул в лопухах – по самую крышу! Мы пробираемся к нему по лопухам...

Внутри дома – пусто. И грязно, как в конюшне, хотя двери и все окна – по-прежнему, целы.

– Жить в нём – как в норе, я не хочу, – рассуждаю я, – Но ночевать... Почему бы и нет?

Крыша у дома – настоящая, как у нормальных домов. Она двускатная, большая. Я заинтересованно обследую просторный чердак. А, потом – тащу туда из дома металлическую сетку от солдатской койки. Чтобы было светло – я выломал по две доски в обоих торцах чердака. Чтобы Загар мог сам забираться на чердак, к краю плоской крыши пристройки – дровяника я приставил широкую и длинную доску.

К вечеру, мы с Загаром залезаем на чердак Тятинского дома. Я, с удобством, размещаюсь в спальнике, на коечной сетке. Загар спит на сухих опилках чердака рядом, скрутившись в клубок. Гребень высокой морской террасы и трёхметровая стена лопухов совершенно закрывают наш дом от грохота океанского наката! Здесь – ти-ши-на! Я закрываю глаза – и просто, улетаю...

– Вот оно – настоящее счастье, – сонно думаю я, – А, для Загара?! Ладно, мне, человеку. А каково спать, под орудийными залпами наката – собаке?! С её-то слухом...

Теперь, мы спим в полной тишине! Как в раю, ночи напролёт, нам поют песни лесные птицы...

К нашему балку подкатывает вездеход! Это – опять лёгкая ГТСка вулканологов. Из неё выбирается Юра Кулинский, со своим лайчонком.

– Привет отшельникам! – улыбается до ушей, Юра, он всегда такой приветливый, – Как ты здесь живёшь? Тысячу лет не виделись!

Мы с Загаром, всегда гостям рады! Особенно – когда гости так редки, особенно – если они свои...

Следом за Кулинским появляется Маркелыч. Этот – завхоз на базе геологов, в посёлке. Известный пронира.

У Юры и Маркелыча – ружья. Ну и что? У меня – ружьё, тоже!

– Саня! Давай, по лесу пройдемся! – предлагает мне вскоре, Кулинский, – Ты, только, ружьё с собой захвати.

– Хм! Ну, что за глупые советы?! – обескураженно думаю я, – Я в лес, без ружья – не хожу.

– Конечно! – говорю я, – Я рад пройтись по лесу, в компании! А, то – всё один, да один...

И вот мы, с нашими подростками-лайками, углубляемся в хвойник, напротив верхнего дома на Тятино. Нас ведёт шустрый и мелкий, Маркелыч.

– Сань, ты старайся шагать тихо, без шума! – тихо говорит мне Юра, когда мы немного отстаём от Маркелыча.

Я удивлённо скашиваю на него глаз – я всегда, в лесу, стараюсь идти тихо. Вокруг нас – тёмный, папоротниковый пихтарник. Мы шагаем цепочкой, напрямую пересекая обширный хвойный массив, что примыкает к верхнему дому...

Вот уже и обширная поляна лесного озера начинает просвечивать сквозь тень и мрак хвойника, впереди нас. Маркелыч заворачивает по окраине сырого ольховника, вправо от озера, всё по границе пихтарника и по границе... Он всё время что-то высматривает впереди!

– По-моему, Маркелыч ищет медведя! – с изумлением, догадываюсь я об истинной цели нашей лесной «экскурсии», – А всё это – совсем не прогулка по лесу!

– Куда мы идём? – шагая последним в нашей тройке, на ходу интересуюсь я, у Кулинского.

– Да... Сейчас свалим на Тятинку! Напрямую, через лес! – коротко оборачивается, тот.

– На Тятинку?! – чистосердечно удивляюсь я, шёпотом, – Но... Мы, сейчас, идём – уже прямо на Ночку! Тятинка осталась вон там! Слева и уже сзади!

Обернувшись на моё недоумение, Маркелыч меряет меня презрительным взглядом, с головы до ног.

– Да-ааа! – тянет он, – Вы, тут месяцами живёте – а, вообще, ни хрена не знаете! Тятинка – прямо перед нами! Ещё немного пройдем – и вывалимся прямо в речку!

– Хм! – хмыкнув в ответ, я, молча отворачиваюсь, приученный не спорить со старшими.

– Моё – какое дело?! Тятинка – так Тятинка! – зло кипят мысли, в моей голове, – Считаете, что она впереди – пусть будет впереди. Моё – какое дело?

По очень широкому кругу, сырой ольховник заворачивает нас всё правее и правее. Не замечая этого, мои спутники продолжают красться по медвежьей тропе, пролегающей по его краю...

Наконец, я опять не выдерживаю: «Юра! Ну, а теперь – мы куда идём?!». Кулинский удивлённо оборачивается ко мне: «Я же сказал – на Тятинку!». И нетерпеливо отмахивается от меня: «Подожди, Сань! Скоро будет!».

– Какая Тятинка! – гневно вспыхиваю я, – Мы, уже – вообще, к верхнему дому возвращаемся!

Ужаленный моим невежеством, Маркелыч испепеляет меня долгим-долгим, презрительным взглядом. Выгибаясь от переполняющей меня злости, я, молча, отворачиваю лицо в сторону...

Через десяток минут хода, азартно крадущийся первым, Маркелыч, вдруг останавливается, как вкопанный! Приученные «не лезть поперёд батьки», мы с Юрой стоим, молча. Пауза затягивается...

Уже догадываясь, в чём дело, я молча протискиваюсь по лопухам мимо плеча Маркелыча. Так и есть! Метрах в семидесяти прямо перед нами, в вертикальном просвете между кронами пихт, чернеет высокая, двускатная, рубероидная крыша нашего Тятинского дома.

– Хм! – красноречиво хмыкнув в полной тишине, я переламываю своё ружьё и вынимаю патроны...

Раздвигая руками перед лицом зелёные зонты лопухов, я в одиночестве, нервно шагаю к дому...

– «Я здесь все мели знаю!»! – молча паясничаю я, весь переполненный сарказмом, – Одни понты! Тоже мне, ох-хотнички!..

Мы стоим с Загаром, у своего балка и смотрим вслед удаляющемуся вездеходу.

– Почему, у людей – всегда так?! – недоумённо обращаюсь я к Загару, – Приехали! Дурняком пошлялись по лесу! Выпили привезённое пиво! Расстреляли все банки в округе... И – домой! Почему, у людей – всегда так?!

Загар всё понимает. Он поднимает левую бровь вверх и снизу-вверх, скашивает на меня свой глаз...

Одиночно или небольшими группками деревьев, по побережью вдоль южных подножий вулкана Тятя, растут лиственницы. Неказистые и корявые на морских террасах и в виде крупных деревьев – подальше от моря. Все они приурочены к местам бывших поселений людей...

Во всяком случае, для дикой природы Кунашира, это дерево – не характерно. Оно, здесь, не растёт. На соседних островах Итуруп и Шикотан лиственница растёт, а у нас, на Кунашире – не растёт!

– Для того, чтобы на Кунашире посадить саженец лиственницы – его сюда нужно было завезти! – понимаю я, – В прошлом, саженцы или семена лиственницы, к нам можно было доставить – только морем, на корабле! А, этот долгий процесс исключает сиюминутное желание! Значит – целенаправленно! Значит, лиственница почиталась, на Кунашире, за особенное дерево!

Из моего определителя растений следует, что в дикой природе Итурупа и Шикотана, растёт лиственница Гмелина. Раньше она называлась «лиственница курильская». В книге Л.М.Алексеевой «Флора острова Кунашир» указываются гербарные сборы только лиственницы японской, которая произрастает в дикой природе Хоккайдо.

– Значит, всё это – лиственница японская! – не сомневаюсь я.

И вот наступила пора, когда на деревьях лиственницы здесь, под Тятей, сформировались молодые шишки. Но,

почему-то, на одних лиственницах – они малиновые, а на других – зелёные! Это, для меня, как ботаника – просто удивительно!

– Окраска молодых шишек – ведь, это чёткий, видимый невооружённым глазом, видовой признак! – искренне недоумеваю я, – Один вид – а шишки разные! Как, такое, может быть?!

И я зарываюсь в определители растений...

– Вот! – возмущаюсь я, – И определители – однозначный ответ дают! Если разные шишки – значит и разные виды!.. Что, это значит? Хм! Это значит, что у нас, на Кунашире – два вида лиственницы, а не один! Как считается, вот уже на протяжении последних пятидесяти лет...

Однако, моя ботаническая догадка требует более предметных доказательств.

– Хм! Новый вид! – хмыкаю я, – Это, тебе – не мелочь по карманам тырить! Здесь, одного признака, в виде окраски молодых шишек – мало!

И я принимаюсь собирать полевой материал...

Так началась моя «лиственничная компания». Несколькими неделями подряд, я упорно «склёвываю» молодые шишки с лиственниц. Я забираюсь в крону каждого дерева лиственницы и в отдельный мешочек складываю шишки! В этикетке к мешочку, я пишу номер дерева, высоту дерева, диаметр ствола, длину хвоинок... Это целая таблица разных параметров!

Наконец, все, известные мне на нашем участке острова, лиственницы – обработаны! Теперь, в каждом углу нашего с Загаром дощатого жилища, лежат мешочки с шишками! Я открываю определитель растений.

– Вот! – разговариваю я, сам с собой, – Разные виды лиственницы чётко различаются между собой, по количеству кроющих чешуй в шишке!

Я вновь, с головой погружаюсь в работу! Как заправская кедровка, я, пинцетом «расклёвываю» шишки...

– Одна, две, три..., – считаю я слагающие шишку, чешуйки, выдёргивая их, одну за другой, – Так! Дерево номер

двадцать четыре. Диаметр ствола тридцать восемь сантиметров. Высота дерева четыре метра шестьдесят сантиметров. Шишка номер восемнадцать...

Колонки цифр заполняемых мною таблиц, уже рябят в глазах. Но упорства, мне – не занимать...

И вот! Наступает день, когда работа всего последнего месяца, завершена.

– Всё!

Я листаю страницы своего «научного труда». Бегло просматриваю колонки цифр...

– Загар! Какие интересные выводы получаются! Например, длина хвоинок не является строгим отличительным признаком вида! Хотя, до сих пор, указывается в определителях. А вот, шишки – это действительно, круто! Здесь, у меня получился целый спектр вариантов! Есть прямо-таки, классический вариант лиственницы японской. У этих деревьев – зелёные молодые шишки. Шишки же, имеющие малиновую окраску, резко отличаются от них! Они – не только гораздо мельче размерами, но и чешуек в этих шишках – вдвое меньше! Вместо сорока у зелёных, у малиновых шишек, их – всего двенадцать – шестнадцать! Малиновые шишки этих, более приземистых деревьев, гарантированно показывают, что это – лиственница курильская! Толмачёв, в своём старом определителе тысяча девятьсот пятьдесят шестого года, также приводит для этого вида, в качестве отличительного признака, малиновый цвет шишки! Почему же, в современных определителях, этот признак убрали?! Идиотизм...

– Ладно! – решаю я, – Поеду зимой, во Владивосток – там всё выясню, у флористов. Уж, я им души наружу выверну! Своей въедливостью...

Ближе к августу, в наш с Загаром балаган «попросились» на постой рыбаки! В кавычках попросились – потому, что они и есть хозяева этого балка. Это местная бригада прибрежного лова. Теперь – наш балок полон народу! Полон шуток, грубых мужских разговоров... Но к нам с

Загаром все относятся с пониманием. Под потолком развешаны, сушатся мои гербарные рамки...

Очередное, солнечное утро. Наша бригада рыбаков работает на кунгасе в нашей бухточке. В балке – только я с Загаром, да повар. От нечего делать, повар решил побродить по ближайшим окрестностям. Вскоре он, возбуждённый, появляется у нашего балка: «Саня! Медведь! Там – следы медведя! Свежие!».

– Где? – подхватываюсь, от переключивания «травы», я.

– Там! По дороге прошёл! К верхнему дому!

Я – любопытный. И я скор на действия. Я беру в руку своё ружьё и командую своей собаке: «Загар! Пошли!». Мы немедленно отправляемся, посмотреть всё своими глазами. Тем более что это – совсем рядом! Мы с Загаром, бодро шагаем по колеям заросшей дороги, к подножию высокой морской террасы...

Через семьдесят метров, едва поднявшись на плато террасы, я натываюсь глазами на отпечатки когтистых лап, по грязи старой вездеходной колеи.

– Так! – я приседаю над следами, – Свежий след! Медведь. Молодой.

Молодой медведь, совсем недавно прошагал по дорожной грязи.

Широким полукругом подрезая обширное поле высокотравья, вездеходный заезд кольцом обкручивает Тятинский дом и подходит к нему уже сзади, со стороны леса. Осторожно, прислушиваясь и присматриваясь к окружающему нас морю лопухов, я шагаю по колее. С обеих сторон дороги – трёхметровая, зелёная стена листьев и зонтов. Я внимательно поглядываю на то, как ведёт себя Загар. Ведь в лопухах, где ничего не видно, он – мои глаза и уши. Весело обнюхивая листья лопухов, любознательный лайчонок, как всегда, суёт свой нос везде, куда только возможно. На его морде и хвосте – никакой тревоги! Загар просто радуется жизни, его глаза то и дело весело поблескивают на меня...

Вот и дом! Трёхметровая, лопуховая просека дороги подводит нас к его стене, сзади. Загар крутится здесь же, около меня, спокойно лезет с колеи, под зелёные зонты белокопытника...

Немного постояв на миниатюрной лужайке перед домом, я подзываю Загара, и мы залезаем по нашей доске, на плоскую крышу дровяника.

Я стою на плоской, рубероидной крыше пристройки и наслаждаюсь летом, солнцем, буйством лопухов, буквально касающихся носков моих болотников...

– Хорошо-то как, вокруг! Птички поют...

– Хрррум!

Вдруг! Шагах в двадцати перед нами, проломив стену лопухов со стороны дома, на просеку дороги выпрыгивает медведь! Раскрывшись в полный рост, следующим прыжком, он прыгает на стену лопухов по другую сторону дороги.

– Хрррум!

С сочным хрустом, стена высокотравья ломается и иссиничёрное, медвежье тело проваливается в зелёное море листьев...

– Медведь! – обрывается моя душа.

Я оторопело взираю на это действие, с высоты дровяника. Быстрое продвижение медведя под лопухами к лесу, угадывается по их, едва подрагивающим верхушкам...

– Затаился в лопухах и пропустил нас к дому! – уже трезво просчитываю я, – И не выдержал он – только тогда, когда мы взгромоздились на крыше, почти над ним!

Не шевелясь, я скашиваю глаз на стоящего рядом и молча смотрящего на медвежий пролом в лопухах, Загара: «А, ты куда смотрел?!». И натываюсь на точно такой же взгляд и точно такой же, вопрос...

К нам пришла осень. Я лезу измерить диаметр ствола лиственницы, что растёт на гребне высокой морской террасы, прямо над нашим балком. Окунувшись под лопухи белокопытника, метрах в тридцати от балка, я с удивлением, озираюсь по сторонам.

– Вот, это, новость!

Лопухи, оказывается, только создавали видимость непроходимых зарослей! На самом деле – под ними всё вытоптано!

– Загар! – говорю я, недоумённо, – Медведик, здесь... да он, здесь, просто живёт!

Видимо, молодому и зелёному, очень трудно выдерживать соседство мощных, взрослых сородичей. Вот, медвежий подросток и обосновался вблизи нашего жилища!

– Забавно! – думаю я, стоя под лопухами, – Целое лето, мы прожили – буквально, на глазах у медведика! Забавно!.. Хм! Так забавно, что оторопь берёт...

Зима. Злой морозами, ветреный Приморский февраль. Владивосток. Как обычно, я заседаю за книги в библиотеке Биолого-почвенного института. Я листаю каталог научных трудов «отца» отечественной геоботаники В. Н. Сукачёва. На самой ранней, по году издания, карточке – название статьи.

– Так! – читаю я, – «Растительность верхней части бассейна р. Тунгира Олёкминского округа Якутской области». Год издания – одна тысяча девятьсот двенадцатый!

– Так, – задумываюсь я, – Это одна из первых его работ... Ещё до революции! Что, там может быть интересно? Это, ведь, не методические разработки его зрелых лет.

Просто отдавая дань уважения «столь видному отцу отечества», я всё же, решаю ознакомиться со статьей...

– Ого! – на столе выдачи книг, я получаю увесистую прошнурованную пачку стандартных листов, – Двести восемьдесят страниц!

Начав читать, я бегло перескакиваю с пятого на десятое... Потом, торопливо листая страницы, я лезу вглубь... И, откинувшись на спинку библиотечного стула, наполняюсь восхищением за Сукачёва! И немного – стыдом, за себя...

– Блин! Он меня опередил! – опустошённо думаю я и хватаюсь руками за голову, – Как он меня опередил!

Статья Сукачёва – копия моих летних Кунаширских исследований по шишкам лиственниц! Копия! Даже, ра-

бочая таблица учитываемых признаков, у него – точно такая же! Те же графы, даже с такими же названиями!

– Хорошо, что я не успел опубликовать свою статью! – думаю я, – Я сделал копию!

– Подумать только! – уже более детально, вникаю я в Сукачёвский материал, – Какой-то, забытый богом и людьми, двенадцатый год! Ещё до революции!.. Только, его труд основан на гораздо большем материале! Я решил, что для статистической достоверности, мне достаточно будет и сотни шишек. Сукачев, с отрядом рабочих, обработал шестнадцать моделей по восемьсот пятьдесят шишек на каждой! Это... тринадцать тысяч шестьсот шишек! Потрясающе...

– В одна тысяча девятьсот двенадцатом году, Сукачёв сидел в Якутии и считал чешуйки в шишках лиственниц. Чтобы доказать, что их количество в шишке является надёжным отличительным признаком вида! – ритмично качаюсь я на библиотечном стуле, зажав голову руками, – Семьдесят пять лет спустя, я сидел на Кунашире и считал чешуйки в шишках лиственниц! Чтобы доказать, что их количество в шишке является надёжным отличительным признаком вида... Один в один! Одни мысли, в двух разных головах! Как такое может быть?!.. История повторилась! Виток спирали, с шагом в семьдесят пять лет... Спираль истории! Неужели, такое возможно?!..

ВОЛЬНЫЙ СТРЕЛОК

На Кунашире – весна! Серые, травяные косогоры сопки, на которой стоит Южно-Курильск, почти освободились от снега.

Двенадцатое апреля. Раннее утро. Над бухтой посёлка мёртво стоит плотный туман. Грязно, сыро и безветренно. Мы, в паре с Сергеем Казанцевым, выезжаем на полевые. Мы грузим наши рюкзаки и ящики с продуктами в вездеход геологов. Это – тяжёлый ГТТ, с высоким металлическим коробом салона, вместо брезентовой крыши. Настоящий танк.

Всё! Поехали!..

Позади – практически, сорок километров ухабов. Грунтовая дорога закончилась ещё на Винае, в пятнадцати километрах от посёлка. Короткая остановка на Филатовском кордоне. И снова в путь, мы лезем на Медвежий перевал...

– Ррррруууххх! Рррууххх! – басом взрывает ГТТ.

Вот – мы уже спустились с перевала. И снова, перед нами – простор морского побережья! И устье спокойной речки. Это – Камышовая. С приустьевой ямы речки, при нашем приближении, поднимаются крупные утки.

– Ррррруууххх!

– Кряквы! – кричу я Сергею, перекрикивая низкий, басовитый рёв вездехода.

И торопливо считаю уток, сидя на железной крыше нашего, тяжело раскачивающегося на полном ходу, зелёного «танка»: «Две, четыре, шесть...».

Километра через два после Саратовской, от берега океана к хвойному лесу, опрометью бросается рыжая лисица! Я провожаю её взглядом, крепко вцепившись в зелёные трубы ограждения вездеходной крыши. Куда ни глянь –

кругом всё ещё бело от снега! Совершенно зимний пейзаж! Лишь вдоль побережья, по низкой морской террасе, темнеют редкие, первые проталины...

На галечной косе, в устье Тятиной, спокойно расположились тихоокеанские чайки. Их – много! Целое скопище.

– Рррууххх! Ррруууххх!

Чайки даже не взлетают, когда натужно ревущая, зелёная глыбища нашего вездехода нарисовывается из-за пологого бугра, в каких-нибудь пятидесяти метрах выше устья. Это – самые крупные, у нас, чайки. И самые флегматичные! Или наглые...

о С крыши вездехода, мне открывается вид на устье.

– Вот, это, дааа! – я изумлённо поедаю глазами устье.

Я вижу чудо! Всё устье Тятиной перегорожено высокой, галечной дамбой! Напрочь!

– Это результат зимних штормов! – прикидываю я, – Но! Каким же должен быть океанский накат?! Чтобы замывать саму Тятину!!!

Теперь, перед устьем, речка разлилась в широкий, мелкий залив.

– Ррруууххх! Рррууууххх! – прогрохотав траками по крупной гальке берега, наш вездеход, с натужным, басовитым рёвом, преодолевает глубокий и широкий перекал речки.

Тятинка по-весеннему полноводна. Гусеницы полностью скрываются под водой...

Я неотрывно смотрю вправо – на спокойную гладь речного разлива.

– Рррууууххх!

– Саня! – басовитый рёв вездехода перекрывает тонкий голос Казанцева, – Шею свернёшь!

Мои губы растягиваются в улыбке – Сергею лишь бы посмеяться! Мы давно притёрты друг к другу, и я спокоен на его беззлобные подковырки. Всё моё внимание – этот заливчик Тятиной.

– Рррууууххх!

– Серёж! – горланю я, через рёв вездехода, – Для уток – это классно! Теперь, когда море штормит, утки перескакивают через штормовую дамбу и отдыхают на этой, тихой воде!

И уже даже это – значит, что условия нашей лесной жизни, в этом году будут другими. Значит, этот лесной год будет совсем не таким, как прошлый. Это важно. Мы молодые и шустрые, главный наш враг – однообразие жизни...

На этот раз, мы решаем обосноваться в доме, что стоит на высокой морской террасе, на месте бывшего посёлка Тятино. Это – верхний Тятинский дом.

Стоп. Мы спрыгиваем на землю.

– Рррууххх! Рррууххх! – выворачивая пласты тяжёлого, мокрого снега, вездеход сдаёт задом, прямо к двери чёрного, ушедшего наполовину в снег, дома.

И мы торопливо выгружаем свои пожитки, сваливая ящики и мешки прямо на снег, к стене дома. Мы ещё успеем, а у геологов, впереди – долгая дорога! Им ещё шуровать через два перевала, на Рудный, охотское побережье острова...

Всё! Наша выгрузка закончена!

– Всё! Андрей! По-ка!

– Спаси-бо!

– Рррууххх!

ГТТ срывается с места и наши крики благодарности тонут в его низком рёве. Мы стоим у дома и машем вслед. Комья талого снега разлетаются далеко прочь, из-под блестящей мельницы вездеходных траков...

Мы остаёмся одни, наедине с руинами нашего будущего жилища.

– Зззззззззззз...

В ушах стоит сплошной звон – это мы оглохли от вездехода. Нам это привычно, так бывает всегда...

– Ну, что? Давай посмотрим, что там, внутри? – наконец, предлагаю я Сергею.

– Давай, – кивает тот, головой.

Мы откапываем от тяжёлого снега нижнюю половину входной двери. Это дверь в тамбур, миниатюрный коридорчик. И распахиваем вторую, входную дверь в дом...

После двух лет отсутствия людей, большое, просторное помещение дома превратилось в хлев. По крайней мере, то, что оно не жилое – это точно.

– Да-а! – раздумчиво тяну я.

– Да-а., – вторит, из-за моей спины, Казанцев, – Сарай, он и есть сарай! Хорошо, что хоть, стёкла в окнах целы...

– Зззззззззззз., – звенит в ушах.

И в этой, звящей тишине повисает долгая пауза...

– Смотри! – наконец, изумляюсь я, – Крысы! Все стены обгрызли! Здесь же, всё было обклеено цветными картинками, из журналов! Вот здесь – Алла Пугачёва висела! С обложки «Огонька».

– Клейстер ели, – пожимает плечами Казанцев.

– А, как они смогли?! Всё это обгрызть! – посещает меня через минуту, ещё более изумительная мысль, – Совершенно отвесные, ведь, стены! Ровная, крашенная фанера! Смотри – съели всё, до потолка!

Придвинувшись вплотную к стене, я, сквозь свои круглые очки, пристально вглядываюсь в чёткие следы от крысиных резцов на ровной вертикали, оббитой гладкой фанерой стены.

– А, чёрт их знает, как! – после минутного «изучения проблемы», отзывается мой напарник.

В настывшем за зиму помещении холоднее, чем на улице. Да и сами понятия «дом» и «улица», в нашем случае – совершенно неотличимы...

Однако, болтать некогда! Времени у нас – в обрез. На улице лежит метр снега, стоит лёгкий морозец, а мы должны где-то заночевать! Мы озираемся по сторонам, планируя объём работ.

– Так! – прикидываю я, – До наступления темноты, нам нужно перебраться развалившуюся за зиму по отдельным кирпичам, печку! Я заметил, что вездеход, на гребне тер-

расы перед спуском, вывернул целые пласты глины! Там глину возьмём.

– Ну, – деловито кивает Казанцев, – И закрыть, заплатой из досок, эту дырищу! В потолке над печкой! И поднять подпорками, просевший над печкой, потолок.

– Ага! – замечаю я, – И нужно отгородить себе, брезентовыми тентами от палаток, половину помещения с печкой. Этот большой сарай, такой тщедушной печкой – не обогреешь! И, обязательно нужно соорудить высокие нары! Чтобы спать под самым потолком – там, даже к утру, сохраняется тепло.

Идеи с брезентовой перегородкой и нарами под потолком – это мой прошлогодний опыт выживания, в нижнем балке.

Первым делом, заносим с улицы в дом свои рюкзаки и картонки с продуктами. Я собираю своё ружьё и вешаю его на гвоздь в стене. Осенью, в командировке на Сахалин, я купил себе МЦ-21-12. Так что, вместо двустволки-горизонталки, у меня полуавтомат, пятизарядка двенадцатого калибра. Это – наша безопасность.

Столько дел! Успеем ли?.. Но, сомненья прочь! Обратного пути, у нас – просто, нет. С уходом вездехода, все мосты сожжены. С энтузиазмом обречённых, мы бросаемся в работу...

Успели. Мы успели! В синих сумерках, мы успеваем даже залепить пластилином щели в оконных рамах! А, окон, в отгороженной части дома – два и они – большие, настоящие, как в нормальных домах. Весь день мы работали на морозце – и вот, торопливо разжигаем дрова в ещё сырой, тёмной от свежего раствора, печке. Наша комната, с одной брезентовой стеной, начинает наполняться теплом...

Скорее ставим на плиту чайник и кастрюлю с водой – не ели ведь, с утра...

– Дзинь! Дзинь! – звенит на улице умывальник, прибитый гвоздём к столбику, на углу нашего дома.

Не забывая оглядываться по сторонам, я устало отмываю, сбитые о кирпичи и покрытые сажей, глиной, цементом и ещё бог весть каким дерьмом, руки...

В заботах по приготовлению ужина, быстро подкрадывается ночь. На нашем кухонном столе, у окна, я открываю банку тушёнки. Чтобы заправить ею кашу. Промежду делом, бросаю короткий взгляд в окно – там уже непроглядная тьма. Мы торопливо садимся за стол, есть...

Всё! Теперь нужно оценить ситуацию насчёт «братьев наших меньших». И я расставляю, по полу, давилки на мышей. Отбой. Мы затихаем на нарах, под потолком. Сергей отворачивается к стенке и засыпает. Я лежу на животе, свесив голову вниз. Оставленная на столе у окна свечка освещает пространство комнаты сумрачным светом. Текут минута за минутой...

Вот! Прямо под нарами, вдоль стены семенит коротконогая, серая мышка, с коротким хвостиком. Я смотрю на неё с нар, из-под потолка...

Записываю в полевой дневничок: «Полёвка, при передвижении, строго придерживается стен. К давилке, поставленной на полу в полуметре от стены, не подходит. Приманка, из колбасного сала, её не интересует. Выводы: первое – полёвка всегда бежит вдоль стены и на середину открытого пространства не выходит; во-вторых, полёвка – существо зерноядное и сало просто не ест; в-третьих, если здесь мыши – значит, крысы ещё не пришли».

Я тихо, чтобы не разбудить напарника, спрыгиваю на пол и гашу свечку на столе. Забираюсь обратно на нары.

– Ну, что ж, – думаю я, устало закрывая глаза, – Для нас важен вывод насчёт крыс! Они ещё не знают о нас. Значит, придут завтра ночью. Значит, сегодняшнюю ночь спим спокойно...

Я просыпаюсь от звуков.

– Тук, тук,.. Тук... Тук, тук, тук..., – монотонно и глухо, стучит за стенкой.

– Капли с крыши, – сонно ворочается в голове, сонная мысль, – Это – дождь!.. Можно поспать...

Я открываю глаза. Уже светло! Я спрыгиваю с нар на пол и выглядываю в наше, большое окно. За окном, до земли, стоит густой туман... Просто, белое молоко!

– Серёж! – оглянувшись, зову я, – Глянь – дождь!

– Слышу, – отзывается Казанцев со своего места, под потолком.

– Дождь – это хорошо! – рассуждаю я, глядя на улицу через оконное стекло, – Дождь снег сгонит. Да и туман, ему поможет.

Дождь продолжается всю первую половину дня...

– Саня! – зовёт меня Сергей, к окну, – Смотри! Лисица!

Я делаю быстрый шаг к окну – по снежному пустырю, со стороны побережья, по прямой линии к фасаду нашего дома, спокойно шагает лисица! Мы смотрим на неё через стекло окна...

Не дойдя до дома шагов пятьдесят, лисица, вдруг, резко прыгает вбок и мчится прочь, быстрыми и лёгкими скачками.

– Ага! – улыбаюсь я, – Вот и познакомились... Шнурковала по берегу моря и подхватила дым человеческого жилья! И пришла проверить!

– Ничего! Пусть привыкает, – соглашается со мной, Казанцев, – Людей, в этом краю не было с осени! Все отвыкли...

Ближе к обеду, дождь перестал.

– Пошли? – предлагаю я Сергею, – Познакомимся с соседями!

Мы решаем сходить к устью речки Тятина. Это – наша первая экскурсия.

С плато бывшего посёлка, мы спускаемся по склону высокой морской террасы, прямо вниз. На низкой морской террасе, толщина снега – на всю длину ног, под самый обрез болотников! Ужас! Эта снежная толща заставляет нас пересечь низкую морскую террасу по кратчайшему пути и напрямую вывалить на берег океана.

Чайки, дружной гурьбой, взлетают сразу, как только мы показываемся на песчаном пляже берега!

– Вот уж, точно! Одичали! – искренне удивляюсь я, – Обычно, этих клуш – ничем не прошибёшь!

– Привыкнут, – улыбается Казанцев, – Теперь – часто видеться будем.

Но, литораль-то, от снега – уже свободна! И дальше мы шагаем вдоль берега океана, по песочку, у первой волны.

– Как по асфальту! – смеётся мой напарник.

Вот и устье Тятиной. Несколько каменушек, с устьевого переката речки, бросаются в морской прибой. Эти небольшие, издалека – почти чёрные уточки, всегда держатся у морских берегов. Из-за своих коротеньких крылышек, они тяжело летают. Пожалуй, так трудно не летает ни одна другая утка, в нашей местности.

Я веду полем бинокля по устьевому перекаату речки...

Вот! На фоне стремительно мчащейся воды переката, сидит утка! Это – селезень связи. Он настороженно смотрит мне, прямо в глаз...

В следующее мгновение – сорвались! Пара уток изящно вздёргивается на крыло. Они очень легки на подъём. Просто, взмах – и они, уже в воздухе.

– Связи! Пара! – радостно задыхается, мой напарник, – Ох, пошли красиво!

– Вижу, вижу! – отзываюсь я, от бинокля, – Ты мне скажи, как он удерживался на такой стремнине?! Я же, в бинокль вижу, что, мимо него вода – летит! Понимаешь? Она – не течёт, она, именно, летит! А, он – спокойно сидит на этом белом жгуте воды и сверлит меня глазом!

– Значит, он сидел не на самой стремнине, а перед нею, на берегу! А у тебя, в бинокле, передний фон наложился на задний! – тараторит Казанцев, – Такой эффект в фотографии бывает.

– Смотри! – Сергей выставляет перед моим лицом две руки, – Левая ладонь – передний фон, правая – задний. Они наложились – вот так! Вот так!

– Казанцев! – смеюсь я, – Хватит махать руками перед моей мордой! Я всё понял! Ещё с первого раза!

– А! – искрит глазами Казанцев, – Хватит – так хватит!

Больше не прячась, мы шагаем к речке. Это – её первая от устья, длинная яма...

Вдруг, из-под метрового обрывчика нашего берега, чуть ли не из-под нас, вздёргиваются кряквы! Прозевали! Мы уже стоим на берегу, совсем рядом!

Селезни молча, остервенело загребают воздух крыльями. Утки же – взлетают, истошно вопя на всю округу! Их надсадное: «Кря! Кря! Кря!» будоражит окрестности.

– Три, шесть, девять..., – торопливо считаю я уток, тройками и всё-равно, сбиваюсь в этом бедламе, – Сколько, ты насчитал?

– Четырнадцать! – быстро отзывается Казанцев, – Орут, как потерпевшие!

Табунок крякв уходит вверх по речке. А одна пара, в панике не сориентировавшись – наоборот, проскакивает в противоположную сторону, к близкому океану. Мы стоим на голой полянке у берега речки, провожая уток взглядами.

– Смотри! – прикидывает Сергей, – Эта пара, что к морю ушла – она над устьем, на круг заходит!

– Ага! – соглашаюсь я, – Откололись от табунка! Теперь – догонять пойдут.

Утиная пара возвращается... Сбросив скорость, кряквы низко, лишь на уровне крон мощных, пойменных баобабов, медленно проходят над нами. Утиные глаза внимательно изучают нас, сверху...

Затем, всё убыстряясь, пара набирает скорость и уносится вслед за табунком.

– Как они, так? – удивляется Казанцев, – Почти на месте постояли, на нас посмотрели и дальше понеслись! Как истребители вертикального взлёта.

– Ага! – улыбаюсь я, не отрывая глаз от уток, – Вот и познакомились...

Сегодня, мы не нашли ни одного медвежьего следа! Странно это... А, зато, лисьих цепочек – понавито! Всё морское побережье в их следах!

Как ботаник заповедника, в этом году я планирую собрать материал по сезонному развитию весенних растений

в долине речки Тятиной. Поэтому, всю весну – мы проведём здесь, отмечая развитие весенних цветов в пойме речки...

А, пока – на Тятиной, от снега освободилась лишь метровая полоска почвы! Вдоль воды речных берегов. И здесь – из бурой почвы уже вылезли единичные цветоносы белокопытника! По низкой морской террасе то и дело перепархивают стайки пёстрых дроздов. В небе заливается полевой жаворонок.

– Хм! – усмехаюсь я, – Весенний пролёт идёт полным ходом...

В сумерках, я выхожу к нашему умывальнику, помыть руки.

– Шух! – шорох лёгкого прыжка!

Луч света моего фонарика торопливо мечется на звук – метрах в тридцати, стоит на снегу и спокойно смотрит на меня, лисица!

– О! – удивляюсь я, – Лиска! Ты, что тут делаешь?!

Чтобы не очень пугать рыжую, я не делаю в её сторону ни одного движения.

– Дзинь! Дзинь! – я спокойно звеню умывальником...

– Шух! Шух! Шух! – всегда настороженный, я слышу шаги подходящего сзади человека.

– Казанцев! – прикидываю я, мысленно, – Вышел вслед за мной, из дома. Здесь, из людей – только мы, двое.

– Серёж! Смотри! – говорю я, не оборачиваясь от умывальника, – Лисичка пришла!

– Хм! Я и сам вижу! – своим тонким голосом, отзывается напарник, – Не боится!

– Свипись! – он коротко свистит.

Лисичка не боится и свиста Сергея! Стоит и спокойно смотрит, на своих новых соседей...

Ночью, в давилку попалась-таки полёвка! Не долго думая, я выбросил её за дверь, на улицу.

Четырнадцатое апреля. Проснувшись утром, первым делом я выхожу на угол дома. Кругом – всё бело! Оказывается, под утро легла пороша. Новым снежком только слегка припорошило землю...

Тушки полёвки, на месте – нет! Зато, есть следы лисицы. Я – любопытный. Шаг за шагом, я осторожно шагаю рядом с лисьим следом, вокруг дома. Лисица прошла вдоль всех стен нашего дома! По периметру.

– Поживилась нашей полёвкой и поискала ещё? – улыбаюсь я, рассматривая изящные лисьи следы на свежем, белом снежке, – Все стенки дома обнюхала! Молодец, лиска!

Густой туман стоит с утра. Сегодня, у нас с Сергеем – экскурсия к речке Ночка. Это, примерно, два километра вдоль берега океана, на восток...

Пока, всё закрыто снегом! Сейчас – по дороге не пройдёшь, только по литорали, берегу океана...

На пределе видимости, я навожу свой бинокль на огромный валун, что стоит в прибое, недалеко от устья речки. Он большой, как половина дома... На валуне сидят бакланы.

– Та-ак, посчитаем, сколько вас..., – тихо говорю я в бинокль, – Два, четыре... Восемь штук, Серёж!

Мы шагаем вперёд, по песочку приливной полосы...

По мере нашего приближения, бакланы начинают тревожно вертеть головами. Наконец, они тяжело снимаются со скалки и на бреющем полёте, низко-низко, над самой водой, уходят в море.

– Осторожные! – замечает Казанцев.

– Молодцы, – одобряю я их.

Побережье острова, на нашем участке острова представлено исключительно песчаными пляжами. Получается, что на всём этом протяжении, нет скал для отдыха таких морских птиц, как бакланы. Имеются всего три одиночных, огромных валуна, стоящих в первой волне прибоя. Между этими одиночными камнями – километры и километры расстояния. Следовательно, это – действительно, дефицитные места! Когда бы мы ни проходили мимо – всегда эти валуны облеплены бакланами. Вот и повелось у нас: «бакланий камень», да «бакланий камень».

Перед моими глазами – всё та же морская терраса...

Метрах в пятидесяти перед нами, стайка скворцов планирует в низкие заросли морского шиповника.

– Црррр! Црррр!

Я смотрю, в бинокль, на их профили...

– Серёж! Скворцы! Вон там, стайка села!

– Почему скворцы?

– Ты посмотри – они на самолётики похожи, когда планируют. Ну, точно острокрылые ястребки! И стрекочут. Слышишь? Они не свистят, как другие птицы, а цырчат! Скрипучими голосами.

Перед устьем Ночки, не дойдя до речушки метров пятьдесят, мы заранее замечаем на снегу вмятины крупных следов!

– О! Наверняка медведь прошёл! – я спешу к следу, – Точно медведь! Смотри, какой след!

– Угу, – кивает головой Казанцев, – Крупный!

– Первый в этом году! Сейчас, запишу в дневничок.

Стоя на снегу над следом, я делаю запись в своём дневничке...

Медведь пересёк низкую морскую террасу, по брюхо проваливаясь в тяжёлый, набрякший водой снег.

С устьевого переката Ночки, в морской прибой, суетливо трепеща своими коротенькими крылышками, гурьбой бросаются чёрненькие утки.

– Каменушки! – вздёргивается Казанцев.

Я считаю уток, в бинокль: «Две, четыре, шесть... Чёрт! Серёж, сколько ты насчитал?».

– Четырнадцать!

– Блин! А, я – не успел! Они, так скопом повалили!

– А, ты что хотел? – язвит Казанцев, – Чтобы они парно построились, для удобства счёта?

– Да, ладно тебе! – беззлобно отмахиваюсь я, от ершистого Казанцева.

Мы возвращаемся домой, всё по той же низкой морской террасе, стараясь прижиматься к первой волне прибоя – тут, метра три морского песочка свободны от повсеместного метрового снега...

Небо проясняется лишь к шестнадцати часам дня. Теперь, мы отправляемся по берегу океана, в противоположную от нашего дома сторону – к устью Тятиной. Здесь, недалеко – около пятисот метров, по песчаному берегу океана...

С устьевого переката речки, при нашем приближении, легко снимается уточка средних размеров.

– О! Связь! – вздёргивается Сергей.

– Угу, – хмыкаю я, не отрываясь от бинокля, – Интересно, почему она одна?.. Давай, подойдём тихо. Может, ещё какие утки, есть?

С первой ямки речки, сверкая белыми зеркальцами на крыльях, вверх по течению, сильно и мощно стартуют крупные утки.

– Крохали!

– Два, четыре, шесть..., – торопливо считаю я, по две птицы сразу, чтобы успеть, – Четырнадцать!

Большие крохали – не чета кряквам и связям. Эти – очень большие, крупные. При взлёте, они, как гидропланы, долго и стремительно разбегаются по поверхности речки. У них большой «взлётный вес», они не могут просто вздёрнуться в воздух. Мы стоим и смотрим им вслед.

– Ух! Сильно пошли! – восторженно говорит Казанцев, – Записал?

– Да! Здорово! – соглашаюсь я и дёргаю плечом, – Конечно, записал.

Мы выбираемся из заснеженных просторов поймы, на высокий гребень речной долины Тятиной. Здесь, на крутых склонах, уже кругом – оттаявшая земля. Здесь, на свет божий, уже пробилась всходы черемши! Казанцев вытаскивает из ножен свой изящный, самозатачивающийся японский ножик и принимается подрезать им эти крохотные ростки.

– Серёж, да они ещё маленькие! – вяло протестую я.

– Зато – первые витамины! – задиристо парирует Казанцев.

Я не отговариваю Сергея, просто стою рядом с ним и в бинокль осматриваю речную долину: там, внизу, всё про-

странство поймы, ещё покрывает снег. Зима! Деревья ольхи и ивы – ещё даже и не помышляют почки раскрывать...

Всё. Мы дома. В природе разливается предвечернее успокоение...

Пока выдалась свободная минута, я снимаю с гвоздя на стене свой бинокль и шагаю за дверь нашего дома. Сейчас, я иду от дома не как всегда – вокруг, по тропинке, а напрямую, в сторону океана. Отсюда, с гребня высокой морской террасы, и вправо и влево, открывается такой обширный вид! Не только на нашу, Тятинскую бухточку, но и на всё, окружающее побережье...

Я поднимаю бинокль к глазам и замираю:

Сейчас абсолютный штиль. По спокойной глади нашего залива разбросано множество самых разных уток! Одни из них держатся парами, другие – небольшими табунками...

Орлан-белохвост парит в небе, над пологим мысом, слева. Второй орлан сидит на низкой присаде, на самой высокой точке гребня этого мыса. Я знаю, что это – местная пара. У них гнездо среди бурелома, километрах в двух вверх от устья Тятиной. Это матёрые птицы – у них однотонно-бурое оперение, чисто-белый хвост и соломенно-жёлтые голова и шея...

Весь следующий день тянет сырой, пронизывающий холодом, ветер с океана. Мы с Сергеем усиленно затыкаем щели в стенах нашего жилища и заготовливаем дрова. Выкроив время, я выхожу из двери нашего дома с биноклем в руках:

Один из орланов Тятинской пары, сидит на своём боевом посту – на коряге, на гребне мыса, слева от нас. Я знаю – от него открывается отличный обзор! Это позволяет орлану контролировать обширный участок побережья. И не с воздуха, а просто – сидя на присаде, то есть, совсем не затрачивая энергии на полёт.

– Молодец! – хвалю я орлана в бинокль, за находчивость, – А ведь, действительно, молодец! Мудрое решение проблемы...

Утро. Сегодня, мы направляемся от нашего дома в сторону леса, прямо к вулкану – нужно обследовать наши окрестности и с этой стороны. Интересно, ведь! Знать, что делается сейчас, в лесу...

Где – шагая по голым проталинам, а где – и по колено проваливаясь в мокрый, тяжёлый снег, мы пробираемся по лесу. Здесь, в основном, пихтарники. С подлеском из бамбука...

Метрах в четырёхстах от пустыря бывшего посёлка, мы выходим на развалины старого кладбища.

– Серёж! Давай, сюда! – киваю я на пару голых, больших деревьев, – На лиственницы посмотреть надо. Я, в прошлом году, замерял их диаметры. Шестьдесят восемь сантиметров! Представляешь?! Самые толстые лиственницы на Кунашире!

– О, блин!

Одна из лиственниц обгрызена мышами! Бросившись на колени в снег, я в отчаянии перебираю пальцами вытаскивающую из-под снега, мелкую крошку сточенной полёвками коры! Я ощупываю каждый сантиметр оголённой от коры, древесины...

– Блин! Ведь, это – самые древние лиственницы, на всём острове! Самые! Самые...

Но, всё тщётно. Кора уничтожена широким кольцом, по всей окружности ствола.

– Съели, гады! – стискиваю я зубы, – Хоть, десять сантиметров, тяж оставили бы – и этого хватило бы, чтобы ей жить!

– Под снегом грызли, – трезво констатирует свершившийся факт, моя голова.

– Какого монстра съели! – взвиваюсь я, – И кто?! Самые мелкие и ничтожные твари!

Этот факт не укладывается у меня в голове. В этом усматривается какая-то глобальная несправедливость! Слона съели мыши! Мой мозг не желает с этим смириться! Несправедливость... Но, ничего нельзя изменить. Ниче-

го... Я сижу в снегу у серой колонны толстого ствола лиственницы, уныло опустив руки в снег...

Мы уходим дальше. Уже порядочно отойдя прочь, я всё-же оборачиваюсь назад и горько смотрю на колок хвойника, на ещё по-зимнему голую и сочную, лиственницу, которая на целый десяток метров возвышается над окружающим лесом.

– Спишь? Эх, лиственница.., – горько говорю я, – Ты даже не знаешь! Что тебя уже съели...

Ледяной ветер с востока сохраняется и на второй день. Утром, мы выходим из нашего дома и стоим, поражённые – с неба падает лёгкий, пушистый снежок! Невероятно огромные снежинки, словно привязанные на ниточках, в полном безветрии, плавно опускаются на землю...

– Какие снежинки! – поражаюсь я, – В жизни, таких огромных, не видел!

– Саня! Что-то тут, не так! – настораживается Казанцев, – Пошли-ка! Глянем!

Мы спешим на край высокой морской террасы, напрямик от нашего дома...

И замираем, поражённые увиденным – вместо синей безбрежности океана, перед нами открывается белое безмолвие, до горизонта...

– Вот, это да-а! Лёд!

– Саня, моря нет! – не верит глазам Сергей, – Моря! Нет!

– Ага! – изумлённо киваю я, – Одни льды!

– Это их ночью, ветром пригнало...

В бинокль видно, что ближайшая к берегу, граница ледовых полей пролегает, примерно, по устью Ночки, в двух километрах восточнее нас. Наши, береговые минибухточки – ото льдов ещё свободны.

Но, нас ждут свои дела, рабочий день никто не отменял. Сегодня, у нас план – продвинуться по снежной пойме Тятиной, вверх от устья.

Через полчаса мы уже шагаем по берегу Тятинской бухточки, к устью речки...

За эти дни, здесь – очень сильно стаял снег! По ходу движения, я подворачиваю к подножию высокой морской террасы, что прямо напротив устья речки. Здесь, на проталине, среди бурых остатков прелых прошлогодних лопухов, сверкают яркие, жёлтые звёздочки...

– О-оо! Серёж! – зову я вырвавшегося вперёд, Казанцева, – Адонис зацвёл! Смотри!

Я останавливаюсь и торопливо записываю, в свой дневничок, короткую фразу: «Адонис амурский – начало цветения». И торопливо шагаю дальше – нужно догонять Казанцева...

То тут, то там, по проталинам речной поймы нежно голубеют первые цветки хохлатки сомнительной!

На участке обширного вывала бурелома, что километрах в двух выше устья речки, напротив орланьего гнезда, мы выходим на медвежий след. Молодой медведь свалил в пойму. Я трогаю след рукой: «Вчерашний! Давай, немножко потропим? Посмотрим, что он делает». И мы, с любопытством, шагаем по снежным отпечаткам когтистых лап...

Сразу под склоном надпойменной террасы, медведь кормился – он выкапывал из земли какие-то корневища.

Мы шагаем дальше. Кругом стоят, пока ещё короткие, жёлто-зелёные цветоносы белокопытника. Почему-то, всё наше поселковое, Сахалинское детство, мы называли их заячьей капустой. Их, теперь – везде полно...

– Ке! Ке! Ке! Ке! Ке!

Пара больших пегих зимородков, пронзительно заверещав своими скрипучими голосами, закладывает над нами несколько виражей высоко в небе и всё-также взвизгивая, уходит к речке.

– Что за крикливые птицы! – с закипающей злостью, я провожаю взглядом зимородков, – Теперь – вся округа знает о нас!

– Ага! – соглашается Казанцев, – Только глухой не обратит внимания на эти вопли!

К вечеру, завершая круг своего маршрута, мы вываливаемся из-под хвойного леса, на край бамбукового плато высокой морской террасы, справа от устья Тятиной...

И, в изумлении, окидываем взглядами необозримые океанские просторы – воды вообще нет! И вправо, и влево, и вперёд, до далёкого-далёкого горизонта, насколько хватает глаз, видны лишь белые, ледовые торосы! Только лёд, лёд и лёд...

– Вот, это, да-аа! – изумлённо тяну я, – Северный полюс!

– Вот, это, да-аа! – вторит мне Казанцев.

Бело всё и... тихо! За сегодняшний день, ледовые поля упёрлись в берег. Нет волн! Нет, никогда не прекращающегося грохота океанского наката! Ощущение такое, словно в кинотеатре выключили звук, и мы продолжаем смотреть немое кино. Невероятно...

– Прямо, белая Арктика!

– Я такого никогда не видел.

– И я тоже.

Мы стоим с открытыми ртами и с высоты плато, пялимся на белое безмолвие...

На Кунашире, Тихий океан никогда не замерзает. Никог-да! Льда, на восточном побережье острова – не бывает! Ни-ког-да! Здесь всегда – синяя даль моря, перед глазами.

– Мы – ещё из леса не вышли! – тараторит рядом, Казанцев, – А, у меня – такое чувство, что чего-то не хватает... Грохота наката – вот чего не хватает!

Я стою, как столб... Потом, поднимаю к глазам бинокль. Долго-долго, я осматриваю в бинокль это белое безмолвие...

На ледяных торосах недалеко от берега, оказывается, любят сидеть вороны! Их чёрные точки, густой россыпью украшают белизну льдов, вдоль всего берега.

– Хм! Сколько ворон! – хмыкаю я, – Наверно, всё воронье население собралось!.. Для них, этот лёд – тоже в диковинку.

– Ну! – соглашается Казанцев.

На пятачках уцелевших полыней, зияющих маленькими, чёрными пятнами среди безбрежной белизны льдов, скопилось множество уток! По-моему, здесь собралось всё утиное поголовье нашего залива! В основном, это камешки – тёмные уточки с тонкой верёвочкой белого рисунка по бокам и головке. Селезни имеют общий красноватый тон оперения... Повсюду видны чирки. Из общей массы уток выделяется американская синьга. Это – крупные, чёрные утки, с массивным, светлым клювом.

– Сииниииии!, Сииниииии! – до нас доносится их заунывный, протяжный посвист.

А, ещё – шилохвосты, турпаны...

Вот! Низко-низко, над белым крошевом далёких ледяных торосов, идёт табунок лёгких на крыло уточек, с белым зеркальцем крыла! Наверно, это свиязи. Или гоголи... А может, шилохвосты? Мне некогда разбираться с утками – со стороны океана, над безбрежным ледяным крошевом, к побережью тяжело тянет орлан-белохвост.

– Орлан идёт...

Орлан идёт в направлении устья Тятиной. Я веду его, в бинокль...

По мере приближения птицы, мне становятся видны её, чисто-белый хвост и однотонно-коричневое оперение.

– Матёрый! – шепчу я, не отрываясь от окуляров.

Одна чайка преследует орлана, непрерывно атакует его, заходя сзади...

Минут через пять, всё-также тяжело и ритмично взмахивая крыльями, орлан над устьем проходит береговую черту, в направлении долины Тятиной. Теперь, в бинокль, мне видно, что в когтях он несёт добычу. Это – какая-то птица. При каждом взмахе крыльев орлана, у неё болтается, безжизненно свисающее вниз, крыло. Оно – серое, узкое, коленчато-согнутое.

– Это – не утка! Насколько я понимаю, такие узкие крылья – у буревестников! – прикидываю я, – Значит, вдоль наших островов, сейчас, идёт пролёт буревестни-

ков! И орланья добыча – брак этого пролёта. Ведь, орлан птицу в воздухе – не бьёт.

– Ну! – кивает Казанцев, – Санитар природы, падальщик.

Я набираю в лёгкие побольше воздуха и замираю, чтобы не тряслось поле моего бинокля. Я напряжённо всматриваюсь в линию горизонта...

– Так оно и есть, Серёж! – через минуту, загораюсь я, – Пролёт буревестников идёт!

В поле моего бинокля, линия горизонта едва уловимо мельгешит чёрной мошкой множества птиц. Там, далеко в океане, змеей переливается, извивается узкая и бесконечная лента из множества буревестников! Птицы летят с юга на север.

– Вот, отлично! – радуюсь я, – Нужно записать, что идёт пролёт буревестников!..

Я быстро возвращаю поле бинокля на уходящего орлана.

– А орлан-то – наш, Тятинский!

Мне, в бинокль, уже крупным планом видна его, так знакомая нам, пепельно-белая голова, шея и чисто-белый хвост. Я веду биноклем орлана, пока тот не скрывается в направлении своего гнезда, что в буреломе на Тятиной...

Через полчаса мы приходим домой, в наш Тятинский дом...

Но, какой сейчас, отдых! Такое! Творится вокруг!.. Быстрые сборы – и мы торопливо вываливаемся из тамбура нашего дома. Времени, у нас, совсем мало – скоро наступят сумерки.

Мы, снова напрямую от дома, вываливаемся на берег:

Вместо извечной первой волны – прямо на песок берега, из океана выдавлена высокая баррикада толстенных льдин! Это целые айсберги, как дом!.. Удивительно! Мы шагаем на восток, в направлении Ночки...

Мы шагаем по песку морского пляжа, вернее – по оставшимся разрывам между выдавленным на берег льдинами. По песочку, от нас резво разбегаются стайки чёрно-белых птичек.

– Тир-ли-линь! Тир-ли-линь! – звонко перекликаются они.

– Камчатские трясогузки! – радуюсь я, – Мне Дыхан о них, много чего рассказывал! Сейчас – пора их массового пролёта...

Бакланий камень, около устья Ночки, со всех сторон зажат безбрежным полем ледяных торосов!

– Хм! Бакланий камень – стоит среди льда! – киваю я.

– Ну! Какая необычная картина...

Камень стал чёрным от облотивших его бакланов! Все птицы устало спят, спрятав голову под крыло. На нас, проходящих по колеям заросшей дороги в нескольких метрах выше песчаного пляжа, никто не обращает внимания вообще!

– Всегда – такие осторожные! – удивляется Сергей, – Не подойдёшь! А, сегодня...

– Бедные! – жалею я птиц, – Как вас укутала погода!

Не делая резких движений, мы, как две статуи, молча проходим по своим колеям мимо. Когда мы отходим метров на пятьдесят, я оглядываюсь – бакланы так и остаются сидеть, на своём камне!

– Удивительно! – качаю я головой.

В редких полыньях чистой воды, чёрными шарами торчат головы нерп. Поставив носы вертикально, тюлени нюхают воздух, ловят запахи близкого берега...

Вот и Ночка. Программа нашей экскурсии выполнена. Повертевшись перед устьем речушки, мы разворачиваемся и спешим в обратную сторону, домой...

Наконец – и порог нашего дома! Мы торопливо растапливаем печку. Нужно скорее сварить поесть. Мы – голодные! Целый день, как всегда, не ели...

На столе, перед окном, орёт радиоприемник «Океан». Его привёз с собой Казанцев. В отличие от маленьких транзисторов, Океан – большой, в деревянном корпусе. Он качественно ловит волну, экономно работает на круглых батарейках и имеет большие динамики. Что ни говори, а всё-таки, человек – существо социальное, для

нашей лесной пары так важен этот поток новостей, музыки и просто человеческого трёпа...

К сумеркам, перед нашим домом появляется лисица!

– О! Серёж, посмотри! – зову я Казанцева, – Лиска пришла!

Мы прилипаем к окну. Окна, в нашем доме, большие...

Интересно, что лисица крутится прямо перед окном. И совершенно не стесняется орущего во весь голос, Казанцевского Океана.

– Не боится! – удивляюсь я, – Ни запаха дыма, ни человеческого запаха, ничего! Твой Океан орёт, как бешеный!

– Может, музыка её, как раз и привлекает? – выдвигает неожиданное предположение Сергей.

– Ну-у, – неопределенно тяну я на это, не отрывая глаз от лисицы, – Может и так...

Опустив к земле голову, рыжая гостья меланхолично трусит горбатой рысцой, шагах в пяти перед окном. Пять шагов вправо – пять шагов влево, пять шагов вправо – пять шагов влево...

Интересно, что мы смотрим на неё через окно, а лисица совершенно на это не реагирует! Она сидит перед окном и в упор смотрит на нас...

– Саш! – недоумевает мой напарник, – Она нас что, через стекло не видит? Может, у зверей – как-то зрение не так устроено?

– Ну-уу... Не знаю, – пожимаю я плечами, продолжая сверлить лисицу глазами, – Скорее всего, она нас не воспринимает за стеклом, как живых людей.

Вдруг! Наш интересный научный диспут прерывается, очень даже, не интересно! Лисица бодро подходит к «экрану» нашего «телевизора» и совсем уж неожиданно, вцепившись зубами в кусок ватного матраца, которым мы накануне заткнули огромную щель в стене под окном, что есть сил, рвёт его на себя, упёршись в стену передними лапами!

– Р-раз! Д-два! Т-три!

На мгновение, у нас отваливаются челюсти и мы теряем дар речи. Но, только на мгновение!

– Куда! Блин!

– Стой! Сволочь!

С отчаянными воплями, мы опрометью бросаемся от нашего окна к двери. На улице, фальцетом звонко визжит Казанцев: «Пошла вон! Скотина! Пошла вон!».

– Блин! – ору я – Пошла отсюда!

Отскочившая на десяток шагов прочь, лисица стоит к нам правым боком, чуть приподняв хвост и недоумённо разглядывает нас.

– Что ж, это, делается?! – на всю округу визжит Сергей,

– Мы к ней – всей душой! А, она?!. Пошла вон! Пошла вон, говорю!..

Сегодня, мы работаем по долине Тягиной. Зайдя от устья, мы не спеша, шагаем вверх по речке, по просторам речной поймы...

Уже пройдено душло филинов. Это – километра четыре, от побережья. Дальше – абсолютная зима! Снег лежит ещё повсеместно! Не менее метра толщиной. Нам – смысла нет бороться с этой толщей. Пора закруглять наш маршрут и по другой стороне поймы двигать обратно, в сторону дома. На проталине склона речной террасы, мы натываемся на очередную кормёжку очередного медведя. Я опять изучаю медвежьи покопки. Все они – лизихитон. Возле каждой лунки лежит, скушенный зверем, тугой, тёмно-зелёный рулончик листьев этого, полуболотного растения.

Мы трудно переходим полноводный, бурливый перекарт речки и выбираемся на другую сторону речной поймы. И сразу, натываемся на след крупного медведя! Зверь шёл со стороны вулкана, пересекая поперёк спелый пойменный ивняк. Мы стоим на снежной толще, в метре над землёй и смотрим себе под ноги, на вывернутые ногами медведя, целые пласты мокрого и тяжёлого снега. Целые пласты!

– Ух, здоров, зверюга! – восхищённо качаю я, головой,

– Так снег таранил! Словно жеребец через пойму пропёрся. Был у нас, в посёлке, такой конь! Не конь, а целая гора.

– А, какой он – длинноногий! – я спрыгиваю вниз, целясь ногами, в раскатынные болотниках, в медвежьи следы и зависаю на «пятой точке», на прослойке плотного снега между снежными колодцами от медвежьих ног, – Глянь! Его ноги длиннее, чем мои!

– Ха-ха-ха! – стоящий на снегу, надо мной, Казанцев заливаётся своим тонким голосом, – Экспериментатор! А если б другим местом, о прослойку?! Ха-ха-ха!

– Да, ладно, тебе! – отмахиваюсь я, снизу-вверх, довольный своим экспериментом.

Смех – смехом, но такого крупного медвежьего следа – нам ещё не попадалось! Зверь шёл грузно и мощно, как лошадь, тараня метровую толщу мокрого снега...

Напротив нас, дальше через речку, сквозь редкий и голый сейчас ивняк поймы, просматривается чёрный массив хвойника. Это – мамашин язык. Это верхняя граница моей, ботанической работы. Дальше нам, забираться вверх по речке – просто незачем...

Тятино. Утро. Стоит сплошная, высокая облачность. Тянет ветерок с запада.

Первым делом, я приникаю к биноклю:

В океане, по линии горизонта, извивается сплошная, непрерывная лента буревестников. Вот когда, действительно, идёт их массовый пролёт! Я веду поле бинокля по горизонту, до предела влево, потом до предела вправо... И всюду – по линии горизонта мельтешит пчелиный рой чёрных точек птиц.

– Как мошкара! – качаю я головой, – День и ночь! День и ночь!.. Сколько их, там, может лететь?!

– Ну.., – озадачивается Казанцев.

– Вот тебе и ну! – бросаю я на него короткий взгляд, от бинокля.

По-моему, этой живой ленте из множества птиц, нет конца...

Сегодня – начинается солнечный день! Непривычно синее небо искрится над нашими головами. Своей двойкой, мы направляемся к устью Тятиной. Шагаем по коле-

ям нашей заросшей дороги, проложенной среди морского шиповника, по низкой морской террасе...

– О!

– Голубь!

Взлетев с колеи, при нашем приближении, голубь вновь опускается на морской песочек колеи, всего метрах в пяти перед нами. Мы останавливаемся и замираем – стараемся рассмотреть птицу...

– Домашний! – прикидываю я.

– Да, вроде бы! – соглашается Казанцев.

Голубь – действительно, самый, что ни на есть, домашний. Сизый, он неторопливо ходит перед нами, по песочку колеи. Нас – совершенно не боится! Птица то усаживается своим пузиком в пыль колеи, то принимается чистить пёрышки, то начинает, не спеша, бродить и что-то склёвывать у себя под ногами...

– Что будем делать? – задаётся вопросом Казанцев.

– Может, он больной? – отзываюсь я, – Надо пугануть! Посмотрим, как он держится в воздухе.

Сергей резко взмахивает руками. Голубь легко поднимается на крыло. Но, отлетев пару метров, он спокойно планирует на дорогу.

– Так, – констатирую я, факт, – Он здоровый!

– У него, на ногах – кольца! – замечает Казанцев.

– Давай, попробуем его поймать? – предлагаю я.

– Давай.

– Заходи с той стороны, а я – с этой...

Однако, бросаться ловить голубя, нам не приходится. Птица спокойно даётся мне в руки! Бойко просунув свою головку между моими пальцами, она вертит ею, рассматривая нас то одним глазиком, то другим. Вытянув птичке ножку, мы рассматриваем её кольца.

– Хм, а кольца – японские! – замечает Казанцев, – На них иероглифы!

На лапках голубя три японских кольца – одно пластиковое, несъёмное, второе резиновое и третье алюминиевое. Записав в свой полевой дневничок номера колец, мы

осторожно отпускаем птичку на дорогу. Голубь не улетает! Он вновь начинает спокойно бродить по колее, перед нами...

– Ладно! – улыбаемся мы ей, – Пошли дальше!

Вот и устье речки. Пойма Тятиной, стоит – уже вся бледно-зелёная! От сплошного ковра цветоносов белокопытника. В этом нет ничего особенного – у нас, белокопытник составляет основу лопуховых зарослей...

Мы переходим по полноводному перекату, на другую сторону речки. Воды – выше колена. Прозрачная! Как стекло. И холодная! Она туго обнимает резиновые голенища наших болотников. Едва не набирая воды в сапоги, мы с усилием преодолеваем течение, руками придерживая края голенищ...

По самой кромке травяной надпойменной террасы пролегла пока ещё заметная, медвежья тропа, набитая медведями осенью. Шагая по этой тропе, я замечаю медвежью покопку. Я приседаю над ней...

– Смотри-ка! Лилию Глена выкопал! – удивляюсь я, – Вот, это да!

Уже прошедший вперёд по тропе метров двадцать, Сергей останавливается и оборачивается ко мне: «Тут ещё одна!». От лилии Глена, на каждого ботаника, веет легендой. Это – редкое на Сахалине растение, в массе произрастает по распадкам южной части Кунашира. Лилия! Это мощное, высотой до полутора метров, растение! С диаметром стебля у почвы до восьми сантиметров! Эта лилия имеет до десяти глянцевых, тёмно-зелёных, мясистых, сердцевидных листьев и венчается рыхлой пирамидой горизонтальных, крупных, жёлто-зелёных колокольцев. Но это – в июле! А, сейчас... Я тщательно изучаю медвежьи поковки лилии.

– Серёж, смотри, как он сделал! – поднимаю я глаза, на стоящего рядом Казанцева, – Он подошёл к стоящему на поляне, сухому прошлогоднему цветоносу лилии и скусил его на уровне почвы. Но ведь, сейчас, весной, прошлогодние цветоносы лилии Глена – сухие, мёртвые!

В них нет ничего съедобного. Медведь бросил цветонос на землю и что-то выкопал из почвы, под ним. Вот! Покопка!

– Точно! – соглашается со мной Сергей, – Лилия Глена десять лет растёт, прибавляя по одному листу в год. На десятый год, один раз в жизни, она зацветает и осенью отмирает. А, я ещё думаю – что он, там, нашёл? Луковицу? Там и луковицы не должно быть...

– Не знаю! – тоже удивляюсь я, – Разве что... вокруг центральной, отмершей луковицы, остаются дочерние! Наверняка, их медведь и выкопал... По крайней мере, эти покопки показывают, что Кунаширские медведи питаются луковицами лилии Глена! И значит, наносят определённый ущерб популяции этого редкого растения.

– Хм! – пожимает плечами, Казанцев, – Это ты загнул!.. Ну и что? Вряд ли, этот ущерб – существенный! Пока мы, только первый раз встретились с поедями лилии...

– Ну, – соглашаюсь я, и решаю, – Ладно. Поживём – увидим.

Хохлатка сомнительная, теперь – уже образует целые голубые полянки! Я, не спеша, бреду по солнцепёчным склонам надпойменной речной террасы. С этой стороны речки она невысокая и травяная. Теперь, здесь – массовое цветение хохлатки!..

Вот, прямо на тропе, передо мной лежит медвежий помёт. Я срубаю, своим тесаком, прутик от ближайшего куста гортензии и начинаю ковырять помёт...

– Старый помёт! – сообщаю я Сергею через минуту, продолжая ковыряться в помёте, – Уже, вообще перепревший...

Вскоре, я недоумённо поднимаю на Сергея лицо: «Это... земля! Вот, странно...». Из плотной, землистой массы, моя палочка выковыривает коготок. Он – массивный, коричневого цвета, загнутый на конце...

– Серёж, смотри! Коготок! Это что, коготь соболя?!

Я верчу когтем перед носом Казанцева. Тот недоверчиво всматривается в коготь и оглядывается через моё плечо на помёт: «Он что, соболей жрёт?!».

– Нууу.., – пожимаю я плечами, – Не знаю!

Через минуту, моя палочка, на свет божий, выковыривает несколько плоских, миниатюрных раковин, миллиметров восемь – десять в диаметре.

– Думаешь, он – на море, каких-то улиток нажрался? – спрашивает Казанцев, по-прежнему заглядывая мне через плечо.

– Наверно.., – пожимаю я плечами, – А что это, ещё, может быть?

Что я могу сказать, вразумительного? Я сам – ничего не понимаю в медвежьих помётах! Ладно. Мы шагаем дальше...

– Вот. Дошли до бурелома с орланьим гнездом, – сообщаю я, и предлагаю, – Давай, к орланам заглянем? Посмотреть бы, как они поживают.

Прикрываясь двухметровым гребнем надпойменной террасы, мы крадёмся к краю бурелома. Заранее приставив бинокль к глазам, я медленно и осторожно поднимаю голову над гребнем.

Вот! Приблизженный оптикой орлан, из своего гнезда, замерев, настороженно глядит мне прямо в глаз!

– Вот, чёрт глазастый! – недовольно ворчу я, медленно приседая обратно, за гребень.

– Он – уже нас видит! – эмоционально паясничаю я, перед лицом Казанцева, разведя руки в стороны, – Что делать?!

– Ничего! – тихо отвечает Сергей, – Пошли дальше...

В километре выше орланьего гнезда, мы выходим на след молодого медведя. Этот зверь совсем недавно сошёл в пойму. Совсем свежий след! Спускаемся по медвежьему следу, в пойму и мы – может помёты будут? Или покопки...

Но, этот подросток сделал только две покопки лизихитона, у подножья террасы...

– Всего две покопки! – обиженно удивляюсь я.

– А, ты что хотел?! – как всегда, осаждает меня Казанцев, – Не всё ж – коту масленица!

– Ты, меня, что, котом обозвал?! – деланно изумляюсь я.

– Ха-ха-ха! – заливается на это смехом, Казанцев.

То тут, то там, по расцвеченным лишайниками ольховым стволам перепархивают пищухи. Я смотрю на них в бинокль. Размером с воробья, эти птички, своим умением передвигаться по вертикальным стволам деревьев вниз головой, напоминают мне поползней, но по-другому окрашены. Эти – серенькие и крапчатые, как курочка-ряба...

Примерно в четырёх километрах от устья, чуть ниже верхнего дупла рыбных филинов мы, как обычно, переходим по бурному перекаату на другую сторону речки. Теперь, наш путь – назад, по смотровой тропе. Вот, мы уже выбираемся на закрытый плотным пихтарником, гребень высокого левого борта речной долины. Теперь – по тропе...

Вскоре, я приседаю у медвежьего следа.

– День назад прошёл! – сообщаю я напарнику, осторожно притрагиваясь к кромке снежного отпечатка.

– Угу, – односложно отзывается тот, – Нам навстречу... Крупный.

Зверь глубоко проваливался в снег, прослойки которого сохранились до сих пор под пихтовыми кронами...

Но вот и тропа закончилась. Теперь, длинный полукруг по бамбуковому плато – и будет наш дом.

– Давай пройдем вокруг, мимо озера, к Банному ручью? – предлагаю я Казанцеву, – Надо посмотреть, что там делается.

– Давай! – легко соглашается тот.

И мы сворачиваем, под прямым углом влево, от речной долины. По стационарной, очень натоптанной медвежьей тропе, через спелый, осочковый ельник, мы уходим на болотистый ольховник Банного ручья...

– Куаааа! Куаааа!

На, всё ещё полузамёрзшем лесном озерце, прилегающем к массиву пихтарника, громко орут лягушки. Их кваканье, мощным хором разносится вокруг...

Мы выглядываем из-под пихтовых лап. Тут же, с водной глади в небо, свечами уходят две утки! Селезень – молча, а утка истерично голосит на весь лес: «Кря! Кря! Кря!».

– Базарная баба! – зло морщусь я, – Не спутаешь... Так орут – только кряквы!

В надежде что-нибудь увидеть, мы всегда крадёмся по лесу и поэтому, всякие истошные вопли, нас, очень даже, раздражают...

Вот и дальние задворки нашего дома. Сейчас, мы к нему выворачиваем со стороны вулкана, через лес.

В трёхстах метрах от дома, в сыром ольховнике, мы выходим на свежие кормовые наброды крупного медведя! Бродя по медвежьему следу, я считаю его покопки: «Одна, две, три...».

– Сорок восемь покопок лизихитона! Молодец! – одобряю я медведя, – Жрать – так уж жрать! А то, весь день – то восемь покопок, то десять, а то – и вообще, две... Слышишь, Серёж? Помнишь, утром? Две покопки! Он над нами посмеялся!

– Ха-ха-ха! Ты никак не успокоишься по тому, молодому! – смеётся напарник, – Ну, маленький он! Не хотел больше есть!

По снежной поляне, мы направляемся к дому. Здесь, нам открывается странная развязка лисьих следов! Шагая рядом со следом, я начинаю читать белую, снежную книгу следов...

Вот! Лисица бежала, своей обычной рысцой, по своему старому следу, направляясь от нашего дома в сторону леса. Неожиданно, она садится на снег и харкает кровью! Я в недоумении стою над белыми, снежными следами и... алыми пятнами крови.

– Что случилось?! Почему?! Не понимаю я...

Кровь, большими пузырястыми сгустками слизи, алеет на чистом снегу...

Дальше – по снегу вновь ведёт нормальный лисий след. Я шагаю по следу...

И снова, лисица садится на снег и харкается пузыристой, слизистой кровью!

И ещё раз...

– Серёж! Ты – фармацевт. Почему она харкает кровью?! – ломаю я, голову, – Не понимаю я!

– Да, чёрт её знает! – отмахивается от меня, Казанцев, его мало интересуют мои лесные вопросы, – Пошли скорее, в дом!

Не задерживаясь, Сергей уходит к уже близкому дому. Однако, я – упёртый! Весь в недоумении, я троплю лисий след дальше...

Вскоре, снежная поляна кончается, дальше снега нет. И белая книга закрывает передо мной свою страницу.

– А, жаль..., – расстраиваюсь я.

Так ничего и не поняв, я шагаю к Тятинскому дому, следом за давно ушедшим туда, Казанцевым...

День ещё в разгаре и я, чуть отдохнув и выпив бокал оставшегося с утра, холодного сладкого чая, отправляюсь на охоту. На «чёрную охоту» – ворон, мне, не жалко. Вон их, сколько расселось по ближайшей косе валунов и ледовым торосам! Спустившись с нашего спуска на низкую морскую террасу, я выскакиваю на высокий вал морской капусты, растянувшийся вдоль литорали. Сейчас же с него, в сторону моря, веером срывается воронья! Я вскидываю ружьё.

– Бахх!

Мимо!

– Бахх!

Успевшая уже отлететь на середину широкой полыни, ворона, кувыркаясь, падает в воду...

Через минуту, она очухивается и хлопая по воде одно временно обоими крыльями, гребёт к противоположному берегу полыни!

– Ах ты, скотина! – удивляюсь я, – Живучая!

Ворона догребает до противоположного берега миниатюрной бухточки и выкарабкавшись на лёд, раздражается истошным карканьем...

Уходя прочь, я оглядываюсь – над местом, где, голося на всю округу, сидит раненая ворона, вьётся настоящий чёрный смерч воронья! А, со стороны темнеющего хвойным лесом побережья, на эти вопли, спешат всё новые и новые толпы ворон...

Под вечер, стоя у двери Тятинского дома, я слушаю, как где-то в стороне нашего лесного озерца, воркует дикий голубь.

– У-гуут-туту! У-гуут-туту!

В этом году, я слышу его впервые. Сейчас, весной, так приятны для моего слуха такие вот, летние штрихи лесной жизни...

Тятино. Сегодня пасмурно. За окном непрерывно сыпит густая морось. Я выхожу на край высокой морской террасы. На океане – льды немного отогнало. И вдоль берега образовалась узкая полоска чистой воды. Волны нет, вода стоит спокойно...

Здесь, за ледовой пустыней, как за волнорезом, отстаиваются утки. Их – много. Даже, очень много! По-прежнему, в основном – это каменушки. Часто вижу чернетей. Это такие белые уточки с чёрной головкой, шеей и грудкой. Половинка утки чёрная, половинка – белая...

В завалах ламинарии копошится вороньё. Эти – кормятся мелкими, чёрными жучками и бокоплавами...

Я смотрю в бинокль, как один из наших, Тятинских орланов, на бреющем, идёт от устья Тятиной, мимо нас, по береговой линии, в сторону Ночки. Его сопровождает целая орава чаек, снявшихся по такому случаю, с Тятинского устья. Орлан идёт мощно и красиво. Его оперение – в полном порядке. Я не отрываюсь от бинокля, пока птица не скрывается за мысом, далеко слева.

– Красив! Нечего сказать! – улыбаюсь я орлану, опускающая бинокль.

– Саня! – кричит от дома Казанцев, – Каша сварилась!

Я бросаю свой «утренний осмотр природы» и спешу к дому...

Сегодня, с утра, мы с Сергеем отправляемся побродить по ольховникам, что между Тятиной и Ночкой...

Здесь набродили два медведя. Их кормовые следы – так запутаны! Один след вчерашний, другой – ещё более старый. Вся масса их покопок – лизихитон. Около пятидесяти покопок!

Мы возвращаемся обратно, по болотистым ольховникам Банного ручья...

Здесь, сейчас – настоящий ковёр черемши! Густой и высокий, по колено!.. Но, я – не могу обнаружить ни малейших признаков поедания её, медведями!

– Слышишь, Сергей! – окликаю я Казанцева, – Карпов, с Рудного, мне в посёлке рассказывал, как он медведя видел. Я у него спрашиваю: «Что он делал?». Карпов говорит: «Ясно что! Черемшичкой заправлялся!».

– Ну и что? – не понимает меня Казанцев.

– Как, что?! – возмущаюсь я, – Все люди считают, что наши медведи кормятся одной черемшой!.. Ты посмотри! Кругом нас – ковёр черемши! А, я – до сих пор, не видел ни одного скуса! Ни од-но-го! Спроси любого охотника: «Что ест медведь?». Он скажет: «Черемшу!». А я говорю: «Не едят, медведи, черемшу! Вообще не едят!».

– Не едят – так не едят! Что ты так взвился?! – недоумевает Казанцев, – Пусть говорят!

Каждый вечер, к нашему дому приходят лисицы. Рыжие подкармливаются остатками с нашего стола – вермишель, головки рыбы...

Сегодня воскресенье, двадцать четвёртое апреля. Откровенно холодно! Тянет промозглый ветер с запада. Над конусом вулкана Тятя столпились высокие, кучевые облака, вперемежку с окнами чистого, синего неба.

– Брррр! – в дом входит Казанцев, – Прямо, морозно как-то! Порванные ветром облака летят по синему небу! Такое ощущение, что зима вернулась!

Решаем с Сергеем устроить себе, сегодня, выходной – просто побродим по лесам, себе в удовольствие...

Мы осторожно крадёмся по смотровой тропе, часто останавливаемся, в бинокль рассматривая просторы простирающейся под нами поймы Тятиной. Но, увы! Несмотря на благоприятный ветер, сносящий наш запах в сторону, пойма под нами – совершенно безлюдна.

В первой ямке речки, коротают время большие крохали. Это – самые крупные утки на нашем острове. Крохали очень осторожны. Они, молча, крутят по сторонам головами, на длинных «бакланьих» шеях. Да и своим внешним видом, они похожи на бакланов. Одни из них имеют контрастную, чёрно-белую окраску, у других – серое туловище и красно-бурая голова.

Мы подходим к яме снизу... Обнаружив нас, все, молча, взлетают. Большие крохали – птицы крупные. Для взлёта, им нужно разбежаться по глади ямы и утки мельтешат крыльями над самой водой, нам навстречу! Уйти в сторону от нас, им не позволяют высокие, вертикальные стены пойменного ивняка, подступившего к самым берегам речки. Плотный, высокий жердняк! И табунок, как по туннелю, проходит над водой речки. Совсем, совсем рядом с нашими лицами! Мы стоим прямо, совершенно замерев. Мы даём возможность крохалиям пролететь мимо нас...

Приятно слышать повизгивание рассекаемого сильными крыльями, воздуха! Какая сила и красота! Каждая, молча пролетающая мимо моего лица, птица, напряжённо смотрит на нас глазом...

Смотровая тропа, за прошедшую зиму, оказалась сильно захламлённой. То тут, то там, путь нам преграждают зависшие стволы падающих под напором западных ветров, елей и пихт. Под ногами лежат их обломанные сучья. Это всё – работа осенних циклонов...

За тропой нужен уход, если её не поддерживать – через пару лет здесь вообще не пройдёшь. И я беру в руки, прихваченный как раз для этого, топор, передав своё ружьё Сергею...

– Тук! Хрясть! – изо всех сил, всаживаю я топор в древесину, прорубая проход...

– Фу-уу! Всё!

Я вытираю рукавом мокрое от пота, разгорячённое лицо. С удовлетворением оглядываюсь на чистую просеку тропы – нам, ходить по ней, ещё много-много раз. Тропа расчищена, мы поворачиваем назад, к дому...

Вот и всё. Смотровая тропа осталась позади. Теперь – пересечь широкое бамбуковое поле – и мы дома. Бамбук, здесь – всего по пояс. На сегодня, хватит. Ведь, у нас – день отдыха, всё-таки!

Тятинский дом. Немного посидев с дороги, за столом и выпив бокал холодного чая, я отправляюсь с вёдрами, к устью Банного ручья, за водой. За водой, нам, далековато ходить, с верхнего Тятинского дома. Это правда. Но, для нас, это – не смертельно. Мы – молодые и сильные. На плечо закидываю ружьё – без него я, никуда не хожу...

В лесу, мы обычно крадёмся, в надежде увидеть или услышать что-нибудь из лесной жизни. Поэтому, в лесу – мне не то, что стрелять, лишний раз сучком треснуть нельзя. А, стрелять, мне – очень важно уметь. Лесная жизнь – это такая штука... Вот и получается, что на работе, мне – стрелять нельзя, единственная возможность – выйти на побережье. Вот это, я, сейчас и собираюсь сделать.

Не выходя на берег моря, я ставлю пустые вёдра в траву у подошвы высокой морской террасы – там, где с дороги к ручью отворачивает маленькая тропинка и снимаю из-за спины ружьё. Подкравшись к береговому завалу ламинарии и фукуса, я встаю в полный рост! Около десятка ворон срываются с баррикады водорослей и торопливо улепётывают прочь, через широкую полосу открытой воды, в сторону ледовых полей. Я ловлю одну из них на мушку и нажимаю на спусковой крючок.

– Баххх!

Удар приклада в плечо соединяется с громом выстрела, и ворона, чёрным комком, плюхается в тёмную воду.

Опуская ружьё, я боковым зрением замечаю, что со своего боевого поста на гребне мыса слева, вниз, к океану срывается орлан! Распростёрши крылья, он полоγο сни-

жается и на всём ходу, цепляет когтями качающийся на поверхности полыньи чёрный комок. Вокруг поднимается истеричное воронье карканье! Опустившись на торос льда, по другую сторону обширной полыньи и не обращая никакого внимания на воздушную карусель воронья над собой, орлан начинает рвать клювом ещё горячую добычу, наступив на неё своей сильной, когтистой лапой.

Я стою, с ружьём в опущенной руке и в бинокль гляжу на орлана, рвущего ворону: «Интересно получается! Я стреляю – орлан ест... А, ведь, он сильно мне доверяет! Брать добычу прямо из-под ружья – это круто. Наверно, он зря так делает. Люди бывают разные...».

В синих сумерках, две лисицы пришли к нашему дому, чем-нибудь поживиться. Я сижу за нашим кухонным столом и смотрю на них, в наше большое окно. Большая лисица ест, а чуть меньшая – стоит поодаль и ждёт своей очереди...

Утро. Сегодня, также как и вчера, холодно и ветрено. Но, мы вчера отдохали! Поэтому сегодня, мы обязательно должны отработать наш обычный маршрут по пойме Тятиной. Мы шагаем, с Сергеем, по берегу океана, к устью речки...

В закрытой высоким восточным бортом речной долине – теплее, чем на открытых ветрам террасах морского побережья. Это ощущается сразу! И растения, в пойме – быстро развиваются, несмотря на холодную погоду. По галечным косам речки, уже всю желтеет ковёр цветочков белокопытника! Самый разгар цветения! Повсеместны ярко-жёлтые полянки цветков адониса! По ходу, я часто отыскиваю узкие, тёмно-зелёные перья гусяного лука. Он цветёт мелкими, жёлтыми цветочками. Быстро поднимаются всходы высокотравья. За корягу у берега речки, зацепилось, мельтешит на ветерке, белое пуховое пёрышко...

На мелководье речки, вдоль берегов – сплошная сутолока разбегающихся от нас в разные стороны, мальков! Их – тьма! Это горбуша или кета... не понять. Я знаю, что

это – и то и другое! Ведь, эти рыбы близкородственны и их мальки так похожи. Одно можно сказать точно – идёт массовый скат молоди лососёвых, в океан. В завалах речки стоит масса кунджи, в основном мелкой, до тридцати сантиметров длиной...

Пересекая речную долину, над кронами пойменного ивняка, в сторону гнезда идёт один из Тятинских орланов. Ритмично и мощно взмахивая крыльями, он несёт в когтях здоровенный сук ивы. Мы стоим, не шевелясь...

Уже почти пролетев над нами, орлан, вдруг, замечает нас прямо под собой! От неожиданности бросив ношу, птица экстренно тормозит, поставив тело вертикально и во всю мощь загребая крыльями воздух! В несколько торопливых махов остановившись в воздухе, орлан бросает своё тело в сторону и закрываясь от нас кронами ближайших ив, нервным, рваным полётом уходит прочь. Большой сук, сбивая мелкие ветки с крон деревьев, гулко ударяет в землю, недалеко перед нами...

Мне становится стыдно. Я чувствую себя свиньёй, невежественно вторгшейся в тонкую вуаль лесной жизни.

– Дур-рак! Ведь, прошёл же уже! – с обидой и злостью, кричу я вслед орлану, – И что? Первый раз нас видишь? Бросаешься, как бешеный!

Сергей молчит, стоя, как всегда, в паре шагов сзади меня. Обида за недоверие и стыд за случившееся, смешиваются во мне в одно, странное чувство...

На обратном пути к дому, мы решаем пройти по «малому кругу» – крутнуться по ольховникам Банного ручья. Мощная и такая нахоженная, медвежья тропа снова выводит нас по пихтарнику к лесному озерцу. Мы осторожно высовываемся из-за стволов пихт...

– Кряквы! – шепчу я, – Две штуки!

– Ага, – шепчет Казанцев, – Вижу!

Пара крякв, с самой весны облюбовавшая это озерцо, на месте.

– Куааа! Куаааааа! – воздух, буквально, сотрясается от кваканья лягушек!

– Ох! Как лягушки орут! – я с улыбкой, качаю головой,
– Воздух дрожит!

– Да, – улыбается Казанцев, – Сейчас, у них – самый жор.

Тропа проходит по самому берегу озера. Чтобы сильно не пугать уток, мы осторожно, ещё издали, обнаруживаем себя. Однако, криквы, всё-равно, свечами взрываются в небо! И стремительно уходят над кронами леса, в направлении устья Тятиной...

Через поляны, в сторону зубчатой стены темнеющего на той стороне пихтарника, от нас стремительно мчится заяц! Мы стоим на месте и смотрим... Заяц, ещё, зимний. На буром фоне освободившихся от снега полян, он виден издали. Он уже не чисто-белый, как зимой, а с большими, рыжими подпалинами по бокам. Проскочив несколько десятков метров, заяц резко останавливается посреди пустоши. Замерев столбиком, он прислушивается... И вновь срывается в бешеную скачку!

Завершая круг своего маршрута, мы проходим по старому кладбищу. Сейчас, это – дремучий участок хвойного леса. Повсюду развился сильный подрост пихты.

– Серёж! – зову я Казанцева, – След медведя!

– Где?! – изумляется тот.

– А вот! – жестом фокусника, я отодвигаю в сторону широкую пихтовую лапу – один-единственный отпечаток медвежьей лапы красуется на крохотном пяточке уцелевшего под тенью мощной пихты, снега.

– Блин! – хлопает себя по лбу, напарник, – Ты и здесь нашёл!

– Ага! – смеюсь я.

Судя по следу – медведь взрослый, крупный. Я вздыхаю, глядя на отпечаток – к сожалению, возможность тропления медведей по снегу, день ото дня, стремительно уменьшается. Сейчас, снег сохранился – уже только под пологом сомкнутых пихтарников...

Остаток дня, я опять использую для охоты – мне нужно чаще стрелять, чтобы привыкнуть к своему ружью.

Уметь быстро стрелять – это, для меня, важно. Это жизненно важно...

Пройдя по берегу океана до Ночки, я расстреливаю по красным, пластиковым поплавкам и удирающим воронам восемь патронов!

– Все – мимо! – удручённо думаю я, – Да... метко стрелять – тоже уметь надо!

Предпоследним, девятым патроном, я всё-таки достаю одну ворону! Она колышется посреди широкой полыньи...

И вновь – повторяется ситуация вчерашнего дня! С присады на вершине своего мыса срывается орлан и со снижением идёт на добычу!.. Только, сегодня, он что-то не учитывает и промазывает! Птица, на скорости, проскакивает мимо чёрного комка вороны, лишь чиркнув по воде когтями.

– Промахнулся! – изумляюсь я.

Немедленно заложив умопомрачительную, мёртвую петлю, орлан нервно выхватывает добычу из воды. Мощно взмахивая своими широкими крыльями, он несёт ворону на торосы льда, по другую сторону полыньи.

– Смотри, как быстро научился! – размышляю я, наблюдая в бинокль, как птица рвёт клювом чёрный ком вороньих перьев, – Прямо, в паре работаем!

Вечером, перед нашим домом, собрались три лисицы! Они образовали круг. Причём, никто друг другу не уступает!

– Кха, кха! Пшшш! Кха!

Пока две лисицы выясняют отношения, третья плутовка – стороной прокрадывается к выброшенным нами, кунджовым головам и внутренностям. Увидев такое, первые две лисицы перестают драться и бросаются к нахалке! И вот, уже, драка вспыхивает между другими двумя лисицами, А третья, в это время, стороной крадётся к добыче! И всё повторяется вновь и вновь, до бесконечности...

Я сижу за нашим кухонным столом, перед окном и подперев щеку кулаком, неотрывно смотрю это кино о лесной жизни...

Стемнело. Чтобы было хорошо видно освещённую лунным светом «сцену», я не зажигаю свечку. Сергея мало волнует лесная жизнь и он, забравшись на своё место на наших высоких нарах, отворачивается к стенке...

А, за окном стремительно разворачиваются новые баталии! Всё время меняются позиции лисиц относительно друг друга и добычи...

Я неотрывно смотрю в окно, на так необычные «ужимки и прыжки». Оказывается, в лисьих драках нет собачьего рёва, рычания и лая. Три лисицы рысят вокруг добычи, низко опустив головы к земле. От чего кажутся горбатыми. Они непрерывно семенят по кругу лёгкой, какой-то задумчивой рысью...

Вдруг – неожиданный выпад вперёд! С громким шипением и своеобразным кашлем.

– Пшшш! Кха! Кха! Кха!

Противник отскакивает прочь и опять ввязывается в эту непрерывную карусель...

Лисий бой продолжается всю первую половину ночи. У меня уже слипаются глаза.

– Как бы мне не уснуть, прямо за столом! – всерьёз опасуюсь я.

Сергей на нарах, наконец, не выдерживает.

– Как тут можно уснуть! – звенит в доме его фальцет, – Дерутся и дерутся! Дерутся и дерутся!.. Сейчас выйду – всех разгоню к чёртовой матери!

Мне становится стыдно. За то, что я не даю спать своему напарнику. Я торопливо записываю в свой полевой дневничок последнюю фразу сегодняшнего дня: «Лисицы дерутся очень уж громко, не дают спать». И мгновенно засыпаю, едва коснувшись щекой подушки...

Тятино. Утро. Небо закрыто плотной облачностью. Туман. Мы решаем, сегодня, сходить на Ночку...

Шагаем по коровьей тропе, проложенной по высокой морской террасе. Эти тропки вьются по бамбуковым таррасам побережья...

Вдруг, шагах в двадцати впереди нас, в низкорослых пихточках, с лёжки в бамбуке, вскакивает лисичка!

– О! Лисица!

– Лиска! Не бойся, лиска! – разговариваю я с ней, – Не бойся. Это же, мы идём...

Мы стоим на месте. Лисица тоже стоит, там, где вскочила. И смотрит на нас...

Затем, вроде не спеша, но и не задерживаясь, она исчезает с наших глаз.

– А, лиска-то – себе на уме! – констатирую я.

– Так, это же, хорошо! – парирует Казанцев, – Дольше проживёт.

Пойма Ночки – вообще, очень слабо выражена в рельефе. Она представлена узкой лентой ольховников, по днищу небольшого пологого распадка. Как не удивительно, но, по сравнению с речной долиной Тятиной, растительность здесь, сейчас – ещё только начинает просыпаться после зимы. Но и здесь, на солнцепёках по гребням окружающих сопок, уже всю голубеют полянки хохлаток.

На этот раз, мы с Сергеем перебираемся через распадок Ночки, за эту речушку. И здесь, на пространствах сырого ольховника, натываемся на старые медвежьи покопки.

– Медведь лизихитон копал, – приглушённо разговариваю я с Сергеем, настороженно озираясь по сторонам, – Смотри, сколько лунок накопал!

– Ага, – отзывается тот, – Молодой, размером с человека.

Я вопросительно поднимаю на Казанцева глаза – тот артистично показывает, своим пальчиком, себе под ноги. Я делаю пару шагов к нему – у болотника Сергея, на чёрной грязи медвежьей покопки, красуется чёткий отпечаток медвежьей лапы!

– Тьфу на тебя! Интеллигент хренов! – плюю я под ноги, – Так бы и сказал! Что есть хороший след!

– Так, я тебе это и говорю! – беззлобно отбивается от меня, Казанцев.

– Ке! Ке! Ке!

Мы задираем лица вверх. Высоко в небе, с верховий, над распадком Ночки спускается пара больших пегих зимородков. Птицы периодически, одиночно вскрикивают своими резкими, скрипучими голосами. Один из них, заметив нас, закладывает резкий вираж и взывает вообще истошно!

– Ке-ке-ке-ке-ке-ке!

Втянув головы в плечи, мы молча шагаем по ольховнику. Мы усиленно делаем вид, что ничего не слышим.

– Ке-ке-ке-ке-ке-ке!, Ке-ке-ке-ке-ке-ке! – несётся с неба, уже в две глотки.

– Вот, собака! – цежу я сквозь зубы, кося глазом вверх, – Сейчас, как дам тебе! Пулей в задницу! Так – быстро заткнёшься!

– Ну, да! – отзывается Казанцев, – И поднимешь всю округу!

– Сам знаю! – огрызаюсь я.

– Ну, так пусть орут.

– Ке-ке-ке-ке-ке-ке!

Лишь наоравшись вволю, зимородки оставляют нас в покое...

Мы шагаем дальше, вверх по распадку Ночки. Нам ещё рано заворачивать наш маршрут, в сторону дома...

У подножья круглой, лысой сопки, что стоит в развилке Ночки и её крупнейшего правого притока, с лёжки, перед нами вскакивает лисица! И замирает, чуть отскочив! Стоит и нас разглядывает...

– Ах, как красиво стоит! – улыбается ей Сергей, – Прямо, картинка!

– Ну-ну, лиска! Разглядывай. Нас – можно! – разговариваю я с лисицей, не шевелясь, чтобы не сорвать её в скачку...

Вершина этой сопки покрыта деревьями черёмухи, бархата, клёна, вяза...

– Пёстрая смесь деревьев широколиственных пород! – думаю я, – Эта полоса произрастания теплолюбивых растений занимает определённую высоту на склонах сопки.

Этот ботанический феномен, на Сахалине, изучал ботаник Толмачёв. На этой высоте, весной, не бывает ночных заморозков – холодный воздух скапливается ниже...

– Саня! Смотри, чага! – отрывает меня от ботанических мыслей, Казанцев.

На огромной берёзе, чуть впереди нас, чернеет большая глыба чаги! С ведро! Можно было бы взять её с собой, но она расположена очень высоко. По стволу, туда – не забраться. Можно, конечно, применить Дыхановский способ – сбить чагу пулей. Но, тогда мы, уж точно, никого не увидим.

– Саня! – ехидничает Казанцев, – Теперь ты знаешь, как чувствовала себя лисица под деревом с вороньим сыром!

– Ладно – я! – беззлобно огрызаюсь я, – А, как чувствует себя твоя утончённая, артистическая натура?

– Хм! – ехидство слетает с лица Сергея, – Так же, как и упрощённая, твоя!

Совсем как лисица в басне Крылова, покрутившись под берёзой и повздыхая о чаге, мы шагаем дальше...

Спускаемся с другой стороны сопки, на обширные площади марей, поросших по окраинам чахлым ольховником. Мы бредём по марям, в направлении речной долины Тятиной, рассчитывая выйти к этой речке километрах в пяти от её устья...

Часа два, мы бредём по чавкающим водой марям...

Вот и речная долина Тятиной. Это обширный распадок, заполненный высокоствольным ивняком. Едва показавшись на краю речной долины, мы падаем на травку на невысокой надпойменной терраске – нужно отдохнуть на солнцепёке...

Вдруг! Мы видим, как метрах в семидесяти ниже нас по течению, в пойму речки, с нашей же стороны, спускается молодой медведь!

– О! – изумлённо тычу я, в медведя, пальцем.

– Медведь! – округляет глаза Казанцев.

Мы замираем в позах, как охотники на известной картине «На привале». Постоянно тянущий ветерок, набрасывает наш запах прямо на медведя!

– Чего, это, он?! – не понимает Казанцев, – До сих пор нас не подхватил?

Я, тоже, в недоумении разглядываю медведя, в бинокль: «Ты что, медведик? Нюх потерял?». Медведь, спокойным шагом, спускается по травяному склону терраски. И тут же начинает ковыряться в болотинке ручейка, у подножия этой терраски...

Прошла минута, медведь спокойно пошагал по пойменному ивняку, вниз по речной долине...

Но, не пройдя и двадцати шагов, зверь настороженно замирает!

– Ну, наконец-то!- улыбаюсь я ему, в бинокль, – Не прошло и полгода!

Не тратя времени на озиранья по сторонам в поисках источника запаха, медведь торопливо идёт по ветру прочь, удаляясь от нас.

– Молодец! – шепчу я в бинокль, – Нас – не нужно искать и выяснять! Нужно знать направление, откуда несёт наш запах и просто, спешить прочь! Мо-ло-дец!

Подрезав нас по широкому полукругу, медведь лезет на наш склон, метрах в ста ниже по течению речки. Мы торопливо крадёмся по надпойменной терраске вперёд, в надежде ещё посмотреть на него.

Но – тщетно! По открытым террасам, снег уже сошёл подчистую! И мы, добежав до места выхода медведя из поймы, при всём своём желании, не можем найти ни одного его следа! Здесь – короткой стенкой, стоят полуметровые плотные, «железные» заросли хвоща зимующего. Здесь, следов – не может быть по определению.

– Словно, испарился! – расстраиваюсь я, в горячке коротко сунувшись туда – сюда, – Ну, почему человек так пакостно устроен?! Снега нет – и всё! Конеч!.. Жалко, что мы – не собаки! На нюх, след, как взяли бы!

– Ну, да! – тонким голосом язвит, трудно идущий по пятам за мной, по хвощу, Казанцев, – Только собакой, я ещё не был!

Он всегда такой едкий, я к нему привык...

Теперь, наш путь – вниз по речной долине Тятиной...

Вскоре, мы уже шагаем по краю мамашиного языка. Пихтарник пуст! Я специально всё «пронюхиваю» – и не нахожу ни малейших признаков присутствия медведей! Мне, это – так странно! Словно, прошлой весной, здесь ничего и не было...

Вот и на смотровую тропу выбрались!

– Теперь – прошагать километра три, над речной долиной – и мы дома! – облегчённо думаю я, – Тропа прочищена, теперь – быстро дойдём...

Мы сторожко шагаем по гребню речной долины. Каждый шаг – под контролем глаз, каждая нога. Поставить ногу так, чтобы не хрустнуть сучком! Это так не просто...

А, лесная жизнь – звенит кругом!

– Чвик!, Чвик! – звонко и жизнерадостно, чвикают по ползни.

Под нами, справа, мощные кроны пойменного ивняка. Они уже зеленеют распутившейся листвой. Теперь, просторы поймы, в бинокль – не просмотришь! Перед моими глазами, в поле бинокля – только плотная мозаика свежей и такой зелёной, листвы...

– Кря!.. Кря!.. Кря!..

Где-то далеко под нами, на речной пойме, слышится редкое, одиночное, утиное кряканье. Я шарю биноклем по пойме – так и есть! В одном из мизерных окошек в зелёном море листвы, я вижу, как по длинному перекату речки сплавляется утка. Она крутит головой по сторонам и изредка подаёт голос. Кого-то ищет.

– Кря!

– О! Кряква! – радуюсь я и озадачиваюсь, – А, где же твой селезень? А? Кряква?

Я перескакиваю полем бинокля чуть ниже по речной долине – но в другом окне в зелёной мозаике листвы,

мне открывается уже другой перекат речки, по которому сплавляется пара больших крохалей. Обе птицы – грязной, бурой окраски.

– О! А здесь – уже крохали! На, Серёж, смотри, – я отдаю бинокль Казанцеву, – Два крохаля плывут вниз по речке.

– Вот, вижу... Молодые, бурые... Держи бинокль.

Теперь, я снова смотрю в бинокль... Вот, я вижу длинные шеи уток, головы с красно-бурыми шапочками, длинные и узкие, «бакланьи» клювы, загнутые вниз в шип, на самом кончике...

Крохали сплавляются молча, как два поплавок. То одна, то другая – утки, то и дело, делают неожиданные выпады вперёд по поверхности воды и что-то хватают, чуть ли не с самой поверхности.

– Кормятся мальками! – догадываюсь я и злюсь, – Вот, сволочи!

Да, уж! Много ума не надо, чтобы догадаться! Ведь, сейчас – самый пик ската рыбьей молоди, и речка заполнена множеством спешащих к океану мальков горбуши, кеты и мальмы. Мальков, мне — жалко...

Мы шагаем дальше...

Вскоре, прямо на тропе, натываемся на свежий, выходной след медведя!

– Из речной долины вышел! – я приседаю на корточки и трогаю когтистый отпечаток медвежьей лапы, на лепёшке снега, – Недавно. Молодой, размером с человека.

Но снега, даже под хвойным лесом – уже, практически, не осталось! Так что, нам приходится довольствоваться малым – лишь несколько отпечатков...

– Кий-яаяя!

Над нашими головами, прямо над кронами деревьев, пронзительно взвизгнул сокол! Я торопливо скидываю бинокль.

– Ага! Вот он! Над поймой пошёл.

Плотно сбитое туловище, компактные, сильные, заострённые крылья. Сокол сидел на берёзе, нависающей с кручи в речную долину. Он выбросился в воздушный

океан горизонтально, с гребня – и теперь гарцует в воздухе над речной долиной, на одной с нами высоте. Несмотря на ветреный день, хищник, до изящества, красиво держится в воздушных вихрях.

– Канюк! – говорю я, – Красив! Приятно посмотреть.

– Ясно и так, что канюк, – отзывается Казанцев, – Его, разве, по крику – спутаешь с кем?

– Кий-яяя! – кричит канюк.

– Нет, Серёж! Не спутаешь! – я улыбаюсь канюку, лесу и своему едкому напарнику...

Вечером, лисицы опять не давали нам уснуть! Звенели перед окном нашего Тятинского дома пустыми консервными банками и очень мешали нам своими, кашляющими драками...

– У них, всё – не как у нормальных собак! – глубоко высказался на этот счёт, Казанцев.

Глубокой ночью пошёл дождь.

– Тук, тук-тук! Тук-тук! Тук! Тук...

В крошечной темноте, я его слышу – по глухому стуку капли с крыши, вдоль стен, снаружи нашего дома. И разошёлся! Лил всю ночь и утро...

Однако, уже к обеду, небо быстро освободилось от облаков. Мы выходим из нашего дома и оглядываемся по сторонам. Ослепительным шаром, заиграло на небе солнце! Под его жаркими лучами, густыми белыми протуберанцами поднимается с луж пар испарений!

– Никак привыкнуть не могу! – киваю я, на парящие лужи, – Вот, что значит южное, Кунаширское солнце! На Сахалине, таких протуберанцев водного пара, над лужами – я никогда не видел!

– Хм! – хмыкает Казанцев, – Это называется – «шестьсот километров южнее».

На высоченной сухостоине, что стоит на краю далёкого пихтарника со стороны вулкана, неподвижно сидит мокрый, «белоголовый», Тятинский орлан. Изредка, он грузно встряхивается, топорща перья и чуть раздвигает в стороны крылья – сушится.

Я улыбаюсь мокрой траве, яркому солнцу, переполненным лужам и так комично взъерошенному, соседу: «Да-а-аа!.. Где твой гордый, орлиный профиль, орлан? Ты похож на большую, мокрую, бурую курицу!». Время от времени встряхиваясь всем своим мокрым оперением, орлан оскорблённо посматривает в мою сторону...

Сегодня, мы решаем пройти по низкой морской террасе на восток, за Ночку. От нашего дома, мы выходим на берег океана...

Приближенная оптикой моего бинокля, далёкая линия горизонта колыхнется, пестрит и переливается, словно живая – над океаном, по-прежнему, течёт бесконечная лента буревестников. Там продолжается полёт.

– Буревестники – так и летят! Уже сколько дней! И днем и ночью! – изумляюсь я, в бинокль, – Сколько же там может быть птиц?! Миллиарды!

На море, сегодня, бьёт океанский накат!

– Бу-бухх-буххх! Буххх! Буххх!

Под этот грохот, мы шагаем по вездеходным колеям, вдоль литорали...

Бакланий камень, близ устья Ночки стоит, весь чёрный от бакланов! Я замираю, с биноклем у глаз: «Один, два, три... Семнадцать штук сидит!». Расставив в стороны свои длинные, чёрные крылья, птицы сушат оперение. Дыхан, прошлой весной, мне рассказал, что это – потому, что так устроена эта птица. Дело в том, что баклан – очень древний род! В отличие от утки, он не имеет жировой копчиковой железы. Все утки выдавливают из этой железы сало и, елозя клювами по пёрышкам, смазывают им свои перья. А лишённое жировой смазки, оперение баклана, просто-напросто намокает в воде! Поэтому, эти морские птицы вынуждены сушить свои перья. Стоящие, как изваяния, на камнях бакланы, расставившие в стороны крылья – это, для них, нормально. Так, оно и должно быть.

Проходя по морской террасе мимо бакланьего камня, я всякий раз испытываю большое моральное неудобство! Ведь, бакланы очень осторожны и бросаются с камня в

воду с такого расстояния, когда другие птицы ещё даже и не настораживаются. Получается так, что я обрекаю этих птиц на водные процедуры, после которых им нужно будет сушиться снова!

– Серёж! Бакланов жалко... Давай, пройдем тихо? – предлагаю я, – Чтоб руками сильно не размахивать.

– Ладно! – соглашается Казанцев, – Пусть сидят.

Шаг за шагом, мы размеренно шагаем по колеям нашей заросшей дороги, мимо бакланьего камня. Мы смотрим только вперед! Мы усиленно делаем вид, что не видим ни камня рядом, ни бакланов на нём. Бакланы, сгрудившись в кучу на вершине своей каменной глыбы, напирают друг на друга, готовые в любую секунду горохом сыпануть в воду. Они стерегут каждое наше движение. Ах, как им не хочется мокнуть! Но и мы – не можем отодвинуться в сторону! Мы идём по колеям вездеходной дороги, как поезд по рельсам...

Самые осторожные из бакланов, наконец, не выдерживают напряжения и плюхнувшись с камня в воду, торопливо гребут прочь...

Но, вот! Самая близкая точка пройдена! Всё-также размеренно шагая по колеям, мы начинаем удаляться. Напряжение постепенно спадает и оставшиеся на каменной глыбе бакланы, «выдыхают воздух». Порядочно отдалившись, мы останавливаемся и оборачиваемся назад.

– Бакланы доверились нам, сегодня – больше, чем обычно! – замечаю я.

– Да! – соглашается Казанцев, – Раньше – они срывались без раздумья.

– Пусть сидят, – улыбаюсь я, в бинокль.

– Начинают к нам привыкать, – тоже улыбается Сергей.

– Конечно! – соглашаюсь я, – Мы, ведь, их не стреляем!

Всё сильнее, тянет ветер с запада. День, сегодня, какой-то взбалмошный – очень яркий, солнечный и очень ветреный. Мы переходим Ночку и шагаем дальше, по колеям...

В ветровой тени каждой мини-бухточки, которые мы проходим, ближе к берегу жмутся утки. В основном – это небольшие стайки каменушек. Но, сегодня, нам встречаются и кряквы, и гоголи, и чернети...

Мы выходим из-за очередного мыска побережья – и видим красочную картину: в первой волне прибоя, в белых брызгах буйного, океанского наката, совершенно не обращая внимания на ветер, кувыркаются крикливые чайки. Масса брызг! Масса чаек! Гвалт криков!

– Кья! Кья! Кья-кья-кья-кья! Кья!

– О! Озёрные чайки! – восторгаюсь я, – Подошли с юга!

– Кья-кья-кья-кья! Кья! Кья!

– А, орут-то как! – морщится Казанцев, от чайчих криков.

– Нужно в дневник записать! – не обращаю я внимания на недовольную «мину» своего напарника, – Для календаря природы заповедника – это целое событие!

Сегодня – первый день прибытия этой горластой, птичьей волны! Чайки – ещё с нами не знакомы. Они, так забавно, нас боятся!

– Хм! – недоумённо хмыкает, на это, Казанцев, – Дикие они!

– Они ж – издалека! – объясняю я, – Нас не знают, вообще!

– Кья! Кья! Кья-кья-кья-кья!

Черноголовая, озёрная чайка, своим видом, напоминает крачку – у неё также задорно вздёрнута вверх изящная головка и задрано вверх длинное шильце хвостика. И так же, как крачки, они, до одурения, крикливы...

Круглый год, по нашему побережью обычны скопления очень крупной и спокойной, тихоокеанской чайки. К человеку, эти относятся – до наглости, безразлично! Поэтому чайки, боящиеся человека, для нас с Казанцевым – это очень необычно.

Вернувшись по побережью обратно, к нашему дому, мы проходим по берегу мимо – в сторону устья Тятиной. Здесь, нас ждёт большая новость – речку, в устье, подпёрло штормовой дамбой! От этого – речка сильно разлилась

и подтопила берега. В результате, перед устьем образовалась целая цепь мелководных заливчиков.

– О! – радуюсь я, – Серёж, смотри! Разлив, какой! Целое озеро!

– Ни-че-го себе! – удивляется тот, – Тятинку замыло!

Неожиданно, со стороны разгулявшегося океана, через дамбу легко перескакивают два плотных табунка мелких уток!

– О! Чирки! – я торопливо считаю уток по три, глядя в бинокль, – Три, шесть, девять... В первом табунке двадцать один чирок! Теперь, во втором... три, шесть... Двадцать пять чирков!

Уже близок вечер и чирки сразу же начинают кормиться, опрокидываясь на спокойном водном зеркале речного мелководья, как куклы-неваляшки. Жёлтые лучи заходящего солнца, золотом играют на мелкой водной ряби...

А, нам нужно идти вперёд, через речку! Хочешь, не хочешь – а придётся нарушать природную идиллию! Мы поднимаемся на ноги, из своего укрытия. Заметив нас, чирки, плотным облачком, легко срываются с речки и перескакивают через дамбу...

Перейдя вброд Тятину по перекату, мы шагаем по колеям дороги дальше, в сторону Саратовской...

Буквально за поворотом, в ветровой тени, у самого-самого берега, качается длинный шлейф крупных уток!

– Серёж! Утки! – приседаю я на своей колее, от неожиданности.

– Ага! Кряквы!

Я вытягиваю шею и начинаю считать уток: «Две, четыре, шесть... Тут больше сорока!». Кряквы, спрятав головы под крыло, покачиваются на крупной ряби, достающей сюда со стороны разыгравшегося океана.

– Бух-бухxxx! Бухxxx! Бух-бухxxx!

Там, за поворотом, бьёт такой сильный накат! Земля дрожит! Закрытые от ветра выступом метрового берега, утки отдыхают в затишке...

Стараясь не потревожить уток, осторожно ступая каждый по своей колее, мы проходим по дороге, мимо. Буквально, в десятке шагов! Никто из крякв даже не шелохнулся, не вытащил головы из-под крыла. И выглядят они – очень измождёнными, до предела уставшими.

– Да-аа! – шепчу я, оглянувшись на Сергея, – Измотаны они!.. Вот, погода!

– Ага, – кивает тот в ответ, – Трудное это дело – шторм.

По шиповнику низкой морской террасы, перед нами часто перепархивают стайки мелких птичек. Их звонкое, мелодичное «дзинь – дзинь!», «дзи – ли-линь!», колокольчиками звенит в моих ушах. В полёте, эти птички мельтешат ярко-жёлтыми зеркальцами на крыльях, на общем ядовито-зелёном фоне оперения.

– Китайские зеленушки! – киваю я на птичек, – Смотри, сколько их!

– Весна! – отзывается Казанцев, – Что ж ты хочешь...

Нам – пора возвращаться домой, на Тятино. И мы бредём, изрядно уставшие, обратно...

В синих сумерках, перед нашим домом, как обычно, появились рыжие гости. Лисицы, нас – уже совершенно не боятся! Освещая себе фонариком, ведущую в туалет тропинку, я шагаю за угол дома. Вдруг – шорох! Настороженно обернувшись на звук, я торопливо дёргаю лучом света – в трёх метрах, по тропинке, за мной рысит лисичка! Она тоже останавливается и с нескрываемым интересом, смотрит мне в глаза.

– Привет, лиска! – говорю я ей первое, что приходит, от неожиданности, в голову.

Лисичка, молча, смотрит на меня. Я разворачиваюсь и шагаю по тропинке дальше. Лисичка, сразу же, начинает рысить следом. Я слышу за спиной её лёгкие прыжки...

Я шагаю обратно. Видя, что я приближаюсь по тропинке, рыжая сходит на пару метров в сторону – уступает мне дорогу. Пропустив меня, она снова легко скачет следом за мной... До самой двери дома!

Прошла неделя. Для Кунашира наступает самый разгар весны. Сырые ольховники стали белыми от множества белых крыльев лизихитона! Такие невзрачные до сих пор, серые поймы речек и ручьёв, теперь выглядят нарядными и праздничными! Цветоносы белокопытника развились в полный рост. Повсюду – радуют глаз голубые полянки хохлаток...

Стоя в лопухах, недалеко от берега Тятиной, я гляжу вверх по речке, через длинную и спокойную яму. Через просвет в листве, я в бинокль рассматриваю крохалей. Большие крохали! Их – восемь штук. Крупные как гуси, утки отдыхают, стоя на плоских, заглаженных водой валунах, среди широкого плёса, спрятав головы под крыло.

– Оказывается, у них – такие ярко-оранжевые лапы! Как апельсины! Почему я, раньше, этого не замечал? – озадачиваюсь я, в бинокль, – А! Понял! Мы же, всегда, их видим сидящими на воде! И в полёте, они, лапы поджимают! А, сейчас – они стоят на камнях! Серёж, на! Посмотри!

– Выставили свои оранжевые ласты! На всеобщее обозрение., – имитируя озлобление, цедит Казанцев в бинокль, своим тонким голосом.

Как всегда, я осторожно выглядываю за гребень надпойменной терраски у орланьего гнезда: один из «белоголовых», стоя на краю гнезда, кормит птенцов. Опустив голову вниз, он осторожно захватывает клювом порцию зажатой в когтистой лапе добычи. Резким, коротким движением вверх, он рвёт клювом порцию и осторожно наклоняясь вперёд, подаёт её своим чадам...

Раннее утро.

– Серёж! – зову я Казанцева, стоя у входной двери нашего Тятинского дома, – Иди, посмотри! Всё – бело от инея! Глянь, сколько там, на градуснике?

– Минус пять градусов! – через полминуты, поёживаясь, на улицу выходит Казанцев, – Ух, ты! Бело всё!

– Я же, тебе, говорю!

Минут пять, мы стоим у дома и откровенно дивимся на белое покрывало инея. Потом, поплотнее закрываем

внутреннюю дверь в дом и лезем под потолок, на нар, досматривать свои сны...

– Цррррррррр! – звенит будильник.

Это, через пару часов – у нас подъём.

Я слезаю с нар и первым делом, выхожу на улицу.

– Ну? – хриплым, спросонья, голосом интересуется с нар Сергей, как только я вхожу обратно в дом, – Что там?

– Да, ничего! – удивлённо сообщаю я ему, – Всё – в росе стоит! Трава мокрая!

– А иней? Не может быть! – Казанцев торопливо спускается с нар и сам выходит за дверь.

Через пару минут он заходит обратно, у него – растерянное выражение лица.

– Странно.., – недоумённо пожимает он плечами, – Если бы, в шесть часов, сам лично не вышел на улицу – не поверил бы!

Иней превратился в росу! А, всего через час, вокруг нас – уже сияет яркий, солнечный день!.. Вот, что такое весна! Я совершенно не обнаруживаю признаков обморожения листьев деревьев и травы! Заморозок прошёл без последствий для растительности? Как, это, удивительно! И интересно...

Очередной раз, наш маршрут пролегает по пойме Тягиной, мимо орланьего гнезда. Ну, как тут не поинтересоваться, как живут соседи? И я осторожно высовываюсь над валёжиной. Орлан, на этот раз, сидит далеко от гнезда, на вершине высоченной сухостоины. Находясь в пределах видимости, он всего лишь контролирует ситуацию вокруг гнезда.

– Так! – прикидываю я, – Ну, он уже не сидит в гнезде! И птенцы крупные! Может, сходим, посмотрим что там, под гнездом?

– Ну, пошли! – соглашается Казанцев.

Долго и упорно, мы кувыркаемся с Сергеем в хаос стволов и сучьев обширного бурелома...

Под берёзой, на удивление, всё чисто! Нет ни одной

косточки с орланьего стола. Зато, много экскрементов лисиц!

– Оказывается, лисицы – и здесь подкармливаются! – удивлённо чешу я затылок, – Значит, расположение орланьего гнезда известно и им!

– Хм! А ты как думал? – хмыкает Казанцев, – Лисицы, здесь, жизнь живут! А, мы – только третий год...

– Кле! Кле! – отсюда, с земли, нам слышно, как высоко над нами, в гнезде, грубыми голосами клеочут птенцы орланов...

Интересно тут!.. Но, долго стоять – нам не с руки. Основная забота у нас, сейчас – это сбор материала по фенологии весенних цветов речной долины Тятиной. Мы выбираемся из орланьего завала и снова шагаем вверх по пойме...

Примерно, через каждые четыреста метров, я старательно фиксирую в своём полевом дневничке сезонное развитие адониса, хохлатки, ветреницы, белокопытника, гусяного лука. Всё время, нам навстречу, с верховьев речки, тянет сильный и совсем не тёплый, ветер...

Мы доходим до верхней границы нашей рабочей зоны – это дерево с дуплом рыбных филинов. Посреди обширной пустоши речной поймы, закрывшись от ветра каким-то выворотнем, мы усаживаемся за этим высоченным блином корней и дернины, на ковёр весенней травки. Я снимаю ружьё с плеча и кладу его себе на колени. Приятно ноет освобождённое от тяжести, плечо.

– Фу-ууу! – облегчённо выдыхаю я воздух, – Надо немного «перекурить», перед обратной дорогой.

– Да! Надо посидеть, – бормочет плюхнувшийся рядом со мной Казанцев, закатывая резиновые голенища своих болотников, – Ноги гудят...

Мой взор блуждает по близкому перекату речки, по кронам мощных, редко стоящих вокруг нас, пойменных ив...

Вдруг! Из-за наших спин, совершенно бесшумно, выворачивается лисичка! Своей неизменной, лёгкой рысцой, рыжая неспешно трусит по ветру, в нескольких метрах

мимо нас! Я ошалело округляю на неё глаза. В голову ударяет мысль: «Лисица!... И это, называется, «у нас всё под контролем!»». Лисица, петляющей рысцой удалившись от нас на десяток метров, наконец, хватает наш запах! Она замирает, буквально стекленеет! Медленно-медленно, она поворачивает голову и смотрит через плечо, назад... И видит нас! А, мы – сидим и молча, глазеем на неё. И тут, бедную лисичку разбивает приступ стыда!

– Боже мой! – написано на её мордочке, – Какой конфуз!

Потупив взгляд и съёжившись, рыжая, также медленно, отворачивается от нас. Она трогается с места и словно ничего не произошло, не спеша, рысит дальше...

И только скрывшись от нас за ближайшим бугорком, она даёт волю своим чувствам – бросается бежать, как бешеная! Распустив свой большой хвост по ветру, лисица мчится от нас, как выпущенная из лука стрела!

– Ха-ха-ха! – мы взрываемся хохотом, ей вслед.

– Да-ааа. Какое богатство эмоций! – смеюсь я, – Даром, что лисица!

– Да? – ехидничает Казанцев, – Хорошо, что это лисица, а не медведь! Что, тогда, делали бы?

– Да. Точно, – улыбка слетает с моего лица, – Осторожность потеряли. Нужно внимательнее быть...

Казанцеву срочно требуется выходить в цивилизацию. Я оказываюсь без напарника...

Тягино. Девять часов утра. Очередной сеанс связи.

– Четвёртый центральному!

Это – наша контора. Меня вызывает.

– Четвёртый на связи! – отвечаю я.

– Сань! – обращается ко мне, невидимый Дыхан, – Ты же – вольный стрелок! Сам по себе... А, сейчас – один остался... Приказом директора, тебе предписано к нам, в команду влиться.

Я согласен. Ходовой образ моих полевых работ вполне совмещается с моим пребыванием в Дыхановской компании. Мне бы, только – не одному, по лесам бродить...

– Ты подтягивайся к нам, на Саратовский кордон. Мы, сегодня, туда выезжаем.

– Хорошо. Что за команда? – интересуюсь я.

– Киногруппа из Владивостока. Потом расскажу.

– Ясно. Конец связи.

В этот же день, я перебираюсь с Тятино на Саратовский кордон. Здесь мы и встречаемся – у высокого крыльца Саратовского кордона стоит вездеход. Киногруппа! Это – что-то новое, в моей лесной жизни...

Это трое парней: режиссёр, оператор камеры и звукооператор. Оказывается, ранней весной, в пойме Саратовской работницы заповедника обнаружили дупло рыбных филинов. Эти редкие птицы, сейчас, должны иметь птенцов. Дупло расположено очень удобно для киносъёмки, всего в пятнадцати минутах ходьбы от кордона и «киношники» из Владивостока срочно приехали к нам, на Кунашир, чтобы снять фильм о рыбном филине.

Небольшое помещение Саратовского кордона заставлено большими, фирменными сундуками киношников. Сундуки деревянные, с металлическими наשלёпками по углам. На каждом из них красуется надпись, большими печатными буквами «KETUPA BLAKISTONI». Я, тайком, спрашиваю Дыхана: «Миш, что значат эти слова?».

– Это латинское название рыбного филина, Сань! – улыбается мне, Дыхан, – Они, про него будут фильм снимать. Даже, название фильма, уже есть.

– Да?! Какое?

-»В страну вулканов, за рыбным филином!» – с пафосом произносит Дыхан и тут же интересуется, – Звучит?

– Звучит! – киваю я.

– А, то! – соглашается со мной, Михаил.

Кроме основательного кино и фото оборудования, владивостокцы имеют классное туристическое снаряжение. В привычных хлопотах вокруг печки, незаметно подкрадывается ночь. Мы с Михаилом отбиваемся на солдатских койках кордона.

– Ребята! Ещё две койки свободны! – предлагает Дыхан, – Устраивайтесь на них.

– Нет-нет! – вежливо отказываются киношники.

Раскатав прямо по полу свои туристические коврики, они залезают в импортные спальные мешки. Незаметно скосив свой глаз с койки, я с завистью рассматриваю эти туристические богатства. Кому как не мне, восемь месяцев в году проводящему в лесной жизни, не знать истинную ценность этого снаряжения!

Саратовский кордон. Утро. Перед нами предстаёт злой как чёрт, грубо матерящийся на весь кордон, Дыхан!

– Блин! ... твою мать! Чтоб тебе...!

Бодрая побудка, нечего сказать! Из потока его отборной ругани я понимаю, что Михаил уже успел сбегать к дуплу филинов. И обнаружил его пустым! Дупло пусто! Всем без слов ясно, что это – крах...

– Я же говорил этому чучелу: «Не лезь! Близо не подходи к дуплу!» – яростно скрипит зубами Дыхан, в адрес так удачно отсутствующего на кордоне, лесника.

Но, делать нечего. Что сделано – то сделано. Киношники сидят в глубоком раздумье. Я им глубоко сочувствую...

Приближается вечер.

– Сань! Не хочешь филина послушать? – подходит ко мне Дыхан, – А то, пошли! Вдвоём веселее.

– Конечно! – мигом соглашаюсь я, мне всё интересно, в окружающей лесной жизни.

Мой огромный тесак и секция патронташа – у меня всегда на поясном ремне. Ружьё в руку – и я готов! Прямо с лесной поляны кордона, мы, не спеша шагаем по весеннему голым просторам надпойменной террасы Саратовской, вверх по речке. Надпойменные террасы, у этой речки, совсем невысокие – метров пять, максимум. Нам спешить некуда – до сумерек времени ещё много.

– Хррум! Хррум! Хррум! Хрумм!

Под нашими болотными сапогами громко трещат, валом лежащие на почве, прошлогодние трубки высохших за зиму стеблей высокотравья. С этим грохотом и треском

нам приходится мириться – возможности идти тише, практически, нет...

Михаил, издали, облюбовывает голый пригорок, чуть выдающийся в пойму речки.

– Во-оон, у той берёзы сядем, – кивает он вперёд, на одинокую берёзу, стоящую на мыске.

Мы поудобней устраиваемся на валёжине – сидеть, не шевелясь, придётся долго...

Всё. Мы сидим... Меня обволакивает спокойствие и неторопливость природы. Перед вечером, всё вокруг замерло. В мире разливается стеклянная тишина. Абсолютное безмолвие... Лишь изредка, оно нарушается едва уловимым, коротким шорохом. И, снова, всё стекленеет...

Но, ведь, сидеть, затаившись среди леса – для меня никогда не было в тягость! Вот и сейчас, отрешившись от всего, я растворяюсь среди склонов противоположных сопок хребта Докучаева, среди перелесков, среди ивняков речкой долины, среди стволов деревьев, в изгибах речки, в океане окружающего нас воздуха...

Незаметно подкравшись, вечер набрасывает на нас своё синее покрывало. «Синие сумерки», как я говорю...

– Ууу.., – откуда-то с верховий речки, над речной долиной к нам приходит едва различимый вздох.

– Слышишь? – встрепенулся Дыхан.

Не шелухнувшись, я вопросительно скашиваю на Михаила глаз.

– Это рыбный филин! – коротко шепчет он.

И замирает. Обратившись в слух, мы ждём. Кругом стоит абсолютная тишина вечернего леса...

Вот, опять! Над поймой приходит спокойный, мужской бас: «У-гуу». Словно, кто-то, далеко кашлянул басом...

– Ага! – вычисляет радостный Михаил, – Вон куда ушли! В самые верховья Саратовки!..

– У-гууууу! – минут через пять, приходит звук.

На этот раз, бас слышится немного отчетливее и громче. Я с интересом вслушиваюсь в этот необычный звук леса.

– Это, они, уже наорались и пошли на охоту! – шепотом, поясняет Дыхан, – Слышишь? Этот звук, как бы, тройной? Это, так называемое, бифокальное пение. Этот феномен, совсем недавно выяснили. Ты, про Пукинского что-то знаешь?

– Нет, – коротко качаю я головой.

– Он на Бикине, в Приморье, круглосуточно сидел в скрадке, у дупла рыбных филинов. Оказывается, это кричит не одна сова, а обе птицы токующей пары!

Натолкнувшись взглядом на мои глаза, он улыбается моему неведению.

– Совы парами живут, понимаешь? – втолковывает он мне.

– Ага! – киваю я.

– Токовой крик у них – «У! Гу! Хууу!». И это всё звучит – одним криком.

– Ага! – киваю я.

– Так вот, первый слог крика кричит одна птица, второй слог кричит вторая птица пары. А заканчивает, третьим слогом, опять первая птица. Получается – один, общий крик, в два голоса. Понимаешь?

– Ага! – киваю я головой, опять.

Словно в подтверждение его слов, громкий и густой бас: «У-гу-хууу!» раздаётся прямо напротив нас, в пойме! Он, раскатами, несётся над разом притихшей, речной долиной...

Вечер. Кордон Саратовский. «Совет старейшин» решает завтра, с утра, поискать новое дупло рыбных филинов. Шансов у нас, конечно, немного, но и выбирать, собственно, не приходится...

Очередное утро. Начало яркого, весеннего дня. Мы, всей группой движемся по пойме Саратовской от устья, вверх по речной долине. Мне, это – прикольно! Пять человек! Столь многолюдные экскурсии по лесу, для меня – вдиковинку...

В нижнем течении Саратовской, пойма речки сложена высокоствольными ивняками. Вокруг нас высятся толстенные стволы деревьев, похожих на тополя.

– Сань, что это за ива? – коротко оборачивается ко мне, на ходу, Дыхан.

– Это ива Урбана! – отзываюсь я, – Помнишь, прошлой весной, на Тятинке, ты у меня спрашивал? Когда на дерево с дуплом лазил?

– Ну, – кивает Михаил.

– Это – та же самая ива. Я её, по определителю смотрел.

К полудню, набившие руку на съёмках дикой природы, киношники, отыскивают в невысоком, глинистом берегу речки, нору обыкновенного зимородка! На этом берегу, они устанавливают свою треногу с камерой. Мы с Михаилом тоже наводим свои бинокли под тот берег, через речушку...

– Саня, смотри! – подсказывает мне Дыхан, – Видишь чёрную дырочку в верхней части обрывчика?

– Ага! – киваю я в бинокль.

– Это – нора зимородков. А, рядом с ней – из глины торчит корешок! Видишь?

– Вижу.

– Это – присада. На неё птички садятся перед тем, как юркнуть в свою норку. А теперь, от этого корешка, вертикально вниз веди, почти к урезу воды...

– Ну.

– Видишь, на камешках белеют пятнышки птичьего помёта? Это значит, что нора жилая.

Я усмехаюсь, не отрываясь от бинокля – всё так логично и просто! Эти тонкости, профессионал – просто, знает! Мы затаиваемся на поросшем зелёной травой пригорке. Мы ждём хозяев норки...

– Цы! цы! цы! цы! цы! Цы!

Пронзительно, по-цыплёночьи грубо цыгая, ярко раскрашенная, маленькая птичка с несуразно-большим, прямым клювом, стремительно пролетев над самой водой переката сверху по речке, с разгону прилепляется на корешок-присаду! Я торопливо разглядываю зимородка, в бинокль: «Какое чудо! Ярко-голубые, изумрудные переливы крыльев, ярко-оранжевая, как апельсин, грудка»...

Фантастичностью окраски, зимородок напоминает мне новогоднюю игрушку.

– Яркую, жёлто-синюю, новогоднюю игрушку пришили на наш корешок! – думаю я, – И эта, искусственная игрушка, никак не вяжется с окружающим фоном травы и воды!

Тем временем, птичка исчезает в своей норке...

Идёт время, нам пора вставать. Ведь, наша главная задача – искать дупло рыбных филинов. И мы с Михаилом, задом отползаем с пригорка...

Оставляем киношников работать с зимородками. А сами уходим выше по речке. Теперь, мы присматриваемся к толстым стволам деревьев.

– Рыбные филины – птицы очень крупные! Величиной с орлана, – объясняет мне, на ходу Дыхан, – И дупло им нужно – крупное, не меньше шестидесяти сантиметров в поперечнике.

– Это – внутренний размер! – уточняю я, подстраиваясь под широкий шаг Дыхана, – А, стенки? Сантиметров пятнадцать с каждой стороны. Значит, ствол дерева должен быть сантиметров девяносто!?

– Ну, да! – кивает тот головой, широко шагая своими длинными ногами и уточняет, – На уровне дупла. А, это – метров пять – шесть от земли. Значит, внизу – никак не меньше метра, получится.

Это значит, что совсем не каждое дерево способно нас, сегодня, заинтересовать...

Вот впереди, прямо на противоположном берегу речки, среди деревьев выделяется слегка наклонённая к речке, короткая и очень толстая ольха. Мы подходим ближе. На высоте около трёх метров, на стволе ольхи темнеет провал дупла!

– Подожди здесь! – говорит Михаил.

Он переходит перекатик речки и карабкается вверх по стволу...

Камера дупла – просто, грандиозна! В него – хоть сам залезай.

– Нет! В это дупло сова не пролезет! – кричит мне Дыхан. Да я и сам вижу, что вход в дупло, широкой лентой, перекрывает вертикальный тяж живой древесины.

– Жаль, что у нас нет с собой ножовки!

– Ну! Без неё – здесь, никак! – совещаемся мы.

– Ладно! – решает Дыхан, – Завтра захватим...

На следующий день, мы уходим, всей нашей группой, в самые верховья Саратовской. Сегодняшний день выдаётся туманный и тихий...

В верховьях Саратовской, Дыхан умудрился отыскать одно дупло! Оно находится в стволе толстой берёзы. В гуще крон других деревьев, это дерево растёт на краю надпойменной террасы и наклонно вывешивается в воздух речной долинки. Вход в дупло обращён не к речке, а вниз по течению, вдоль речной долины! Пройдёшь по пойме – и не заметишь.

– Как он его нашёл?! – удивляюсь я, про себя, – Вот, что значит – профи!

Однако и это дупло, в этом году, пустоет...

Мы всегда стараемся делать наши маршруты круговыми – чтобы на обратном пути не идти своим же следом, вхолостую. Вот и сегодня – наша пятёрка возвращается не по долине Саратовской, а по распадкам соседних ручьёв, километра на три сдвинувшись от этой речки восточнее, к Тятиной...

– Впустую угробили целый день! Убили время и свои силы! – в моей голове блуждают нехорошие мысли, – Скорее бы кордон...

Перед моими глазами – зелёное однообразие сырого ольховника, узкой лентой сопровождающего безымянный ручей. Ручей – одно название. Буйная зелень осок, лизихитона и свежей листвы деревьев ольхи, в моих уставших глазах сливается в сплошное месиво.

– Чвок! Чвок! – под болотниками постоянно чавкает сочащаяся водой почва...

– Стойте! – неожиданно тормозит нас, шагающий первым, Дыхан, – Медведь!

– Где?

Сгрудившись в кучку, мы пытаемся что-нибудь разглядеть впереди.

– Вон! Стоит, – Михаил показывает рукой вперёд, – Бурое пятно видите?

По правде сказать, мне очень трудно увидеть бурый цвет в мешанине лесной зелени. Может быть, очки как-то нарушают цветопередачу? Или ещё что... Но я давно заметил, что любой мой напарник без очков, всегда замечает медведя раньше, чем я! Всегда! Вот и сейчас – мне удобно смотреть в бинокль. Поэтому, я торопливо поднимаю очки на лоб и поднимаю к глазам бинокль...

Вот! В поле бинокля я вижу крупного, чёрно-бурого медведя! Опустив голову к земле, он, как корова, пасётся на траве...

Мы, несколько растерянно, переминаемся с ноги на ногу. Ведь, медведь для нас – не объект нашего интереса. Это – одна из серьёзных неприятностей, которые сопутствуют нам в нашей лесной жизни.

– Интересно! – вертится в моей голове, мысль, – Что нам делать дальше?

Наконец, опомнившиеся киношники бросаются торопливо расчехлять «медвежий вариант» своей киноаппаратуры...

Стоящий впереди всех, Дыхан не замечает торопливых приготовлений оператора, за своей спиной.

– Эй! – громко, коротким басом, кричит он медведю.

Однако, поглощённый кормёжкой, зверь совершенно не воспринимает его короткий хриплый крик, в какофонии лесных звуков! Я неотрывно смотрю на него в бинокль...

– Э-эйий! Ты что, там?! Совсем охренел? Чтоб тебя..! – грубо кричит на медведя, Дыхан.

И я вижу, как полузакрытый от нас тонким, кривым стволом ивы, медведь стекленеет. Словно, боясь поверить в услышанное. Мы, не прячась, стоим своей кучкой посреди чахлого ольховника и громко переговариваемся между

собой. Зачем нам прятаться? Наоборот! Мы хотим, чтобы медведь нас не только услышал, но и увидел! И ушёл с нашей дороги. Приблизенный оптикой бинокля, изогнувшись всем телом, медведь, словно перетекая, медленно переливает из-под ствола дерева переднюю часть своего большого туловища, на нашу сторону. По обе стороны его рта свисают пучки только что скушенной травы. Зверю, сейчас – не до неё, весь обратившись в слух, он ловит глазами малейшее движение. Он ищет источник звука! Ему нужно сориентироваться...

Наконец, натолкнувшись на нашу группу взглядом, медведь застывает! И также плавно перетекает обратно, за ствол дерева. Огромная медвежья башка медленно исчезает под корягой...

Всё! Исчезла... Медведя нет!

– Как чёрт из табакерки! – изумлённо думаю я, – Вот – он, только что, был! И вот! Его уже нет! Так и натолкнуться можно!

– Где медведь?

– Я не понял!

– Куда он делся?

Это галдят, стоящие рядом со мной, киношники. Они – без биноклей. Я опускаю свой бинокль. И тоже ничего не вижу, в мешанине листвы, стволов и веток.

– Уже удрал?

– Да, нет! – возражаю я режиссёру, – Там он! На месте!

Снова прильнув к биноклю, я навожу поле зрения на корягу. И первое время, ничего не замечаю...

Но, вот! Я вижу узкую чёрную полосу медвежьего тела! Закрываясь от нас корягой, медведь старается незаметно отодвинуться от нас. Шаг за шагом, он медленно отходит всё дальше...

И только, достаточно отдалившись, он даёт волю своим чувствам. Я смотрю, как, уже не скрываясь, чуть пригнув голову к земле, размашистым, горбатым галопом, крупный чёрный медведь стремительно мчится по ольховнику влево, прочь от нас...

– Ну, вот! Теперь можно и дальше идти! – удовлетворённо разворачивается к нам, Дыхан.

И только теперь, он замечает стоящего перед ним оператора с объективом-телевиком в одной руке и треногой приготовленного к работе штатива – в другой!..

– Тьфу! – в сердцах, плюёт себе под ноги, Михаил, – Вот же, блин!

Побережье оказывается совсем рядом! Пройдя вперёд по ольховнику, с полкилометра, мы вываливаемся из лопухов ольховника на низкую морскую террасу. Наша заросшая дорога, вьётся здесь же.

– Ну, всё!

– Вышли!

На колеях нашей заросшей дороги мы разворачиваемся вправо, в сторону Саратовской. Теперь, пройти километра три по колеям – и мы дома!..

Саратовский кордон. В месте впадения второго правого притока речки Саратовская, стоит группа высоченных деревьев. Это – тоже ивы Урбана. Это, бесспорно, самые высокие деревья в долине речки. Со своего мыска, мы с Михаилом, вчера вечером, именно отсюда слышали крики рыбных филинов. Сегодня, киношники решают попробовать снять сов на кинокамеру.

– Сань! – подходит ко мне, под вечер Михаил, – Ты не мог бы посидеть с Генкой в скрадке? Одного его, пускать – не хотелось бы. Мало ли, чего? В сумерках, да лопухах...

– Ну, давай! – с готовностью соглашаюсь я.

– Их карманную рацию «Уоки-токи» с собой возьмите! А, мы – на связи будем...

– Ага!

И вот, мы с оператором, отправляемся на вечер...

От кордона мы напрямую пересекаем широченную пойму Саратовской. Вот они, высоченные деревья! Здесь, под ивами, прямо в лопухах, мы ставим зелёную, брезентовую палатку Малютка, приспособленную киношниками под скрадок. Оператор Геннадий залезает вовнутрь и устанавливает в скрадке треногу с кинокамерой. Чтобы

не делать лишних движений в присутствии филинов, он заранее нацеливает трубу объектива прямо в небо – на высоченные вершины деревьев. Я, пока, стою снаружи. Вокруг – сплошной ковер зелёных зонтов белокопытника. Лопухи – мне, уже достигают до пояса. Наша зелёная палатка оказывается ниже уровня лопухов! Это, мне, очень не нравится...

Приближаются сумерки, скоро могут прилететь филины, мне тоже нужно убираться с глаз. И я, опустившись на колени на землю, заползаю в скрадок.

– Как в нору! – тревожно думаю я, гусеницей изогнувшись вокруг одной из ножек штатива.

Оператор устроился буквально под своей треногой. Я, со своим ружьём, призван его охранять. Всё! Нам нельзя и шелохнуться – у сов потрясающий слух. Мы замираем, в ожидании...

– Вот уж, кого замучаешься снимать! – думаю я, – У дневных хищных птиц, типа орланов, хоть, одно только зрение есть! А, тут – не только зрение, но и слух! Пальцем пошевелить нельзя! Ну и дела!

Весна, сейчас – в разгаре и лопухи растут, чуть ли не на глазах. Вот, например, листья белокопытника, среди которых мы затаились, закрывают нас не только с боков, но и сверху! На этот счёт, меня одолевают тревожные мысли: «Сидим – как в яме! «Ничего не вижу, ничего не слышу»! Медведь на нас может, просто, наступить! Ненароком... Они же сейчас, к сумеркам, в пойму кормиться выйдут!»...

– Ззззззззззз! – под моей рукой, комаром звенит зуммер киношной мини-рации.

Нажав на кнопку, я коротко и тихо отзываюсь: «Да?». Спокойный голос Дыхана, тихо и коротко спрашивает: «Как у вас?». Я, молча, улыбаюсь в ответ – знает, чёрт, что нам особо болтать нельзя! Поэтому спрашивает так односложно и тихо.

– Пока спокойно, – я едва разжимаю рот.

– Понятно, – я с трудом различаю ответ, – Я на приёме. Если что – сразу говори.

Я благодарно улыбаюсь корреспонденту. В душе разливается уверенность и спокойствие. Хорошо, когда рядом ощущаешь незримое плечо друга. Мы снова замираем. Я, с тревогой, вслушиваюсь в шорохи, снаружи нашего скрадка...

Филинов всё нет. Их криков – не слышно, сегодня, тоже. Темнота, плотным ковром, опускается на нас...

– Ззззззз! – снова звенит зуммер рации.

– Ну, что? – это опять Михаил.

– Нет ничего! – я усиленно скрываю нотки досады в голосе.

– Ну, ладно. Я, тут, уже всё сварил. Давайте, выдвигайтесь к нам. Мы вас ждём.

Без тени сожаления, я выползаю из нашей брезентовой норы. Выпрямившись у входа в палатку в полный рост, я с удивлением озираюсь по сторонам: «Да-ааа! Его Величество, Ночной Лес!». Тёмный, мрачный и тревожный. Какой я чужой, в этом непонятном мире!..

Осторожно, наострив глаза и уши, мы с Геннадием пробираемся через лопуховую равнину поймы, к нашему кордону. Там нас ждёт защита бревенчатых стен, тепло и еда...

Утром, у наших друзей-киношников появилась идея снять, как можно более грандиозную, панораму вулкана Тятя. Посоветовавшись насчёт точки съёмки с Дыханом, они выбирают вершину высокой сопки, обрамляющей с запада речную долину речки Саратовской. И вот мы, своей неизменной пятёркой, шагаем вверх по Перевальному. Это и есть второй правый приток Саратовской, в месте слияния которого с речкой, мы с оператором Геннадием сидели в скрадке, вчера вечером...

Мы шагаем, как всегда, заглядывая во все закоулки леса. Это наше побочное занятие, а главное, на сегодня – подняться на вершину сопки. Михаил, резонно решил обойти сопку вокруг, по Перевальному и попробовать подняться на её вершину по её западному, обратному от нас, склону. В отличие от склона, обращённого к долине

Саратовской, на этом склоне – ещё никто из нас, не бывал. А это придаёт особую интересность нашему маршруту...

Работа у нас – ходячая. Пройдя равнинные пространства речной поймы, мы доходим до места, где ручей с обеих сторон сжимают высоченные склоны сопки. Наша киногруппа где-то затерялась позади. Или мы с Михаилом немного вырвались вперёд? Мы стоим с ним перед входом в распадок, посреди обширных прогалов, поглядываем назад и ждём.

– Смотри! Нора! – говорит Дыхан, глядя в бинокль вперёд и выше, на пологий и голый склон распадка.

Я шарю полем своего бинокля по пожухлой траве прогалин... и натываюсь на чёрный провал норы.

– Наверно, лисья! – прикидывает Дыхан, – Пошли, ближе подойдём?

– Пошли, – соглашаюсь я.

И мы начинаем подниматься по пологому склону сопки...

– Но, что-то она, больше лисьей! – озадачивается Михаил, в очередной раз подняв бинокль к глазам, – Слушай! А, ведь – это берлога!

Берлога?! Это интересно! Очень! Но, это – уже серьёзно, это меняет всё дело. Чтобы подобраться к берлоге, нам нужно лезть прямо вверх по склону. Хотя, ещё и далеко, но мы расходимся в разные стороны. Мне кажется, что так нужно, с точки зрения безопасности...

Осторожничая, мы подступаем к отверстию входа в берлогу с боков, а не снизу. Мы, ведь, умные? Умные. Берлога выкопана в земляном бугре старого оползня. Ниже входа, заметно выделяется отвал каменистой породы.

– Отвал, смотри, какой мощный! – кивает Дыхан, – Столько почвы лисица из норы не выбрасывает! Я это, по Шикотану знаю, собака на них съел.

Мы осторожно заглядываем в берлогу – там полнейшая темнота.

– О-оо! – кричит туда Михаил.

– А-аа! – вторю ему я.

Мы чуть отступаем, в разные стороны от входа...

Тишина в ответ.

– Вроде бы, никого нет! – озадачивается Михаил, – Что же делать?

– Пошурудить бы там, чем? – соображаю я, оглядываясь по сторонам в поисках жерди.

Подхватив с земли, поблизости, трёхметровую «пику» сухого прошлогоднего стебля какалии, я засовываю его в отверстие: «Сейчас посмотрим, какая глубина!». Однако, увь! Моя трёхметровая мерка оказывается коротковатой.

– Надо бы, промеры снять, – задумывается Дыхан, – Для Летописи природы заповедника, это ценная информация! Не каждый день, берлоги находят.

– Да-ааа. Это точно, – соглашаюсь я.

Ладно, что тут долго думать? Я бережно укладываю на пожухлую траву склона своё ружьё, снимаю с пояса ремень с тесаком и секцией патронташа – ведь, вход в берлогу довольно узкий и я должен похудеть в талии. Сунув в карман рулетку, дневничок и авторучку, я осторожно заглядываю в нору...

Нужно лезть! Я засовываю голову и плечи в нору. Вокруг сияет ослепительно яркий, весенний день. Но я, словно пробка в бутылке, затыкаю собой вход, и всё становится черно. Абсолютная темнота! Я усиленно смаргиваю глазами. И убеждаюсь в том, что разницы нет. Мои глаза – что открыты, что закрыты, эффект одинаков. Полная темнота и тишина!..

Вытянутыми перед собой руками, я ощупываю стенки этой, горизонтально уходящей в сопку, норы. И медленно, по десятку сантиметров за раз, ползу вперёд. Пощупаю пальцами – проползу, пощупаю – ещё проползу...

Нора входа несколько изгибается вправо и, по-моему, постепенно расширяется. По крайней мере, мне, в её узости, стало просторнее. В полнейшей тишине, мои уши ловят лишь шорох осыпающихся под моими пальцами, мелких комочков земли...

– А если там, в глубине, медведь затаился?! – лезут в голову всякие идиотские мысли, – А я, ведь, задним ходом не выползу! Куртка задерётся на плечи, и я просто закупорю вход!

Я гоню, такие мысли, прочь! Ничего другого мне не остаётся. Как говорится, назвался груздем – полезай в кузов...

– Какая авантюра! – вопит во мне, внутренний голос.

Наконец, пальцы моих, вытянутых вперёд, рук – не находят боковых стенок! Я осторожно ощупываю это место – земляные стенки справа и слева, под прямым углом, расходятся в разные стороны.

– Так! Впереди расширение! – прикидываю я, в полнейшей черноте, – А что дальше? Понятия не имею! Я что, когда-нибудь в медвежьей берлоге был?!

Я нащупываю пальцами маленький комок земли на полу и бросаю его вперёд. Вслушиваюсь в абсолютную тишину... Всё тихо!

– Вроде, никого нет! – неуверенно думаю я.

Делать нечего. Прижимаясь к правой стенке, я вползаю в расширение – и, наконец, в берлогу, мимо меня проникает далёкий, серый свет со стороны входа. Я вижу, что в помещении никого нет!

– Фу-ууу! – я расслабленно обмякаю, уронив голову на вытянутые вперёд, руки, – Никого нет...

А, мои глаза, уже заинтересованно, изучают берлогу...

Оказывается, я нахожусь в довольно вместительной, округлой камере! Я принимаю сидячее положение. Поднимаю руку над головой и дотрагиваюсь до округлого свода камеры. Стены берлоги, да и сам её свод, испещрены глубокими царапинами от когтистых лап...

– Интересно! – прикидываю я, прикасаясь к бороздам от когтей кончиками пальцев, – Спрессованная глина! Как камень! Медведь выкорябал в ней берлогу! Потрясно...

– А, подстилки – никакой нет! – продолжаю я, оглядываться по сторонам, – Только эта холодная, закаменевшая глина...

Я сижу, прямо на глиняном полу. Здесь сильно тянет холодом, как в погребке. Вытащив из кармана рулетку, я растягиваю её ленту, пытаюсь измерить ширину камеры. Но, у меня ничего не получается! Спальная камера гораздо, гораздо больше размаха моих рук. Я понимаю, что одному, это проделать – мне нереально.

– Миш-ка! – что есть сил, кричу я, в сторону далёкого оконца серого света, понимая, что наружу долетит лишь малая часть моего вопля.

– Что? – до меня едва доносится голос Дыхана.

– Помоги измерить! – ору я.

– Я там не помещусь! – едва доносится крик, снаружи.

– Ещё как поместишься! – кричу я изо всех сил, чтобы докричаться, – Я не могу, один!

Скоро, разом наступает темнота – это Дыхан заткнул собой отверстие входа. Скоро слышится его близкое дыхание, и Михаил вползает ко мне, в камеру. Сразу становится всё серым, от далёкого света. Так же, как и я, Дыхан усаживается на полу, скрестив ноги.

– Да-ааа! – восхищается он, с любопытством осматриваясь по сторонам, – Вот, это камера!

– Ну! – соглашаюсь я, – Тут, места – пятерым хватит!

– Смотри! Когтями всё выкорябал! – так же, как и я, минуту назад, Михаил поднимает руку над головой и трогает пальцами плотную, исполосованную медвежьими когтями, поверхность свода камеры, – Здор-ров же, зверюга!

Продолжая переговариваться между собой, мы начинаем делать замеры.

– Сань, держи конец рулетки там! – командует Дыхан, – Так! Записывай! Высота потолка спальной камеры сто восемь сантиметров. Ширина камеры – сто тридцать семь. Длина камеры – сто семь. Размеры входной норы, у спальной камеры – ширина восемьдесят и высота девятью семь. Записал?

– Да, успеваю, – отзываюсь я, отрываясь от своего блокнотика.

– Давай, вылезай. Я конец рулетки подержу в начале камеры, а ты – на уровне земли глянешь длину входной норы.

Я шустро ползу наружу...

– Так! Держи! – кричу я, – Длина норы входа... два метра тридцать пять сантиметров!

Дыхан тоже показывается из-под земли и берёт в руки рулетку...

– Так. Пиши дальше... Ширина входного отверстия на выходе... шестьдесят четыре сантиметра. Высота – семьдесят четыре.

– Слушай, Миш! – делюсь я интересной мыслью, – Мы сейчас там сидели, без ничего. Ружья остались тут, на земле. Вот бы, медведь залез...

– Не залез бы! – отрезает Дыхан, – Нечего ему, там делать! Он, уже месяц, как отсюда свалил.

Всё! Мы бодро сбегает к подножию склона, к уже ожидающим нас, киношникам.

– Что там делали? – встречают они нас, – Смотрим – вы на склоне.

– Берлогу нашли!

– Вот! Мерить залазили.

– А!

– Понятно.

Всем составом, мы шагаем дальше, вверх по Перевальному...

Вот! Наша пятёрка тормозится. Это – конечная точка нашего прохода по ручью. Теперь, нам нужно развернуться, практически, в обратную сторону – и в сопку! То есть, нам нужно подниматься по крутому, закрытому плотным пихтарником, склону... Надо бы основательно отсидеться, перед таким подъёмом. Рассевшись в рядок по стволу старой, согнутой до самой земли, ивы, мы устраиваемся на большой перекур...

Долго сидеть нельзя! Через пять минут, мы поднимаемся со ствола. Задрав головы к небу, мы стоим и осматриваем очень крутой и очень высокий склон. А там –

остроконечные вершины пихт и елей, всё выше и выше по склону!

– Так круто и высоко, что голову сломаешь! – прикидываю я, – Чтобы посмотреть.

– Да-ааа! В ближайший час, нам будет не очень весело, – изрекает Дыхан и командует, – Ну, что? Пошли!

Всё выше, и выше, и выше... Вокруг – совершенно зимний рыхлый, метровый снег! Шапки рыхлого снега лежат на пихтовых лапах! И густой подрост пихтарника – тоже в снегу... После многочисленных стоячих перекуров, когда, переломившись пополам, задыхаясь, стоишь на подгибающихся ногах, мы подбираемся к гребню сопки.

Сколько я ни старался не отстать, Дыхан, всё-равно, ушёл вперёд. Ребята-киношники – вообще потерялись из виду, где-то далеко сзади. Я, их, уже не жду – мне, уже не до них, самому воздуха не хватает и сил тоже...

С трудом переставляя ноги, я бреду через гребень, уже почти по горизонтали... Заснеженный, зимний пихтарник остался за спиной. А, здесь – заросли кедрового стланика. Как хорошо, что они, всё ещё закрыты мощны снегом! Здесь, на высоте, постоянные ветра сделали из снега плотный наст. Хорошо идти по насту! Под моими ногами, изпод наста, торчат лишь верхушки стланика...

За гребнем, моим глазам начинает открываться грандиозная панорама! Полнеба вверх, полнеба вниз! Но мне, пока, совершенно не до неё. По следу болотников на настe, я вытрапливаю Дыхана. Дохлый, он понуро сидит ко мне спиной, сразу за переломом гребня, на жёлтой, жухлой траве проталины. Как подкошенный, я падаю рядом.

– Где... киношники? – хрипло и по одному слову, интересуется он.

У меня нет сил говорить, пока – я могу только хрипло дышать...

– Где-то... там, – через минуту, изрекаю я, между хриплыми вдохами, с трудом ворочая непослушным языком.

Тяжело дыша, мы больше ни о чем не говорим...

Минут через десять – пятнадцать, из-за гребня, один за другим показываются наши друзья! Своей тройкой, они бездумно бредут гуськом, по нашему следу. Их, пока, бесполезно о чём-либо спрашивать...

Ещё минут через десять, мы с Михаилом приходим к себе и подняв бинокли к глазам, осматриваем окрестности. А, панорама – действительно грандиозна! Во всей красе, в полный рост, прямо перед нами, стоит громада вулкана! Громада! Справа – безбрежная синева океана, до горизонта. А под ногами – солнце ярко освещает сопки, обширные чёрно-зелёные массивы хвойных лесов междуречий, рассекаемые узкими лентами серых ивняков, по ручьям...

– Вот, это да! – восхищается Дыхан, – Не думал, что Тятя – такой огромный и высокий! Снизу, от подножий смотреть – ну гора и есть гора. А, тут...

– Ага! – соглашаюсь я, поедая вулкан глазами, – Огро-омный! Я, такого Тятю, ещё не видел!

И я увлекаюсь созерцанием вулкана, в бинокль – это целая страна гребней, барранкосов, рощиц берёзового стланика. Пояс кедрового стланика вулкана – ещё закрыт снежным настом...

– Саня! – зовёт меня Дыхан, – Медведь!

– Где? – торопливо интересуюсь я.

– Во-оон! Прямо под нами! На большую, жёлтую проплешину перед Саратовкой, выходит. Видишь?

Полям своего бинокля, я быстро нахожу чёрную точку медведя в самом начале жёлтого поля.

– Ага...

На фоне желтовато-серых, весенних полян, чёрный зверь виден – очень контрастно! Он вышел из-под хвойного леса слева, намереваясь пересечь обширное, освободившееся от снега, безлесное пространство. Летом, здесь поднимется трёхметровое море высокотравья, а пока – всё голо и пусто...

Сделав несколько шагов вперёд, медведь замирает, напряжённо подавшись туловищем вперёд и чуть вскинув голову.

– Ага... Воздух носом тянет! – бормочет Дыхан, в бинокль, – Принюхивается.

Убедившись, что опасности нет, медведь снова шагает вперед...

Но, сделав всего десяток робких шагов, он снова замирает! Стоит, весь напряженный, подав вперед своё тело и слегка подняв голову. Восьмикратная оптика моего бинокля хорошо передаёт напряжённую позу остекленевшего медведя...

Вот, зверь вновь растормаживается и шагает вперед... Но, через десяток шагов, он опять замирает! Всё повторяется вновь, и вновь, и вновь...

Наконец, открытые просторы весенних полей пройдены! Медведь скрывается с глаз, спустившись с невысокой надпойменной террасы, в пойму речки.

Михаил опускает свой бинокль и поворачивается ко мне: «Сань! Ты видел, как он шёл?! Смотреть жалко! Через три шага останавливается и по сторонам озирается. Царь природы, мать его!.. Теперь, ты видишь, кто кого боится?». Я смотрю в Дыхановские глаза и молча, улыбаюсь в ответ. Дыхан убеждён, что мне нужно помочь преодолеть психологический барьер страха перед медведями, который я получил в драке почти два года назад. Почему он решил, что я вообще получил этот страх?! Да, ладно! Я и не пытаюсь разубедить его, в этом...

Киношники, наконец, отдышались. Установив на треногу свою кинокамеру, оператор строчит объективом из стороны в сторону, как заправский пулемётчик! Режиссёр показывает ему руками, оператор строчит. У них сейчас – работа, у них – процесс. К ним, сейчас – не подходи...

Сегодня, у нас – «транспортный день». Всей своей кинобандой, мы перебазировемся на Тятино. «Совет старейшин» решил, в поисках дупел рыбных филинов, обследовать речную долину Тятиной. Всё-таки, эта речка имеет куда большую речную долину...

Караваном из пяти человек, под рюкзаками, мы выходим с лесной опушки Саратовского кордона, на бамбуко-

вые поля устья. Океанское побережье закрыто плотным туманом. Туман, сверху, прогревает солнце. Туман парит! Как в бане...

Растянувшись цепочкой, под неподъёмными рюкзаками, один за другим, мы шагаем по колеям старой дороги, которая змейкой извивается по низкой морской террасе.

...Проходим очередную минибухточку побережья. Шагаем мимо широкого массива сырого ольховника. Это – «устье» распадка. Под грузом идти тяжело. Мне – совсем не до любования окрестностями. Перед глазами – только заросшая клевером, колея дороги...

– Медведь! – вдруг раздаётся впереди, чей-то заполошный возглас.

Вскинув взгляд от дорожной колеи, я вижу, как слева, метрах в ста от нас, по лужам ольховника, прочь от дороги, горбатым, размашистым галопом мчится иссиние-чёрный, крупный медведь! Не прерывая своего тяжёлого, но быстрого бега, он скрывается за кронами пихт, на лесистом склоне высокой морской террасы.

– Это же – тот самый медведь, которого мы недавно, здесь, пугали! – вспоминают киношники.

– Точно!

– Ну, вот! И взбодрились! – балагурит Дыхан, – Теперь, веселее пойдём...

Тятино. На следующее утро, мы в паре с Дыханом, шагаем от нашего дома к устью Тятиной, чтобы заняться поиском дупел рыбных филинов...

Заходим с устья. Стоит чудесный, тёплый день. Обширная, метров до четырёхсот шириной, пойма речки представлена высокоствольными ивняками из ивы Урбана. Уже намётанным глазом, мы прицениваемся к мощным стволам деревьев вокруг нас...

Удивительно, но факт! В нижнем течении Тятиной, дупел нет вообще!

– Хотя бы, какое второсортное, было! – злится Михаил, – Такая пойма, не занятая, простаивает! Такая речка!

Известное нам по прошлому году дупло, что расположено в четырёх километрах вверх от устья Тятиной, в этом году пустует. Нашим друзьям-киношникам, действительно, крупно не везёт...

Мы по-прежнему базируемся в верхнем доме на Тятино...

Девять часов утра. Яркое, солнечное утро. Мимо нас, по колеям нашей заросшей дороги, шагает длиннющая цепочка молодых людей, под рюкзаками! Вереница! Всею своей группой, мы изумлённо взираем на них, с края своей высокой террасы.

– Это, что за такое?!

– Столько народа!

– А, они, хоть, с пропуском?!

– Это надо узнать! – решает Дыхан и грозными воплями сверху, тормозит караван туристов...

Вскоре, он возвращается: «Документы, у них – в порядке! Это – комсомольцы, с Шикотана. Две группы по тридцать человек. Желают совершить восхождение на вулкан Тятя! Приурочивают это событие к девятому мая, Дню Победы».

– Вот, это да-а! – охает мы, вразнойбой.

– Шестьдесят человек, за раз!

Нашей сборной команде нужно время переварить эту информацию...

– Чтож, – изрекает Михаил, после минутного раздумья, – Патриотизм – дело хорошее!

Наши друзья-киношники, вдруг, тоже загорелись идеей покорения Тяти! И вся наша группа спешно, под рюкзаками, уходит вслед за шикотанцами, по побережью, на восток. Я остаюсь в Тятинском доме, один – мне, сегодня, непременно нужно снять фенофазы весенних растений в пойме речки Тятиной. Этот материал я собираю уже вторую весну подряд, мне нельзя пропустить...

И я ухожу от нашего дома, в противоположную сторону – к устью Тятиной. Я шагаю налегке, по-рабочему. Мой огромный тесак и секция патронташа на восемь патронов – на пояском ремне, ружьё в руке, бинокль на шее, ручка

и дневничок в кармане – это всё моё снаряжение. День, сегодня, удался на славу – солнечный и прямо-таки, жаркий.

Быстро и в то же время, добросовестно, я прохожу свой стандартный ботанический маршрут от устья Тятиной до дупла рыбных филинов, что в четырёх километрах от устья. И, не задерживаясь, сваливаю обратно, по смотровой тропе, поверху...

Вот и наш дом, на Тятино. Я бросаю взгляд на часы: «Почти двенадцать!». И тут меня посещает шальная мысль: «А, что если догнать?! Ведь, майские дни – очень длинные»...

Я торопливо перекидываю содержимое своего рюкзака, ведь на вулкан нужно идти с ночёвкой. У меня – жёсткий дефицит времени, разрыв с группой составляет более трёх часов!

Весенний ветерок, весёлое солнце над головой, спящие зайчики бликов океанских волн справа и колея вездеходной дороги перед глазами...

Сегодня у меня хорошее настроение и прилив энергии! А, скорее всего, за весну, я набрал хорошую спортивную форму...

Через пару часов гонки по побережью, я, с удивлением натыкаюсь на лагерь шикотанских туристов! Разноцветные палатки, как цветные зонты на пляже, стоят прямо на нашей дороге и в окружающем её, высоком разнотравье. Здесь же, сидят и наши.

– Перекур! – падаю я, к своим, – Ура! Ай, да я!

Краем уха, я узнаю, что первую из групп ведёт инструктор-кореец. Он участвовал в спасательных работах на этом склоне вулкана лет десять назад, когда спасатели снимали экипаж, разбившегося на вершине вулкана, вертолёт. Эта группа остаётся здесь, на мысу. По нашим картам, этот мыс называется «Лесистый». Они будут подниматься на вулкан здесь, по ручью. Нам, этот путь – вообще не известен...

Ну, что ж, своя рука – владыка. Если, уверены – то, пусть идут. Может, здесь действительно, есть хороший

путь наверх? Мы же, со второй группой, решаем идти проторённым путём – по распадку ручья Рубежный...

– Значит, нам ещё шагать и шагать! – прикидываю я, – Дальше, по побережью.

Дорога, мне привычна и знакома. Вторая группа снимается в путь. Поднимаются и наши. Я тоже взваливаю свой рюкзак на плечи...

Настроившись на быстрый темп, я ненароком первым добираюсь до Рубежного. Этот ручей, ни с каким другим, не спутаешь – у его мыса такой своеобразный обрыв! Это слоёный пирог из, покрытых зелёной щёткой колосняка, осыпей вулканического шлака и толстых, чёрных прослоек каменной лавы. В ожидании туристов, я сбрасываю с плеч рюкзак и падаю у тропы, на горячий от солнечных лучей, травяной склон.

– Всё! – удовлетворённо думаю я, – Программа, на сегодня, выполнена! Теперь – остаётся найти место для ночлега такого количества людей.

– Тридцать пять человек – это минимум, шесть палаток! – прикидываю я, – Но, здесь нет такой площади! А, ещё большая проблема – здесь, дров нет! Вообще...

Но, что это?! Приняв сидячее положение, я в изумлении тарашусь на вереницу проходящих мимо меня, горящихся под рюкзаками, туристов. В моём горле застревает глупейший вопрос «Вы куда?!». Я торопливо водружаю на себя рюкзак и бросаюсь догонять, уходящий вперёд, караван. А караван, неудержимой змеёй уползает за мыс! И мои вопли, сзади «Вы куда?! Мы уже пришли!» воспринимаются задними, как верх идиотизма. Обогнуть караван – тоже, нет никакой возможности! Слева – ввысь уходит крутой склон мыса, справа – хаос береговых скал, внизу. Смирившись с судьбой, я бреду последним. Одно хорошо – идущие впереди вытаптывают в откосе травяного склона вполне приличную тропу и мне, как самому последнему, идти легче всех!..

Всё! Травяной откос мыса пройден! Я торопливо обгоняю вереницу людей, по песчаному пляжу. Ведёт караван

Дыхан. Я пристраиваюсь с боку к его размашистому шагу: «Миш, знаешь что? Мы уже прошли Рубежный! По-моему, нам придётся возвращаться назад!». Я говорю это тихо, чтоб не заострять момент. Но замечаю, что Дыхан смотрит на меня, как врач на больного! Снисходительно и сочувственно. Увы! Поколебать спокойную уверенность Дыхана – бессмысленно. Это всё-равно, что биться головой об обшивку вот этого судна! Кстати, судно!

– Мишка! Эти ржавые обломки сейнера! Ты помнишь? Это же и есть ориентир, который мы проходить не должны!

Немного подумав на ходу, Дыхан поворачивается к каравану и громко командует: «При-ваал!».

– Наконец-то! – тихо радуюсь я, мысленно.

Однако, я рано радуюсь.

– Ладно! – уверенно и спокойно соглашается со мной Михаил, – Пойдём, сходим вперёд! Ты сам Саня убедишься, что ручей, по которому нам нужно подниматься – ещё впереди.

Ладно. Отлично! Меня устраивает даже такой вариант! Мы сбрасываем свои рюкзаки на песок и налегке шагаем вперёд, за очередной мыс. Добродушно поглядывая друг на друга, мы шагаем плечом к плечу, по вулканическому песку океанского берега, оба абсолютно уверенные в своей правоте...

– Ну, что за ситуация! – сверлит мне мозг, мысль, – Нарочно не придумаешь. Прямо, идиотская какая то...

Мы долго шагаем вперёд по побережью, пересекая сухие русла каких-то безымянных ручьёв...

Вот! Ручьёв, впереди, вообще больше нет! Ни одного... Далеко впереди – лишь длинный, низкий мыс, далеко выдающийся в океан. Дыхан стоит и удивлённо смотрит на мыс.

– Мыс Рубежный! Вот он, впереди! Я помню этот мыс!

– Ну, да! – соглашаюсь я, – Но, Миш! На карте, мыс Рубежный и ручей Рубежный стоят, чёрт знает сколько, друг от друга! Мыс Рубежный – ещё впереди, а ручей Рубежный, по которому мы с тобой ходили на вулкан – уже сзади!

После недолгого обдумывания, Дыхан принимает решение: «Ладно. Придётся вернуться». И мы бодро возвращаемся к народу. Довольные передышкой, парни и девушки лежат на горячем песке пляжа, отдыхают от тяжести своих рюкзаков. Высоченные, отвесные скалы морского побережья, здесь образуют миниатюрную, глубокую, как мешок и такую уютную, бухту.

– Ночуем здесь! – громко командует Михаил, – На сегодня – всё!

Для каждого из нас – дорога, на сегодня, закончилась. Облегчённо вздохнув, все начинают суетиться, разбивая лагерь...

И «нет худа, без добра!» Во-первых, в отличие от открытого всем ветрам ручья Рубежный, высоченные борта бухты защищают нас от ветра. Во-вторых, в отличие от ручья Рубежный, где нет ни палки дров, здесь дров – в изобилии! Какие только хочешь! Сухие! Целые завалы прекрасных дров! Это счастье может понять только тот, кто приучен готовить еду на мизерном рабочем костерке, кто вынужден экономить на каждой мокрой щепочке.

И – здесь, просто прекрасное место для лагеря! Прекрасное! Поставив палатки на ровном, песчаном пляже, мы наполняем свои котелки родниковой водой из падающего красочными каскадами с грандиозного обрыва, ручья. Пылает большой, общий, как выразился Дыхан – «пионерский» костёр...

Покушав, до предела уставшие, все быстро разбредаются по палаткам. Я, тоже, залезаю в свой спальник, в нашей палатке.

– Даааа! – успеваю подумать я, – Сегодня был непрстой день!..

– Иииииииии! – истошный, душераздирающий девичий визг срывает нас из спальников. Рывком распахнув вход палатки, первым выпрыгивает наружу Дыхан, я – следом и... после секундного замешательства, мы едва не падаем обратно, от смеха. Оказывается, нас хранила судьба! И мы поставили свою палатку на песчаной,

штормовой дамбе. А, шикотанцы поставили свои палатки в понижении, за дамбой. Ночью пришёл прилив, и морская вода просочилась через песчаную дамбу, как сквозь сито. Настоящее озерцо океанской воды! Оно буквально вплотную, подступило к палаткам туристов. Утром, сонные дежурные выползли из палатки и сонно шагнули... по колено в холодную воду!

От своей палатки, мы наблюдаем, как, на девчоночьи визги, из других палаток выскакивают горячие шикотанские парни и... сразу оказываются по колено в воде, рядом с уже хохочущими дежурными! Так, в девичьем визге и матах парней, быстро просыпается весь лагерь.

– Саня! – хрипло смеётся Дыхан, – Заруби это себе на носу! Не последний раз палатку ставить...

По новоявленному озеру плавают головёшки вчерашнего костра, так старательно заготовленные с вечера, сухие дровишки, заботливо собранные после ужина котелки, миски и даже – оставленные сушиться у кострища, чьи-то носки и туристические ботинки...

Мы оглядываемся по сторонам. И лица у нас вытягиваются. Очень хорошо, что нас разбудили! Кругом – уже вовсю кипит жаркое, безоблачное утро!

– Девятый час! – поражается Михаил, глянув на часы, – Всё проспали!

– Хотели в шесть! – ужасаюсь я.

Для середины мая – это означает, что на равнине уже три часа, как светит солнце! Закрытые с востока высоченными береговыми скалами, наши палатки оказались освещёнными только тогда, когда солнце поднялось прямо над ними!

– Какой кошмар! – хватаемся мы за головы.

Пока на костре варится каша, мы торопливо сворачиваем лагерь. Удивительно, но у всех – отличное настроение. Вот, что значит – хорошо выспаться! Над нами распахнулось синее, безоблачное небо хорошего дня...

Вот и всё! Мы поднимаемся, с рюкзаками, на ноги. Выстроившись в цепочку, шикотанцы, уже было тронулись

дальше! Но Михаил объявляет: «Сейчас немного возвращаемся назад, за мыс!». Все поворачивают к нам свои недоумённые лица. По каравану пробегает ропот.

– Зато, вы отдохнули по-человечески! – не сдаёмся мы, – Там, у Рубежного, нет ни дров, ни места для лагеря!

Потеряв добрый час на возвращение, мы входим в распадок Рубежного. Оставляем рюкзаки в устье ручья. Дальше пойдём налегке...

Наш путь – по днищу распадка. Проломившись по трёхметровым зарослям лопухов, метров через триста мы поднимаемся на крутой скалистый порог. Дальше – всё сухо, дальше воды нет. Теперь, шагать – по днищу сухого распадка ручья, заполненного высокими зарослями бамбука.

Из людей, в этом году, здесь ещё никто не бывал. Высокой в рост человека, упругие как проволока, стебли бамбука переплелись между собой. Я беспомощно барахтаюсь в этих зарослях, медленно продвигаясь вперёд. После случившегося на побережье, шикотанцы нам не верят, да и бамбук – упруго смыкается сразу за спиной так, что вообще трудно предположить, что здесь когда-либо ступала нога человека. И народ решает искать себе дорогу самостоятельно. Оглянувшись назад, мы смотрим, как мелкие группки шикотанцев борются с бамбуковыми зарослями и на левом, и на правом склонах нашего распадка. Но, мы-то знаем, что наверху их ждёт бурелом, затопленный всё тем же бамбуком и что самый рациональный путь – это днище, по которому идём мы. Безуспешно поборовшись с бамбуком ещё некоторое время на склонах, в конце концов, вся туристическая братия скатывается вниз, на днище распадка и выстраивается вслед за нами...

По мере нашего продвижения вверх по распадку, стена бамбука становится всё ниже и ниже. Вот, уже появились первые проплешины чёрного, вулканического шлака. Растительность постепенно уступает место обширным шлаковым площадям. Так же, как снег засыпает овраги зимой, здесь все распадки засыпаны мощным слоем вул-

канического шлака. Он очень напоминает мне обычный угольный шлак. У меня такое впечатление, словно я шагаю по склону грандиозного отвала шлака, у какой-нибудь, городской кочегарки.

Вот, уже по гребню чёрного, шлакового распадка напротив нас, высятся сухие стволы деревьев. Они выбелены частыми дождями и ветрами. Глазом ботаника, я вижу, что это – стволы елей и пихт. Значит, здесь стоял хвойный лес, до рокового, 1973 года...

Вот! Нам пришло время выбираться из распадка. На его повороте, мы начинаем подниматься по сыпучему шлаковому склону, влево... Всё, выбрались! Можно и оглядеться...

Сегодня стоит хорошая, безоблачная погода. Совершенно открытый, слева от нас возвышается чёрный, шлаковый конус. Это – боковой конус «Отважный», продукт недавнего извержения Тяги. Мы стоим и смотрим на Отважный, и на нависающую над ним и нами, закрывающую полнеба, громаду вулкана.

– Ух, ты-ы!

– Вот это картина!

– Вот это да-ааа!

– О-ооо! – вдруг, показывает влево Дыхан, – А, вон и наши друзья!

Прямо напротив нас, на одной с нами высоте, на абсолютно чёрном фоне, мы видим цепочку разноцветных бисерин – это первая группа шикотанцев! Также, как и мы, они подходят к Отважному, но с другой его стороны...

– Саня! – Дыхан оглядывается на меня, – На какой высоте Отважный?

– Шестьсот пятьдесят метров над уровнем моря! – отрываюсь я, – Он стоит прямо на границе леса и пояса кедрового стланика.

– Ну, вот! – констатирует он, – Из тысячи четыреста – на шестьсот пятьдесят уже поднялись!

Вскоре, обе группы туристов, под острым углом, сливаются в одну колонну. Мы узнаём их новости. Оказыва-

ется, первая группа находится в пути с шести часов утра! И что, по их распадку – очень мощные буреломы. Их инструктор был здесь зимой, когда все неровности рельефа были скрыты мощным слоем снега. Он не учёл, что летом обстановка может быть немного другой.

Сразу же выше Отважного, все барранкосы Тяти, от края до края, заполнены плотным, слежавшимся снегом! Здесь – всё бело! Здесь пока зима! Пояс снегов...

Очень хочется пить, и я постоянно сосу снежок, растаивая его в кулаке...

Все быстро соображают, что гораздо легче не «бить целину» поодиночке, а шагать по следу идущего впереди человека. Волей – неволей, но постепенно, весь состав обеих групп выстраивается в длинную цепочку...

– Шестьдесят и плюс нас – пять... шестьдесят пять человек! – считаю я, – Многолюдно сегодня, на Тяте!

Белизна первозданного снега слепит глаза. Бесконечный подъём по склону вулкана приучает нас шагать размеренно, не торопясь, след в след...

Сощурившись от слепящего снега, я бросаю короткий взгляд вверх и сквозь волной нахлынувшие слёзы успеваю увидеть разноцветный бисер десятков людей, выстроившихся друг за другом в серпантин. Зигзагами, от одного гребня барранкоса до другого. Всё выше и выше и выше! Гигантский серпантин!..

Примерно, на девятистах метрах абсолютной высоты, наши киношники «ломаются»! Они уже не в состоянии тащить на плечах свою тяжёлую киноаппаратуру. Один, только, штатив весит пятнадцать килограммов! Сбросив кинокамеру и штатив под укрытие ветвей кедрового стланика, на вытаявшем пяточке у гребня нашего барранкоса, дальше они шагают налегке, как и все...

Вдруг, мои уши улавливают, нарастающий сверху, свист крыльев! Задрав лицо вверх, я вижу, как прямо из неба, вниз по нашему барранкосу, круто планирует селезень кряквы! Крутизна склона – такая, что он, скорее, падает, чем планирует! Мгновение спустя, со свистом

рассекая воздух крыльями, утка, как пуля, проносится мимо меня и быстро превращается в чёрную точку, далеко-далеко у меня под ногами. Я стою и смотрю себе под ноги...

Я вижу, что и люди, стоящие в цепочке ниже меня по барранкосу, тоже растерянно провожают селезня взглядами.

– Кряква! Что за бред?! – мысль, пульсом стучит у меня в голове, – Что здесь, на такой высоте, делает кряква?!

Оглянувшись кругом, я усиленно смаргиваю, словно убеждаясь в том, что действительно, нахожусь на страшной верхотуре, под самыми облаками, на снежном склоне вулкана. И бросаюсь догонять медленно переставляющего свои длинные ноги по цепочке следов прошедших впереди туристов, Михаила...

– Миш! Ты видел селезня?!

– Видел, – голос Дыхана спокоен и невозмутим, – Птичка божия не знает ни заботы, ни труда!

– Миш, это кряква! – не понимаю я его спокойствия, – А, это – вулкан! Одиночная, снежная гора среди неба!

– Ну, если серьёзно.., – Дыхан останавливается и обращившись ко мне своё, мокрое от пота, лицо, – Кряква – хороший летун. Даже, очень хороший! Такая высота, для неё, вполне нормальна. Этот селезень, наверно, через наш остров валил... По крайней мере, ясно одно – эта утка спускается с набранной ею когда-то ранее, высоты.

Я молчу. В полной растерянности, я бреду по серпантину дальше... Всё не могу смириться со спокойствием Дыхана! Он – орнитолог, конечно, классный. И о крякве всё знает. Но, встретить утку практически на самой вершине вулкана Тятя?! Для меня это, всё-равно, дико...

– Сейчас весна, все утки летят с юга на север. Значит, эта утка летела на север. И она подумала, что слишком высоко забралась под небеса! И, над вершиной вулкана Тятя, она решила снизиться, вдоль склона этого вулканического конуса! – формулирую я, логичный вывод, – Подумаешь?! Всего-то! А почему по восточному склону,

а не попутно – по северному?! Птичка божия не знает ни заботы ни труда?

Наше восхождение на вулкан продолжается...

По мере подъёма, с высотой, всё резче становятся порывы ветра. На голом, снежном склоне солнечно и ветрено. Мы постепенно забираемся всё выше и выше...

Склон становится выпуклым и открытым для порывов ветра. Ветер несёт рваные лохмотья облаков, уже мимо нас! Один за другим, не выдерживают трудности подъёма шикотанцы и отваливают вниз. Чем выше мы поднимаемся – тем круче становится склон. Уже давным-давно, ноги онемели и отказываются подчиняться через каждые двадцать шагов. Весь мир, теперь, сосредотачивается на этом отрезке!

– Один. Два. Три..., – считаю я свои шаги, – Девятнадцать! Двадцать!

На двадцатом шаге, я переламываюсь в поясе. Сейчас, главное – держать ноги прямыми в коленках, иначе они подкосятся. Щурясь от нестерпимой белизны снега, я поднимаю лицо, чтобы на мгновение глянуть вверх по склону. Кажется, ему не будет конца...

Вот и скала, она нависает прямо над нами. Я знаю, что она стоит на гребне соммы вулкана. Это – край вулканического конуса. Заползаем, с Дыханом, прямо под неё – здесь ветровая тень, затишье от ветра. Отдышавшись, мы начинаем озираться по сторонам.

– Да-ааа! Высота какая!

– Ага... Смотри! Облака – ниже нас!

Мы сидим на осыпи шлака лицом на восток и смотрим вниз. Кальдера, у Тяти – вершинная, её гребень имеет высоты в пределах тысячи четыреста метров. Рваные ошметки облаков несутся, теперь, у нас под ногами, справа – налево...

Ну, всё! Отдохнули. Мы выходим из-за скалы, на ровную как стол поверхность атрио – и ровный, мощный поток воздуха в лицо, едва не срывает нас со склона! Пытаясь шагнуть вперёд, я поднимаю ногу – и ветер сдвигает

меня назад! Так ничего и не сумев сделать, мы убираемся обратно за скалу.

– Ну и ветер! – тяжело дышит Дыхан.

– Ага! – кричу я ему, стараясь перекричать ветер, – Что делать будем?

– Попробуем ещё раз! – кричит он в ответ.

Согнувшись в три погибели, чтобы уменьшить парусность, мы выскакиваем из-за скалы, навстречу воздушному потоку! Отчаянно перебираем ногами... Наши тела, почти горизонтально, лежат на потоке воздуха, чуть ли не у самой земли! Всё это напоминает мне бег на месте...

Но, нет! Метр за метром, понемногу, но мы продвигаемся вперёд! Бежим, почти на месте, сколько хватает сил. В изнеможении, останавливаемся, навалившись плечом на поток воздуха. Сейчас, сила ветра уравновешена тяжестью тела! Получается, что мы отдыхаем, лёжа на потоке воздуха! Наверное, сейчас, мы сильно похожи на парашютистов...

От такого напора ветра не спасает ни моя синтетическая ветровка, ни надетая под неё, брезентовая штормовка. Холод пробирает до костей. Опомнившись, мы бежим дальше, вглубь равнины атрио. Чем дальше от края – тем слабее воздушный поток...

Я знаю, что, примерно в полукилометре от края кальдеры – пятиметровая стена застывшей лавы. Она закроет нас от этого всепроникающего ветра!..

Мы подбегаем к месту, где стоит стена лавы. Вместо стены – ровная, белая равнина снега!

– Мишка! – кричу я, стараясь перекричать ветер, – Лавы под снегом!

– Я вижу! – кричит тот в ответ, – Сколько же, здесь, этого снега?!

– Метров пять!

Скорчившись под пронизывающим ветром, мы озираемся по сторонам, в поисках укрытия.

– Вон скала! На гребне! – кричу я.

– Давай к ней! – командует Дыхан.

Бегом, мы бросаемся вправо, к гребню соммы...

Подбегаем. Это – плоская скалка, всего до пояса высотой! И несколько метров, в длину. Не раздумывая, мы падаем за неё, прямо на ровный, чёрный вулканический шлак. Ветра, здесь – нет!

– Фу-ууу! – запалённо выдыхаю я, – Ветра нет!

– Вакуум! – шепчет Дыхан, – Можно отдышаться...

Мне, ветром, прихватило пальцы рук, они горят огнём, словно обожжённые.

– Ууууууууууу! – ветер, густым монотонным басом, ревёт прямо над нашими головами...

Отогревшись, мы не спешим покидать своё убежище. Лёжа на шлаке, мы лишь поворачиваем лица к вершине вулкана и глядим на юный шлаковый конус, заполненную снегом кальдеру...

– Саня! – зовёт меня Дыхан, – Глянь! Сосульки! Горизонтальные!

Вплотную к нашей скалке жмётся приземистый куст кедрового стланика. Его веточки пострижены строго вровень с нашей скалкой. И покрыты черепицей длинных, белых палочек льда. Горизонтальных! Сильнейший поток влажного воздуха выстраивает такие вот, горизонтальные сосульки.

– Вот, это да! Как палочки для счёта, у первоклассников! – удивляюсь я, – Я, такого – не видел никогда!

Мы лежим, на ровной поверхности чёрного, вулканического шлака. Я переворачиваюсь на спину и смотрю прямо вверх. Какая красочная картина! Налегавшие друг на друга, белые, изящные, пятисантиметровые палочки льда, на тёмно-зелёных хвоинках, на фоне тёмно-синего неба! Горизонтальные! Я изголяюсь несколько раз нажать на кнопку спуска своего фотоаппарата, скрюченным, непослушным пальцем...

– Саня! Всё! – командует Дыхан, – Замёрзнем! Давай назад!

Мне повторять не нужно – я, действительно, замерзаю! Мы вскакиваем со шлака и бросаемся бежать в обрат-

ную сторону, по чёрной шлаковой равнине атрио. Теперь – воздушный поток гонит нас в спину! Главное, сейчас – успевай переставлять ноги...

Подсознательно, мы стараемся не набирать скорость. Но, воздух несёт нас вперёд, словно невесомую пыль! Меня пугает бесконтрольность нашего полубега – полу-полёта. Чем ближе гребень – тем сильнее поток! Тем прозрачней надежды, что можно ещё что-то сделать...

Впереди гребень! Меня охватывает настоящая паника. Я ничего не могу сделать! Сейчас меня, как невесомую щепку, этот бешеный воздушный поток вышвырнет с гребня, прямо в воздушный океан! На высоте тысячи четыреста метров...

Меня выносит на гребень совсем рядом со скалой, за которой мы отдыхали перед рывком в кальдеру! Я делаю невероятный, отчаянный рывок вправо, к скале! И, буквально, влетаю в вакуум. Словно, разом, выключили ветер! Ещё не веря в своё спасение, я ошалело озираюсь по сторонам, чуть не прижавшись к скале щекой. Дыхан сидит здесь же, привалившись к скале спиной.

– Ч-чуть не у-ул-лле-тел! – заикаясь, лепечу я.

– Ага., – хмуро кивает Дыхан, – Сам, блин... Как успел за скалу заскочить – не знаю!

– Уууууууууууу! – вокруг нашей скалы густо ревет ветер, мимо бешено несутся рваные ошмётки облаков...

Приходя в себя, мы начинаем осматриваться по сторонам – оказывается, все туристы уже ушли вниз! Далеко под нами, на белой ленте круто уходящего вниз барранкоса, видны лишь чёрные точки спускающихся шикотанцев. Мы, с Михаилом, остались последними! Надо, значит, поторопиться и нам.

Очень крутой склон подтопило солнечными лучами и наши болотные сапоги по щиколотку увязают в насте. Скользить не получается. Тогда, мы пробуем бежать, вниз...

А, вот это – очень здорово! Мы быстро входим во вкус. Гигантскими, трёхметровыми шагами, Михаил стремительно стелется вниз по склону, как лось, далеко выбра-

сывая перед собой свои длинные ноги. Короткими шагами выписывая слаломные зигзаги, чтобы сильно не разгоняться, рядом мчусь я...

Высота так стремительно падает, что, как при посадке самолёта, у меня постоянно закладывает уши! Приходится держать рот открытым...

Вот, мы проносимся мимо группок, шагом спускающихся по барранкосу, туристов. Наверняка – у них такой же вид, какой был у меня, когда я провожал глазами селезня, падающего с вершины Тяти!..

Мы тормозим только в самом низу, перед конусом Отважного. Во мне много адреналина и восторга.

– Мишка! – кричу я, – Мы опередили всех!

– Километр абсолютной высоты – за несколько минут! Будет что вспомнить! – азарт играет искрами, в глазах Дыхана...

На часах – уже пятый час дня. Но каждый из нас, за сегодняшней день, сжёг столько энергии, что мы единогласно решаем не рвать, сегодня, до нашего дома на Тятино, а заночевать в устье Рубежного...

Вот и берег. Мы, своей группой, ставим палатку на шлак, прямо в устье распадка. Она, у нас – одна на всех, пятерых. Сегодня ветрено. На дымном костре, варится в котелке наша каша. Шальные порывы ветра, то и дело забрасывают дым и шлаковую пыль в глаза, и мы постоянно размазываем слёзы по грязным щекам...

Всё! Поели. Скорее спать! Спать, спать, спать... Как гудит натруженное за день тело!..

Среди ночи налетает особо шквальный порыв ветра! А, наша палатка – без пола! Узкие боковины нашей брезентухи вырываются из-под наших спальников! О, ужас!

– Хлоп! Хлоп! Хлоп! Хлоп! – палатка, словно флаг, реет над нами на стойках, оглушительно хлопая на ветру.

Позёмка, из горошин вулканического шлака, больно сечёт по лицам. Мы торопливо выбираемся из своих нагретых спальников в промозглую ночь и ловим палатку. Холодный ветер огнём прожигает футболку...

Придавливаем боковины палатки двумя брёвнышками. Ничего более тяжёлого поблизости, в кромешной черноте ночи, мы не находим. Скорее, трясаясь от холода, забираемся в спальники...

Через пятнадцать минут, особо сильный порыв ветра вырывает боковины, и наша палатка, опять, горизонтально реет над нашими головами!

– Хлоп! Хлоп! Хлоп! Хлоп!

– Да, будь проклят тот, кто создал эту дешёвку, без пола! – дружно взываем мы, из своих спальников, – Да, чтоб ему всю жизнь ночевать в этой палатке! Да, чтоб у него руки отсохли!...

Борьба со стихией и палаткой, сопровождающаяся нашими громкими и дружными матами, продолжалась всю ночь, до утра...

Очередное утро. Мы с Дыханом, в рабочей одежде, с ружьями в руках, выходим из Тятинского дома. Сегодня, решено обследовать участок речушки Ночка.

Киношники, что-то задерживаются внутри нашего жилища. Я стою, с Михаилом, перед домом, на улице. Ждём...

– Цык! Цык!

По стеблям лопухов перепархивает потревоженная нами, коричневая птичка с чёрной шапочкой-маской на головке.

– Сань! Смотри! – кивает на птичку, Дыхан, – Седоголовая овсянка!

– А-ааа, – тяну я, улыбаясь, – Камышёвка, овсянка, пёпочки.., как ты различаешь эту птичью мелочь?

– Смотри! – добродушно улыбается мне Дыхан и хлопает в ладоши.

Птичка пугливо вспархивает и короткими перелётами, перескакивает на другую куртину гречихи, подальше от нас.

– Видишь? В полёте – она мельтешит белым, в хвосте!

– Ну! – согласно киваю я, – Мельтешит.

– Это от того, что краевые пёрышки хвоста – чисто белые! Всё оперение коричневое, а эти два пёрышка – белые. Это верный признак овсянки. Не ошибёшься.

– Вот, теперь понятно! – радуюсь я, – Спасибо!

Низовья Ночки. Наша группа упирается в бурелом. На этом участке леса, весь массив пихтарника лежит, стволами поперёк нашего пути!

– Стооой!

Сзади пришла команда – значит, стоим. Оператор суетится, устанавливая свою кинокамеру, далеко впереди нас. Слышится команда: «Пошлии!». И мы, как шли, так и лезем, поперёк бурелома.

– Зачем мы в него лезем?! – чистосердечно недоумеваю я, – Можно было обойти этот завал, да и всё!

– Саня! Ты ничего не понимаешь в киносъёмках! – Дыхан поворачивает ко мне своё потное лицо, перебираясь с одного зависшего ствола ели, на другой, – Режиссёру важно заснять, как наша группа преодолевает трудности, в процессе поиска филина в диких лесах Кунашира... Хотя, фильм, теперь, будет называться по-другому.

– Да? – озадачиваюсь я, перебираясь через ствол, следом за ним, – Это, ещё как?

– В связи с неудачами с рыбным филином, у наших киношников сменился приоритет! – в полголоса, объясняет мне Михаил, – Теперь, их фильм будет называться «В страну вулканов за зелёным голубем».

– Да?! – изумляюсь я, – За голубем?!

Новая информация требует переосмысления.

– Ну, да! – спокойно усмехается Дыхан, на мою реакцию, – А, что? Зелёный голубь – тоже, орнитологическая редкость. Да, ещё какая! Теперь, вот, на юг острова поедем...

– Да?! – ещё больше изумляюсь я, – Такие перемены, в жизни! А я, о них – ни сном ни духом!.. И когда?

– Пока, сам не знаю, – ухмыляется мне Михаил, – Тоже, ведь, всё узнаю... почти как ты, в последний момент.

Приближается вечер. Ко мне подходит Дыхан: «Саня! Пошли, на Ночке посидим?! Филинов послушать надо».

– Конечно! – сразу подрываюсь я, – Я сейчас!

Я очень рад этому предложению. Не секрет, что мы с Дыханом ходим слушать рыбных филинов. Михаилу

это нужно по работе, а мне – интересно проводить вечера, наедине с лесом. Если при этом учесть, что ещё совершенно нет комаров... Как это здорово! Просто – сиди, смотри и слушай. А вокруг – такая знакомая и такая неизведанная, такая загадочная жизнь леса...

Мы с Дыханом быстро собираемся в дорогу...

Чуть выше устья Ночки, Дыхан облюбовывает высокий, правый борт речного распадка. Отсюда, с высокого склона обширной травяной поляны, открывается широкий обзор Ночки, грандиозного конуса вулкана Тятя и массивов хвойников, что восточнее речки. Мы устраиваемся на валёжине и затихаем...

Я снова растворяюсь в природе! В вершинах хвойного леса, в распадке Ночки, в чёрном куполе Отважного, в окружающем нас воздушном океане. Абсолютная тишина вечера ничем не нарушается...

– У-гуу! – приходит спокойный звук, словно мужик где-то кашлянул.

– О!

Мы разом поворачиваем головы вправо, на звук...

– У-гу-хууу!

– Так! В верховьях Ночки кричат! – прикидывает Дыхан, – Наверно, по правому её притоку... Или в развилке.

– Скорее, в самой развилке! – уточняю я, – Приток закрыт от нас склоном распадка! Оттуда – вряд ли, дошло бы.

– Да, – соглашается Дыхан, – Правильно.

– У-гу-хууу! – кричат филины.

– Ну, хоть что-то! – одними глазами улыбается Дыхан, вслушиваясь в вечернюю тишину.

Приходят синие сумерки. Пора нам и честь знать.

– Ладно, – растормаживается Дыхан, – На сегодня отбой. Значит, на Ночке филины – только в районе развилки. Для нас – это тоже результат.

Мы поднимаемся с дернины склона. Молча, наполненные успокоением природы, один за другим, мы шагаем, тропинкой, по бамбуковому побережью, в сторону Тятинского дома...

Через несколько дней, «Совет старейшин» решает перебазироваться на Саратовский кордон. И сделать это – не по дороге вдоль берега моря, а перевалив с Тятиной на Саратовскую, в верховьях этих речек. Это – дневной маршрут! С утра и до темноты...

– Полдня подниматься по Тятинке, – прищуриваюсь я, – Потом, по марям, перевалить на Саратовку... Дай бог, к вечеру спуститься, по Саратовке, до кордона! Если всё будет хорошо...

На следующий день, мы – уже на Саратовской...

Увлечённые поисками дупел рыбного филина, мы с Дыханом, постепенно втягиваемся в благоустройство этих дупел. Это – очень интересное занятие! Продвигаясь зигзагами по пойме, мы высматриваем толстые стволы деревьев. Осматриваем каждый такой ствол и выясняем, есть ли в нём гниль.

Оказывается, почти все крупные стволы ивы, в своей верхней части, представляют собой мощный стержень гнилой древесины, окружённый монолитом живой древесины, толщина которого не более пятнадцати сантиметров! Стоит только одной из мощных ветвей ивы выломаться из ствола, как обнажается его гнилая сердцевина. И теперь, эта гнилая древесина, в самый короткий срок, разрушается. И в этом месте образуется дупло! В случае, если дупло ещё не образовалось, мы с Михаилом помогаем этому. Наши инструменты – топорик и ножовка. Только в низовьях Саратовской, мы произвели на свет целых пять больших дупел!

Одновременно с этим, я не оставляю свою ботаническую работу по сезонному развитию раннецветущих растений долины Тятиной. Через три дня, я прихожу сюда побережьем, с Саратовского кордона и прохожу, своим извечным маршрутом, долину Тятиной. Это, конечно, добавляет мне десять километров по пересеченной местности в день, но у меня хорошая физическая форма. Дыхан говорит на это: «Семь вёрст – бешену кобелю не круг!».

Мой, натасканный на поиске дупел глаз, не может не примеряться к толстым стволам деревьев, когда я бреду по Тятинской пойме!

– Миш! – интересуюсь я, как бы промежду прочим, у Дыхана, сидя вечером за столом Саратовского кордона, – А, что, если нам поремонтировать дупла в долине Тятинки? Ведь и речка побольше и долина пошире...

– Нет, Сань! – отрезает Дыхан, – Саратовка – это всё-таки, граница заповедника. Здесь, ещё можно как-то обосновать проведение биотехнических мероприятий. А Тятинка – это заповедник! Как ни крути. Там запрещено вмешательство человека в природу.

– Плохо, – думаю я, незаметно вздыхая я и склоняю голову, – Такой, вот, теоретический расклад.

Ведь, пойма Тятиной – просто, грандиозна! В сравнении с Саратовской. Мне очень, очень жаль...

В один из солнечных, майских дней, я всё-таки плюнул на теорию и попытался усовершенствовать дупло в устье Тятиной. Но, это дупло изначально было неудачным. И по размерам, и по своему расположению...

Поднявшись выше по пойме речки, я отыскал гниль в другом, более крупном стволе ивы и сделал второе дупло. Высоко! На самом исходе ствола. Поэтому, это дупло, для рыбного филина, оказалось маловато.

В очередной мой рабочий проход по пойме Тятиной, я отыскал мощный ивовый баобаб. Это – толстое дерево! Чуть наклонённый вперёд, ствол. Крупные ветви отходят от ствола, лишь метрах в восьми над землей! В этом месте, одна из ветвей оказалась выломанной! Отсюда, вертикально вверх, уходит в небо мощное бревно гнилой древесины – это гнилая внутренность ствола...

С большим трудом, я забрался на дерево и добрался до заветной цели! За несколько часов работы своим тесаком, я создал отличное дупло. Отличное! Игрушка! Мечта любого рыбного филина! Сидя на корточках в камере дупла, я подрубал выступающие на его днище, тяжи живой древесины... Вот каких размеров оказалось дупло! Оно иде-

ально всем – своими размерами, расположением входа, высотой над уровнем почвы, прекрасной присадой, в виде мощной ели, растущей в двадцати – тридцати метрах, прямо напротив дупла... И даже тем, что низовья Тягиной до сих пор не освоены рыбными филинами! Я сижу в дупле и смотрю вниз... мне здесь так хорошо и покойно! Я готов остаться здесь жить сам...

Который уже раз за эту весну, я шагаю по своему, обычному маршруту, вверх по пойме Тягиной. Сегодня – солнечный, прямо-таки, летний день. Обследовав устьевой отрезок речной поймы, я вынимаю свой дневничок: «Так! Адонис амурский – отцветает. Обилие – незначительно, лишь две местинки цветков. Хохлатка сомнительная – в разгаре цветения. Распространена по пойме повсеместно! Гусиный лук жёлтый... Белокопытник японский...». Через каждые четыреста метров речной поймы, я открываю свой полевой дневничок и записываю сезонное развитие раннецветущих растений...

Километрах в четырёх от устья речки, её пойма расширяется. Здесь, моему глазу открываются обширные поляны! К середине лета, здесь всё будет затоплено трёхметровым, зелёным морем высокотравья, а пока – под моими ногами лишь проклёвываются из почвы сочные ростки лопухов. Сейчас эти, жёлто-голубые от множества цветков адониса и хохлатки, поляны – так радуют глаз!

Неожиданно, я отыскиваю, под своими ногами, адонис, разветвляющийся на два равноценных побега! Каждая веточка завершается нормальным, ярко-жёлтым цветком...

– Хм! Странно! – останавливаюсь я, в раздумье, – Определитель однозначно указывает! «Адонис амурский» – растение с неветвящимся стеблем, имеющее один цветок! На Кунашире, есть ещё один вид адониса. И он, как раз, ветвится. Он так и называется – «адонис ветвистый». Но! Ботаники находили адонис ветвистый только в одном месте – на юге острова, в местечке Алёхино!

Я начинаю внимательно присматриваться к адонисам, под своими ногами... И вот! Я вижу трижды ветвящийся адонис, с тремя цветками!

– Не может быть! – изумляюсь я, – А, вот ещё, с тремя!

А, вскоре я, распластавшись по земле, с изумлением рассматриваю адонис, с четырьмя цветками...

– Вот, это да-ааа! С четырьмя! Кто, теперь, мне скажет, что это – не адонис ветвистый?! Я нашёл адонис ветвистый на Тятинке! Это сенсация! Ура!

Я выкапываю это чудо природы и осторожно расправляя лепестки и листья растения, закладываю адонис в свою гербарную папку. Ботанический рюкзачок, ведь, всегда при мне. Этот образец мне необходим – как доказательство того, что я не фантазирую...

Но и это, оказывается, не предел! Под завершение, за все мои упорные ползания по полянам, судьба награждает меня роскошным адонисом с пятью цветками!

– С пятью! – визжу я, как недорезанный, – Пять! Пять цветков! И, после этого, я ещё буду сомневаться в том, что это – адонис ветвистый?!

А, день – уже близится к вечеру! Солнце клонится к тёмной, зубчатой гряде хвойного леса, ограничивающего речную пойму с запада. Собрав свой ботанический рюкзачок, я вытираю о траву свои, измазанные бурой почвой, руки. Подхватив прислонённое к ближайшему пню, своё ружьё, я шагаю дальше, вверх по речке – у меня ещё не завершён фенологический маршрут.

– Урррааа!!! – пишу я, от счастья, – У меня, сегодня – настоящее открытие! Уррааа!

У меня, сегодня – прекрасное настроение!

Саратовский кордон. Рабочие дни – летят, один за другим... Вечером, Дыхан согласовывает со мной планы на завтра: «Саня! Давай, завтра прогуляемся до Рубежного? Мне нужно, по побережью, учёты птиц провести».

– Конечно! – я всегда лёгок на подъём.

Я прикидываю, в уме: «До Тятинки – пять километров, от неё до Рубежного – три часа быстрого хода! Это, как

минимум, пятнадцать километров... Значит, двадцать километров в одну сторону!.. Круто! Успеть бы, вернуться до вечера».

Саратовский кордон. Утро. Сегодня, мы с Дыханом, уходим в дальний маршрут...

С последнего мыса перед устьем Тятиной, мы слышим знакомое: «Кук-ку! Кук-ку!».

– О! Кукушка! – радуюсь я.

– Угу! – спокойно улыбается Михаил.

– Первый, в этом году, крик кукушки! Важная дата в Календарь природы заповедника!

– Сегодня – двадцать восьмое мая, – отзывается Михаил, – По моему опыту, это – самая постоянная фенодата Календаря! Всегда, кукушка первый раз кричит – именно двадцать восьмого числа!

– Что? – уточняю я, – Каждый год? Всегда-всегда?

– Да! – категорично кивает головой, Дыхан, – Всегда!

Вот и устье Тятиной! Мы наводим свои бинокли на обрыв, что нависает над правым берегом, на втором перекате от устья. Здесь, речка подмывает высокую морскую террасу. Обрыв – метров десять, высоты...

– О! Смотри! – шепчет мне, Дыхан, – Обыкновенный зимородок! На камне, под обрывом!

И я опускаю поле своего бинокля под обрыв. На серой, отполированной водным потоком скале, в метре выше воды, сидит японский фонарик! У птички – раздутая как шарик, лимонно-оранжевая грудка! И синие переливы крыльев.

– Цыг!.. Цыг!.. Цыг!

Птичка срывается с камня и низко, едва не касаясь бурунов переката, летит прямолинейным, быстрым полётом, вверх по речке.

– Пошли! Подойдём ближе! – предлагает Михаил, – Глянем, что он, тут, делает!

Мы заворачиваем по галечному берегу вверх, переходим на другой берег речки. Теперь, обрыв – по другую сторону речки, прямо напротив нас...

– О! Нора! – радуется Дыхан.

Я, тоже, вижу, что в нижней части обрыва чернеет отверстие норы зимородка. Дыхан достаёт рулетку и перебирается под обрыв.

– Саня! Запиши! – просит он меня, – Так, входное... шесть на девять! Высота от уреза воды... семьдесят три сантиметра!

– Ага! Записал!

– Всё! Уходим! – командует Дыхан, и мы торопливо покидаем берег Тятиной...

Дыхан остался в очередной минибухточке побережья, чуть-чуть не доходя до Рубежного. А я решил сходить чуть дальше. Через полчаса, я возвращаюсь. Положив своё ружьё на колени, Михаил сидит на песочке морского пляжа и смотрит в море.

– Гагару шлёпнул, в музей природы чучело сделаю, – коротко кивает он в море, – Нужно подождать, когда её к берегу прибьёт.

Я молча пристраиваюсь рядом, на крупный песок узкого пляжа. Комок чёрных перьев качается на поверхности океана, метрах в пятидесяти от нас...

Одиночная гагара заходит на нас со стороны моря! Она летит низко, на бреющем. И плюхается на воду рядом с убитой птицей.

– Хм! Как баклан! – хмыкаю я.

– Нет! – отрицательно качает головой, Дыхан, – Присмотри! У сидящего на воде баклана хвост вверх задран, пистолетом. А у гагары – спина плавно опускается к воде. И всё. Никакого хвоста у неё не видно.

– Ага. Точно, – киваю я, прищурившись.

Мы сидим на крупном вулканическом песке, ждём и молчим...

– Сколько я, в школьные годы, стрелял морскую птицу на Шикотане, – кивает Дыхан в сторону океана, – Особенно бакланов! Гагару очень сложно подстрелить.

– Да? – вопросительно скашиваю я на него, глаз.

– Хм! – усмехается Михаил, – Стреляешь в сидящую на море гагару – она успевает нырнуть!

– Хм! – я сморщиваю нос, не очень веря в сказанное, – Она быстрее пули?!

– Я не знаю, как она успевает! – говорит Дыхан, – Это невозможно, невысказано! Между выстрелом и моментом покрытия места дробью – мгновение! А она успевает услышать выстрел и нырнуть...

– Хм! – хмыкаю я.

– Смотри! – Дыхан встаёт и прицеливается в гагару.

– Бахxxx! – бьёт выстрел.

И я вижу, что гагара успевает исчезнуть под водой на мгновение раньше, чем россыпь дроби густо накрывает это место.

– Нырнула! – искренне удивляюсь я.

– Хм! – хмыкает уже Дыхан, – А я что говорю?

– А как же её стрелять?! – изумляюсь я.

Вынырнувшая гагара снова качается на воде, рядом с чёрным комком мёртвой гагары.

– Нужно выбрать момент, когда она чем-то отвлечена.

– Ясно... Почему эта гагара не улетает?

– Потому что это – её пара! – зло говорит Дыхан и прицеливается в птицу.

– Бахxxx! – бьёт выстрел.

Гагара снова успевает нырнуть раньше, чем её накроет дробь. Взлетев, птица делает широкий круг по морю и... возвращается обратно! И снова плюхается на воду, рядом с убитой гагарой.

– Чёрт бы тебя побрал! – злится Дыхан.

Я тоже не испытываю радостных чувств, от этой картины. Дыхан вскидывает ружьё.

– Бахxxx!

Гагара успевает нырнуть. А вынырнув, взлетает и... сделав круг, снова возвращается к нам. Она приводняется рядом с качающейся в море напротив нас, убитой птицей.

– Блин! – через пару минут скрипит зубами, Дыхан, – Я человек не сентиментальный, но тут задумаешься... о лебединой верности! Вот же, блин! Хотел благое дело, для музея природы, сделать.

Я молчу...

Через минуту созерцания гагар, он не выдерживает: «Её прийдёт к берегу не раньше, чем через час. Пошли отсюда, Сань! Как, на это смотреть?! Мать твою!». Мы разворачиваемся и торопливо шагаем по побережью прочь, на запад.

Через несколько дней, с Саратовского кордона, отбыли в цивилизацию, киношники. А мы с Дыханом – уходим в большой переход, в противоположную сторону. По побережью, за один день, мы проходим вокруг конуса вулкана Тятя километров сорок и выходим к кордону «Урвитово». Урвитово – это такое, обжитое человеком местечко, с северной стороны вулкана. Здесь, на широком, травяном плато морской террасы, стоит погранзастава «Урвитово». Сообщение – вертолёт. Заброска продуктов и горючего – раз в году, кораблём. К пограничникам, со стороны хвойных лесов, закрывающих подножия вулкана, присоединился кордон нашего заповедника. Кордон находится в процессе строительства. А пока – здесь, рядом со срубом будущего кордона, стоит неказистый балок, сбитый в одну доску.

Стоит хороший, солнечный день. Дело близится к обеду. Утром, в сеанс связи нам по рации сказали, что нас должен забрать вертолёт. Мы, к вертолётам – люди привычные. И знаем, что вертолёт – дело не быстрое. Чтобы скоротать время, мы сняли футболки и по пояс голые, лежим на плоской крыше заповедного балка. Мы загораем...

– Саня! – окликает меня Дыхан, – Ты книжку Сташкевича читал? Мне в контору заглянуть нужно будет. Наверняка, спросит.

Сташкевич Леонид Фёдорович – наш новый директор. Он с семьёй приехал на Кунашир с острова Врангеля. Был там директором заповедника.

– Арктическая заповедь? – уточняю я.

– Ну.

– Хм! Не поверишь... Прочитал!

– Ну и как?

– Хм! – задумываюсь я, – Книжка о дикой природе острова Врангеля!

– Я это и так знаю! – нетерпеливо отмахивается Дыхан, – Ты – по существу давай!

– Как-то вечером, у себя в доме, в посёлке, я сел и прочитал эту, директорскую Арктическую заповедь. А прочитал – и сам не поверил!

– Не томи!

– Прочитал и пожалел... что книжка тонкая. Концовку, особенно яркие места – несколько раз перечитал! Аж мозги, она, мне завернула! Вышел я на воздух, на ночную улицу – а ощущение такое, словно я из дома учителя вышел, после серьёзной взбучки! Который – мозги мне прочистил о том, как мы должны, по совести, в природе жить. И в душе, у меня – ощущение благодарности, за эту науку.

– Да? – изумляется Дыхан, – Все говорят, что – фигня!

– Ага! – киваю я, – Нашим архаровцам – только книжки читать! Им бы – пашками порубить, да с карабинов пострелять.

– Рассказывай.

Дыхан заинтересованно поворачивается ко мне, на бок.

– Ну, – киваю я, – Сначала... обычный текст, о природе острова Врангеля. Откуда наш директор приехал. Но, с каждой страницей... вдруг чувствуешь – такое серьёзное, тебе в голову лезет! Философское! Понимаешь... Не грубые, никого не трогающие теперь указания, типа – «Природу нужно беречь!»... Там – только мысли! Но, такие глубокие, яркие! О самом смысле существования дикой природы. О месте человека, в этой дикой природе... Последний пример, о леммингах – вообще потрясающий! Потрясающий... Представляешь? Текст кончился – а я, словно ненароком, последний лист перевернул...

– Зачем? – Дыхан уставился на меня.

Сконфузившись, я виновато пожимаю плечом: «Продолжение искал».

– Да? – Дыхан, пытливо, смотрит мне в лицо.

– Хм! – наконец, хмыкает он, – Ладно. Нужно будет прочитать.

– Ага, – киваю я, – Прочитай! Не пожалеешь. Редко такие книжки бывают.

– Ррррееееее! Ррррееееее! – со стороны недалёкого, полусухого, побитого хвойника раздаётся скрипучий, тонкий рёв.

– О! – подхватываюсь я, в сидячее положение, – Медвежонок!

– Ну.., – хмыкает Дыхан, снова откидываясь на спину.

– Ррррееееее! Ррррееееее! Ррррееееее! Ррррееееее! – всё громче и требовательнее, разоряется медвежонок.

– И ревёт – совсем недалеко! – прикидываю я, поднявшись на ноги, – Буквально, на границе бурелома!

– Похоже на то, – кивает Дыхан, не открывая глаз.

Здесь, с этой стороны, хвойный лес по подножиям вулкана – почему-то высох. Это частокол белых стволов и сучьев. Мы пробовали сунуться туда сегодня утром – там такой бурелом! Крошево хлыстов, сучьев! Распадки ручьёв буквально завалены лежащими поперёк них стволами елей и пихт! Даже мы, тренированные лесные волки – не смогли пройти вглубь этого бурелома! Пришлось вернуться...

– Ррррееееее! Ррррееееее! Ррррееееее! Ррррееееее!

– Вот, разорался! – бурчит Дыхан.

– Может, случилось что? – тревожусь я.

– А мы, что можем? – отзывается Дыхан, – Туда – даже зайти нельзя... Такие вопли – медведица мимо не пройдёт. Сами разберутся...

Я разворачиваюсь от подножий вулкана Тятя и смотрю в противоположную сторону – на синее море и белые строения пограничной заставы.

– Вот же, экзотика! – развожу я руками, – Справа – медвежонок ревёт, слева – неспешно течёт человеческая жизнь...

– Ну, – загорают под солнышком, Дыхан, – Два – в одном...

Южно-Курильск. Дыхан выдвинулся на юг Кунашира. Там, у него – летние учёты численности птиц. Я, снова,

остаюсь один. Я, конечно, вольный стрелок, но мне, в лесу нужен напарник. После долгих дебатов, контора заповедника направляет меня тоже, на юг Кунашира. С непременным условием стыковки с Дыханом...

Мне нужно добраться на дальний кордон заповедника, что присоседился к пограничной заставе на мысе «Ивановский».

Восьмое июня. Кордон Ивановский, конец моего дневного перехода.

– Саня! Привет! – радуется мне вечером, на кордоне, Дыхан, – Тебя – тоже сюда?! Что они, тебе сказали?

– Мишка! – возмущаюсь я, – Сказали: «Он – один и ты – один. Вместе – будет пара!».

– Ха-ха-ха! – хрипло смеётся на это, Дыхан, – Логично! Вот, оно – решение проблемы техники безопасности! А что там, у тебя за бойня, в конторе? Как в директорский кабинет ни загляну – там ты сидишь!

– Да, задолбал, новый директор! Чуть я заикаюсь о приказе на полевые – он говорит: «Полевой дневник на стол!». Очень доброжелательно так, говорит!.. Представляешь? Он, мой месячный полевой дневник – читает, как детектив! Он каждое слово вдумчиво прочитывает! Обдумывает, смакует и принимает решение – правильно ли я написал! И всё оспаривает! Я площадку по учёту кандыка заложил – он считает, что я не так её сделал! Каждую графу в учётной таблице оспаривает!

– Ну! – говорит он мне, – Я прав?.. А я же – как баран, упёртый! Сиж, надутый и не соглашаюсь с ним.

– Нет, – бухчу я, – Прав я!..

– Ха-ха-ха! – смеётся Дыхан.

– Ну, не прав он! – горячусь я, – Я сам стараюсь поставить площадку самым лучшим образом! Я знаю, что лучше её – не поставить!

– Значит, сидите.., – задумывается Дыхан, – Двое упрямых... Он – директор. Думает, что всегда прав... Наезжает!

– Угу. Наезжает, – вздыхаю я.

– А ты – знаешь свою ботанику. И не уступаешь!

– Ну! – соглашаюсь я, – Сижу, пыхчу и молчу... Последний день четыре часа просидел, в директорском кабинете.

– Круто., – вслух думает Дыхан, – Сань! У вас же, ботаников – всё по латыни. Ты латинские названия растений знаешь?

– Конечно! – вытаращиваюсь я на Дыхана, не зная, оскорбиться мне на него или просто обидеться.

– А... ты можешь всё, в своём дневнике, писать по латыни?

– Конечно! – искренне развожу я перед ним, руками.

– Ну, так пиши!

– Да? – озадачиваюсь я, – Латынью?

– Конечно!

Кордон Ивановский. Вереницей потянулись дни, охарактеризовать которые можно одной фразой «волка ноги кормят». Моя работа, по весенним растениям долины речки Тятина, уже завершена, и я переключаюсь на выявление мест произрастания редких растений и сбор гербария заповедника. Гербарий – это, ведь, коллекция растений заповедника. Коллекция! Это огромная коллекция, труд на многие годы. Это важно и нужно... А, ещё – это так интересно!

Мы встаём по будильнику, не позднее пяти часов утра. К полудню – успеваем выходить полсвета... А вторую половину этого света – выходить к вечеру. Михаил, по голосу, узнаёт любую птичку, пискнувшую в ближайших окрестностях! Да-а, в птичках он разбирается классно... Ну, что ж? А я – не хуже него, разбираюсь в растениях...

Юг Кунашира – это, конечно, не север! С утра до вечера, мы шляемся по лесам – и ни одного медвежьего шороха! Ни одного! Хорошо это? Да это, просто, здорово!..

Одиннадцатое июня. Ивановский кордон. Сегодня, мы решили разделиться. Михаил уходит по своим, птичьим делам, в верховья Кривоножки. Это ручей, стекающий к нам с внешнего склона кальдеры вулкана Головнина. А, я – сегодня, пройду по тропе пограничников. Здесь! Никуда не отходя. Близко. И – не в лес! Эта тропа проложена вдоль побережья.

– Познакомлюсь, сегодня, с дубравами! – решаю я, – Или правильное сказать «с дубняками»?

Мне приятнее – второй термин... У меня – железная логика: лес из ели – ельник, лес из берёзы – березняк. Значит, лес из дуба – дубняк... Оба вида дуба, у нас – редкие, краснокнижные. Да, мало ли чего, я здесь найду? Одним словом, я выхожу на свободную охоту...

Сегодня, в природе – полное безветрие. Мёртво стоит пелена густого тумана. Он глушит все звуки! Словно, вата в ушах. По такой погоде – даже, птички не поют. Полная тишина! Только, время от времени, раздаётся длинный, заунывный свист дрозда...

– Ссссссссссссс... Ссссссссссссссссс...

Обычный, человеческий свист! Долгий и очень заунывный...

Прокошенная в бамбуке, тропа вьётся от нашего мыса, вдоль морского побережья, на север, в сторону речки Озёрной. Но, только, по сопкам, эта тропа идёт – не со стороны Охотского моря, а по склонам, противоположным морскому побережью...

– Правильно! – одобрительно думаю я, – Этот склон закрыт от осенних штормов! Когда на море бьёт шторм с ледяным дождём – по обращённому к морю склону не пройти!

Шагая по тропе, я начинаю подниматься по склону сопки. Тропинка узкая, вокруг стоит бамбуковый дубняк. Глазами, я ищу самый толстый ствол дуба! Это – мой личный интерес, хобби... Вон, он!

– Так! Дуб зубчатый! – громко разговариваю я с дубом, доставая рулетку, – Сколько сантиметров, твой диаметр?

Интересно, что дубняки из этого вида дуба, у нас, на Кунашире – простираются только вдоль побережья Охотского моря! Эти леса представляют собой скопище чахлах, скрюченных дубков, до половины своего роста, снизу, поглощённых мощным покровом бамбука. Где-то в журнале, я видел фотографию завязанных на узлы, север-

ных берёзок, с надписью «танцующие деревья». По-моему, эти дубки танцуют ничуть не хуже...

– Пятьдесят четыре сантиметра! И это – самый могучий дуб зубчатый?! – кривлю я губы, – Не густо!

Тропа, постепенно, забирает в пологий распадок. Здесь, на спуске – бамбуковый березняк. Но я, всё же, на юге острова – и кроме белых стволиков берёзок, я вижу различные деревья бархата, вяза, вишню...

– Пёстрая смесь юга! – довольный, улыбаюсь я.

Березняк перевит плетями лиан. Вот, с высокого куста гортензии, свисают чёрные плети лианы, с неряшливо отслаивающейся корой.

– Виноград Куанье! – прицениваюсь я, к лиане, – Назван в честь какого-то Куанье! Он, наверняка, был французом... Опять, кто-то из команд кораблей первооткрывателей!

– Надо замерить диаметр и винограда! – решаю я, – Интересно ведь, до какой толщины, на Кунашире, виноград вырастает.

Я схожу с тропы и трудно гребу по упругим зарослям бамбука, приближаясь к гортензии. Достаяю рулетку...

– Семь сантиметров! А, что? Это, действительно, толстый виноград! Во всяком случае, толще – я не видел!

Здесь же, рядом, плетётся «ипритка»! По-латыни – токсикодендрон, ядовитое дерево. По-научному «сумах восточный». Стараясь не прикасаться к тёмно-зелёным, тройчатым листьям сумаха, я осторожно меряю диаметр стволика и этой лианы.

– Тоже, семь сантиметров! Сумах – семь сантиметров диаметром! Это уже круто!

Опыт моей лесной жизни на Кунашире, показывает, что для сумаха это – очень, очень много!

Тропа, среди чистого пихтарника, начинает подниматься вверх, по склону сопки.

– А, пихтарник-то – совсем жердняк! – прицениваюсь я.

Только молодняки бывают такими густыми, что под ними не выживает ни одно другое растение. Под таким

лесом – лишь голая почва, покрытая слоем опадающей хвои. В геоботанике, такой лес и называется мёртвопокровным. Вверх по склону, по этому чистому хвойнику, уходит чистая, ухоженная просека моей тропы.

– Здорово! – радуюсь я, – Настоящая широкая, пешеходная дорожка! Как в парке культуры и отдыха!.. И уютная такая!

Шаг за шагом, я поднимаюсь по тропе, всё выше по склону. Кругом матово отливают серые колонны стволов пихт, у них такая мягкая, зелёная хвоя...

Вот, впереди и выше меня, хвойник до земли, стал просвечиваться небом! Это значит одно – впереди гребень склона. Там – перелом тропы. Шаг за шагом, я шагаю вверх, приближаясь к гребню.

– Шиш-шиш, Шиш-шиш, – я, вдруг, отчётливо улавливаю шелест листвы, под чьими-то ногами!

Там, впереди!.. Здесь, людей – нет!

– Эгей!!! – предостерегающе вскрикиваю я, – Это я, здесь!

– Шиш-шиш, Шиш-шиш, Шиш-шиш...

Равномерный шорох листвы, под чьими-то ногами – не прекращается! Там, определённо, кто-то идёт! Впереди, по тропе, уже просвечивает окно маленькой, лесной опушки. Там – обзор! И я бросаюсь вперёд по тропе, на ходу срывая с плеча ружьё...

С первым моим шагом на край опушки, я вижу взрослого медведя, который точно так же, как я, делает первый шаг, на её противоположный край. Мы одновременно видим друг друга...

Обиженно скособочившись, круглый, бурый медведь начинает боком, двигаться вправо, по краю опушки. Как трактор, всё-также боком, он «наезжает» на куст гортензии. Куст, словно трава, ложится под медведя, а потом, резко распрямившись, машет своими ветвями и закрывает медведя от меня...

– Вроде бы разошлись, – я стою неподвижно, вслушиваясь в шорохи леса по другую сторону миниатюрной полянки.

Но, невидимый мне, медведь начинает глухо и монотонно реветь, где-то по ту сторону полянки.

– Оооооо! Ууууу! Оооооо!

– Не ушёл! – озадачиваюсь я, – Может, в воздух выстрелить? Нет. Лучше, отойти назад!

И я делаю короткую пробежку обратно, вниз по тропе.

– Сейчас главное – разорвать дистанцию! – думаю я, стоя на просеке тропы в этом, таком густом пихтарнике.

Перестав дышать, я весь превращаюсь в слух...

– Оооооо! Ууууу! Оооооо! – опять раздаётся протяжный, медвежий рев!

– Медведь! Ты что?! – недоумённо кричу я, вверх по тропе, – Я здесь!

– Наверно, он потерял меня и думает, что я, всё ещё стою там, на опушке! – думаю я.

– Уууууууу! Оооооооо! Ууууууууу!

Я стою и вслушиваюсь в переливы густого, медвежьего рёва...

И понимаю, что рёв – постепенно нарастает!

– Он – что? – нехорошо поражаюсь я, – В мою сторону идёт?!

Я опять, коротко пробегаю вниз по тропе. И опять стою, вслушиваясь в звуки леса...

– Оооооо! Ууууу! Оооооо!

Невидимый в пихтарнике, медведь, определённо приближается! Я это понимаю по постепенному нарастанию громкости его протяжного и монотонного рёва...

– Медведь! Блин! Ты что?! Совсем охренел?! Я, здесь! Иди отсюда! – ору я вверх, в сторону медведя, – Иди отсюда, скотина!

– Оооооо! Ууууу! Оооооооооо!

Но медведь ревет, и громкость его рёва, постепенно, нарастает. А это значит, что зверь приближается...

Я разворачиваюсь и снова сбегаю по тропе, назад. Благо, что такая хорошая и удобная тропа, под ногами...

– Оооооо! Ууууу! Оооооо!

Остановившись на тропе в очередной раз, я вслушиваюсь в медвежий рёв. И в очередной раз, убеждаюсь в правоте своих предположений!

– Блин! Так и есть! Он идёт за мной! Что ему надо?!

Совершенно не понимая происходящего, я, с ружьём в руке, коротко отбегаю прочь, по тропе.

– Э-ээй! Медведь! Скотина! – остановившись, я разворачиваюсь и кричу во всё горло, – Иди отсюда!

– Оооооо! Ууууу! Оооооо!

Скрытый пихтарником, медведь всё время обозначает себя протяжным, монотонным рёвом...

– Что-то, наша встреча больно уж, затянулась! Надо её, как-то прервать! – лихорадочно думаю я, оглядываясь по сторонам.

И вижу, что буквально рядом, на близком гребне распадка, растёт мощная пихта.

– Пихта! – осеняет меня мысль, – У неё – такая раскидистая крона! Её сучья начинаются в метре от земли! По этим горизонтальным и толстым ветвям, мне очень просто будет залезть на дерево!

Я решительно схожу с тропы и торопливо гребу по бамбуковым зарослям к дереву. Непролазный бамбук – мне по глаза!

– Оооооо! Ууууу! Оооооо!

Последний раз оглянувшись в сторону невидимого медведя, я сбрасываю свой ботанический рюкзачок к стволу пихты и ухватившись за ветви руками, как по лестнице, лезу по ним вверх. Высоко в кроне, я срубаю, своим тесаком, небольшой сук. На образовавшийся крюк вешаю, за ремень, своё ружьё. Теперь, мне не страшно – я с ружьём и высоко на дереве...

– Оооооо! Ууууу! Оооооо! – басовито гудит медведь, со своей стороны.

Вдруг, с противоположной от тропы стороны, где-то далеко на днище соседнего распадка, раздаётся другой – тонкий и скрипучий, медвежий рёв!

– Еееее! Аааааа!

Фальцетом! Он мне знаком!

– Тьфу, блин! – сплёвываю я, в сердцах, – Медвежонок!
А этот, что гудит передо мной, значит – не медведь, а медведица! Никто меня не преследует!

– Еееее! Аааааа!

– Еееее!

– Оооооо! Ууууу! Оооооо!

Тонких, медвежьих голосов – два. И ещё один – с другой стороны. Этот – гудит низким рёвом, как наш деревенский бык, из моего поселкового детства...

– Медвежат – два! – понимаю я, – Попал между медведицей и медвежатами! Вот, блин!

Вот, теперь, мне становится понятным поведение медведя.

– Это же надо! Так попасть! – искренне возмущаюсь я.

Чуть погода, я озадачиваюсь: «И что мне делать?». Немного поразмыслив, я понимаю: «А, ничего, тут и не поделаешь! Сидеть придётся! И ждать. Пока не произойдёт воссоединение семьи».

– И сидеть – придётся долго, – прикидываю я, – Медвежата, пока не успокоятся – с дерева, на землю, не слезут. А иначе – она их не уведёт.

Я, поудобней, устраиваюсь сразу на нескольких, горизонтальных и толстых, словно гимнастические брусья в школьном спортзале, ветвях пихты: «Ждать – так уж ждать»...

– Оооооо! Ууууу! Оооооо! – монотонно бубнит медведица, со своей стороны.

– Еееее! Аааааа! Еееее!

– Еееее! Еееее! Ееееееее!

Медвежата в распадке, орут всё громче и паузы, между их рёвами, становятся всё короче.

– Вот же, разорались! На весь лес! – поворачиваю я голову, в их сторону, – Они, ещё и требуют!

– Оооооо! Ууууу! Оооооо! – гудит медведица.

– Ееееееее! Аааааа! Ееееееее!

– Ееееееее! Ееееееее! Ееееееее!

Медвежата закатывают своей мамаше настоящий скандал! Видимо, они хотят, чтобы она поскорее их отыскала.

– Оооооо! Ууууу! Оооооо! – гудит, мне, медведица.

– Медведицааааа! – в свою очередь, лёжа высоко над землёй, нагло ору я, невидимой медведице, – Иди отсюдааааа! Вали к своим медвежатам!

Наверное, вычислив мои «птичьи» координаты, она перестает со мной разговаривать – её густой, монотонный рёв, наконец, прекращается.

– Фу-ууу! Хоть, с одной стороны, рёв стих! – облегчённо выдыхаю я, – А то, орут с обеих сторон! Голова, скоро, треснет! От такого ора...

– Ну, если реветь перестала – значит, за медвежатами пошла, – прикидываю я, – Это, уже хорошо...

– Ееееее! Аааааа! Ееееее!

– Ееееее! Ееееее! Ееееееее!

Однако, медвежата еще долго будоражат лес своими скрипучими, истошными воплями...

– Ееееее! Аааааа! Ееееее!

– Ееееее! Ееееее! Ееееееее!

Проходит не меньше получаса. Я, уже почти засыпаю, лёжа на спине, на пихтовых ветвях-брусьях. Это всё – этот вечный недосып Дыхановских подъёмов, в пять утра! Когда, вдруг, всё стихает. Словно, я оглох. Или – кто-то выключил звук. Ти-ши-на...

Я недоверчиво прислушиваюсь к этой подозрительной тишине...

– Точно, тихо! Даже, не верится... Неужели – всё?!

Я тяжело встряхиваю тяжёлой, спросонья, головой и принимаю сидячее положение, на своих горизонтальных «брусьях». Глубоко вздохнув от сна, я трудно моргаю глазами, стараясь прогнать сон. И с подозрительностью поглядываю вниз, под своё дерево.

– Да-ааа. Оч-чень интересно! Спрыгнуть в эти бамбуковые дебри и – угодить в лапы к медведице! – громко говорю я, сам себе, – Нет, уж! Я, лучше, подожду ещё!

Я жду. Я очень терпеливый...

Проходит минут двадцать, времени.

– Медведица! – нагло кричу я во всё горло, вниз, под своё дерево, – Ты где?! Я слезть хочу!

В ответ – тишина...

Перед тем, как, наконец, решиться на спуск, я ещё несколько раз кричу под дерево, самым грозным голосом...

Ивановский кордон. На завтра, ранним-ранним утром, мы, в паре с Дыханом, уходим в бассейн речки Кривоножка. С первых же шагов, по грудь утопаем в безбрежном море бамбука. Им, здесь, затоплены все склоны кальдеры вулкана Головнина – и пихтарники, и березняки, всё...

Это – не ходьба, это непрерывная гребля! Кроме того, что бамбук выматывает все силы, нас сопровождает громкий шелест кожистых, бамбуковых листьев! Этот непрерывный, громкий шелест и хруст заглушают все другие звуки, вокруг! Мы ничего не слышим! Поэтому, мы часто останавливаемся, чтобы прислушаться. И это – надо делать одновременно...

В нашей паре, я – ведомый. Я всегда гребу в метре сзади Михаила. Вот, он замер! Немедленно замираю и я! Иначе, что-либо услышать – будет, просто, невозможно.

Вот, мы начинаем спускаться в очередной распадок. Его заполняет густой лиственный лес. Всё та же, неизменная «пёстрая смесь юга». Очередной раз, мы синхронно замираем, чтобы прислушаться. Дыхан, наклонившись, пытается что-то рассмотреть впереди. Он раскачивается из стороны в сторону. Я понимаю, что, таким образом, он старается отыскать окошко в плотной мозаике листвы.

– Медведь! – Михаил коротко оглядывается на меня, – Слышишь?

Где-то впереди, под нами, на днище распадка, я едва-едва улавливаю какое-то неясное шуршание бамбука. Да! Там, за буйством листвы, определено, кто-то есть. Может – медведь, а может и лисичка. Я это, скорее чувствую, чем слышу...

– Давай-ка, немного в сторону вильнём! – прикидывает Дыхан, – Чем чёрт не шутит.

И мы, вместо того, чтобы спускаться на днище распада-ка, сворачиваем левее...

Ближе к полудню, мы сваливаем в глубокий, безлесный распадок, покрытый ровными, словно подстриженными, метровыми зарослями бамбука...

Вдруг, с вершины противоположной сопки, покрытой тёмной шапкой пихтарника, начинают литься странные звуки!

– Ууууу-ииииии-ууууу!..

Непрерывный поток звуков, переливаясь из свиста в завывание и обратно, образует странную, для моего уха, какофонию. Я удивлённо и вопросительно смотрю на Михаила. Тот загадочно улыбается мне в ответ и шепчет: «Зелёный голубь! Давай послушаем». И мы медленно-медленно, стараясь поменьше шуршать и хрустеть, как стояли – садимся в бамбук.

– Так, вот ты какой, зелёный голубь! – думаю я, внимательно вслушиваясь в эти заунывные и очень необычные звуки.

Зелёный голубь считается едва ли не центральной орнитологической достопримечательностью Кунашира. В пределах нашей страны, эта птица встречается только у нас, на острове. Услышать, а тем более, увидеть собственными глазами, эту редкость – мечта каждого орнитолога, приезжающего на Кунашир. А, орнитологов, сюда – приезжает много. Вот, третий сезон подряд, к нам приезжает экспедиция орнитологов из Центральной научно-исследовательской лаборатории Москвы. И каждый год, по окончании командировки, я вижу заросшего щетиной и пропахшего кострами, Валентина Ильяшенко. И всегда, он рассказывает массу тонких наблюдений из поведения разных птичек Кунашира. Но, только, увидеть зелёного голубя – ему не удалось до сих пор...

Как-то я поинтересовался у него: «Валентин Юрьевич! А новые для Кунашира, виды птиц? Ваша экспедиция... в этом сезоне... не нашли?».

– Хм! – устало улыбнулся мне Ильяшенко, – Нет... И я скажу так: «После Дыхана, орнитологам здесь делать нечего».

Вволю наслушавшись «пения» голубя, мы решаем попробовать подойти к нему поближе.

– В бамбуке нас – за километр слышно! – шепчет Дыхан, – Но, чем чёрт не шутит? Что сидеть?!

И мы начинаем равномерно грести к вершине сопки. Продвигаться «против шерсти» бамбука очень трудно и я быстро взмокаю...

Свисты и гудение прекратились! Тяжело дыша, по грудь в бамбуке, Дыхан останавливается. Я немедленно замираю, в шаге сзади.

– Замолчал! – Дыхан поворачивает ко мне, мокрое от пота лицо, – Послушаем.

– Ага! – согласно киваю я головой и запалённо прикидываю, – Есть время перевести дух!

Голубь молчит. Его звуков больше не слышно.

– Похоже, улетел! – прикидывает Михаил, – Или, нас видит! И теперь – молчать будет, пока не пройдем. Что, тоже, плохо.

Но, вершина сопки – уже вот она, рукой подать. Мы на неё, уже почти вылезли!

– Ну, что? – спрашивает Дыхан и предлагает, – Давай, на вершину вылезем! Раз уж, начали...

– Конечно! – соглашаюсь я.

И мы снова начинаем бороться с упругой и душной стеной бамбука, достающей мне до уровня глаз...

Вот и тёмные кроны первых пихт. Бамбуковые заросли начинают быстро редеть...

А под пихтарником, они – и вовсе жиденькие! На самой высокой точке вершины, мы бессильно валимся на лежащий на лесной подстилке, ствол сухой пихты.

– Перекур! – коротко выдыхает Дыхан.

Мы – на границе бамбукового пихтарника.

– Да! – соглашаюсь я, – Надо посидеть.

– Давай! – коротко кивает он, – Действуй!

Я достаю из рюкзачка свою рулетку и на уровне груди, шарю пальцами по поверхности гладкого ствола тиса, в поисках сучка, за который смогу зацепить конец ленты...

Пока я замеряю окружность ствола дерева, Михаил сидит, привалившись спиной к тёмно-вишнёвой стене ствола этого гиганта и с наслаждением, дымит папиросой. Так курят рабочие на перекурах, во время тяжёлой работы...

Смотав свою рулетку, я с удовольствием, падаю в траву, рядом.

– Фу-ууу! Нужно немного посидеть.

Небо закрыло сплошной, белой дымкой. Она – высокая и какая-то сухая. Насколько я понимаю в погоде, сегодня дождика не ожидается...

– Этот тис... знаешь, сколько? – спрашиваю я, – Сто двадцать пять сантиметров, диаметром!

– Огромен, ничего не скажешь, – кивает головой Дыхан, – Сань, ты Пажетнова читал?

– Нет, – я отрицательно качаю головой и тут же интересуюсь, – А, что? Кто это?

– Это – один из известных наших медвежатников... Посмотри, как ободрал! – Дыхан кивает в сторону ближайшей пихты.

Ствол этого дерева белеет свежей древесиной, на месте клока сорванной коры.

– Это – медвежья метка! – Дыхан затягивается папиросой, – Пажетнов пишет, что медведи делают пять видов меток. Когтями кору сдирают – это задиры. Потом, клыками могут вырвать из ствола узкую щепку древесины – это закус... Ещё – есть почёсы. Это, когда медведь трётся о ствол своей шкурой, оставляя запах... А, вон! Видишь? От ствола пихты – следы, будто слон прошёл?

– Ага, – отзываюсь я, – Вижу.

Поднявшись, Михаил подходит к пихте и присев, трогает рукой глубокие выбоины в почве: «Пажетнов пишет, что это – следовая метка. Здесь, медведь напрягается, выгибает горбом спину и широко расставляя прямые, словно

столбы, ноги, вышагивает на них, раскачиваясь из стороны в сторону. При этом, он делает вращательные движения лапами, словно вкручивает их в землю».

– Ну и ну! – удивляюсь я, – А, ты откуда это знаешь? Читаешь статьи про медведей... Ты, ведь – орнитолог!

– Так, для общего развития! – улыбается Дыхан, – Пажетнов пишет, что когда другой медведь появляется на участке леса, где есть следовая метка, он непременно проходит по этим отпечаткам. И лапы свои, ставит строго в следы метки. После прохождения многих медведей, на земле выбиваются такие вот, слоновьи следы.

– Интересно! – прикидываю я, – Значит, вот здесь – уже много медведей прошло! Чтобы такая метка получилась.

– Думаю, что да, – соглашается он, – Интересно, правда?

– Да-ааа, – тяну я, разглядывая медвежью следовую метку...

Обратно, мы возвращаемся по узкой ленте ольховника, растущего по берегам ручья. Кривоножка – это, ведь, ручей. Он совсем не имеет речной долины. Это – просто, распадок. Двадцать метров сырого ольховника – вот и всё. Дальше – вверх уходят склоны распадка, покрытые пихтарником...

Журчание ручейка по гальке миниатюрных перекатиков; чавканье воды под ногами; тёмно-зелёные кусты бананообразных листьев лизихитона; гладкие, смолистые стволы пихт, растущих прямо на мшистых берегах ручья; свежие медвежьи задиры на стволах пихт... Всё это – Кривоножка.

Вот и всё! Район мыса Ивановский исползан нами – вдоль и поперёк. Сегодня, мы перебазируемся севернее, в кальдере вулкана Головина. Скакать по каменным глыбам морского берега, нам не по нраву – это такая пустая трата сил! И абсолютно холостой, не рабочий проход... Мы решаем перевалить в кальдере напрямую, через её южный гребень.

Сегодня – тринадцатое июня. С утра стоит низкий туман, совершенно безветренно. С нами идёт Андрей Аниси-

мов, зоолог, специализирующийся на зверьках семейства куньих. На Ивановском, он занимался выявлением мест обитания европейской норки. Он – териолог, специалист нашего заповедника. Тоже, ведь, интересное занятие...

Пройдя по тропе бассейн Кривоножки, мы начинаем подниматься по бамбуковому березняку пологого, внешнего склона вулкана. Высота бамбуковых зарослей – мне по грудь. Двигаться, по ним – нужно гуськом, на шаг от впереди идущего. Отступишь на два шага – и за ним сомкнётся стена бамбука! А, самостоятельно торить дорогу в бамбуке – это трудно, это не рационально...

По карте – самая высокая точка гребня кальдеры имеет высоту пятьсот сорок семь метров. Мы, конечно, не полезем через эту вершину. Нам нужно перевалить через гребень, с наименьшими затратами сил. Значит – мы поищем седловину...

Высокий бамбук – повсеместен! В мешанине южного леса, я «проплываю» мимо толстого ствола дерева!

– О! Какой, ты! – я заинтересованно облапываю пальцами, сухие бугры крепкой коры, – Дуб курчавый!

Я достаю свою рулетку и зацепив её конец за трещину в коре, торопливо обхожу ствол дерева, вокруг.

– Триста четырнадцать! Значит, диаметр... ровно метр! Прекрасно! Новая цифра в моей диаграмме!

Хотя, сейчас – уже середина июня, магнолия – вещь теплолюбивая. Деревья магнолии ещё только начинают распускать листья! Поэтому эти, полуголые деревья, сейчас – видны издали. На магнолиях видны, свечами стоящие на ветках, шишки! Ведь, у этого дерева, на месте отцветшего цветка, к осени, вырастает большая, толстая шишка с семенами.

– Получается, что, по количеству этих шишек, я могу сказать, сколько цветков было прошлым летом на конкретном дереве магнолии! – загораюсь я, – Интересно, а сколько цветков бывает на магнолиях у нас на Кунашире, максимально?

И я начинаю подсчитывать количество шишек...

Вот, я вижу ствол молодой магнолии! Диаметр её ствола – сантиметров семнадцать – восемнадцать. Я задираю лицо к небу и считаю шишки её прошлогодних цветов: «Один, два, три... семь. Семь шишек! Значит, прошлым летом, у неё было семь цветов! Запишем!».

Занятый магнолиями, я отстаю от Михаила и Андрея. Выше по склону, они каждый раз дожидаются, пока я подтянусь поближе...

Остановившись очередной раз, я записываю в свой дневничок: «Магнолия – три шишки». А вон! На другом дереве, я вижу целых шесть шишек!

– Саня! – до меня долетает крик, сверху, – Пошли!

– Иду! – отзываюсь я, обшаривая глазами, окружающий лес...

По мере нашего подъёма по склону, высота бамбуковых зарослей, постепенно, снижается. Это меня радует, с каждым шагом вверх по склону нам всё легче идти...

Неожиданно, я замечаю, что кустики голубики, попадающиеся мне в бамбуке – обморожены! Я склоняюсь над ними...

– Саня! Что у тебя? – невдалеке стоит, обернувшись ко мне, Анисимов.

– Голубика завяла! – отзываюсь я, – Но, смотри, Андрей – они были обморожены раньше! При цветении! И так, с цветками, и завяли...

– Ага! Я тоже заметил, что завяла!

Здесь, наверху, туман – тёплый!

– Это – он подогревается сверху, солнцем! – понимаю я.

Белой пеленой, туман едва колеблется вокруг нашей тройки, медленно ползущей по бамбуковому склону...

Мы подходим к нижней границе пояса кедрового стланика. На склонах вулкана Головнина, кедровый стланик не образует сплошных зарослей и, продвигаясь вверх по склону, мы не ломимся через заросли напролом, а обходим куртины кедрового стланика, виляя по лабиринту узких прогалин между ними. Здесь, ковёр бамбука – всего лишь, по колено...

Я фотографирую белые шапочки цветков багульника. Плотные щитки мелких, белых цветков стоят неподвижно, поникшие под тяжестью оседающей влаги морозящего тумана. А, как эффектно смотрится ярко-жёлтый цветок зверобоя! С капельками влаги на кончиках лепестков...

Вот, наконец и гребень кальдеры! Нас накрывает плотная пелена тёплого, как парное молоко, тумана. Крутнувшись во все стороны, я совершенно теряю направление!

– Куда мы должны были спускаться? – озадачиваюсь я, молча, – Не знаю...

Во все стороны вниз, под ноги, плавно уходят бамбуковые склоны. Они уходят в никуда, в белое молоко. Сырые пряди тумана, едва заметно, плывут перед лицом, оседая капельками на волосах, очках, одежде...

Я, молча, жду, что скажет Дыхан. Наконец, он показывает рукой вниз: «Нам – туда!».

– Ты что, Миш?! – изумляюсь я, – Нам – туда!

И показываю рукой... в противоположную сторону. Я действительно убежден, что нам нужно спускаться – туда! Андрей спокойно растолковывает мне: «Саня! Ты всё перепутал! Нам нужно туда, куда Мишка показал!».

– Не может быть! – протестую я.

– Точно, говорю...

Я боюсь. Мне страшно оттого, что мы спустимся не туда, куда нужно! Ведь, тогда нам придётся снова штурмовать бамбуковый склон, выбираясь обратно. Это – невозможно!.. И я уговариваю Дыхана и Анисимова, подождать.

– Хотя бы, пять минут! – умоляю я их, – Вдруг, окно пойдёт?

– Пять минут – не время! – невозмутимо изрекает Дыхан. Мы садимся прямо в бамбук...

– Ждать, в этом безветрии и тумане – что у моря погоды! – зло думаю я, – Где это видано, чтобы при полном штиле, туман взял бы – да и разошёлся?!

Но, вдруг, молоко тумана, над нашими головами, начинает быстро темнеть и синеть...

И уже через несколько минут, мы видим над собой безоблачное, синее небо!

– Шу-шу-шу-шу-шу! Шу-шу-шу-шу-шу!

С громким шелестом разрезая воздух, едва не задевая наши головы крыльями, мимо нас, в кальдере, проскакивают стрижи! Воздух, вокруг нас, тотчас оглашается их задорными, пронзительными взвизгами.

– Звирьрьрьрьрь! Звирьрьрьрьрь!

Прильнув к окулярам своего бинокля, Дыхан, в радостном возбуждении, тормошит нас: «Это – колючехвосты! На хвост, Саня, на хвост смотри! Да, не там! Вон, у того!».

– Какая удача! – радуется он, – Нечаев тоже их здесь, в кальдере, отмечал! Вот и мы их увидели! Стриж-колючехвост! Увидеть колючехвоста – такая редкость! Нигде, по острову – не увидишь!

– А, во-он! Саня! Видишь? – не отрываясь от бинокля, он снова обращается ко мне, – Белопоясничный стриж!.. Нашёл?

– Пока, нет, – признаюсь я.

– Ну, вон!

– Чёрный стриж, поменьше размером, с белой полосой вокруг пояса! – подсказывает мне, от своего бинокля, более продвинутый в орнитологии, невозмутимый Анисимов, – Это – наш, обычный стриж.

– Ну! – отзывается Михаил, – Он так и называется, «белопоясничный». Их везде полно, над каждой поймой выются...

Вот она, стихия Дыхана! Он, в этом воздухе – как рыба в воде...

А, туман – редет уже и под нашими ногами! Вот, мимо нас, неспешно движется большое «окно»! Проходя мимо нас, оно, узким кадром, слева направо, постепенно показывает нам кальдере вулкана, её внутренние купола, синие озёра на днище...

А вот! Открывается и пологий склон, прямо под нашими ногами! Вниз, под наши ноги, уходят жёлто-зелёные от бамбука, пологие склоны. Мой взгляд жадно скользит по

этим, сглаженным формам рельефа... Дыхан, конечно же, прав! Под моими ногами лежит прямой склон в кальдере.

– Вперёд! – командует Дыхан.

– Пошли, Саня! – зовёт меня Андрей, поднимая свой рюкзак.

– Ура! – радуюсь я.

У меня – отлегло от души! Мы весело скатываемся вниз, по ковру низкого бамбука. Это – легко и здорово! По ковру низенького бамбука можно скользить и даже, падать...

Однако внизу, ближе к днищу кальдеры, наше веселье улетучивается. Здесь, в березняке, закрытый от ветров склонами кальдеры, бамбук стоит высокой и плотной стеной, под два метра высотой. Даже высоченный Дыхан ничего не видит перед собой и просто, ломит по зарослям! За ним шагает, такой же высокий, Анисимов. Я пристраиваюсь за спину Андрея...

Главное, для меня, сейчас – идти очень близко, буквально наступать на пятки Анисимову! Иначе – стена упругих стеблей бамбука успеет сомкнуться за его спиной и тогда – мне придётся разрывать её, заново!

Через полчаса ожесточённой борьбы, мы, взмыленные и облепленные липкой паутиной, тяжело дыша вываливаемся на колеи заброшенной дороги, что вьётся по днищу кальдеры. Мы, молча, стоим и тяжело дышим, как загнанные лошади, постепенно приходя в себя. Всё! Теперь, около километра лёгкой ходьбы по колеям этой, зарастающей бамбуком дороги – и мы будем на кордоне заповедника, что стоит на днище кальдеры, в истоке речушки Озёрная.

А пока, перед нами – огромная воронка вулканического кратера, заполненная мутным озером. По его противоположной стороне, со стороны сыпучего откоса восточного купола, поверхность воды дымится белым паром.

– Фу! – сильно выдыхает воздух, Дыхан, – Потные и грязные, как лошади! Пойдём, в Кипящее окупнёмся?

– Давай! – кивает Анисимов, – Раз уж, мы тут стоим.

И мы шагаем к белым, известковым берегам озера...

Опускаем на белую, пористую гальку изменённой породы свои рюкзаки, к ним прислоняем ружья, стаскиваем болотники...

Мы спокойно заходим в мутную, тёплую воду. Мы просто знаем – с нашего берега Кипящего его ровное дно понижается очень плавно. По пояс в воде, Дыхан разворачивается к нам, блаженно улыбаясь по всю ширь лица: «Вот оно, счастье!».

– Ага! Ну! – тянем мы с Анисимовым, у нас – блаженные лица, как у двух персонажей «двое из ларца, одинаковы с лица», в мультике.

На этом расстоянии от берега, вода – почти горячая. Мы не рискуем, мы – не дураки, нам, большего – и не надо.

– Класс! Даже тереть не надо! – восторгается Михаил.

Поджав ноги, он оказывается в воде по шею.

– Ну! – отзывается Андрей, – Этот раствор – сам разъест всю соль!

– Ага! – улыбаюсь я, – Вода – лучший растворитель! У нас в институте, была учитель химии. Пожилая такая, женщина... Знаете, какая у неё поговорка была?

– Ну?

– Какая?

– Она нам твердила, чуть ли не каждую пару, одну фразу – «Вода – лучший растворитель!». Представляете? Менторским тоном, она говорила тысячный раз: «Вода – лучший растворитель!».

– Ха-ха-ха! – смеётся Дыхан, своим хриплым голосом, – А что? Она права! Всё это, вокруг нас – это же вода! Кислотная, щелочная... да, хоть какая! Это всё – вода! Вот и получается, что вода – лучший растворитель!

Назавтра Анисимов уходит из кальдеры на восток, на трассу. Его путь – в посёлок. А нам с Дыханом нужно перебазираться севернее – на кордон заповедника, в местечке Алёхино. Также, как на Ивановском участке, нам предстоит обработать Алёхинские леса...

Через северо-западный гребень, внутрь кальдеры, широкой тёмной рекой, переплётывается массив хвойного леса! Мы с Дыханом уже вылезли из кальдеры и стоим на тропе, на самом гребне кальдеры. Это её северный гребень.

Бросив прощальные взгляды назад, на широкую подкову водного зеркала озера Горячее, мы делаем десяток шагов вниз по тропе, в сторону Алёхино.

– Мишка, смотри! – восторгаюсь я, – Основа этого хвойника – ель Глена!

– Ну и что? – хмыкает Дыхан.

– Как, что?! Обычно, эта ель занимает заболоченные низины, сырые равнины! Саратовка, например! А, здесь – на самую верхотуру забралась! И чувствует себя, здесь – прекрасно! Смотри, какие диаметры! Подожди! Я сейчас, померяю.

Я достаю рулетку из кармана и шагаю с тропы, к ближайшему, толстому стволу...

– Так! Окружность два метра семьдесят три сантиметра. Диаметр... восемьдесят семь сантиметров! Это – самая толстая ель Глена в моей диаграмме!

– О! Эта, по-моему, толще! – я делаю шаг к другой ели...

– Два метра восемьдесят два сантиметра! Её диаметр... девяносто сантиметров! Эта – уж точно, самая толстая ель Глена!

Через десять минут нашего хода по тропе, я вижу, что под хвойником буйно разрослась поросль лилии Глена. Целая полянка!

– Ух, ты! – радуюсь я, – Лилия Глена! Первая категория редкости! Прямо на тропе! Даже, ходить куда не надо!..

– Хм! – хмыкает Дыхан, – Ель – Глена, лилия – тоже Глена!

– Ага! – смеюсь я, – Астра – тоже Глена! А ещё – есть гления прибрежная!

– Сплошная иностранщина!

– Неет! – смеюсь я, – Это наш, русский первооткрыватель! Он – Пётр! В те времена редко у кого была простая русская фамилия! Вспомни лейтенанта Шмидта!..

Так вот, это была экспедиция по Сахалину. Экспедиция военного топографа, прапорщика Шебунина. В этой экспедиции был ботаник Пётр Глен, как пишут – классный сборщик растений.

– Аааа... Ну тогда, другое дело.

– Миш! Ты покури три минуты, а я – посчитаю их, да закартирую!

Дыхан сидит с беломориной в руке, на лежащей поперёк тропы, покрытой зелёным мхом, валёжине. А я считаю ростки лилии, разнося их, в таблице, по возрасту...

– Как ты их, по годам вычисляешь?! – кивает Михаил на ростки.

– А? Просто! – я кидаю на него короткий взгляд, – У неё – десятилетний цикл развития. Ростки, по годам – различаются по количеству листьев. Я проверял... Смотри! Самые маленькие, с одним листочком – одногодки. С двумя листочками – двухлетки, с тремя – трёх...

– Значит, последний год – десять листьев? – кивает Дыхан.

– Ага! – соглашаюсь я, – Выпускает вверх толстую, зелёную стрелу цветоноса и цветёт. В июле.

– Отцветает... и всё? – уточняет Михаил.

– И всё! – подтверждаю я, – Цветёт один раз в жизни, плодоносит и отмирает. Цикл развития закончен. Монокарпик.

– Десять лет – и вся жизнь..., – изрекает Дыхан и коротко дёргает плечом, – Не густо...

Я недоумённо моргаю глазами: «Ты, Миш, как скажешь что, философское! Непонятно, что и в ответ, сказать».

– А ты – не говори, – поднимается Дыхан, со своей валёжины, – Пошли.

Тропа ведёт нас, по распадку, вниз. Вокруг – буйство южного лиственного леса.

– О! Дуб! Я вижу дуб! – вскоре восторгаюсь я.

Я, по ходу, сваливаю с тропы к толстому «баобабу»: «Так! Окружность три метра семьдесят сантиметров! Диаметр... сто восемнадцать сантиметров! Рекорд породы!».

Ближе к вечеру незаметно нахмурило...

Наконец, мы подходим к балку Алёхинского кордона. Первым делом, нужно приготовить чего-нибудь поесть. Рабочий день закончился, мы – уставшие и голодные. Около печки, в балке – нет дров! Совсем. Мы бродим вокруг домика, собирая хоть какие-нибудь щепки, для костерка...

Вечереет. Слегка моросит туман. Мы с Дыханом сидим у маленького, нещадно дымящего гнилыми палками, рабочего костра, перед домиком. Из-за наших спин выворачивается лесник Терновой.

– О! Мужики, привет! А вы откуда? Не заметил я, вас!

– Привет, Андрей.

– Привет, – не очень радостно отзывается, мы.

– Ты бы, блин, хоть дров нарубил! – с ходу, высказывает ему, Дыхан.

– Ни палки нет! – вторю я, – Задолбались гнилушки по окрестностям собирать.

Мы уставшие, голодные и поэтому, раздражительные.

– Зачем мне, сейчас, дрова? – артачится Терновой, – Лето! В доме жарко, печку топить!

– А есть варить?! – в один голос, взываем мы с Дыханом.

Лесник недоумённо хлопает на нас глазами. Нервно крутнувшись на месте, он исчезает в домике. Мы шагаем следом.

– Это что? – Терновой стоит посреди балка, выставив палец к стене.

Мы молчим.

– Это – электроплита Мечта! С духовкой! – чеканит каждое слово, лесник, – А это – ручка её включения! Если, эту чёрную пимпочку, повернуть вот так – плита включится!

Мы с Дыханом, молча таращимся на красный глазок, загоревшийся в стенке этого белого, эмалированного воплощения цивилизации.

– Электричество! – наконец, «падаю» я, – Здесь есть свет!

– Вы – дикие! – лесник изумлённо разводит руки в стороны, – Вы же умрёте с голоду, рядом с электроплитой!

– Да, мы... как-то, вообще не подумали, – оправдывается Дыхан.

– Вы из своих лесов, иногда к людям выбирайтесь! Чтобы совсем в папуасов не превратиться!

– Ладно, тебе! – одёргивает его Дыхан, ему не нравится, когда кто-то начинает громоздиться над ним, – Электричество с заставы?

– Да! – нервно кивает, остывая, Терновой, – Соседи провод кинули.

Балок кордона «Алёхино». Мы вновь, по будильнику, встаём чуть свет. Сейчас, июнь – и светает так рано, что мне хочется удавиться.

– Кто придумал, чтобы эти птички просыпались чуть ли не среди ночи?! – тяжело ворочается в моей голове одна-единственная, злая мысль.

Но, у Михаила, на рассвете – самая работа! Когда небо, из чёрного, становится серым – лес оглашается трелями, свистом, цыканьем и щебетом всякой пернатой мелочи. К этому времени, мы уже стоим посреди леса, и Михаил торопливо пишет в своём дневничке... Смысл его работы состоит в том, что мы должны пройти по маршруту, пересекая различные участки леса и записать название всех поющих птиц, которые нам встретятся. Потом, обсчитав свои записи, Дыхан выяснит плотность птичьего населения. Что, например, на километр бамбукового пихтарника, в этом году, встретились синехвостки – в количестве тридцати штук, синички – в количестве сорок штук...

Это – летний учёт численности птиц. Для этого, орнитолог должен «с лёту» узнавать птиц, по голосам. Потому, что на учётном маршруте, времени для раздумий – не бывает. Главное, для меня, в это время – не мешать Михаилу. И я, по возможности неслышно, следую за ним...

Но, зато, вторая половина рабочего дня, у нас – ботаническая. Нас обоих вполне устраивает такой расклад...

Неожиданно, по листве вокруг нас, бойко застучали капли налетевшего дождя! Мы бросаемся в сторону пихтарника – надо укрыться под его кронами...

Но, добежать сухими – не успеваем.

– Блин! Ещё нет и одиннадцати, а мы – уже мокрые! – недовольно думаю я, поглядывая на небо из-под раскидистой пихты, – Оч-чень интересно...

Заряд проходит, и через пятнадцать минут, мы уже вновь петляем по лесу...

На обширной бамбуковой поляне, какая-то птичка заинтересовывает Михаила.

– Сань! – говорит он мне, – Пстой на месте. Я, сейчас, её гнездо поищу.

Окинув взглядом большую поляну, сплошь покрытую высоким бамбуком, я озадачиваюсь: «Хм! Дохлый номер! Всё-равно, что иголку в стоге сена искать». Но, я молчу. Тем временем, Михаил задумчиво стоит на краю поляны...

Вот он, гребёт по бамбуку на середину поляны, к одинокому кусту гортензии и осторожно раздвигает бамбук с нашей стороны куста... Разгибается.

– Ага! Нет! – прищуриваюсь я.

Дыхан обходит куст и погружается в стенку бамбука с другой его стороны...

– Есть! Нашёл! – кричит он.

– И нашёл ведь, блин! – я, с некоторой досадой, гляжу на спину, исследующего гнездо Дыхана, – Я, в этих куцах – полжизни искал бы.

– Да, Сань, всё довольно просто! – успокаивает меня Михаил, когда мы уже шагаем дальше, по колеям заросшей дороги, – Каждая птичка по-своему гнездо строит. Одна – только на деревьях строит, другая – только под кустиком, третья – только в траве...

Опять налетает заряд! И по нашим головам, снова, стучат капли спорого дождя. А, мы – стоим посреди обширных луговин! Рысью, мы бежим к одиноко стоящей, здоровенной пихте. У этого дерева – огромная крона, её дождь не скоро пройдёт. С разбегу, мы падаем в травку, у ствола. Здесь – пригорок и нам открывается хороший вид.

– Ладно! – заключает Дыхан, – «Нет худа без добра» – полежим, посмотрим на окрестности...

Дождь скоро стихает. И мы выбираемся из-под пихты. Кругом – всё мокро! Крупные капли влаги стекают по зелёным, кожистым листьям бамбука...

Мы постепенно заворачиваем круг нашего маршрута вправо, чтобы к вечеру выйти на кордон. Я занят измерением диаметров самых толстых стволов, встречающихся нам деревьев.

– Вишня сахалинская, – бурчу я себе под нос, – Окружность сто шестьдесят восемь сантиметров. Это... пятьдесят четыре, диаметр. Неплохо!

– О! Ель иезская! Какая!... Триста шестьдесят сантиметров! Значит, диаметр ствола – сто пятнадцать сантиметров! Здорово!

На лесистом гребне, в верховьях ручейка, что выходит прямо на кордон, в чаще лиственного леса, мы натываемся на старое дерево вишни.

– Вишня сахалинская! Старая! – рассуждаю я, глазами поедая дерево и в слепую доставая рулетку из кармана...

– Так! Два метра двадцать... диаметр ствола – семьдесят сантиметров! Ух, ты! – визжу я, – Рекорд породы!

Дыхан молча улыбается моим, ботаническим восторгам...

Знаете, как, продираясь по густому, южному лесу, я узнаю, что невдалеке от нас растёт магнолия? Под мои ноги, то тут, то там, попадают огромные, прошлогодние листья! Простой лист, как у фикуса. Только, не такой толстый, не такой кожистый...

Как всегда, друг за другом, мы шагаем под кронами, по склону. Я поднимаю очередной лист с земли: «Мишка! Где-то магнолия, рядом!». Мы начинаем озираться по сторонам...

– Вон! – показывает глазастый Дыхан рукой, в сторону.

– Ага! Вижу! – я шагаю в сторону дерева магнолии, с рулеткой в руке...

– Окружность сто сорок два сантиметра! Это... сорок пять сантиметров, диаметр! Круто!

– Вон, ещё одна!

Я оглядываюсь на голос Дыхана и шагаю в другую сторону, к другому стволу.

– Этот – тоньше! Окружность сто семнадцать сантиметров! Диаметр – тридцать семь! Хотя, тоже хорошо! Как подтверждение существования множества приличных деревьев магнолии.

– Ну, да! Логично, – соглашается со мной, Дыхан, – Что оно, тут – не одно, такое!

Мы шагаем дальше...

Коричневый, покрытый крепкими, круглыми бляшками, ствол, ровной, вертикальной колонной уходит ввысь.

– Ель иезская! – сообщаю я, – Окружность три метра восемьдесят два сантиметра! Диаметр – сто двадцать два!

– Почему ты говоришь «иезская»? – замечает Михаил, – Всё время, ты говорил «ель аянская».

– Хм! По определителю, эта ель имеет два названия! – разъясняю я, – Оба названия справедливы. Мне, по душе – наше «ель аянская». Но определитель, первым – ставит японское название «ель иезская». Это название, как бы приоритетное, но, мне оно – поперёк горла. Вот, я и мучаюсь!

– Ха-ха-ха! – хрипло смеётся, над моей проблемой, Дыхан, – Патриотизм, Саня – это правильно! Патриотизм – в первую очередь!

Мы лезем поперёк распадков – пересекаем верховья первого, левого притока ручья Алёхина. В самом верху захламлиленного распадка, в самой чаще, мы подбираемся к толстому стволу какого-то дерева. Какая, у него крона – ничего не видно. Из-за чащи мелких веток. Я подбираю с земли прошлогодний лист, сантиметров двадцать на сорок, размерами.

– Магнолия! – я озираюсь по сторонам, в поисках дерева, – Так, это она и есть?!

– Ну, да! – прищуривается Дыхан, выискивая оконце в мозаике крон лиственных деревьев, – Это магнолия!

– Магнолия! – поражаюсь я, толщине ствола, – Миш! Смотри, какая магнолия!

Я лезу в карман, за рулеткой...

– Окружность два метра пятьдесят четыре сантиметра. Значит, диаметр ствола... восемьдесят один сантиметр! Вот, это, дааа! Рекорд породы!

Я прищуриваюсь на дерево...

– Только, я думаю, что это – предел. Толще, магнолия, на Кунашире быть не может.

– Почему? – пожимает плечами, Дыхан.

– Смотри – она стара, как мамонт! Трухлявая! Молодая поросль вокруг пошла... Долго не протянет...

Алёхинский кордон. Раннее утро. Дыхановская работа по летним учётам птиц закончилась. Ура! Нам не нужно вставать на рассвете! Но... у нас исчез смысл нахождения на Алёхино! Вот, ведь, как...

Сегодня, своей парой, мы уходим с Алёхино. Через озеро Песчаное, мы выгребем на кордон Четверикова, на другой стороне острова.

А пока...

– Саня! – стучает входная дверь и в балок заходит Дыхан, – Хватай бинокль! Посмотри, как скопа рыбу ловит!

Меня долго упрашивать не надо – через два мгновения, я уже стою перед кордоном и смотрю в бинокль:

В небе над Алёхинской бухтой, на средней высоте, летит птица. Она стального, как чайка цвета. Размером крупнее коршуна и мельче орлана. Худосочная, голенастая. Пропорциями, она напоминает белоплечего орлана. Длинный хвост, узкие, длинные крылья. Это, тебе – не широкие «лопаты» орлана-белохвоста!

– Это скопа! – говорит Дыхан.

Птица летит и опустив клюв вниз, смотрит прямо под себя, на воду...

Вдруг, сделав небольшую горку, птица остановилась на месте, совсем как крачка трепеща крыльями! Чуть просела в воздухе и опять затрепетала на вершинке следующей горки... Сложила крылья и вертикально упала в воду!

– С такой высоты! – я смотрю, как птица, со всего размаха, воткнулась в воду...

Но, уже в следующее мгновение, скопа взлетела и постепенно набирая высоту, как гружёный бомбовоз, тяжело пошла в сторону высокой, лесистой сопки...

– Ого! – замечаю я, не отрываясь от бинокля, – Рыбу в когтях несёт!

– Ага! – кивает Дыхан, от своего бинокля, – Здесь хорошие морские окуни!

– Да?

– Ну. Ловятся даже на простую удочку! Вон там, на краю мыса. Андрей Терновой – большой мастер этой рыбалки.

Мы провожаем, в бинокли, скопу, пока та не скрывается за верхушками деревьев.

– Смотри, Саня! – Дыхан отрывается от своего бинокля, – Если с трёх вершин одновременно проследить в бинокли за летящей с добычей скопой – то можно вычислить её гнездо. Это такая методика.

– Интересно.., – озадачиваюсь я, – Хорошая информация к размышлению.

– Ага! – соглашается Михаил.

– Скопы здесь всегда! – к нам выходит лесник, – Каждый день рыбу в бухте ловят.

Через час, своей парой, мы уже бодро шагаем по колеям зарастающей дороги, в сторону озера Песчаное. Буйство растительности обступает нас только первые километры, пока мы не выбираемся из бассейна речки Алёхина. Дальше, вокруг – пологие склоны сопки и затопленные бамбуковыми зарослями, чахлые, молодые березняки...

– Хм! – хмыкаю я, на это, – Вот что значит, охотское побережье! Выбрались с той стороны – и вот! Только чахлые, бамбуковые березняки!

Уже близок полдень. Мы добираемся до ручья Рыбо-разводный. На этом ручье, впадающем в озеро, когда-то действовал рыбопроизводный заводик. Отсюда – и название ручья пошло. Широкая пойма ручья – ещё стоит серая, голая, словно весной. Мы решаем спуститься по ней к озеру. Михаил шагает впереди, раздвигая руками высокую

и редкую стену жёлтых соломин прошлогоднего тростника. В паре шагов сзади – я...

Пойма ручья непропорционально широка! Хоть вправо, хоть влево. Широкое однообразие. Мне, здесь, не интересно. Дыхан останавливается и оборачивается ко мне: «Куда прижмётся? Туда или сюда?». Далеко впереди нас, посреди поймы, одиноким баобабом высится дерево. Я прицениваюсь к этому дереву: «Смотри, какое! Надо замерить диаметр его ствола. Давай к нему?». И Дыхан доворачивает вправо...

– Это – вяз японский! – радуюсь я, под деревом, – Он, раньше, долинным назывался. Смотри – у него цельные, как у берёзы, листья.

– Понятно, – Дыхан вертит в руке, сорванный с ветки вяза, молоденький листочек, – Точно! Как у берёзы. Только, весь ребристый, по жилкам.

Я сбрасываю с плеч свой ботанический рюкзачок и достаю рулетку.

– Диаметр ствола... сто двадцать восемь сантиметров! Ого! Рекорд породы!

Я очень доволен этому. Не каждый день, у меня – рекорд породы.

– Что значит «рекорд»? – с улыбкой осведомляется у меня, Михаил.

– Ну... Это – рекордный диаметр вяза, в моей диаграмме! Вот, смотри! – я раскрываю свою широченную тетрадь в клетку, – До сих пор, самый толстый ствол вяза, измеренный мною, был сто двадцать пять сантиметров.

Я очень доволен рекордному диаметру. Дыхан улыбается моей радости...

Вскоре, ручей выводит нас к озеру. Это – Песчаное. Ручей Рыборазводный впадает в узкий и длинный заливчик озера. Раздвигая руками тростниковые плавни, мы выходим прямо к срезу воды. Под ногами зыбко колеблется дерновина. От этого, мне становится неуютно на душе.

А, нам – нужно шагать дальше. По этим плавням, с одного берега нашего заливчика на другой, ведёт натоптанная тропа. Дыхан разворачивается вправо и шагает по ней.

– Интересно, это – медвежья тропа или человеческая? – на ходу, интересуюсь я.

Дыхан недоумённо пожимает плечами: «Хм! Откуда, здесь, люди?». На середине заливчика, на самом опасном месте, по тропе проброшены две длинные доски.

– Смотри-ка! – удивляется им Дыхан, – Всё-таки, люди! С каких пор, здесь – люди шляются?! Заповедник, ведь! Надо будет охране заповедника сказать.

Он уверенно прыгает на конец первой доски. Этот конец доски, вместе с несколькими ближайшими метрами зеленеющей ростками тростника дернины, плавно и устрашающе прогибается под воду! Дыхан, не задерживаясь, короткими шажками проходит на середину доски... и дальше. По мере его продвижения, доска сначала выравнивается, а потом – начинает погружать под воду другой свой конец! С ходу перепрыгнув на начало следующей доски, и выровняв её под собой, Дыхан на мгновение оборачивается и машет мне рукой: «Саня! Прыгай!». Обширное пространство зыбкой дернины, медленными волнами, колеблется вокруг...

Холодея душой, я прыгаю на конец первой доски и торопливо продвигаюсь на её середину...

Вот и склон сопки. Наконец, я чувствую под ногами твёрдую почву! Неужели, всё обошлось?

– Фу-ууу! – бурчу я себе под нос.

– Что? – чутко оборачивается ко мне Дыхан.

– Прошли! Я говорю, – отзываюсь я, – Даже, не верится...

– А, ты про это! – улыбается Михаил, – А, мне – приятно! Пока учился в Ростовском университете, на Дону – так, по этим плавням, нагулялся! Все практики пока прошёл... Я, ведь и диплом писал «Авифауна поймы реки Дон!». А там – знаешь какие плавни?!

Я – человек Сахалинский, горный. Меня, всякие топкие места – просто, пугают...

Склоны сопки, обращённые к озеру, сплошь покрыты хвойным лесом. То здесь, то там, я подхожу с рулеткой к медно-красным стволам мощных тисов.

– Так! Тис, два метра девяносто четыре сантиметра! Значит, диаметр ствола... девяносто четыре сантиметра! Хорошо! – радуюсь я.

Тисы встречаются, здесь, очень часто! На некоторых из стволов, я вижу следы медвежьих когтей.

– Интересно! Я думал, что медведь пихту дерёт! Потому, что у неё – кора мягкая, – я задумчиво похлопываю ладонью по гладкому, словно отполированному и крепкому, как камень, стволу тиса, – А, оказывается, он и на тисе может отметиться!

Напрямую, мы переваливаем через далеко вдающийся в озеро, узкий полуостров. И вновь оказываемся на берегу Песчаного. Здесь – простор! Свежий ветер, с Охотского моря, гонит по озеру, мелкую волну. В нескольких метрах от уреза воды, с южной стороны озера, возвышаются отвесные, в половину сопки высотой, многометровые обрывы.

– Смотри! – Дыхан трогает рукой обрыв, – Песок – морской!

Я подхожу и точно так же, трогаю стену обрыва: «Ну, да! Песок!.. Только – он спрессованный какой-то!».

– Это – из-за давности лет! – отзывается Дыхан, – Эти отложения морского песка свидетельствуют о том, что здесь, на месте Серноводского перешейка, в древности был морской пролив! Смотри, как слоями, лежит этот морской песок. Интересно...

Мы стоим, присматриваясь к обрывам...

– Ке-ке! Ке-ке! Ке!

Мы оборачиваемся на птичьи крики. Над водными просторами озера, в сотне метров от берега, со своими неизменными, скрипучими криками, мимо нас летит пара зимородков! Мы хватаемся за свои бинокли.

– Большие пегие зимородки! – загорается Михаил, – У них, здесь – наверняка, должны быть норы! Давай-ка, вдоль обрывов пройдем!

Мы шагаем вперед...

А, вот и нора! Подняв бинокли, мы прицеливаемся к чёрному отверстию, в средней части обрыва. В паре метров, чернеет второе отверстие. Поведя полем бинокля ещё дальше, я отыскиваю и третью нору. И даже – четвертую!

– Первая нора – прошлогодняя, – бормочет Дыхан в свой бинокль, – Брошена. Видишь, припорошена песком? Это – не то...

– Миш, – подаю я голос, от своего бинокля, – А, эти норы глубокие?

– Да, нет, – отзывается он, – Около метра. Чуть длиннее руки, получается... Видишь, нижняя кромка входного отверстия стёсана и две бороздки, по низу, тянутся?

– Ага!

– Это – птицы на коленках, как на салазках, из норы съезжают! Когда в воздух выбрасываются, из норы.

– Интересно...

Я рассматриваю приближённое биноклем отверстие норы. Оно имеет сантиметров семь – восемь ширины и около десяти в высоту...

Дыхан, тем временем, изучает в бинокль другие норы.

– Вторая свежая! – констатирует он, – Но, зимородок, почти сразу её бросил, как начал копать.

– Почему ты так думаешь? – не понимаю я.

– Видишь? Он, даже копать дальше не стал! Может, в валун упёрся, – предполагает Михаил, – А в самой последней от нас норе – песок, видно, рыхлым оказался. Видишь? Низ входа просто обвалился...

– А, вот третья нора – жилая! – загорается он, – Давай, попробуем к ней подлезть! Может, удастся.

И мы начинаем карабкаться по песчаной осыпи, под отвесную стену обрыва...

Сначала – это легко, ведь, это – осыпь. Но, вскоре, мы выбираемся на спрессованный песок. Приходится, рука-

ми вырывать в нём лунку для ноги, прежде чем сделать шаг вверх...

Мы подбираемся почти к самой норе! Дыхан закатывает рукав камуфляжной куртки и засовывает свою руку в горизонтально уходящую в стену песка, нору. Но, вскоре отрицательно мотает головой: «Нет, не достаю... Ну ладно, чёрт с ним. Не раскапывать же!».

Съехав по песчаному откосу обратно к срезу воды озера, мы садимся на прибитую волнами к берегу, толстую корягу. Михаил закуривает. Мы сидим и созерцаем «ширь морскую». Отдыхаем.

– Смотри-ка! – хмыкает Михаил, – Зимородки Песчаное обжили! Без сомнений, этот вид расширяет свой ареал. Да, быстро как! Нечаев, к шестьдесят третьему году, вообще не указывает на Кунашире встреч этого зимородка. А теперь, через двадцать пять лет, он уже весь остров занял!

– А где его устоявшийся ареал? – интересуюсь я.

– Южнее: Китай, Япония, Корея... Кунашир для большого пегого зимородка – новые территории.

Всё! Труба зовёт. Мы поднимаемся с коряжины и лезем от берега озера, на заросшие лесом склоны подступающих к озеру сопок. Начинаем резать поперёк распадки, спускающиеся к озеру. Здесь – сплошной хвойный лес, с валёжником и густым подлеском из разных кустарников. Это гортензия, жимолости, мензисия, смородины...

Где-то здесь – и то злополучное место, где меня, два года назад, бил медведь. Я, втайне, пытаюсь отыскать это место. И несколько отрываюсь от Дыхана, поднимаясь всё выше по пологому лесистому склону. Я пристально всматриваюсь в частокол серых стволов окружающего пихтарника.

– Вот! Кажется, здесь!

Сердце срывается в бешеную пляску, от одного только осознания, что ЭТО БЫЛО ЗДЕСЬ.

– А, вроде бы и не здесь.., – уже сомневаюсь я, – Не очень похоже...

Поглощённый поисками, я торопливо переваливаю гребешок одного распадка, второго... Михаил движется параллельно мне. Иногда, я слышу его шаги, далеко-далеко внизу по склону.

Затормозив на гребне очередного распадка, я прислушиваюсь.

– Шиш-шиш, Шиш-шиш...

Впереди меня, в распадке, отчётливо слышен шелест травы, под чьими-то ногами.

– Дыхан! Уже обогнал меня! – поражаюсь я, – Как так?!

Но! Далеко внизу, по распадку, что сзади меня – тоже, кто-то идёт! Моё настроженное ухо ловит едва различимые шорохи и с той стороны.

– Шиш-..., Шиш-...

Я застываю, в растерянности...

Наконец, мне в голову приходит умная мысль: «Во всяком случае, один из них – точно, Дыхан! Вот, только – который? Внизу или впереди?!».

– Миш-ка! – горланю я, между распадками, не зная, к которому из них обратиться.

– Ого-го-го! – доносится снизу, его далёкий голос.

– О! – вычисляю я, – Сзади!

Однако, шелест травы из распадка передо мной, вовсе не прекращается!

– Шиш-шиш, Шиш-шиш...

И я торопливо сбегая, по папоротниковому пихтарнику гребня, вниз, в сторону Дыхана...

Дальше, мы шагаем вдоль берега Песчаного...

На выходе на тихоокеанское побережье, мы проходим мимо озерца Глухое. В лесной прослойке, отграничивающей это озерцо от морского побережья, мы выходим к толстеному дереву!

– Это – вяз лопастный! – говорю я, с почтением, – Второе, его, название – вяз горный.

Видишь? Лист, у него – с большими лопастями.

– Ну, – кивает Дыхан, – С лопастями.

Я закрепляю конец рулетки в трещину коры вяза и обхожу вокруг его ствола: «Так... окружность четыре метра пятьдесят сантиметров! Диаметр... сто сорок три сантиметра! Это, вообще, самое толстое дерево в моей диаграмме!».

– Выходит, – уточняет Михаил, – Это самое толстое дерево на Кунашире?

– Да! – заверяю я его, – Выходит, что так!

– Настоящий баобаб! – совсем как я, Дыхан, почтиительно похлопывает по стволу дерева своей широкой ладонью.

Ночуем мы – уже на кордоне, что стоит на высоченном мысу Четверикова, на тихоокеанской стороне острова. Наша работа на юге Кунашира закончилась.

В последний день июня, мы с Дыханом, своей неизменной парой, отбываем из посёлка на север Кунашира. Бортовой грузовик заповедника доставляет нас на Филатовский кордон. Но у нас – путь дальше, нам ещё шагать и шагать. Перед моими глазами – вездеходная дорога через Медвежий перевал...

– Да, Саня! – интересуется у меня Дыхан, как только мы начинаем шагать по колеям вездеходной дороги от Филатовского кордона, – Всё не успеваю спросить – как там, твоё рандеву с директором?

– Хм! – весело хмыкаю я, – Не было никакого рандеву!

– А приказ на полевые?

– Ну... Почти не было, – уточняю я, – Три минуты! Зашёл я, это, в директорский кабинет.

– И конечно: «Дневник на бочку»?

– Конечно! Директор открывает первую страницу моего июньского дневника, а там – ни одного слова по-русски! Он молча просмотрел её, перелистывает на следующую – там тоже одна латынь. Следующую...

– Ну?

– Закрыв дневник, молча подписал приказ на мои полевые и говорит: «Свободен!».

– Ха-ха-ха! – хрипло смеётся Дыхан, – Ну вот! А ты, упёртый, на смерть бился!

– Нуууу! – довольно тяну я.

Здравствуй, Саратовская! На кордоне никого нет.

Саратовский кордон. Уже на следующий день, я отправляюсь заложить пробную площадь в ельнике из редкой ели Глена. Сегодня, мы с Михаилом работаем отдельно.

– Сань! Не суйся, только, куда не надо! – напутствует меня Дыхан утром, натягивая свою камуфляжную куртку на свои сухие, жилистые плечи.

– Да, нет, Миш! – успокаиваю я его, – Я, только – на ту сторону Саратовки перейду! В устье! Покручусь, буквально, в первых ста метрах!

Сам, Дыхан – уходит далеко, в самые верховья Саратовской. Его маршрут несравненно труднее. Но, мне нужно обработать площадь, характеризующую ельник из ели Глена. А, для этого – не нужно уходить за тридевять земель.

Ель Глена! Это очень редкая ель. У нас, в стране, она изредка встречается на самом юге Сахалина. Зато, на Кунашире – ель Глена распространена очень широко. В бассейне речки Саратовской чистыми, сырыми ельниками из этой ели покрыты приличные, равнинные площади.

От Саратовского кордона, я шагаю по колеям вездеходной, зарастающей дороги, к устью речки. Перейдя в устье речку по перекату, я тут же углубляюсь в лес.

– Эгей! Это я иду! – кричу я.

Если, я один в лесу – я всегда, громким криком, оповещаю округу о своём присутствии. Чем гуще подлесок и хуже видимость – тем чаще я кричу своё, очередное: «Эгей! Это я, здесь!»...

Ельник из ели Глена, начинается сразу. Двигаясь по нему зигзагами вправо-влево, я подыскиваю подходящий под пробную площадь участок леса. Надо, чтобы на всех метрах этой площади – лес был одинаков...

Ну, вот! Подходящее место! Эта площадь будет характеризовать ельник из ели Глена, с подлеском из мензисии пятитычинковой. Этот высокий, в рост человека, кустар-

ник является ближайшим родственником черники. И, в общем-то, мой «ельник мензисиевый» будет аналогом европейского «ельника-черничника». Но, в том-то и дело, что только аналогом! Подобного сочетания видов – нигде в стране нет! Вот она, моя ботаническая изюминка!

Очень довольный экзотичностью своего будущего материала, я принимаюсь за работу. Площадь стандартная – это квадрат, пятьдесят метров на пятьдесят. Первым делом, нужно обозначить затёсками границы будущей площади. От ствола к стволу, я тешу своим тесаком, небольшие затёски на стволах елей.

– Эгей! Это, я здесь!

Раз за разом, мой предупредительный крик разносится по лесу...

Я прохожу ту границу четырёхугольника площади, что лежит вдоль речной долины и разворачиваюсь к речке спиной.

– Тюк! Тюк! – тешу я затёски.

Вдруг! Слева и впереди меня, раздаётся какой-то короткий звук! То ли короткое, овечьё «Бее!», то ли телячье «Мее!». Продираясь по кустам мензисии, из-за шелеста еловых ветвей по брезенту моей штормовки, я плохо слышал этот звук. Но и этого хватает, чтобы я настороженно замер.

Ти-ши-на! Вокруг...

Через секунду, с той стороны, слева направо, наперерез моему курсу, понеслись далёкие, шипящие звуки: «Ши-ши-ши-ши-ши, Ши-ши-ши-ши-ши, Ши-ши-ши-ши-ши...». Такой звук производит крыльями, пролетающая над самой головой ворона! Бросив короткий взгляд в кроны елей, я понимаю, что никаких птиц поблизости нет.

– Это – медведь! – осеняет меня, догадка, – Это – его выдохи, при прыжках!

– Ши-ши-ши-ши-ши..., – снова несётся звук.

Это шиканье слышится уже в обратном направлении, справа налево. Но, только теперь – значительно ближе ко мне! Замерев, я весь обращаюсь в слух. Густой подлесок!

Дальше десяти шагов – ничего не видно! Кто-то постепенно приближается ко мне, широкими зигзагами...

– Срезает кусок леса за куском! – вычисляю я, – Он – меня ищет! Ему нужно знать, где я! Чтобы решить, куда уходить!.. Надо обозначить себя, постучать по дереву!

У меня, ружьё – в левой руке. В правой руке – тесак, я только что делал им затёски на стволах.

– Ши-ши-ши-ши-ши...

Шиканье несётся по ельнику, уже слева направо...

И взрослый, бурый медведь, прыжком выскакивает в узкий тоннель в высоком, но чахлом, ажурном подлеске мензисики, шагах в двадцати пяти прямо передо мной. Замерев, правым боком ко мне, зверь напряжённо вслушивается в тишину леса...

Зелёная одежда совершенно маскирует меня! И чтобы обнаружить себя среди мозаики листвы, я растормаживаюсь и переступая с ноги на ногу, открываю рот: «Вот я! Здесь! Здесь!».

– Дзинь! Дзинь! Дзинь! – в лесной тишине, звонко стучит толстый обухок моего тесака по крепкому, ядрённому стволу ели.

Дёрнув на звук головой и в прыжке разворачиваясь на меня, медведь бросается вперёд, по тоннелю.

– Ко мне! – звенит колокол паники в моей голове, – Опять!

– Нож! Куда деть нож?! – бешеная пляска мыслей, в голове, – Бросить! Нет! Выбьет ружьё – опять, с пустыми руками, буду! В ствол ёлки воткнуть!

Но, уже на взмахе, я останавливаю руку: «Нет! Он должен быть при мне!». Кончик длинного лезвия трясётся и никак не может попасть в узкую прорезь ножен, на поясе! Всё моё внимание сосредоточено, сейчас, на этом...

Всё! Нож в ножнах! Я вскидываю глаза от ножен – медведь стоит в весь свой гренадёрский рост, в трёх шагах прямо передо мной! Я стекленею...

Чудовищным полупереворотом через левое плечо, медведь прыгает назад, через куст мензисики и на махах,

уходит прочь. Три прыжка – и нет медведя. Всё замирает вновь. Чёртов мох! Никаких звуков! Только, куст мензисии отчаянно машет ветками передо мной, из стороны в сторону...

Опомнившись, я, наконец, вспоминаю о ружье. Оно, по-прежнему, у меня – в левой руке! Вдруг, медведь пожелает вернуться?! Вскинув ствол в небо, я нажимаю на спусковой крючок.

– Бахххх! Я заменяю стреляный патрон. Нервная дрожь играет моими пальцами...

Но, всё тихо вокруг. Я разворачиваюсь и озираясь по сторонам и прислушиваясь к каждому шороху, торопливо шагаю обратно, своим следом...

Через пару минут, сквозь ельник, впереди просвечивает речная пойма.

– Тут – каких-то сорок шагов, до речки! – с обидой думаю я на ходу, озираясь по сторонам в этом, совершенно забитом высокими кустарниками ельнике, – Более спокойного места – и найти-то, трудно!

Через несколько минут я выхожу из леса. Передо мной устье Саратовской.

– И устье – вот оно! – недоумённо злюсь я, – Совсем же рядом!

Я перехожу узкий и глубокий, устьевой перекастик Саратовской.

– Теперь – домой! На кордон! – психую я, – К чёрту работу! На сегодня – хватит острых ощущений! Сегодня, у меня – заслуженный отдых!

У меня уже выработалось железное правило, на этот счёт: «Не больше одной опасной встречи с медведем, в день!»...

Оставшиеся полдня я провожу на кордоне...

Приближается вечер. Закончился длинный, солнечный день. Предвечерний покой умиротворяет природу. Лучи закатного солнца золотят кроны берёз, растущих на углу кордонной поляны...

В Саратовском кордоне грязно матерится, стягивая насквозь мокрую от пота камуфляжку, только что выныр-

нувший из леса, Дыхан. Он – очень уставший. И поэтому, такой раздражённый.

– Твою мать! Опять!

– Миш...

– Ёшкин кот! Тебя, хоть, вообще в лес не пускай!

– Миш! Да, я и в лес – почти не успел...

– Блин! Как один пошёл – всё! Звезд-дец! Обязательно напорешься!

– Миш! Я ж – не специально.., – я виновато клоню голову.

– Я что, не знаю?! – взвывается тот, – Блин! Вечно ты, вяпаешься!

– Ну, я же...

– Блин! Мёдом, ты, намазан, что ли?! – звенит под толком хриплый голос Дыхана, – Липнут, они к тебе! Как мухи, блин, липнут!

– Миш...

– Ты, блин, знаешь, где я был?! Знаешь?! – гремит Дыхан, – В таких углах – что сам не знаю! Целый день, блин, по лопухам!.. Даже, не слышал ни одного!

– Миш.., – я всё ниже клоню свою виноватую голову.

– Всё! Хрен, в лес, один пойдёшь! – хрипло гремит Дыхан, – Слышишь?! Хрен! Я – всё, блин, сказал! Только в паре!

Богатый матовый лексикон Дыхана ещё долго будоражит вечернюю тишину лесной поляны Саратовского кордона. Я с ним согласен. В паре – оно лучше, в паре, оно спокойнее...

Бесконечной чередой потянулись рабочие дни...

Стоит очередной безветренный, туманный день. Пройдя по папоротниковому пихтарнику от поляны Саратовского кордона на восток, в сторону Тягиной, мы с Дыханом долго петляем по равнинным, сырým площадям, среди чахлого, однообразного ельника. Болотные сапоги беззвучно утопают в сочащемся влагой, высоком ковре зелёных мхов. Здесь, мхом покрыто всё – и поверхность почвы, и валёжины, и стволы елей...

Перекур. Мы присаживаемся передохнуть на краю очередной лесной полянки, поросшей высокой и густой осокой. Я окидываю полянку внимательным взглядом и понимаю, что весной и осенью, здесь разливается миниатюрное лесное озеро...

Опустившись на мягкую от мха валёжину, как на зелёную подушку, мы, стараясь не шевелиться, наблюдаем за суетой синехвосток, на противоположном краю полянки. Я смотрю в бинокль, как небольшая, однотонно-синяя птичка, снуёт среди едва возвышающихся над зелёным морем осоки, коряг. «Снуёт» – громко сказано. Птичка сидит на корешке небольшого выворотня, совершенно не шевелясь.

– Прр!

Короткое, метровое перепархивание! На соседний корешок. И птичка стекленеет вновь...

– Цици-ци-цуцуцуцу! – время от времени, синехвостка разливает в лесной тишине свою короткую, приглушённую, но вполне мелодичную трель.

– Синехвостка – типично таёжная птичка! – шепчет мне Михаил, – Она невзрачная, незаметная. Она синяя, под цвет теней пихтарника. Птичка-невидимка. Замерла – и нет её!.. Видишь? Она – не шевелится!

– Ага! Это я, в первую очередь заметил! – шепчу я в ответ.

– Сань! – через пару минут, азартно шепчет Дыхан, – Возьми чуть левее! Видишь? Синехвостка! Но, только – зелёной окраски!

Я скашиваю глаз на Дыхана. Он сидит рядом, также как и я, уставившись в свой бинокль. Я чуть сдвигаю поле своего бинокля в левую сторону.

– Вижу!

Несколько удивлённо, я рассматриваю, такую близкую в бинокль, синехвостку... однотонно-зелёного цвета.

Вдруг! Из теней густого ельника, на противоположный край нашей полянки, материализуется лисица! Светло-рыжая, крупным планом, она стоит в поле моего бинокля...

Медленно поворачивая голову, лисица осматривает пространство полянки...

Через минуту, не заметив ничего интересного, она лёгкой рысцой, трогается с места. Беззвучной тенью, лисица скользит между серыми колоннами пихтовых стволов, по границе полянки...

Ни малейшего звука! Я усиленно смаргиваю, в бинокль. Мне начинает казаться, что это – просто белёсый клоч тумана, ленивой змейкой, струится над землёй...

Бело-рыжим привидением, лисица плавно проплывает мимо нас, по другой стороне полянки и растворяется в зелёном мареве ельника...

Я улыбаюсь в бинокль. Я тихо радуюсь – мне посчастливилось увидеть ещё одну картинку из лесной жизни.

– Саня! – едва слышно, шепчет Михаил, – Видел? Рыжая бестия... Появилась – словно из воздуха! И испарилась – будто её и не было!

– Ага! – шепчу я, в ответ.

Поднимаемся с валёжины и мы. Также беззвучно, мы убираемся с полянки. У нас – тоже, свои дела...

Под потолком, вдоль длинной, фасадной стены верхнего Тятинского дома, горизонтально прибита длинная доска, имитирующая полку. Люди, выходящие отсюда в цивилизацию, выставляют на эту полку лишний хлеб. Не в кусты, ведь, его выбрасывать?! Кто – булку, а кто и три... Уже второй год. Так и стоит, под потолком, целый ряд, закаменевших в железо, булок хлеба! Никому они, не нужны, никто их, не ест. Его не угрызть зубами. Даже, при всём желании... Эти булки не разрезать ножом. И топором, их – не расколоть. Булка колетя в разных направлениях, на крупные куски, как каменный уголь. В отсутствие людей этот хлеб не трогают, даже вездесущие крысы! Этот хлеб, люди – не бросают своим собакам... Потому что это – не еда. Эти булки выкинуть бы из дома. Да жалко, как-то...

Мы, с Дыханом, уже давно базируемся в верхнем доме на Тятино. День за днём, мы обрабатываем район Тятиной

и Ночки. Снаряжения у нас – никакого. Мы – дикие. Мы спим на голых металлических койках, без матрацев и одеял. У нас есть два брезентовых палаточных тента, весной служивших внутренней перегородкой дома. Просто, вечером, мы заворачиваемся, каждый – в свой брезентовый палаточный тент.

Ночью, каждый из нас похож на брезентовый кокон, лежащий на голом железе солдатской койки. Я вам ответственно скажу – брезент совершенно не греет! Через него, я всю ночь чувствую металлический холод коечной сетки! Но, мы в лесу не отдыхаем, мы здесь, работаем...

И по продуктам, у нас – тоже, полный крантец. И я как-то обратил внимание на этот, длинный ряд закаменевших булок хлеба, под потолком. Через несколько дней «пробных испытаний», мы с Дыханом отшлифовали «технологию потребления» этого хлеба...

Тятинский дом. Скоро вечер. Как всегда, только что вернувшиеся из леса, уставшие и голодные, мы первым делом растапливаем печку.

– Сань! Заряди хлеб, распариваться! – просит Дыхан, ставя кастрюлю под кашу, на печную плиту.

И я шагаю в наш тамбур, за ножовкой. Поставив стул, я достаю с полки, под потолком, каменную булку хлеба, грохаю её на этот же стул и начинаю её пилить.

– Ддррыынь! Ддррыынь! Ддррыынь! Ддррыынь! – зубья ножовки звенят по булке, как по мамонтовой кости!

Но, я – упорен! И я умею пилить...

Через пару минут, я держу в руке поперечный спил каменной булки хлеба, в два пальца толщиной. Я кладу два таких спила на сковородку. На сковородку умещаются ровно два спила! Но – не прямо на её днище, а на два деревянных «карандаша», в сантиметр толщиной. Ставлю сковородку на плиту печки и выливаю на днище сковородки кружку воды. И закрываю сковородку крышкой.

Всё! К моменту готовности каши, у нас будет мягкий и даже, душистый хлеб! Только одно, маленькое уточнение – один раз распаренный, этот хлеб нельзя оставлять

на утро! Если, этот хлеб высохнет снова – это железо уже никак не распарить! Нами проверено...

Озеро Вильямса давно притягивало к себе внимание сотрудников нашего заповедника. На карте Кунашира, оно обозначено крохотной подковкой, в самых верховьях речки «Птичья», под хребтом Докучаева. Не удивительно, что этот участок острова, до сих пор, представляет собой обширное «белое пятно». Ведь, с запада и севера он закрыт от изредка посещаемого людьми, побережья острова, хребтом Докучаева, а с юга – могучим конусом вулкана Тятя. «Внутренняя земля» – как сказал Дыхан.

Подумать только! Никто из окружающих нас людей – не бывал там! Никто, вообще, не может сказать, что там! Местность, пейзаж, который никто не видел! Настоящее белое пятно! Сейчас, в наши дни! В век машин и самолётов! Большой интриги – трудно себе представить! В моём воображении, это озеро рисовалось сказочно дремучим и сказочно лесным...

Тятино. Пятое июля. Видимо, спартанская обстановка стимулирует рождение оригинальных идей.

– Сань! Давай, сходим на Вильямса? – предлагает мне вечером, Дыхан, из своего брезентового кокона, – Интересно глянуть, что там такое.

Я – вольный стрелок, я к месту не привязан.

– Давай! – загораюсь я, – Меня – всю жизнь влечёт неизведанное.

Сказано – сделано. Программа нашего похода – «день туда, день обратно». Утром, мы наскоро едим, закидываем в рюкзаки по своему брезентовому тенту. Берём две консервные банки ставриды. Других консервов у нас нет! Риса – на одну кашу, два солдатских котелка, сахар, чай и две ложки. И выходим из дома. Идём, можно сказать, налегке – к нашей повседневной, лесной экипировке добавились, всего лишь, небольшие рюкзаки.

Мы ходко проходим по смотровой тропе, над речной долиной Тятиной, первые три километра пути. Дальше – тропы нет. И мы входим в, уже поднявшиеся выше чело-

веческого роста, лопуховые джунгли. В них – есть смысл двигаться только друг за другом. Теперь, я ничего не вижу, кроме равномерно покачивающейся из стороны в сторону, широкой спины высокого Дыхана...

Всё-также раздвигая лопухи руками, мы обходим, по границе речной поймы, массив хвойника мамашиного языка.

Дальше – по надпойменной террасе, двигаться вообще невозможно! И мы круто сворачиваем влево, в пойму, к речке...

Вот и вода блестит сквозь лопухи! Это – рукав Тятиной. Мы вываливаемся, в своих болотниках, прямо в воду! Смотрим вправо, вверх по течению, смотрим влево – вниз по течению...

Ручей течёт влево. Там, в конце этого, узкого лопухового тоннеля, по которому шумит ручей, ощущается ширь речного переката. Там речка. Мы трогаемся в ту сторону.

– Мандаринка! – вдруг кричит Дыхан, – Саня! Утка мандаринки! Вниз, через перекат, проскочила!

Разбрызгивая воду болотниками, мы бросаемся по мелкому и широкому ручью...

Выскакиваем из тоннеля! Это берег речки. Здесь – шум большой воды! Здесь – ширь пространства. Но, никакого движения! Выскочив вторым, я уже не замечаю никакой утки.

– В тот рукав улетела! – Михаил показывает на отвилоч, уходящий от речки за баррикадой большого завала, на противоположной её стороне.

Мы стоим на узкой полоске галечного берега. Дальше бежать – не имеет смысла.

– Интересно, что она, здесь, делает? – озадачивается Михаил, глядя через речку, на завал, – Нечаев, вообще не указывает мандаринку, в числе гнездящихся уток Кунашира!

– Может, просто так? – пожимаю я плечами, – Летает, от делать нечего?

– Ну, нет! – отмахивается Дыхан, – Сегодня – шестое июля! Гнездовой период! Все взрослые особи должны заботиться о продолжении рода. Вековой инстинкт!.. Наверняка, мандаринка здесь гнездится! Просто, это ещё никому не удалось доказать.

Мы, конечно, тоже доказать ничего не можем – ни гнезда, ни выводка...

Нам нужно идти дальше, вверх по речке. Голеница наших болотников давно раскатаны, это хорошо – дальше придётся часто переходить речку. Давно распутившие листву, могучие ивы речной поймы, по-летнему, мягко раскачивают ветвями.

Стоящие по берегам, высоченные, зелёные стены молодого ивняка создают впечатление глубокого, зелёного распадка с речкой, шумящей по его днищу. Наше внимание привлекает какое-то движение.

– Что-то шевельнулось, у ручья! – замирает Дыхан, на полушаге, – По ту сторону речки!

Я замираю тоже. Мы поднимаем свои бинокли...

В поле зрения моего бинокля – «распадок» из зелёных стен ивняка... Разлив перекатика небольшого ручья... Спокойное зеркало воды широкой и мелководной ямочки...

С берега, в воду, делает шаг большая, бурая птица!

– Орлан?! – озадачивается Михаил, – Что, ему, там... Голова круглая... Филин! Саня! Это рыбный филин!

– Филин?! – недоверчиво щурюсь я, в бинокль.

– Точно, филин! Идёт по воде! Вот! Шагнул! Видишь?

– Ага!.. Но, что он, днём, делает на речке?!

– Рыбу смотрит... Видишь? А, что ему – речка, днём? В этом тоннеле и днём – сумрак! Людей, здесь, вообще не бывает. Видит он, днём – не хуже, чем ночью!

Что-то встревожило филина и он взлетает! Однотонно-бурая птица, мощно загребая воздух широкими крыльями, летит от нас прочь, удаляется по зелёному тоннелю...

Мы провожаем её, в бинокли.

– Красиво пошёл!

– Здоровая птица!

– Кто-то его спугнул. Через речку – нас он не услышать, не увидеть не мог.

– Ну!.. Да, мало ли кто?!

– Ага. Не узнать.

У нас – дальняя дорога, долго задерживаться нельзя. Мы трогаемся вперёд. По валунам речного берега...

Через полчаса, с высокого берега речки, мы смотрим в бинокли, чуть вниз и далеко вперёд. На кусте то ли бузины, то ли гортензии, сидит синяя птица, величиной с дрозда. Может быть, немного меньше.

– Сань! – шепчет Дыхан, – Синяя мухоловка!

– Хм! Синяя птица! – с улыбкой думаю я, в бинокль, – Птица удачи! Встретилась!

Мухоловка, несколько раз, звенит трелью. Но мы её не слышим – все звуки отбивает шум речного переката. Мы только видим, в бинокли, как она открывает клюв и туго раздувает своё горло...

Кроны высоченного ивняка речной долины закрывают от нас дальние окрестности и не зная, откуда течёт очередной приток речки, мы проходим эти развилки наугад, больше доверяя своей интуиции.

Вот, мы подходим к очередной развилке речки. И очередной раз, начинаем совещаться.

– Снова отвилок! – говорит Дыхан, – Нам, по этому?

– Нет! Этот, вроде, не наш! – сомневаюсь я, – Наш – дальше, должен быть.

– Значит, по этому пойдём! – утвердительно кивает Дыхан, на правый ручей.

Во время очередного перекура, на очередной развилке речки, я карабкаюсь по стволу ближайшей к нам, высоченной ивы...

Раскачиваясь на верхушке высоко над землёй, я смотрю на склоны сопки хребта Докучаева, долго всматриваюсь в сторону седловины, уже отчётливо обозначившейся впереди, между конусом вулкана и этими сопками...

– Всё правильно! – спрыгнув на землю, я подхожу к сидящему на валуне, с беломориной в зубах, Михаилу, – Идём, как надо.

– Тогда, вперёд! – поднимается тот, мне навстречу.

Но... я ещё и присесть не успел! Я молча проглатываю такую неожиданность...

Вот, впереди, речная долина Тятиной резко сужается. Её борта образуют узкий и глубокий распадок. Речка впереди становится шумной и бурной.

– Ура! – радуюсь я.

– Ну, теперь не собьёмся! – тоже, доволен Дыхан.

Мы, с большим удовольствием убеждаемся, что с первого раза попали в нужный, нам, приток. Этот каньон речки является для нас – главным ориентиром нашего пути! Дальше, нам – вверх, по этому распадку...

По валунам и скалистым прижимаю каньона, мы медленно продвигаемся вдоль берега, вверх по речке...

– Очень медленно! – хмурится Михаил, – Так, мы и за три дня не доберёмся! Нужно что-то делать!

– Давай, на склон выберемся? – предлагаю я.

– Давай, – кивает Михаил.

И мы пробуем приподняться от речки на сплошь покрытый хвойным лесом склон речного каньона, со стороны вулкана...

И отыскиваем, здесь, медвежью тропу! Эта тропа петляет по пихтарнику, в средней части склона распадка. Иногда, она пропадает в бамбуке, но потом – появляется снова. Корявая и сильно захламлённая, одним словом – медвежья. Однако – это лучшее, что здесь есть! И мы устремляемся по тропе...

Часам к пяти дня, мы, наконец, добираемся до уровня седловины между вулканом и хребтом Докучаева.

– Всё, Миш! Пришли! – торможу я Дыхана.

– Почему? – оборачивается он, ко мне.

– Вон! – я киваю на старую, серую затёску, на стволе нависшей над каменистым ложем речки, ольхи, – Моя за-

рубка, на ольхе! Это – в прошлом году, я отметил место, с которого нужно вылезать из каньона речки, на седловину.

– Ладно, – коротко кивает Дыхан, – Тогда, перекур.

Через несколько минут, мы поднимаемся на ноги и лезем из каньона речки вправо, на его борт. И попадаем в настоящий ад! Здесь – ветви высоченного кедрового стланика переплетены почти двухметровой стеной прочных, как проволока, стеблей бамбука. Мы, в ожесточении, боремся с этим кошмаром...

Минут через пятнадцать, совершенно выбившись из сил, мы останавливаемся. Вернее, зависаем. Вернее сказать, «прекращаем бесплодные попытки продвинуться вперед». Можно не бояться упасть – упругая стена стеблей бамбука прочно подпирает нас и с боков, и в спину, и в грудь...

– Что будем делать? – тяжело дыша, хрипло любопытствует Дыхан, – Какие-нибудь мысли, есть?

Ему несравненно труднее – он первый, в нашей паре.

– Давай, возьми круче влево! Вниз по склону, в сторону седловины? – предлагаю я, вытирая мокрым рукавом мокрое лицо, – Может, там бамбук ниже.

Дыхан решительно разворачивается влево, к седловине...

Через несколько десятков метров борьбы, мы, совершенно неожиданно, вываливаемся в узкую и глубокую канаву! Сначала исчезает, проваливается вниз, широкая спина Михаила, в шаге передо мной! Потом – и я! Я, буквально, падаю из зарослей бамбука вниз, на глинистое днище глубокой канавы!

– Тьфу, ты, блин! – от неожиданности, грубо матерюсь я, – Мордой в пол! Убиться можно!.. Смотри-ка, траншея – два метра, выше человеческого роста!

– А, что? – озирается, уже стоя на ногах в канаве, довольный Дыхан, – Она идёт – куда нам нужно!

Действительно! Нужно быть полным идиотом, чтобы не использовать такой подарок судьбы! И мы устремляемся, по канаве вправо, в сторону седловины...

Сейчас, канава – почти сухая. Видимо, ручей шумит, здесь, только в половодье. Разрезая совершенно непроходимые заросли бамбука и кедрового стланика, она ведёт нас прямо к цели! Перед каждым поворотом этого сухого русла, у меня тревожно замирает душа – если канава закончится, нам придётся штурмовать бамбук! Но, нет! Снова и снова, сухое русло ручья ведёт нас всё дальше, и дальше, и дальше...

– Всё! Как классно! – прикидываю я, торопливо шагая за Дыханом по ровному, глинистому днищу траншеи, – Судя по всему – мы уже, практически, вышли на водораздел!

Наша канава резко заканчивается! Она обрывается огромным котлом. Вернее сказать – она этим котлом начинается. Ведь, это исток нашего сухого ручья. Круг с отвесными глиняными стенами! Мы выбираемся наверх, из котла вымоины. И осматриваемся вокруг: мы стоим среди обширного прогала бамбука и кедрового стланика. – Я прав! – говорю я, – Это – водораздел! Отсюда – вода течёт как в сторону Тятиной, так и в противоположную сторону, к Птичьей.

– Ну! – кивает Дыхан.

Мы, оба, довольны! О большем и мечтать, было, нельзя! Теперь бы, отыскать такую же канаву, ведущую в сторону Птичьей – и нам, в этой жизни, ничего, больше не надо...

А пока – мы медленно и трудно гребём дальше, через седловину, по ельнику из ели Глена, затопленному сплошным бамбуком. Бамбук – мне по плечи...

Вот, впереди, в сплошной черноте еловых крон, обозначился просвет! Мы подворачиваем к нему и вскоре, выходим на край обширной мари.

– Ух, ты! Вот, это, марь! – осматривается Михаил.

– Это – болото! – поправляю я, – Смотри! Классическое верховое болото!

Масса мха, нарастая на седловине в течение многих сотен лет, образовала пологое возвышение. Получается, что чем ближе к середине болота – тем выше! Всё – как

в учебниках! Мы неслышно шагаем по упругой дерновине узких вертикальных перемычек, между глубокими «ваннами» чистойшей, многократно профильтрованной сквозь мох, воды. Эти твёрдые перемычки мха – строго вертикальны, ведь, дерновина нарастает строго вверх.

– Какое здесь разнообразие растений! – восхищаюсь я.

На моховом ковре, белыми звездочками, повсюду разбросаны цветки.

– Белозор болотный! – восхищаюсь я, – После Симушира – нигде не встречал!

Кругом – плетёнки клюквы! Ближе к окраинам пустоши – плотными зарослями стелется вечнозелёный падуб морщинистый...

– А, сколько росянок!.. А, вот! – в восторге «визжу» я, – Цветки сиверсии пятилепестной! Я, всё это, только на Симушире, у снежников и видел!

Но, сил для восхищения, у меня, уже просто, не остаётся. Ноги устали так, что я едва стою. И времени – у нас нет, тоже!

– Перекур, – коротко командует Дыхан.

Я, молча, валюсь на мох, как стоял...

Всего минуту посидев, Михаил бросает взгляд на часы и тактично, но решительно, поднимает меня в дорогу: «Подъем. Труба зовёт».

Сразу за таким невероятным болотом, мы выходим к уже знакомому мне по прошлому году, оврагу ручья. Он течёт уже в сторону Птичьей! Это – хорошо! Мы на правильном пути! Мы сваливаемся в этот овраг. Мы бредём по ручью уже, совершенно на автопилоте, молча...

Но, время – всё-равно быстрее нас! Уже начинается вечереть. В природе разливается предвечернее успокоение, я чувствую его своей спиной, шестым чувством...

Днище нашего оврага, да и его склоны, состоят из крошки изменённой вулканической деятельностью белой, пористой породы, похожей на кусочки извести. При каждом шаге по ручью, эта известковая крошка взрыва-

ется под нашими болотниками миллиардами пузырьков, рвущегося к поверхности воды, газа.

– Прямо, какой-то газовый ручей! – глядя под ноги, я устало качаю головой, – Надо же!

– Да, – односложно отзывается, шагающий в двух шагах передо мной, Дыхан, – Я – тоже, на это гляжу... При каждом шаге!

Наконец, нам открывается простор речной долины! Наш ручей, на повороте, под очень острым углом, вливается, впадает в узкую, но бурную речку.

– Вот и Птичьё! – говорю я Дыхану.

– Понятно, – кивает тот.

Речка вырывается по валунам слева и почти сзади нас и уходит далеко вперёд, прямо перед нами...

Мы выходим к речке на последнем дыхании. Теперь – нам нужно, практически, развернуться! Ведь, нам нужно – вверх по этой речке...

Берега Птичьёй затоплены высокими зарослями бамбука. Да, такими – что, не пройти! Единственный, здесь, вариант для человека – скакать по валунам, прямо по речке. Благо, что этими огромными, обкатанными валунами завалена вся речка.

– Давай, попробуем прыгать? – предлагает мне Дыхан.

– Давай! – киваю я.

Отупев от усталости, я уже, просто бездумно, гляжу на речку, на повсюду торчащие из её воды круглые, обкатанные водой, валуны...

Прыг! Прыг! Ещё раз! Ещё...

Ноги плохо слушаются, и я часто «недотягиваю» – приземляюсь не на то место, на которое смотрят глаза.

– Это – опасно! Так вот, прыгать.., – понимаю я, уставшим сознанием.

– И, всё-равно, – вперёд! У нас совсем нет времени! Вперёд!!! – в исступлении, я гоню себя вперёд.

Я держусь ещё с километр.

– Всё, Миш! Больше – не могу, – я с трудом сажусь, на подгибающихся ногах, на валун, прямо посреди бурляще-

го потока, – Я сдох ещё на болоте. А теперь – не только сил нет, но и духа, тоже.

Чуть впереди меня, устало опускается на свой валун, Дыхан. Михаил держится лучше меня, но, кажется, что и он – не железный...

Да! Надо признать, что до озера мы не дошли, как ни старались.

– Ладно, – через бурление водных струй речки, я слышу его усталый голос, – На сегодня – всё. Давай вылезать из речки. Поищем место для ночевки.

Хватаясь за толстую проволоку стеблей свисающего к самой воде бамбука, мы с трудом выползаем из речки влево, на взлобок. Всё! В трёх метрах, под нами, шумит речной поток. Впереди, в бамбуке стоит одинокая, чахлая ель. Мы продираемся к ней, сквозь заросли бамбука...

В трёх метрах за елью, чернеет стена кедрового стланика. Вот и всё, что нам нужно: вода рядом, дрова есть, защита от ветра – есть тоже. Потоптавшись взад-вперёд в бамбуке, мы прощупываем ногами относительно ровную, без кочек, площадку. Два метра, нам много не надо.

– Всё! – командует Дыхан, – Здесь будем ночевать.

Ножами, мы вырубам, в бамбуке, площадку вокруг себя. Тут, в высокогорье, стебли бамбука длинные, как удилица и толстые, в сантиметр! С нижних сучьев ёлки надираем мелких, сухих веточек и лишайников, для растопки костра. Срубаем, на этой же ёлке, ветку. На образовавшийся сук вешаем вниз стволами, на случай дождя, свои ружья. Дрова – из сухих сучьев кедрового стланика.

Пока Михаил ломает кедровый стланик для костра, я достаю из рюкзака котелки и раскачиваясь словно пьяный, на заплетающихся ногах, бреду по бамбуку к речке...

Буквально, сваливаюсь по трёхметровому бамбуковому склону, в бурлящий ручей! Зачерпнув воды, я осторожно, чтобы не пролить, медленно выбираюсь обратно, хватаясь одной рукой за стебли бамбука...

Теперь – костёр. Я наклонно втыкаю наскоро обструганную моим большим тесаком, изогнутую саблей ветку

кедрового стланика, в дерновину. Вешаем на неё котелки, один – на кашу, другой на чай. Под котелками разводим маленький, рабочий костерок...

Всё. Теперь можно, наконец, расслабиться. Мы садимся на наши, туго скатанные брезентовые тенты, ближе к костру. Стягиваем с ног болотники...

Ноет, словно побитое, тело. Мы молча сидим, бездумно уставившись на жёлто-красные языки пламени...

Вокруг стремительно темнеет и языки костра, яркими бликами, играют на наших лицах, глянце кожистых листьев обступившего нас бамбука, длинных, тёмно-зелёных кисточках кедрового стланика...

Я просыпаюсь от холода! Выглядываю из своего брезента – кругом уже серо. Значит, наступает утро. Утром, я всегда лёгок на подъём. Я поднимаюсь на ноги и осматриваюсь:

В природе разлита предутренняя тишина и абсолютный покой. Плотная пелена утреннего, сырого тумана скрывает окрестности.

– Шшшшшшшшш.., – монотонно шипит речка, в своём овраге.

Наш костёр давно прогорел. Дыхан всегда более морозостоек, чем я. Вот и сейчас! Он не подаёт признаков жизни, закрутившись в свой брезент. Большим зелёным коконом, он лежит, почти съехав ногами в кострище.

– Пусть спит, – решаю я.

– Бррр! – зябко передёрнув плечами, я, босиком, прокрадываюсь к кострищу...

Вот и первый, неуверенный дымок, заструился в воздух. Его густая, белая лента, извивающейся змейкой ныряет вниз, в овраг звенящей на все лады струями, речки...

Тяги совсем нет. Воздух, буквально, стоит!

– Нужно подуть, чтобы разгорелось получше, – понимаю я.

Опустившись перед костром на четвереньки, я набираю полную грудь воздуха и опустив лицо на уровень земли,

начинаю медленно и длинно поддувать струйку воздуха в угольки...

– Бу-ухххх!

Тяжёлый грохот фонтана воды, от упавшей в воду тяжёлой туши, словно кипятком ошпаривает мне спину! Взвившись над кострищем, я бросаюсь через Дыхановский кокон, навстречу грохоту. Там – перед речкой, на ёлке висят наши ружья! В несколько бешеных прыжков, я покрываю это расстояние. Схватив своё ружьё, я весь обращаюсь в слух...

Однако, кругом всё тихо.

– Шшшшшшшшш.., – монотонно шипит и бурлит речка...

– Фу, ты, блин! – обмякаю я, сердце бешено прыгает в самом горле.

– Оч-чень классный способ пробуждения! – приходит мне в голову, саркастическая мысль.

Кругом всё тихо. Я вешаю ружьё обратно на сук. Осторожно ступая босыми ногами, я тихо возвращаюсь к лагерю. При каждом шаге, ноги больно накаляются на острые «пеньки» срезанного нами вчера, бамбука.

– Ух! Ой! Сво-лочь! – кривлюсь я, дёргаясь от болезненных уколов, – А, туда летел – даже не заметил!.. Надо было в сапогах спать!

Но, не успев развить свою мысль до конца, я замираю на полушаге и с удивлением рассматриваю кокон, так и не проснувшегося, Дыхана.

– М-м-да! – наконец, я выговариваю что-то нечленораздельное и совладав с собой, снова опускаюсь перед кострищем, на карачки...

– Оооооо-уууууу-оооооо! – вдруг, метрах в ста выше нас по гребню, раздаётся протяжный и громкий медвежий рёв!

Я снова, перепрыгнув через кокон Михаила, бросаюсь к ёлке с нашими ружьями! Лязгнув затвором, вгоняю патрон в патронник. Медведь ревёт на всю округу, громко, протяжно и... как-то обиженно.

– Оооооо-уууууу-оооооо!

– Ну, что ты скачешь через меня?! – раздаётся за моей спиной монотонный, сонный Дыхановский голос, – Туда – сюда! Туда – сюда!

– Да?! Я?! – взрываюсь я, нервным фальцетом, – Вон!.. Медведь! Ревёт!.. Замучил!

Покачиваясь из стороны в сторону, половина зелёного кокона Дыхана медленно принимает вертикальное положение. Из конца брезентовой трубы показывается его всклокоченная голова.

– Ревёт! Ревёт! – передразнивает он меня, своим хриплым голосом, не открывая глаз, – Упасть с камня, в эту бешеную речку!.. Ты представляешь, как он упал?! Ноги себе, наверно, побил... Ты бы – не ревел, что ли?

Его заспанные глаза, наконец, принимают своё обычное, уверенно-насмешливое выражение.

– Ладно, – Михаил начинает медленно раскручиваться из своего тента, – Действительно, вставать пора...

Осторожно ступая босыми ногами, я второй раз крадусь от ёлки к нашему кострищу...

То тут, то там, я замечаю у кострища зелёные стержни молоденьких побегов бамбука. Пробую один из них на вкус... Это не остаётся незамеченным.

– Ну, как? – интересуется Дыхан, испытующе глядя на меня.

– А? – удивляюсь я, на его интерес, – Ну... С голодухи, есть можно! Напоминает зелёный горошек, когда его ешь вместе с кожурой стручков.

Дыхан, молча, забрасывает себе в рот один росток...

Наша каша, в котелке, ещё не сварилась, и мы сгрызаем по несколько бамбуковых ростков. Но, это, нам быстро надоедает.

– Ботва – она и есть ботва! – решительно заключает Михаил.

Пока я смотрю за котелком с доваривающейся кашей, он обувается в болотники и гребёт по бамбуку, к берёзе, что растёт метрах в двадцати, выше нас по склону.

– Саня! – скоро, слышу я его голос, – Бросай всё! Иди, глянь!

Тон Дыхановского голоса – такой, что я не заставляю себя долго ждать...

С дерева, далеко выше нас по склону, просматривается обширный бело-жёлтый лоскут!

– Что это?! – задаёт вопрос Дыхан, не сводя с меня глаз.

– Мишка! – кричу я, – Это же – изменёнка! Как в кальдере Головнина! Под цвет извести...

– Выходит, мы ещё вчера, практически, дошли! – вскипает радостью, Дыхан.

– Ну! – кричу я.

Нашей радости нет предела. Ведь, мы совсем немного не дошли, каких-нибудь четыреста метров!

– Всё! Скорее едим и вперёд! – командует Дыхан, и мы бросаемся к нашему лагерю...

Торопливо поев, мы сворачиваем свои брезентовые тенты и снимаемся с места...

Мы легко прыгаем по огромным, обкатанным водой валунам, уже почти полностью загромождающим ложе ручья. Безоблачное утро распахивает над нами бездну синего неба. В спину жарко пригревает уже взошедшее на востоке, на такой высоте, солнце. От сырости утреннего тумана уже не осталось и следа! Вот, что значит – лето...

Прямо у воды, на каменистом берегу, пышно цветёт кустарник.

– Мишка! – радуюсь я встрече, – Это же вейгела Миддендорфа!

Кусты вейгелы сплошь покрыты гроздьями крупных, жёлтых колокольцев.

– Но, ведь, сегодня – уже седьмое июля! А, он – ещё, только, цветёт! – недоумеваю я, – Вот, странно...

Этот кустарник – высокогорный и в низовьях, его, нигде не встретишь. Тем радостнее наша встреча...

Пока я скачу вокруг кустов вейгелы с фотоаппаратом, Дыхан вырывается далеко вперёд. Оттуда, издалека, по склону несётся его крик: «Саня! Это ...!».

– Что? – кричу я, не уловив концовку фразы с первого раза.

– Снег!

– Снег?! – недоверчиво переспрашиваю я, – Какой снег?!

– Снег!

– Снег... Так, это – снежник!!! – наконец, через минуту, осеняет меня умная мысль.

– Так это не белая известь изменённой породы! Это – снежник! – я разгибаюсь от вейгелы и с удивлением, всматриваюсь в далёкую фигурку, стоящего на белом склоне, человека.

Июль! Мы уже давно забыли о снеге! Поэтому, при виде белого склона, у нас даже мысли не возникло, что это может быть, просто-напросто, снег.

– Снег! Вот это дааа!

Я спешу по валунам ручья вверх, на белый склон, к Михаилу...

Но, столько ботанических восторгов, вокруг! Вот! Прямо у ручья, пылят целыми жёлтыми облачками пыльцы, серёжки ольхи! А – запах какой!

– Ольха курчавая! Запах! Как ранней весной! – восхищаюсь я, притрагиваясь пальцами к молоденьким, нежным, смолистым листочкам, длинным жёлтым серёжкам...

У этой ольхи, листочки – такие смолистые! А, запах! Закачаешься! Словно в весну окунулся...

Вот, я уже у подножия снежного склона. От ручья, я выбираюсь на обширную проталину. Июль на дворе! А, под моими ногами – настоящая, весенняя проталина! Мои чёрные болотники ступают по совсем недавно оттаявшей почве, прелым стеблям лопухов... Весна! Мои восторженные глаза распахнуты настезь. Здесь – весна!

Мой глаз ботаника, сразу замечает мелкие, малиновые колокольчики, разбросанные по лужайке. Это – первоцветы. Но, обычный весенний цветок Кунашира – первоцвет Фори, произрастает на террасах морского побережья.

А, здесь – что за первоцвет? Я наклоняюсь к колокольчикам цветков...

– Они другие!.. Не может быть! – я падаю перед цветком на колени, сердце сладко млеет в груди, – Первоцвет клинолистный! Ну, конечно! У него – совсем не такие листочки, как у первоцвета Фори! Какая удача!

Японец Татеваки, по результатам полевых работ японцев в тридцатых годах, указал это растение в списке растений Кунашира. И всё! Никто больше не находил этот первоцвет на острове! Никто! За пятьдесят лет ежегодных ботанических экспедиций!

– Миш-ка! – горланю я, на весь белый свет, – Я первоцвет нашёл! Нашёёёёл!

Я ползаю вокруг первоцветов со своим фотоаппаратом и так и эдак, фотографируя свою удачу. Жаль, что у меня не будет гербарного образца, подтверждающего мои слова – сейчас, у меня нет с собой гербарной папки.

– Да, даже если бы и была! Как я могу – их порвать?! – ужасаюсь я, одной только мысли, – Вот так вот – взять... и порвать!

Дыхан ушёл далеко вперёд и мне нужно его догонять. Я торопливо поднимаюсь по снежному склону прямо вверх, короткими ударами втыкая носки своих болотников в плотный, слежавшийся снег...

И вот – вершина снежника. Отсюда мне, во всей красе открывается удивительно живописная, высокогорная котловина! Огромная! Она располагается выше пояса лесов.

– На высоте нижней границы пояса кедрового стланика! – прикидываю я, – Значит, около шестисот пятидесяти метров над уровнем моря.

Зелёное море кедрового стланика покрывает всю площадь высоченных бортов котловины. Около четырёхсот метров вверх, эти прямые склоны завершаются гребнем серых скал.

– Это и есть – гребень хребта Докучаева! – я с почтением смотрю на этот гребень, – Да-ааа. Непрístupная кре-

пость! Четыреста метров крутизны, покрытой сплошным кедровым стлаником! Полное господство подгольцового пояса!

Однако, котловина закрывает высоченными бортами, свою внутренность. И здесь, на этой высоте, прячется обширный массив ельника!

– Смотри-ка, хвойник! – восхищаюсь я, – Вот, это да-ааа!.. Это – наверняка, самый высокогорный хвойник на Кунашире!

Я поднимаю бинокль и вглядываюсь в темнеющие кроны этого леса: «И я думаю, что это бамбуковый ельник»...

Нам нужно пройти в эту грандиозную чашу. Здесь – перелом рельефа. Мы спускаемся к ставшему спокойным, ручью и дальше продвигаемся прямо по его руслу. Мы бредём по колено в тихой, спокойной воде. Только так можно проникнуть внутрь котловины. Ведь, её склоны покрыты сплошными и высоченными зарослями кедрового стланика и бамбука...

Здесь – всё необычно! Вдоль вертикального, дернистого берега ручья стоит сплошной метровый бордюр зарослей высокогорной ивы Рени. На утреннем солнце блестят её мелкие, глянцевые листочки.

– Полярная ива – она и есть, полярная ива! – недоумеваю я, – Видел я её, в Хабаровском крае. Также, мелкие листочки блестят!.. Только, здесь, она – на вершинах вулканов растёт. И называется ива Рени!

За ивовым бордюром, чуть подалее от воды, вдоль берегов, узкими непрерывными полосами протянулись настоящие альпийские лужайки! Здесь – всё жёлто от плотного метрового ковра крупных, оранжевых цветов!

– Саня! Что это, за цветник? – на ходу кивает на них, Дыхан, руками раздвигая крупные оранжевые «ромашки» перед собой, прежде чем шагнуть, – Пройти нельзя!.. Я, внизу, их – ни разу не встречал!

– Ах! Купальница Ридера! – восторгаюсь я, – Сколько их! Вот, это да-ааа! Конечно, не увидишь!

И вот, на повороте, перед нами постепенно открывает-

ся гладь небольшого озера! Минут через десять, мы выходим на галечный пяточок его берега. Мы стоим на мелкой гальке. В чёрные носки наших болотных сапог бьётся, стучит мелкая, прозрачная волна.

– Наконец-то, мы увидели тебя, озеро Вильямса! – думаю я, – Здравствуй!

Это озеро – горное, у него нет заболоченных берегов. Со стороны хребта Докучаева – крутые склоны кедрового стланика, круто обрываются прямо в воду. С юга и востока, этот грандиозный высокогорный котёл ограждают сопки, также сглаженные сплошными зарослями кедрового стланика и бамбука. Галечных берегов, у этого озера, нет. Из котловины есть слив, на юго-восток. Это – начало речки Птичьей.

Ах, как солнечно и хорошо! Спокойную, задумчивую гладь озера, мелкой рябью серебрит лёгкий, летний ветерок...

Уютный, миниатюрный заливчик справа, приглашает нас заглянуть и мы, знакомясь с озером, неторопливо бредём в своих болотных сапогах, по колено в воде, вдоль берега...

Здесь, ближе к берегу жмётся редкая, ярко-зелёная щётка ситников. Острые, круглые, зелёные стрелы, торчащие прямо из воды.

– Красиво как! – улыбается Михаил, – Какая яркая зелень!

– Ну! – восторженно соглашаюсь я, который уж раз щёлкает фотоаппаратом, – Это ситники!

В объективе моего фотоаппарата они накладываются друг на друга и их щётка становится как бы гуще, зеленее – и ещё красивее!

На пологом склоне с востока – заросли мощного бамбука, затопившие высокие, трёхметровые кусты кедрового стланика, смотрятся с берегов прямо в глубокую воду озера...

Рядом с нами, стекающий с самого дальнего борта котловины, в озеро впадает крупный ручей. Он нанёс пятак

гальки, на котором мы стоим. А, буквально здесь же, в двух метрах от его впадения из озера вытекает другой, такой же ручей! Вытекает... Ровное место! Они не разделены ни скалкой, ни бугром. Я, такого феномена – никогда не видел!

– Хм! Потрясно! – хмыкает Дыхан, на это, – Два ручья – в одном месте! Один втекает, другой вытекает! Два шага! Никогда не видел...

– Я – тоже! – соглашаюсь я и прищуриваюсь на ручей, – Тот, что вытекает – это Птичьа!

– Логично! – кивает головой, Дыхан, – Но, только отчасти!

– Это, как? – не понимаю я.

– Хм! Тот, что впадает в озеро, он – тоже Птичьа. Смотри!.. Птичьа стекает с хребта в озеро... и тут же, вытекает из него! Это – одна речка.

– А, что! – присматриваюсь я, к котловине, – Скорее всего! Всё это – Птичьа! Которая, на своём пути, на метр примыкает к озеру.

– Скорее, озеро примыкает к ней! – уточняет Дыхан.

Мы стоим и смотрим вокруг. Меня не покидает впечатление, что котловина, словно переполненная чаша, изливается ручьём, в нашу сторону...

Кругом разлита тишина, покой и тепло лета.

– Вот, оно! Вечное и неторопливое течение природы! – изрекает Дыхан, не сводя глаз с озера.

Я, удивлённо, скашиваю на него, свой глаз.

– Ну, Дыхан! – думаю я, качнув головой, – Умеешь же, ты! Поразить неожиданным движением души!

Минута за минутой, мы, молча, сидим с Михаилом на пяточке чистой, промытой дождями гальки берега озера Вильямса и смотрим на высоченные борта котловины, на мелкую рябь водной глади, на кедровый стланик и бамбук, смотрящиеся прямо в спокойную глубину воды...

– Надо, всё это, запомнить! – говорю я, – Когда ещё, увидим, всё это?!

– И увидим ли, вообще? – философски замечает в ответ, Дыхан.

Всё! Наше время истекло. Озеру Вильямса отданы два часа, поистине, драгоценного времени.

– Два часа! – ужасается Дыхан, бросив взгляд на часы.

– А, мы – и не заметили..., – не очень жалея об этом, хитро вздыхаю я.

Очень довольные тем, что всё, о чём мечтали – сбылось, мы торопливо скатываемся по речке, вниз. Но, теперь мы движемся более умно – мы прыгаем по валунам Птичьей, лишь до седловины между горой Вильямса и соседней с ней сопкой, что стоит следующей, уже вдоль Птичьей. Это её мы обпрыгивали по валунам по речке, вчера вечером.

– Давай, попробуем свалить между этими сопками? – предлагает новый вариант, Михаил, – Срежем такой крюк! Километра три, как минимум!

– Конечно! – загораюсь я, – Давай!

И мы бодро лезем в бамбук, вправо от речки, прямо между сопками...

В самом низком месте седловинки между сопками, мы отыскиваем, под высоченными зарослями бамбука, узкую и мелкую канаву. Это – сухое русло ручья! Он, здесь течёт, при паводках. Пригибаясь к самой земле, мы быстро шагаем по этому просвету. Море плотного и высокого бамбука, стоящее над нами сомкнутой и прочной крышей, прячет от нас небо...

– Хм! Вот, что значит, опыт! – коротко оборачивается ко мне, довольный Дыхан, – Ещё день назад – я не знал бы, как здесь пройти!

– Точно! – вторю я ему, – Ищи канаву ручья между сопками – и вперёд!

Всё! Мы прошли между сопками! Напрямую! Перед нами Тятинская седловина! Мы выбрались из канавы, стоим и смотрим на неё... Седловина большая, настоящая! Она лежит между вулканом Тятя и этими двумя сопками. И здесь – мы, тоже, находим удачный путь! Сейчас, летом, гора Вильямса скрыта под высоченными зарослями кедрового стланика. Но! Между этими дебрями и дебря-

ми бамбукового ельника самой седловины, вьётся узкая лента полянок низкого, всего по колено, бамбука!

– Вот оно, наше счастье! – довольный, балагурит Дыхан, ходко вышагивая своими длинными ногами, по узкой полосе бамбуковых полянок.

– Ну! – тоже радуюсь я, стараясь не отставать, – Тут, главное – не завалить ни вправо, ни влево!

Вот и огромная воронка нашего, сухого ручья! По которому мы пришли сюда, с Тятиной...

Не задерживаясь, как шли, мы с ходу, друг за другом, спрыгиваем в этот огромный котёл. Отвесные, земляные стены – метра три высотой! Но, мы – молодые и тренированные...

– Ну, теперь – вперёд! – бодрит меня Михаил, – К Тятинке!

Мы, быстро шагаем вперёд, по сухому руслу. Поворот за поворотом...

– Смотри, след медведя! – вдруг, тычет под ноги пальцем, идущий первым, Дыхан, – Взрослый зверь!

Да! По песочку днища нашей канавы отпечатаны следы медведя! Я приседаю над отпечатком когтистой лапы: «Свежие!.. Слушай, а ведь он тоже использует эту канаву, для передвижения по местности!».

– Конечно! – отзывается, уже уходящий вперёд, Дыхан, – Не одни же, мы – такие умные!

Последний поворот сухого русла – и вот она, речка Тятина!

– Перекур! – командует Михаил.

Перекур – это хорошо! Перекур мы заслужили. Мы садимся на нагретые солнцем, гладкие, большие валуны речного каньона Тятиной. Вокруг нас кипит солнечный, летний день. Мимолётный взгляд на часы – два часа дня.

– Два часа дня, а мы уже на Тятинке! – удовлетворённо замечает Дыхан, – Это хорошо.

– Ну... Есть хочется.

– Ага, не помешало бы! – соглашается со мной Михаил и тут же интересуется, – Что у нас осталось?

– У меня – одна банка ставриды.

А, нам – ещё шагать и шагать.

– Ладно! – решает Дыхан, – Потерпим.

Спускаясь вниз по речке, мы быстро пропрыгиваем верховья каньона речки по валунам, до водопадика. Дальше – речка становится труднопроходимой вброд, а склоны речного каньона раздаются в высокий распадок. И мы выбираемся влево, на лесистый склон со стороны вулкана...

По уже известной нам медвежьей тропе, мы торопливо шагаем вперёд.

– Как, всё же, несравнимо легче двигаться уже известной дорогой! – радуюсь я, торопливо шагая по тропе, – Сколько сил и времени, мы экономим, сейчас!

Мы шагаем и шагаем по тропе. Мимо нас быстро проносятся, проматываются покрытые сплошным лесом склоны...

Изредка, мы садимся перекурить...

Вот и сейчас, порядочно отмахав по косогору, мы опускаемся в бамбуковом пихтарнике, прямо на медвежью тропу. Михаил курит беломорину. Я – просто сижу, глядя на кроны противоположного склона речного распадка...

Вдруг!

– Бу-ушш! Бу-ушш! Бу-ушш!

Сзади, на участке тропы, только что пройденном нами, раздаётся треск тяжёлых прыжков по бамбуку!

Вскочив на ноги, мы хватаемся за, прислоненные стволами к ближайшему стволу пихты, ружья! Но, прыжки уже стихли. Мы стоим, с ружьями наизготовку, слушаем лес...

– Медведь! – запоздало сообщаю я.

– Конечно! – кивает Дыхан, – Мы расположились – не на своей тропе.

Мы снова, торопливо шагаем по медвежьей тропе.

– Смотри, сколько медвежьих следов, на тропе! – замечаю я, – И старых, и совсем свежих...

– Конечно, вижу! – отзывается, на ходу, Дыхан, – Этот путь используется медведями очень часто.

– Может, где, на голубей наскочим! – вскоре мечтает Михаил, – Не помешало бы, на вечер.

Вот – и наш распадок верховий Тятиной, заканчивается. Выйдя на простор рельефа, мы сдвигаемся ещё левее. Теперь, мы режем лес напрямую, по подножьям вулкана. Здесь – бескрайний пихтарник! И рельеф – вполне пологий! Он позволяет нам валить вниз по лесам, лишь придерживаясь общего направления...

Мы, действительно, «валим»! Своей парой, мы стремительно шагаем по лесу, под небольшой уклон. Мои настояренные глаза едва успевают схватывать подозрительные бугры, валёжины и кусты, впереди и по сторонам от нас. Светло-серые, гладкие стволы пихт и коричневые, чешуйчатые стволы елей проносятся мимо...

Но – кажется, что этому хвойному лесу не будет конца! Солнце уже садится на западе, у нас за спинами, а мы – всё шагаем, шагаем, шагаем...

Наконец, сплошной хвойник стал прорываться обширными площадями высокотравья. Теперь, мы шагаем по дебрям зелёных зонтов, листьев и стеблей. Михаил идёт первым, раздвигая лопухи руками. Я, в метре сзади, наступаю ему на пятки. Теперь – мы «режем» по высокотравью, от одного колка пихтарника к другому...

Под кронами пихт темнеет рано. Как только мы ныряем под кроны очередного колка хвойника – нас начинает ощутимо обволакивать синева сумерек.

– Пора задуматься о ночёвке! – бросив взгляд на небо, молча прикидываю я, стараясь не оторваться от Дыхановской спины, мгновенно закрываемой зелёными листьями и зонтами.

Мы выгребаем, по лопухам, в очередной, метров пятьдесят – семьдесят в поперечнике, колок хвойника. Прозевав в сумерках, я оступаю и едва не падаю в какую-то ямку!

– Блин! – на ходу, коротко матерюсь я.

Это – вмятина между двух мшистых бугров. В ней, недавно устроил себе лёжку крупный медведь! О его разме-

ре свидетельствуют большие, чёрные кучки медвежьего помёта, по окраинам ямы. Мой, настороженный ум, не очень рад этому медвежьему пристанищу.

Пройдя колок насквозь, уже в лопухах, мы вышагиваем к маленькому ручейку. Тормознувшись на месте, Михаил крутится обратно. Три шага вправо, пять влево! Я стою...

И я понимаю, что Дыхан прикидывает место для ночёвки. Он осматривается по сторонам и удовлетворённо кивает головой: «Дрова есть, вода – тоже. Защита от ветра – чудесная. Отличная ночёвка! Вот, только, место по ровнее выберем». Вернувшись шагов двадцать назад, под колок, Михаил упирается взглядом в медвежью лёжку: «О! Вот здесь и будем!».

– Отлично! – саркастически хмыкаю я, молча, – Другого места, ведь – не найти! Лес – он ведь, такой маленький!

Я – уставший. И поэтому злой... Мы снимаем свои рюкзаки. По, уже выработанному нашей лесной жизнью правилу, вертикально прислоняем ружья, стволами к стволу ближайшей пихты. Чтоб – только руку протянуть...

Теперь – собирать сухие сучья для костра! Вместе с быстрым сбором дров, я отыскиваю, поблизости, «костровое дерево». Это – старая берёза, с отслаивающейся пластами, толстой, многослойной берестой.

– Вот, он! – хмыкаю я, – Опыт Магнолии! Не пропьёшь!

Тем временем, вокруг нас стремительно темнеет! За водой, к лопуховому ручейку, мы шагаем по колку уже вместе. Котелок с водой, мы уже приносим в темноте...

Ярко пылает костёр. Чернота ночи стоит вокруг. Сегодня – абсолютно чёрная и тихая ночь! Пошарив в своих рюкзаках, мы открываем ножом банку ставриды. Она – единственная. Больше, у нас, ничего нет...

Сидя у костра, время от времени, я всё кошу глазом на медвежью лёжку. Михаил, мой интерес, истолковывает по-своему.

– Представляешь! – замечает он, – Какое удачное место он выбрал!.. Смотри! Когда он туда ляжет, то окажет-

ся совершенно заподлицо с окружающими буграми! Он будет хорошо замаскирован от чужих глаз!

– Угу, – нехотя отзываюсь я.

Мне, такое соседство, тревожит душу! И у меня – хорошее воображение. Глядя на мерцающую в отсветах костра, медвежью лёжку, я ярко представляю себе, как, вжимаясь между этими буграми, щурит глаза от бликов нашего костра, большущий медведь.

– А, что он будет делать, если вдруг – человек, неожиданно окажется рядом? – как бы, просто так, спрашиваю я.

– Ну-ууу! – загорается Дыхан, – Это просто! Он – подпустит поближе! А, потом – как вскочит! Как взрвёт! Человек – естественно, в шоке! Теряется! А медведь, тем временем, смывается.

– Классно! – взрываюсь я, весь мой сарказм выплётся наружу, – А, если он придёт сюда ночью, чтобы упасть на свою лёжку? А, здесь – мы!

– Да, ничего страшного! – Дыхан разговаривает со мной, уже заворачиваясь в свой брезент, – Придёт, увидит нас – и уйдёт...

– Да?! – сам в себе, беззвучно психую я, – Класс! «Придёт, увидит – и уйдёт!». Отлично!

Ночь, сегодня – такая чёрная! Я расстилаю по ковру мелкой, таёжной осочки, у костра под высокими пихтами, свой брезент. Подкатившись к костру поближе, я – даже и не пытаюсь уснуть!

Воображение рисует мне страшную картину:

Ночь. Наш костёр уже прогорел... Мой брезентовый кокон обнюхивает, пришедший на свою лёжку, медведь... Он весь – такой огромный, всклокоченный и злоюющий!

– Ха! – зло всплываю я, – Он, просто! Откусит! Мне! Голову! Ведь, из кокона, наружу торчит только голова?! Конечно! Только голова!.. Откусит! Вот и всё, блин, что будет!

И я принимаю решение: «Какой тут, блин, сон?! Уж, я – лучше на кордоне отосплюсь!» Медленно течёт, тянется чёрная, непроглядная ночь. Я полулежу у костра, изредка

подбрасывая в огонь сучья. И гляжу на медленные языки пламени. Ветра нет совершенно...

– Шум-шум! Шум-шум! – вдруг, отчётливо слышится шелест низенького бамбука, на границе нашего колка!

Кто-то, размеренным шагом, зашёл в наш пихтарник! Вскочив на ноги, я хватаю своё ружьё. Дыхан – уже, тоже стоит рядом, высоко подняв включённый фонарик над головой. С высоты его гренадёрского роста, луч света хорошо прорезает черноту нашего пихтарника. Но, в стороне звука – никого нет, совершенно пустой лес...

– Никого, – прикидывает Дыхан.

– Что это было?! – недоумеваю я.

– Не знаю, – пожимает он плечами.

Постояв ещё немного и послушав тишину ночного леса, мы расходимся по своим спальным местам. Костёр почти прогорел. Мы подбрасываем в него несколько сучьев. Ветра нет совершенно! Отсветы пламени вяло пляшут по обступившим нас, гладким стволам пихт. Дыхан, опять, спит...

– Шум-шум! Шум-шум...

Вновь, размеренные шаги по бамбуку! Такие явные! Ни с чем не перепутаешь! Я вскакиваю и включаю фонарик. Мой узкий луч света, яркий в черноте ночи, как прожектор, шарит между стволами деревьев.

– Пусто! Никого нет! – недоумённо, сам себе, тихо говорю я – Ведь, только что кто-то шагал!

– Наверно, это соболев нас душит! – неожиданно отзывается из своего полога, Дыхан, – Скорее всего, это его спаренные прыжки звучат так – будто крупный зверь одиночно шагает.

– Может быть, – соглашаюсь я.

Ночь продолжается...

Я лежу на сырой осочке. Холод от влажной почвы пробирает меня снизу, отнимает последнее тепло. Мне, просто, холодно!

– Не ночь, а каторга! – думаю я, – Надо что-то делать.

– Смотри! – обращает на неё моё внимание, Дыхан, –
Какая кунджина!

– Ну! – удивлённо соглашаюсь я, – Как кетина!

Я наклоняюсь и движением профессионала, отгибаю пальцем жаберную крышку.

– Миш! – говорю я Дыхану, – Вполне свежая! Жабры ещё розовые... Совсем недавно сдохла!

Мы, в некотором раздумье, стоим над рыбиной.

– Встретилась бы ты нам, вчера! – откровенно сожалеет Дыхан, – Мимо не прошли бы!

– Ну! – соглашаюсь я, – А, сегодня... Мы и сами, к пяти часам, на кордоне будем!.. А, жаль!

– Ну! – тоже вздыхает Дыхан, – Жаль...

Октябрь. Тятино. Я, только что, вернулся из длительной командировки во Владивосток. Я стою на углу нашего, Тятинского дома и смотрю на стену лопухов...

С середины июля, я не был в лесу! Три месяца! Кошмар. Я не могу заставить себя войти в эту зелёную стену лопухов! Мне – страшно...

Стоит обычный для Кунашира, пасмурный день. Сегодня, Дыхан уходит в верховья Тятиной, по смотровой тропе. Я – геоботаник. У меня – другая задача. Мне нужно обработать пробную площадь в пойме Тятиной, недалеко от устья этой речки. Мы расходимся в разные стороны...

Прошагав до устья Тятиной по дорожной колее, я перехожу полноводный перекат.

Всё! Метров двести по бамбуку речной террасы, вверх по речке – и я, почти на месте. Я стою на краю террасы, прямо над зелёным, лопуховым морем. Нужно спуститься в лопухи поймы, а я – боюсь. Отвык, наверное...

Минут через пятнадцать, мне в голову приходит мысль: «А, чего я думаю? Сейчас, бахну в воздух, да и пойду себе, дело делать!». И я поднимаю ствол своего ружья вверх.

– Ба-аххх! – рвёт выстрел, замершую вокруг меня, тишину.

Осматриваясь по сторонам, я спускаюсь по склону террасы, на стол речной поймы. Стою перед стеной лопухов и никак не могу решиться...

Вдруг! Я слышу, как впереди, кто-то ломится по лопухам, вниз по речке! Вот, шагах в тридцати, качнулись зелёные зонты белокопытника! И в просвет выскакивает... Дыхан! Я стою и растерянно смотрю на него.

– Эээйийй! – кричит он, в воздух, ещё не видя меня.

– Эгей! Миш! – отзываюсь я, – Я здееесь!

– Фу! – облегчённо выдыхает Дыхан, поймав меня взглядом.

Уже не спеша, успокаивая дыхание, он шагает ко мне...

– Слышу – выстрел! – совсем как это всегда делаю я, он вытирает рукавом своей камуфляжки мокрое от пота лицо, – И – тихо! Ну, думаю – всё! Сожрал!

– Нет, Миш., – виновато говорю я, – Не сожрал. Тихо всё. Я, вот, стою... Кажется, что медведи кругом... Решил в воздух выстрелить, перед работой. Подумал – пусть все разбегутся!

– А! – понимающе кивает Дыхан, – А, я – со смотровой тропы... Бегу по лопухам, бегу...

– Миш! – винюсь я, – Я не подумал, что ты прибежишь. Я хотел – только, медведей разогнать...

– Ладно, Сань! – коротко взмахивает рукой Дыхан, в ответ, – Хорошо то, что хорошо кончается... Фу!.. Теперь – всё-равно, маршрут сорван. Не пойду я, обратно... Давай уж, по твоим делам крутиться. Так, что ты хотел тут, делать?

– Нужно в пойме, площадку в ивняке подобрать, однородную... А, тут – лопухи такие! Смотри, какие стоят! Стеной! Ничего не видно!

– Отвык ты, Саня! – добродушно улыбается мне, Дыхан, – За три месяца, лопухи поднялись! Весь лес затопили. А, ты – только сейчас, приехал.

– Ну! – согласно киваю я, – Больше – никогда не буду делать, такие перерывы!..

Вечер. Верхний Тятинский дом. Мы с Дыханом только что поели.

– Саня! – окликает меня, Дыхан, – Всё недосуг! Ты расскажи, как твоя командировка прошла. В Приморье ездил?

– Ну.

– Ну, как там? Что видел?

– Три месяца по тамошним лесам бродил! Столько, всего насмотрелся!.. Но там лопухов нет!

– Слышал.

– Совсем нет! Представляешь?!

– Не очень. Так, чего насмотрелся? – предлагает Дыхан.

– Хм... Например, представь такую картину: речка! Крупная речка! Раза в три больше, чем наша Тятинка. Вода – чистойшая!.. Большой посёлок прямо на речке стоит. Но никто рыбу не ловит. Ни на удочку, ни на блесну, ни на сетку. Никогда не видел, ни одного рыбака. Совсем нет рыбаков!..

– Почему нет?

– В речке... рыбы нет!

– То есть?! – не понимает, Дыхан.

– Вообще нет!.. Представь – я стою на берегу и смотрю в воду. Шикарная речка! Галечное ложе! Всё – как у нас!.. Смотрю я в эту, прозрачную водную толщу. Метра полтора, глубина!.. Ни одной рыбки! Даже самой маленькой.

– Как? – всё-равно, не понимает Дыхан.

– Вообще, ни одной! Никогда! Там – рыбы, нет!

– Во времена Пржевальского.., – начинает Михаил.

– Знаю я! – перебиваю я его, – Раньше – была! А, сейчас – нет... Знаешь, что я понял, глядя в эту пустую, водную толщу?

– Что?

– Нас, Кунашир, эта картина ждёт, лет через пятьдесят! У нас – ещё всё впереди. Приморье, просто, опережает нас, в развитии.

– Печально, – изрекает Дыхан.

– Ага, – соглашаюсь я.

– А, по медведям – что? – интересуется Дыхан, – Видел кого?

– Ага! – киваю я, – Видел много помеченных бурым медведем, стволов пихты. Но – только в самых глухих и диких местах, под хребтом. Видел толстые тополя, в дуплах которых зимуют гималайские медведи. А с одним гималайским – даже встречу имел.

– Они – мелкие! Как собаки-спаниели, – кивает Дыхан, – Говорят, их тигры играючи давят! По одному на обед.

– Ха-ха-ха! – смеюсь я, – Смешно!..

– А что? – настораживается Дыхан, – Это не так?

– Ха-ха-ха! Точно, смешно! – продолжаю смеяться, я, – Нет... не так!

– Ладно! – улыбается Дыхан, – Не томи! Давай, рассказывай!

– Я видел гималайских медвежат-подростков. Эти – такие же, как наши! Длинноухие велосипеды... только мельче, чем бурые. Видел, в клетке у Юдина, пару взрослых. Лет по пять...

– Ну и как?

– Эти – как худые бурые трёх-четырёхлетки!.. А сам я... представляешь? Идём мы с тамошним ботаником, под рюкзаками, вверх по речке. Речка – галечная, обычная, как наша Саратовка. Заросшая ивняком вся! Там лопухов нет, их кустарники заменяют. Заповедник – под хребтом. Безлюдье – полное. Вдруг, справа и впереди нас, из стенки речного ивняка выворачивает в просеку речки чёрный медведь! Мы – остановились... А медведь... Развернулся и не глядя по сторонам, как шёл – так и пошагал, тоже вверх по речке! Здоорооовый! Гималайский. Чёрный, как уголь. Шагах в двадцати впереди нас! Собачка, у меня на руках, медведя увидела – загавкала звонко, залилась!

Медведь – только речку от нас по перекатику перешёл. Речка – метров десять шириной. Он – заинтересованно так, разворачивается к нам, на лай. Я, медведю говорю: «Медведь! Ты что?! Вали отсюда!». Собачка, на моих руках – лает так задиристо! Моё ружьё – на плече висит, под лямками рюкзака. Как его, снять? Рюкзак – неподъёмный. В руках, я – собаку держу. Коньков кричит: «Пошёл! Пошёл!».

– Ну, а медведь? – внимательно смотрит на меня, Михаил.

– Медведь? – переспрашиваю я, – Хм! А медведь борется с искушением пойти к нам, через перекаат, разобраться! Он пристально смотрит на нас и – то вперёд к нам дёрнется, то тут же назад отклонится. Вперёд – назад, вперёд – назад... А, здоррровый такой! Побольше наших бурых, будет!.. Капец! Я думал – ёжика рожу!

– Ха-ха-ха! – смеётся в свою очередь, Дыхан, своим хриплым голосом, – Ха-ха-ха!

– Тебе – смешно! – возмущаюсь я, – Подёргался он так, вперёд-назад, вперёд-назад... Потом – всё же, решил не трогать нас, болезных! Развернулся и опять спокойно пошёл по галечной косе речки, дальше.

– Ха-ха-ха! – ещё пуще заливается Дыхан, – Значит, задницей к вам повернулся и пошёл?! Ха-ха-ха!

– Тебе смешно!

– Ага!..

– Стою я, под рюкзаком, на руках – собачка задиристо орёт. Рядом – Коньков, под таким же огромным рюкзаком, согнувшись стоит. Стою я, значит – и смотрю на эту огромную, чёрную, раскачивающуюся из стороны в сторону при ходьбе, медвежью задницу! Которая спокойно удаляется от нас.

– Ха-ха-ха! – хрипит, закатывается Дыхан.

– Вот! – хмыкаю я, – Знаешь, что я понял, тогда?

– Что?

– Этого гималайского медведя – фиг какой тигр возьмёт! Этот медведь никого не боится, в своём лесу. Он – сам задавит любого, кого захочет...

Осень. Уже поздняя осень! У меня, как ботаника заповедника, новая задача – провести инвентаризацию насаждений лиственницы в южной части Кунашира. Здесь, оба вида лиственницы произрастают отдельными массивами, а также лесополосами, по периметру совхозных полей. А, чему тут удивляться? Ведь, лиственница на нашем

острове – вид, завезённый человеком. Она завезена человеком, и посажена человеком.

Я базируюсь в посёлке Дубовое. Здесь живёт Александр Труберг. На календаре – двадцать первое ноября! Девять дней до зимы! Даже, на юге Кунашира – это поздняя осень. Сейчас – наш буйный, Кунаширский лес зияет пустотой голых и насквозь прозрачных, березняков и полян! Налетающий ветерок изредка шелестит засохшими прямо на метровых стеблях, серыми тряпочками листьев полыни. Температура воздуха, днём – стоит около нуля градусов. С разбросанных по небу облачков, временами, сыплет мелкий снежок. В атмосфере разлита стеклянность воздуха. Такую прозрачность воздух приобретает только поздней осенью...

Утро. Мы шагаем с Трубергом по перелескам, к самому обширному массиву лиственницы Гмелина.

– Саш! – говорю я, – Представляешь? Раньше эту лиственницу называли лиственницей курильской, потом – даурской. Теперь – это лиственница Гмелина.

– Почему?

– Ну... В новых определителях стараются восстанавливать исторически первейшие, приоритетные названия.

– Ну, тогда понятно! – кивает Труберг.

Здесь, на юге острова, всё так выположено! Здесь – не распадки ручьев и даже не распадочки, а пологие увалы. В одном из таких «понижений рельефа» мой ботанический глаз упирается в невзрачное деревце! На нём ещё уцелело несколько листочков! С голых веточек, на длинных ножках свисают парные крылатки плодов.

– Клён?! – озадачиваюсь я, – По крылаткам и расположению – конечно, клён! Но... это – не клён красивый! И, тем более – не высокогорный, второй у нас, клён жёлтый!

Я задумчиво трогаю пальцами уцелевшие листья... Они небольшие, удлинённые. По листовой пластинке – небольшие лопасти...

Этих листьев, под деревцем! Везде, понабито!

– Саша! – окликает меня прошедший вперёд, Труберг,
– Ты, чего тормознулся?

– Дерево невероятное нашёл! – отзываюсь я, – Неожиданность, так уж, неожиданность...

– Что такое? – заинтересовано возвращается ко мне, Александр.

– Представляешь? Клён Гиннала! – стою я у деревца,
– Никогда не думал, что его увижу у нас! Я его – в лицо знаю! Он, в Приморье растёт. У нас, на Кунашире, его никто и никогда не находил! Ни японец Татевака, ни после него – Алексеева с Черняевой с Сахалина, ни многочисленные ботанические экспедиции с Владивостока... А, он – вот он! Растёт себе.

– Значит, можно сказать, что на Кунашире – очередное ботаническое открытие? – уточняет дотошный Труберг.

– Ну! – киваю я, – Типа того! Если, с приставкой «мини» – то точно! Новый вид в списки растений Кунашира и автоматически – новый вид для нашего заповедника.

Вскоре, мы шагаем дальше, нас зовут великие дела...

Весь день, мы занимаемся таксацией. Целый массив лиственницы! Чистый! Только одна лиственница... Я гребу по зарослям бамбука, от одного дерева лиственницы к другому, измеряя диаметры их стволов.

– Двадцать четыре! – кричу я.

Я даже не называю породу измеряемого дерева – здесь, кроме лиственницы, ничего нет. Александр ставит точку в таксационной ведомости, в столбце на двадцать четыре. Он точкует.

– Двадцать!

– Двадцать два!

Массив лиственницы затоплен высоким, в рост человека, бамбуком. Поэтому, я так медленно, с трудом продвигаюсь к очередному стволу...

Близится вечер. Я, усталый, наконец выбираюсь из бамбука, на край нашего лиственничника, к Александру.

– Всё, Саш! Пора домой.

– Давно пора! – возмущается Труберг, – Я замёрз, как собака!

– Фу.., – бурчу я, – Ты замёрз, а мне – жарко!

– Это – кто, на что, учился!

– Ладно, тебе! Учитель, – моё усталое лицо трогает улыбка, – За сегодня успели обсчитать только около половины площади массива! Сколько, там, стволов получается?

Александр, десятками, подсчитывает число точек в бланке...

– Четыреста пятьдесят один ствол!

– Ну, хоть это хорошо, – устало киваю я.

На следующее утро, наша прерванная работа продолжается...

Вечер. Дубовое. В тёплой, благоустроенной квартире Труберга, я подбиваю цифры...

– Саш! – кричу я Трубергу, мне хочется с кем-то поделиться, – Слышишь? Этот массив насчитывает тысяча двести пятнадцать стволов! А, средний диаметр их, составляет всего двадцать два сантиметра! Средняя высота – четырнадцать метров.

– Это понятно! – доносится из кухни голос Александра, – Они же – молодые! Людьями посажены после войны, лет сорок назад!

– Общий запас древесины, в данном массиве – триста пятьдесят два кубометра!

– Ну-ууу, – неопределенно тянет Труберг.

Дубовое. Очередной рабочий день, вернее, утро. По на метр врезанной в мягкую, лесную почву, дороге мы шагаем с Александром к очередному массиву лиственниц. Под сапогами похрустывают льдинки. Вертикальные, земляные борта дороги искрятся щёткой вертикально стоящих столбиков льда.

– Смотри! – кивает на борт дороги Александр, – Кристаллики льда – как щётка горного хрусталя!

– Точно! – улыбаюсь я, – Я видел кристаллы горного хрусталя, когда учился в институте.

Вокруг нас – равнинная местность южной оконечности Кунашира: перелески, колки березняков, и всё затопившее, бесконечное море бамбука...

Перед нами, над бамбуком по краю дороги, порхает беленькая бабочка!

– Саша! Бабочка! – я изумлённо гляжу, то на неторопливый полёт бабочки, то на не спеша падающие с неба, снежинки, – Какая бабочка?! Снег идёт!.. Как совместить?!

– Ну и что? Летит – и летит! – отмахивается Александр, – Всё, тебе, надо! Ты пытаешься во всём разобраться! Зачем? Мозги, только, себе заворачивать.

Мы шагаем дальше...

И всё-равно, я смотрю на живую бабочку, продолжающую спокойно мельтешить беленькими крыльями, невдалеке от нашей дороги.

– Кругом же – мороз? Мороз! – задаюсь я, вопросом, шагая по колее, – Иней на земле, кристаллами, стоит?! Ещё, как, стоит! Значит, минусовая температура – точно, есть! Как же, эта бабочка, может порхать?! При минусе! Не понимаю!..

– Саша! – одёргивает меня, Труберг.

– Но, ведь, она же порхает?! – не унимаюсь я, – Порхает!.. Сейчас – вся жидкость, в природе, замёрзла? Замёрзла! А, бабочка – порхает? Порхает... Значит, у неё в животе жидкость не замёрзла! Почему? Значит, в ней течёт кровь – концентрированная! Замёрзла чистая вода, а её кровь – нет!

– Всё, Саша! – взывает Труберг, – Хватит! Ты мне мозг взорвал!

Я замолкаю и возвращаюсь к своим, ботаническим мыслям...

Южно-Курильск. Через десять дней, все массивы лиственницы, нами обработаны! Я сажусь за подсчитывание итоговых цифр...

Интересные выводы, получаются! Например, теперь нам известно, что на Кунашире произрастает три тысячи двести две лиственницы. И что, общий запас древеси-

ны этой породы, на нашем острове, составляет девятьсот двадцать девять кубометров. Восемьдесят шесть процентов стволов деревьев – это лиственница Гмелина. А, на лиственницу японскую приходится лишь четырнадцать процентов стволов!

– Но! Деревья лиственницы японской, своими размерами, значительно крупнее лиственницы Гмелина! – прикидываю я, – Поэтому, на её долю приходится сорок процентов общего запаса древесины лиственницы!

Вот, что такое инвентаризация! Это – точный подсчёт всего и всех...

Сегодня – двенадцатое декабря! В паре с Сергеем Казанцевым, мы забрасываемся вертолетом на Саратовский кордон. Вертолет Ми-8, сделав положенный круг над местом посадки, осторожно заходит на бамбуковое поле Саратовского устья, прижимаясь к краю, ближе к опушке кордона...

Земля! Вертолёт стоит в низком бамбуке, вхолостую молотит, хлопает лопастями... Мы, с Сергеем, торопливо выбрасываем из его двери, прямо в бамбук, свои рюкзаки, картонные ящики с булками хлеба и прочими продуктами...

Отбегаем прочь! Вертолёт набирает обороты и сразу же отрывается от земли. Всё! Вертолёт ушёл. За несколько ходок, мы перетаскиваем наши пожитки в кордон...

– Фу! Всё!

– Теперь можно оглядеться вокруг!

Мы выходим на высокое крыльцо:

Сегодня стоит солнечный, безветренный день. Вокруг – стеклянный воздух поздней осени! Такой воздух бывает только осенью.

– Клё-клё-клё-клё! Клё-клё-клё! – со стороны речной долины Саратовской несётся громкий, гортанный клёкот орланов.

Я внимательно прислушиваюсь. Необычный для наших ушей, звук!

– Клё-клё-клё! Клё-клё-клё-клё!

Но, у нас сегодня – транспортный день. Нам, до вечера хватит срочных проблем по расконсервации кордона – осмотр имеющегося снаряжения и продуктов, вода, дрова, печка...

Ночь стоит тихая, звёздная и значит, морозная...

Саратовский кордон. Утро. Поднявшись со своей койки, я, первым делом, подхожу к оконцу – глянуть температуру воздуха. Столбик термометра, за оконным стеклом, замер на отметке минус пять градусов. Я выхожу на крыльцо – понять, какая погода стоит за стенами нашего жилища.

– Клё-клё-клё-клё-клё! Клё-клё-клё!

Со стороны речной поймы, сюда, на лесную поляну кордона, доносятся гортанные крики орланов из речной поймы! Мы торопливо растапливаем печку и разогреваем вечернюю кашу и чай. Скоро девять часов утра – сеанс связи между кордонами и нашей конторой. Связь прошла нормально, без неожиданностей. Мы одеваемся потеплее, готовим свои фотоаппараты и вываливаемся наружу.

С поляны кордона, мы торопливо выходим, напрямую в пойму. Зима! Почва, пожухлые лопухи, ветки деревьев – здесь всё, словно густым инеем, слегка припорошено снежком. Над головой – совершенно безоблачное, тёмно-синее небо. Вокруг – удивительная прозрачность и чистота воздуха!

– Чвиик! Чвиик! Чвиик! – в кронах мощных ив оголенной поймы, звонко чвикают поползни.

– Цик! Цик! – отовсюду несётся цыканье синичек.

– Клё-клё-клё-клё-клё! Клё-клё-клё!

Я поднимаю на лоб свои круглые очки и приставляю к глазам бинокль. Ярко раскрашенные, белоплечие орланы сидят по далёким деревьям и справа, и слева от нас.

– Ах! – восхищаюсь я, – Как красивы! На попугаев похожи! Жёлтые клювы, жёлтые лапы! Белые плечи, чёрные туловища!.. Как красивы!

И передаю бинокль Казанцеву.

– Ага! – соглашается тот, – А, клювы какие! Как у тука-нов, из мультиков! Целые шнобили!

Орланы поразительно осторожны! Мощно взмахивая крыльями, словно воздушные лайнеры, птицы тяжело расходятся в разные стороны, при первом же нашем появлении. Буквально, на пределе видимости!..

Особенно красивы матёрые птицы – у них контрастное, чёрно-белое оперение: чёрное туловище, с чисто-белой головой, хвостом и верхней частью огромных крыльев. Массивный, загнутый вниз, ярко-оранжевый клюв и такие же оранжевые лапы, действительно обеспечивают им некоторое сходство с попугаями.

– Клё-клё-клё-клё-клё! Клё-клё-клё-клё!

– Один, два, три.., – считаю я птиц, рассеявшихся в зоне видимости, – Двадцать пять белоплечих и три белохвоста!

Орланы клеочут на деревьях, перелетают с места на место, взлетают с берегов речки. Ясное дело, сейчас для них, главное – кормёжка. А, это значит, что все вокруг – конкуренты и соперники...

– Клё-клё-клё-клё-клё! Клё-клё-клё!

Только один, молодой орлан-белохвост, сидя неподвижным изваянием на суку ивы посреди поймы, позволяет нам подойти относительно близко и сфотографировать себя. Несколько раз я нажимаю кнопку спуска своего фотоаппарата. Это меня радует и огорчает одновременно.

– Молодой! Глупый ещё! – корю я птицу, – Жизнь тебя, дурака, ещё не научила!

В прошлом году, зимой, работники нашего заповедника нашли на побережье труп орлана. У этого короля воздуха были огнестрельные раны. И отрублены голова и лапы, на сувениры. Так что, люди бывают разные – и хорошие и плохие...

На песчаной косе устья Саратовской – всё бело от множества чаек! Сейчас, под зиму, у нас остаются только одни большие клуши, тихоокеанские чайки. Но, зато, их – столько! Тьма!

– Кий-яяя!

Я задираю к небу голову – сокол, красиво гарцуя в синей воздушной бездне, нарезает круг за кругом...

– О! Канюк!

– Ага! – улыбается Казанцев.

Побродив по пойме Саратовской, мы решаем посмотреть, что делается на Тятиной. Туда, дорога известная – по низкой морской террасе побережья, около пяти километров на восток. Мы шагаем по колее нашей заброшенной дороги...

Километра через два, из-за поворота показывается очередной мыс и напротив него – огромный, плоский валун, в первой волне морского прибоя. Он ещё далеко, на пределе видимости.

– Стой, Серёж, – останавливаю я напарника, – Нужно посмотреть, что делается на бакланьем камне.

Я поднимаю к глазам бинокль.

– Один, два., – считаю я птиц, – Девять бакланов! И одна тихоокеанская чайка. Среди них стоит...

Мы шагаем по колеям дороги дальше, постепенно приближаемся к мысу. Как всегда, мы стараемся не размахивать руками...

Бакланы жмутся, от нас, к краю камня. Но, поглядывая на спокойную и даже, равнодушную клушу, продолжающую сонно стоять на одной лапе на своём месте, с нашей стороны камня, они так и не взлетают! Мы осторожно проходим мимо...

Крутя по сторонам головами на длинных шеях, сбившиеся на самом краю камня в чёрную кучку, бакланы провожают нас подозрительными взглядами.

– Смотри! Вот, что значит – спокойная и уверенная птица, рядом! – рассуждаю я, растормаживая свои руки, – Её уверенность передаётся и другим.

– Ну! – соглашается Сергей, – Будь вместо этой клуши, какая-нибудь паникёрша кряква – вся бакланья кампания, уже давно бултыхалась бы в воде!

Кругом стоит абсолютная тишь. По спокойной глади нашего залива разбросано множество табунков уток...

Мы приближаемся к устью Тятиной. Сейчас, когда трёхметровые заросли лопухов упали под заморозками, здесь – тоже, всё голо. По такому открытому пространству, к устью, незамеченным – не подойдёшь! Мы опускаемся на четвереньки и пригибаясь к самой земле, крадёмся по столу низкой морской террасы...

Осторожно выглядываем из-за низенького, далёкого бугра, покрытого коротенькой щёткой травки-муравки:

Около десятка белоплечих орланов, неуклюже скачут по гальке речных берегов Тятиной. Здесь, всюду, идёт пиршество! Присев обратно, за бугор, я раскручиваю свою фототреногу. На фотоаппарат навинчиваю мощный объектив. Пятисотник! Установив всю эту фотосистему, я навожу её на орланов. Рядом, прильнув к биноклю, полужёла замирает Казанцев. Сильная оптика позволяет мне ощутить себя прямо среди птиц!..

Вот! На маленьком, покрытом ярко-зелёной травкой, островке, посреди переката речки, стоит молодой белоплечий орлан. Это понятно по его бурому, с белыми пятнышками, оперению. Наступив лапами на труп облезлой кетины, он рвёт своим крючковатым клювом её бледное мясо. Я, крупным планом, вижу, как орлан, раз за разом, наклоняет голову к рыбине, захватывает мясо крючком своего клюва и резким рывком вверх, отрывает себе очередной кусочек...

– Подлетает матёрый! – вполголоса сообщает мне Сергей.

Я скашиваю глаз поверх видоискателя фотоаппарата – зайдя со стороны устья, контрастно раскрашенный, матёрый белоплечий орлан круто планирует на перекат.

– Прямо в речку! – поражаюсь я, – Там ему воды, будет – по шею!

– Не по шею, а по грудь, – комментирует в бинокль уже случившееся, Казанцев.

Я снова принимаю к оптике: погрузившись в воду, над поверхностью которой остались лишь голова и плечи, орлан, по-королевски держит осанку. Надменно и гроз-

но поворачивая голову, он осматривает перекат вокруг себя...

На перекате рыбы нет... Оценив безрадостные перспективы, птица бредёт к противоположному нам берегу речки. Я вижу, как она борется с напором столь высокой для неё толщи воды...

Постепенно, уровень воды становится всё ниже... По узкой полосе крупной гальки речного берега, неуклюже переваливаясь с ноги на ногу, орлан направляется выше – на более мелкий перекат речного рукава...

– Он идёт – как на протезах! – недоумевает Казанцев, – Чуть не заваливается!

– Ему, его большущие когти мешают, нормально идти! – отзываюсь я, – Прикинь – его загнутые когти! Как курица, расправить лапу на плоской поверхности, он не может!

Несколько раз нажав на спуск фотоаппарата, я веду объективом в сторону устья...

В заливчике речки, что образовался перед последним перекатом, на воде покачиваются утки!

– Три, шесть, девять.., – считаю я тройками, – Четырнадцать крикв!

– И шесть чирков, – тихо добавляет Сергей, в свой бинокль, – Вон! Чуть в стороне, правее.

– Ке-ке-ке-ке-ке!

Нас, сверху, засекает пара больших пегих зимородков! Пронзительно заверещав своими скрипучими голосами, птицы закладывают над нами вираж! Ещё вираж...

– Ке-ке-ке-ке-ке! Ке-ке-ке-ке-ке!

Пока вся пойма не обращает свои взгляды, в нашу сторону!

– Всё, блин! Насмотрелись!- своим тонким голосом, взвизывает Казанцев.

– Блин! Ну, что за твари! – вторю я ему.

Посылая маты в небо, я испепеляю взглядом зимородков. Но, зимородки – птицы осторожные. Пронзительно проскрипев высоко в небесах, своё: «Ке-ке-ке-ке-ке!

Ке-ке-ке-ке-ке!» последний раз, словно убедившись, что все оповещены о нашем присутствии, они продолжают свой путь.

Поднимаемся на ноги и мы – прятаться больше не от кого! Все разлетелись...

– Ну, что? – хмуро предлагаю я, – Пошли, посмотрим?

– Пошли...

Скоро, мы выходим на берег речки, в опустевшую пойму. Почва, вокруг, слегка присыпана снежинками. Ивы давно сбросили листву. Под заморозками, развалились и растаяли дебри лопухов. Пойма Тятиной поражает нас своей обнажённостью. Кругом – всё пусто и голо. Нам, это – так непривычно!

– Да-ааа! – тяну я, – Просто, пустыня... Всё голо!

– Что здесь было, летом! – соглашается Казанцев, – И, что сейчас...

Мы шагаем вверх по берегу речки... По дну ямок лежат тушки облезлой, снулой кеты. Не очень много, но есть. А вот, живой кеты – нигде не видно. Мы раскатываем голенища своих болотников и входим в воду всегда глубокого и такого напористого, Тятинского переката. Воды – под самый-самый обрез болотников. Мы спокойны – здесь всегда так. По снежку противоположного берега прошёл-ся молодой медведь! Его следы, для меня, так интересны...

По колеям нашей, такой родной, дороги, мы шагаем к нижнему балку. Нужно пройти метров пятьсот за речку, по низкой морской террасе...

Среди бурьяна, прыгают сойки и кедровки.

– Серёж! – удивляюсь я, – Смотри! Кедровки!

– Они-то, откуда?! – тоже удивляется, тот.

– Значит, к зиме – они сюда сверху, из пояса кедрового стланика, спустились. Вот, удивительно... Не знал!

– Прижало их там, видно. Если, до моря дошли!

Вот и подъёмчик на плато бывшего посёлка, к нашему верхнему дому. По колеям вездеходной дороги, мы поднимаемся на высокую морскую террасу. Нам, ведь, интересно посмотреть, что делается в окрестностях нашего дома...

По старому кладбищу навито множество петель лисьих следов. С тяжёлым чувством, я прохожу мимо погибшей весной от мышей, толстенной листовницы...

На обратном пути, мы немного отдыхаем в верхнем доме на Тятино – и в обратный путь, по дороге, по побережью. Нам – ещё шагать и шагать...

По низкой морской террасе мне, то тут, то там, под ногами попадаются ярко-жёлтые цветы одуванчика!

– Серёж! Смотри – одуванчик цветёт! – изумляюсь я.

Насчитав более десяти цветков, я успокаиваюсь.

– Десять цветков – это, уже, не случайность! В полном соответствии с методикой, можно уверенно отметить в фенологической анкете, что сегодня, тринадцатого декабря, зацвёл одуванчик аптечный...

– А, чего бы он, зацвёл в декабре? – не понимает такого чуда, Казанцев.

– Это ремонтантное, вторичное цветение! – поясняю я, – Для многих цветков характерно.

Саратовский кордон. В три часа ночи, я просыпаюсь.

– Тук, тук, тук-тук, тук... тук, – в кромешной темноте, глухо стучит по другую сторону бревенчатых стен кордона, частая капель с крыши.

– Серёж! – тихо зову я, в полной темноте кордона, – Дождь на улице!

– Слышу, – спокойно отзывается Казанцев, со своей койки, – Я, его, уже давно слушаю.

– Капец! – возмущаюсь я, – Днём по морозу бродили, а сейчас – дождь!

Вот, это да-ааа! Очередная крайность Кунаширской погоды. Я поднимаюсь с койки и свечу фонариком, через залитое снаружи каплями дождя, оконное стекло – мокрый градусник показывает плюс шесть градусов...

– Плюс шесть! Капец!

– Ладно, – сонно думаю я, снова падая на свою койку, – Посмотрим, какая погода будет днём.

Утром, я выглядываю за наружную дверь. Прямо в лицо, мне хлещут косые струи холодного дождя! Низкий

туман плывёт прямо между кронами, обступивших полянку кордона, пихт и елей.

– Ну, уж нет! – возмущаюсь я, – На работу, сегодня – не пойдём!

– Да, уж! – соглашается со мной Казанцев, – В такую погоду – хороший хозяин собаку из дому не выгонит!

Сильный дождь, не переставая, идёт весь день!

– Давай, к устью сходим! – предлагаю я, дождавшись перерыва в дожде, – Глянуть, хоть, как там.

– Давай! – соглашается Казанцев, – Пока дождь снова не лупанул!

Мы надеваем штормовки и выходим на высокое крыльцо кордона. Шагаем по лесной поляне кордона к узкой полоске елей и пихт, что ограждают поляну от бамбуковых пустошей побережья, шлёпаем болотниками по воде...

– Смотри! – киваю я, – Под хвойным лесом, дождевая вода идёт верхом!

– Ну, – соглашается Казанцев, – Не впитывается в уже замёрзшую почву.

– Ага!

Вот и устье Саратовской. Речка сильно разлилась! И подъём уровня воды идёт, прямо на глазах. Одинокий, насквозь мокрый, орлан-белохвост сидит на самой высокой иве посреди широкой поймы, сгорбившись под струями холодного дождя...

Мы возвращаемся на кордон...

Через окно домика, я смотрю, как в затишке, под защитой кроны разлапистой пихты за углом нашего дома, по травке, в поисках корма, скачут сойка и кедровка.

– Смотри, Сергей! Сойка и кедровка, на нашей помойке!

– Непогода – непогодой, – отзывается тот, – А кушать хочется всегда.

На дворе – декабрь и в такой, вот, туманный день, темнеет уже в шестом часу дня...

Саратовский кордон. Утро встречает нас холодным, водянистым солнцем. Декабрьское солнце не греет, даже

на Кунашире. Торопливо поев и собравшись, мы с Казанцевым выходим на крыльцо...

– Клё-клё-клё-клё-клё! Клё-клё-клё!

Гортанный клёкот орланов, сегодня, раздаётся – не напротив нашего кордона, а чуть выше по речке! Примерно, на уровне впадения Перевального.

В Саратовской – большая вода, настоящее половодье!

– Аааа! – понимаем, мы, – Вот почему орланы, из приустьевого участка поймы, сместились выше!

– Клё-клё-клё-клё! Клё-клё-клё! – крича друг на друга, одни из них борются за кусок пищи, другие – поодиночке, сидят на вершинах огромных ив, разбросанных по пойме.

В речке ещё встречается облезлая кета! Это интересно. То и дело, перед нами взлетают утки – крохали, кряквы...

– Интересно, что следов медведей – нигде нет! – оглядываюсь я на шагающего за мной по пятам, Казанцева.

– Может, ушли на берлоги? – пожимает тот, плечом, – Уже середина декабря.

– В дождь? На берлоги? – сомневаюсь я.

Мы входим под полог мокрого хвойника, покрывающего обширные, равнинные площади в бассейне речки Саратовской. Ель Глена. Здесь, повсюду – сочный ковёр зеленых мхов...

Неожиданно, под ногами у нас – масса покопок лизихитона!

– Смотри! Всё изрыто! – «стреляю» я глазами по сторонам, – Как это понимать?!

– Чвак! Чвак! – глухо чавкая в лесной тишине, болотными сапогами по сочащемуся водой ковру мха, мы бредём среди медвежьих покопок...

В точности как весной, у каждой лунки валяется скупенный рулончик свёрнутых продольно, тёмно-зелёных листьев лизихитона...

Во второй половине дня поднимается очень сильный ветер! Мощными шквалами, налетают на нас его порывы. По небу, буквально летят, льдистые, рваные облака...

Ночью вновь расчищается звёздное небо, ветер, наконец, стихает. Заполненный дождевой водой, лес за нашим окном – закостеневаает в заморозке...

– Какая странная погода! – думаю я среди ночи, наконец, отстраняясь от оконного стекла...

На следующий день, мы вновь выбираемся в пойму Саратовской. Болотники раскатываем – ещё на высоком крыльце Саратовского кордона...

Нам часто приходится переходить большие лужи, а также канавы, полные дождевой воды. В небе над поймой, кругами, ходят несколько коршунов. Многие деревья поломаны вчерашним шквальным ветром! Покачивая головой, я стою и смотрю на свежую белизну расщепленного ветром, мощного ствола высоченной, пойменной ивы...

Я забираюсь на дерево с дуплом рыбных филинов. Это нижнее дупло по Саратовской. Не проходить же, мимо?

– Ну, блин! – матерюсь я, как только моё лицо показывается над уровнем входа в дупло.

– Что там? – интересуется Казанцев, снизу.

– Оно – полное воды!.. Вернее, не воды, а льдом застыло! Сам посмотри, – я вытягиваю, за руку, напарника наверх.

– Ха! – изумляется тот, – Полное льда! Никогда, такого не было!

– Ну... Оно вверх, в небо открыто! Вот дождём и налило.

Это дупло открыто вверх. Недавно у него окончателно разрушились, сгнили боковые стенки и теперь – это открытая вверх, да и в стороны, деревянная чаша, наполненная льдом. Высунув свои лица по обе стороны этой чаши, мы смотрим на лёд. Перед моим носом, лёгкий ветерок гоняет по зеркалу льда белые, мохнатые снежинки...

– Вот же, чёрт! – злюсь я.

– Что делать? – интересуется Сергей.

– Моим тесаком, такой монолит – не выдолбить. Нужно на кордон идти, за топором.

– Ага, – кивает Казанцев, – Да, взять лопату, штыковую – ею тоже можно лёд колоть.

Один за другим, мы спускаемся с дерева и шагаем к кордону. Здесь – всего около получаса ходу..

– Тюк! Тюк! – я рублю топором прозрачный лёд.

Насколько возможно, отодвигаюсь в сторону, давая возможность Казанцеву выгрести горку ледовой крошки, из дупла..

– Давай, твоя очередь! – Сергей уступает мне место.

– Смотри! Стенки дупла получаютя ледяными! Что делать?

Это – сначала вода, при дожде, пропиталась в трухлявые стенки дупла. И теперь лёд не имеет резкой границы с древесиной..

– Серёж! Сходи, поищи трухлявую сушину! – прошу я, – А я, пока, стенки попробую сделать.

Казанцев спускается на землю и шагает искать трухлявую сушину..

Тем временем, я из принесённых обрезков широкой доски, мастерю стенки и крышу филинячьего жилища. Предусмотрительные, мы и гвозди с собой прихватили!

– Жиик-жиик! Жиик-жиик! – я пилю ножовкой, прямо в кроне дерева!

– Шум, шум, шум, шум.., – я бросаю короткий взгляд на шаги – это внизу подходит Казанцев.

– Руку давай! Я сухой трухи принёс, на подстилку!

Я свешиваюсь вниз и едва дотягиваюсь до его, вытянутой вверх руки.

– Хм! – изумляется напарник, когда его лицо появляется у дупла, – Получилось наполовину наше дупло!

– Ага! – я довольно улыбаюсь, – Днище и половина стенок – естественное, старое! А верх – весь наш, новый! И крыша! Теперь не зальёт!

Мы засыпаем на дно дупла целую гору древесной трухи.

– Ты, ледяные стенки трухой замажь! – подсказывает Казанцев, – А то, они блестят так холодно, что у меня – мороз по спине.

– Точно! – соглашаюсь я, снова засовывая в дупло свою руку.

Спрыгнув вниз, на землю, мы стоим и смотрим вверх, на свой труд.

– Полудупло – полускворечник, – раздумчиво говорю я.

– А что? – задиристо разводит руками, Казанцев, – За неимением другого... Пусть за это спасибо скажут!

– Да, ладно, Серёж! – улыбаюсь я, – Шикарно получилось! Я очень доволен!

– Ну и я – тоже.., – Сергей бросает вверх короткий взгляд, – Пошли! Ещё лопату и топор на кордон тащить!

Круг нашего сегодняшнего маршрута, наконец, замкнулся. Перед нами – опять лесная поляна нашего кордона. Четыре поползня, отливая голубыми спинками, скачут под пихтой на углу домика, почти не обращая на нас внимания...

Ночью, я выхожу на высокое крыльцо кордона: по небу опять летят рваные облака.

– Брррр! – сонно думаю я, поёживаясь от холода, – Сегодня – уже шестнадцатое декабря!

Утром, не отрывая головы от подушки, я смотрю в одно из небольших окон кордона – ветер с запада, прорываясь на поляну кордона через узкую горловину в закрывшем наш домик с запада густом пихтарнике, сильно раскачивает голые ветки берёз. Наискось, непрерывно сыплет снежная крупа.

Но, снег – это не дождь, он одежду не мочит. И мы бодро собираемся в лес. Сегодня, решаем сходить на побережье, в сторону Тятиной. Одевшись потеплее, мы выходим на открытые всем ветрам, голые просторы морского побережья...

Колючий ветер с запада, упруго подталкивает в спину. На белой скатерти снежной пороши, мне в глаза бросаются частые цепочки лисьих следов.

– Смотри-ка! – удивляюсь я, – Такая непогода, а лисички – вон как шнуруют!

– В дождь лежали! – кивает Казанцев, – Проголодались.

Поодиночке, по мере нашего приближения, с бровки морской террасы, нехотя, снимаются орланы...

Бакланий камень весь облеплен бакланами!

– Двадцать пять штук! – отрываюсь я, наконец, от бинокля, – Сколько их, сегодня!

Налетающий сильными порывами ветер, сечёт бакланов снежной крупой. Сжавшись от непогоды, эти осторожные птицы, на этот раз даже и не собираются взлетать!

– Вот, погодка! – ворчит себе в нос Казанцев, – Даже, бакланы не взлетают!

Мы осторожно проходим мимо камня, по колее своей дороги...

Прямо к первой волне прибоя жмутся утки. Ветер, сегодня, с запада – он, тугим потоком, прёт с суши на море. Отбиваемый бордюром морской террасы, ветер перескакивает через линию прибоя. И под самым берегом – образуется ветровая тень. Здесь – и каменушки, и средние крохали... и даже, какие-то другие, совсем не знакомые мне, утки.

Постепенно, разыгрывается настоящая метель! Но, мне, это – даже, интересней! Мне хочется увидеть лес, когда вокруг крутит настоящая, снежная и ветреная метель.

– Интересно, как при этом, живёт лес? – блестят интересом мои глаза, – Очень интересно!

Перед нами Тяина. От нас, с устья речки, в воздух поднимаются лишь несколько орланов! Подгоняемые метелью в спины, мы торопливо заворачиваем с морского побережья в речную долину. Мы шагаем по голому столу поймы, вверх по речной долине...

– Клё! Клё! Клё! Клё!

Пройдя вверх по речке около километра, мы встречаемся с остальными орланами! Их, здесь – не менее пятнадцати штук! Все – белоплечие и всего лишь, один или два – белохвосты. Закрытая от бурана высокими бортами, на которых растёт густой и высокоствольный пихтарник, речная пойма Тяиной удивляет нас своей тишиной.

Запахавшись от ударов метели, я, с восхищением озираюсь по сторонам.

– Смотри, Серёж! Здесь – тихо! Тут – как в новогодней сказке!

– Тихо! – прислушивается к окружающей природе, Сергей, – Странно даже!.. Совсем не так, как на морском берегу.

Здрав лицо к небу, я смотрю вверх... Иногда, лишь особенно сильный, порыв ветра достигает вершин высоких и мощных, «баобабообразных» ив поймы. И тогда – они слегка раскачиваются, неторопливо скрипя толстыми ветвями и дребезжа промёрзшими ветками. Лёгкий хоровод снежинок плавно опускается сверху, нам на плечи... Полное безветрие!

– Сергей! Смотри! – вспыхиваю я, – Кета!

А, это – вторая и очень большая для нас, неожиданность! С метрового, глинистого берега речки мы смотрим, как в водной толще речки стоят рыбины. Пусть – одиночки, но они есть!

– Кета! – изумляется Казанцев, – Откуда, здесь, кета?!

– Ну! Всё сто раз обыскано! Сто раз проверено! В речке рыбы нет!

– О-чу-мель!

Мы справляемся с такой неожиданностью и осторожно, оглядываясь по сторонам, движемся вдоль берега. То и дело, от нас, в воде шарахаются крупные рыбины! Конечно, встречается и побитая, до белизны облезшая кета... но, есть и совершенно свежая!

На припорошенном снежком белоснежном берегу, мы выходим на плотно утоптанную площадку! Вокруг неё, по снегу – большие «куриные» следы.

– Это орланы, – констатирую я, озираясь по сторонам, – Здесь наброды не менее двух птиц. Они тут что-то жрали!

В центре площадки – пяточок около метра в поперечнике, пропитанный кровью. Присев на корточки, я беру рукой алый, напитавшийся кровью, снег. И автоматически подношу его к носу. В чистейшем воздухе леса – так обострены запахи! Этот снег резко пахнет рыбой.

– Это – рыбная кровь! – я поднимаю на стоящего рядом Казанцева, своё лицо.

– Что? – не понимает тот.

– Серёж! Кровь – рыбная! – втолковываю я ему раздельно, каждое слово и протягиваю, снизу-вверх, кровяной снежок, – На, понюхай!

– Фу! – отшатывается Сергей от моей руки, – Ещё чего не хватало!

– Ха-ха-ха! – тихо смеюсь я, – Казанцев! Интеллигент хренов!

– Тебе надо – ты и нюхай! – задиристо огрызается Казанцев, – Я, на это, не подписывался!

– Кровь – рыбная! – возвращаюсь я, к своей мысли, – Это значит, что тут, на снегу, орланы дербанили рыбу...

– Что за слово такое? «Дербанили»! Слух режет! – морщится Казанцев, – Скажи проще – «ели», «клевали» или, на худой конец, «жрали».

– Нет, не подходит! – морщусь я, – Жрут собаки, гиены... те, у кого есть зубы. А, птицы – дербанят. Так – всегда, Дыхан о хищных птицах говорит.

– Ладно, согласен, – кивает Казанцев.

– А ещё, знаешь что? Орлан вытащил из речки не дохляк, а живую кетину!.. А я, до сих пор считал, что орланы – падальщики, едят только дохлятину.

– Почему ты решил, что они – живую, ели? – озадачивается Казанцев.

– Хм! – развожу я руками, – В трупах крови нет!

– Логично! – соглашается Сергей, подумав пару минут, – В трупах крови нет.

Я поднимаюсь на ноги и мы шагаем дальше...

– Чвик! Чвик! – чуть впереди нас, по присыпанному снежной пылью стволам толстых ив, звонко чвикают поползны, суется в поисках корма.

– Смотри! Поползны!.. Удивительно! – замечаю я, – На побережье бьёт буран! Света белого не видно! А здесь, в тишине леса, птички кормятся!

– Ага! – соглашается Казанцев, – Здесь – другая жизнь.

– Ну! Получается, что в непогоду вся лесная жизнь перемещается под защиту леса! Интере-есно!..

Вот! По сухостоине, рывками, продвигается дятел. Я стою и рассматриваю птицу, в бинокль.

– Большой пёстрый дятел! – говорю я.

– Ага!.. Тоже кормится, – кивает Казанцев.

То и дело, мы пересекаем медвежьи тропы. Эти тропы режут поперёк просторы речной поймы. На каждой тропе – свежий медвежий след, по сантиметровому снежку.

– Оказывается, медведи до сих пор приходят к речке! – констатирую я действительность, – Приходят и уходят с речки – по тропкам.

Просто так, из любопытства, немного проходимся по медвежьим тропам и мы.

– Ну и ну! – удивляюсь я, – Они – уже, все протроплены лисицами!

– Мы, ведь – не утром идём! – отзывается напарник, – Лисицы с рассветом поднялись, а сейчас – уже, за обед перевалило.

– Понятно... Но, всё-равно! Ни один выходной след медведя – не пропущен! – не унимаюсь я.

Лисицы проверили каждый медвежий след, ведущий от речки, в надежде поживиться остатками добычи. Нам, долго шагать по медвежьим следам – становится не интересно, и мы, снова, сворачиваем к речке...

С глади широкой ямы поднимаются, заметив нас, большие крохали! Я торопливо считаю птиц тройками, но всё-равно, сбиваюсь на двадцати пяти – уж очень стремителен их полёт. Мельтеша белыми зеркальцами на крыльях, крохали уходят вверх по речке.

– Интересно! В отличие от крякв, крохали всегда улетают от нас низко-низко, над самой водой! – замечает Сергей.

– Ну! – соглашаюсь я, – Кряквы – сразу свечами в небо уходят. А, крохали улетают за поворот речки низко-низко, буквально касаясь крыльями воды.

– Джак! Джак!

На гальке крутого берега, громко «джакают», потревоженные нами, две оляпки...

Ну, что ж, нам – пора уходить. Мы разворачиваемся в обратный путь, к океану...

Вот и устье Тятиной. Из затишья речной долины, мы выворачиваем вправо, на простор террас морского побережья. Как только разворачиваемся на запад – встречные струи бурана хлещут нам прямо в лицо! Согнувшись в три погибели, мы бредём под ударами ветра и колючего снега. Монотонно и бесконечно долго, бредём к Саратовскому кордону...

Саратовский кордон. Утро. Через стекло небольшого окошка, я смотрю на лесную опушку кордона...

Вот, уже третий день пошёл, как началась метель, а улучшения погоды – даже не замечается! Всё также бьёт порывами, ледяной ветер с запада. Всё также сыплет снег. Толщина снега, на лесной опушке кордона, достигла двадцати сантиметров. Градусник уверенно замер на минус двух с половиной градусах...

Уже который раз, подойдя к окну, я смотрю «на улицу»... Там – размашисто кланяется из стороны в сторону, под шквальными порывами ветра, берёза.

– По-моему, нам пора рвать отсюда! – говорит Сергей, – Пока перевал совсем снегом не засыпало.

– Ты, прямо, мои мысли читаешь! – согласно киваю я, глядя за окно, – Нужно уходить. Пока ещё можно.

Ну, чтож, вперёд – так вперёд. Мы быстро собираемся в дорогу. Консервируем кордон – убираем продукты в недоступное для крыс место, складываем свои спальники... Поднимаем на плечи свои станковые рюкзаки. Закрываем внешнюю дверь кордона на ключ и сбегает с высокого крыльца. Торопливо пересекаем лесную, уютную опушку кордона и через несколько минут, выходим на открытые пространства морских террас. Вновь, как три дня назад, сгибаясь под порывами встречного ветра и секущей лица снежной крупой позёмки, мы бредём по побережью – на выход, в сторону Филатовского кордона...

Подъёмы затяжные, уже давно, перед моими глазами – только эта картинка...

– Шухх! Шухх! Шухх! Шухх!

Тяжело дыша, я останавливаюсь, под рюкзаком, на середине подъёма и оборачиваюсь к Казанцеву: «Ну, ты – как?».

– Хорошо, что мы вовремя выходим! – отвечает запыхавшийся, Сергей, – Смотри, снега сколько, уже!

– Ну! – киваю я, бросив по сторонам короткие взгляды.

Всё! Мы перевалили Медвежий перевал! Высшая точка пройдена! Дальше – спускаемся в пойму ручья Балышева. Теперь – всё вниз и вниз...

Низко, прямо над кронами ольховника поймы ручья Балышева, от нас, в разные стороны разлетаются бело-плечие орланы!

– Клё-клё-клё! Клё-клё-клё! Клё-клё-клё!

Я пытаюсь их сосчитать в бинокль, но это сделать – сложно! Орланы взлетают не все сразу, табуном, как утки, а – волной, постепенно. По мере нашего приближения, ближайšie к нам птицы взлетают и разлетаются – кто куда, прикрываясь кронами деревьев. Они – не улетают вообще, а только отлетают от нас!

– Они – как чехарда! Волна, катящаяся перед нами! – озадачиваюсь я, – Так, пока до кордона дойдём, можно одного орлана семь раз посчитать!

– Ха! Ясно дело! – уже язвит Казанцев, – На то, у тебя и голова есть!

По моим подсчётам, орланов получилось – тринадцать. Из них, два – белохвосты... Заваленные свежим снегом, белые берега ручья Балышева алеют пятнами орланьих трапез.

– О! Смотри! В ручье Балышева есть живая кета! – сразу делаю я заключение, опираясь на недавно полученный опыт.

– Ага! Интересно получается! – рассуждает Казанцев, – Оказывается, незачем бегать по ручью и проверять – есть ли в нём кета. Достаточно глянуть на орланьи кормёжки!

– Ну! – соглашаюсь я.

– Клё-клё-клё! Клё-клё-клё! Клё-клё-клё!

Над долиной ручья Балышева, на участке, где он протекает мимо усадьбы Филатовского кордона – вообще, стоит галдёж и базар! Здесь, гортанно клекочут, разбираясь между собой, более двадцати пяти орланов! Мы шагаем по колеям снежной дороги...

Остался последний поворот, перед усадьбой. Над нами, среди круговорота этих сильных, крупных птиц выются, заваливаясь с крыла на крыло, в порывах шального ветра, коршуны.

– Красивы! – признаю я, поглядывая вверх, – Нечего сказать.

Я всегда недолюбливал коршунов, за их горбатую фигуру, но эти – хороши! У них – в полном порядке оперение. Птицы хорошо упитаны и просто, красивы. Порывы ветра, конечно, резко шматуют их – но коршуны уверенно противостоят стихии.

Ручей Балышева – мелкий ручей. Он, всего-то – метр шириной. Но, в этом ручье – так много кеты! Как облезлой, так и совсем свежей. Рыбины повсюду стоят, на этой мели. Воды очень мало и поэтому, орланам легко брать рыбу, прямо с икромётных бугров...

Уже в синих сумерках, глядя в окно Филатовского кордона, я смотрю, как один поползень отгоняет другого от кормушки.

– Чвик! Чвик!

Второй поползень жалобно пищит: «Чиинии!»...

– Ну, Андрей! – мысленно хмыкаю я и улыбаюсь, – Изголился же, где сделать кормушку! Чтобы посмотреть – даже выходить на улицу не нужно!

Кормушка прибита к стене дома, на углу – так, что всё, что в ней делается, видно прямо с середины комнаты!

Прогнав, наконец, своего конкурента, первый поползень победно заверещал, на весь лес!

– Чвиик! Чвиик! Чвиик!

– Ладно, – решаю я, под его победное чвиканье, – Пора ложиться спать! Сегодня, был не самый лёгкий день, в нашей лесной жизни...

Филатовский кордон. Утро, нас встречает – чистое и морозное! Из бездонной синевы абсолютно безоблачного неба, искрится слепящее солнце! Окружающий усадьбу кордона пойменный ольховник густо припорошен чистейшим снегом. Сегодня – вторник, двадцатое декабря.

– Подумать, только! – вдруг, приходит мне в голову, сногшибательная мысль, – Через десять дней – Новый Год!

В утренний сеанс связи, в девять часов, мы узнаём по рации, что машина, за нами, придёт – лишь под вечер...

Такой погожий день – просто, грех терять!

– Нужно пройтись по Филатовке! – решаю я.

Я закручиваю портянки, обуваю свои болотники и выхожу из кордона. Подняв голенища болотников, я шагаю по ольховнику речной поймы, вниз от кордона, легко разбрасывая ногами, рыхлый снег...

В молодом ивняке поймы – весь снег расчерчен строчками мышиных следов!

– Мыши! – прикидываю я, пересекая эти строчки, – Сколько набегали!

А вот, следы крупнее – это крысы.

– Вообще-то, у этого следа слишком большие прыжки! – озадачиваюсь я, – До сорока сантиметров! Может, это – кто другой?

Но на снегу, то тут, то там, чётко печатается змейка, мотающегося из стороны в сторону, голого хвоста.

– Нет! – думаю я, – Это, точно, крыса! Крысиный хвост ни с чем не спутаешь!.. Ну и здоровые же, здесь, крысы! Как норка!

Я выхожу в точку слияния Филатовки с ручьём Балышева и сворачиваю вверх по Филатовке...

В километре выше кордона, я приседаю на заснеженном берегу ручья, перед спаренными следами. Эти отпечатки лапок – вдвое крупнее крысиных!

– Нуууу! – тяну я, улыбаясь, – Вот она, европейская норка! Разве, этот след, с крысиным, спутаешь?! Значит, норка благополучно живёт на Филатовке! Ну, что ж, дай-то бог...

Я, не торопясь, шагаю дальше...

– Какие птички-синички! Как интересно!

Я стою и смотрю в бинокль. По веточкам ольхи перепархивает стайка синиц с очень длинными хвостиками. Андрей Анисимов рассказывал мне как-то, что именно поэтому этих синичек называют половниками – маленький, такой, черпачок на длинной-длинной ручке...

– Джак! Джак!

С берега ручья, громко джакая, срывается бурая оляпка. Ну и что, что уже наступила зима?! Эта птичка, у нас – осёдлая, с приходом зимы, она, на юг не улетает. Ручьи, ведь, у нас – зимой не замерзают...

По часам, на руке – мне пора возвращаться назад, к кордону...

В узком распадке, чуть ниже кордона по течению – ещё больше орланов! Не сходя с места, я насчитываю двадцать два белоплечих орлана! С погрешностью в одну птицу...

– Клё-клё-клё! Клё-клё-клё-клё-клё!

Это – необыкновенно! Представляете? Вокруг вас – двадцать орланов! Перелетающих в разных направлениях, громко клекочущих, подлетающих издали и отлетающих прочь... В любое мгновение, остановившись, вы насчитаете вокруг себя двадцать орланов! Это – действительно, круто...

– Клё-клё-клё! Клё-клё-клё-клё!

Практически, все орланы – белоплечие. В этом скопище, я нахожу лишь одного орлана-белохвоста.

И здесь – тоже, наследила норка! Это, просто, здорово! Я приседаю на корточки и внимательно рассматриваю следы зверька, по заporошенным снегом камням берега ручья...

Повсюду, по ольховым стволам, перепархивают вездесущие поползны.

– Чвик! Чвик! Чвик!

Со всех сторон несётся их задорное чвиканье. Я качаю головой, улыбаясь птичкам: «Эти!.. Никогда не унывают!».

Глубина снега в пойме достигает двадцати пяти сантиметров. Следов медведей, у ручья, нет. За весь день я не увидел ни одного следа. Значит, ушли на берлоги.

Пару раз мне встретился крапивник! Это – уменьшенная копия оляпки. И так же, как оляпка, крапивник остаётся зимовать на Кунашире. Эту крохотную птичку – всю зиму можно встретить, снующей в корягах, по берегам незамерзающих ручьев. На восточной стороне Кунашира ручьи не замерзают.

А, в ручье Балышева полно кеты! И рыбы – гораздо больше, чем мне показалось вчера! Я шагаю вдоль берега...

На пределе видимости, за кронами голых деревьев поймы, от меня, постоянно уходят орланы. Эти – близко не подпускают. Белейшие снежные берега ручья сплошь заляпаны алой кровью орланьих пиров! Метровые пятаки алой крови, так дико смотрятся на белой-белой скатерти зимы...

Александр Берзан

КУНАШИР

*Дневник
научного сотрудника заповедника*

Издательство «Перо»

109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29–33, стр. 27, ком. 105

Тел.: (495) 973–72–28, 665–34–36

www.pero-print.ru e-mail: info@pero-print.ru

Подписано в печать 30.05.2022. Формат 60x90/16.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 23,5. Тираж 50 экз. Заказ 447.

Отпечатано в ООО «Издательство «Перо»